

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО

SOCIAL PSYCHOLOGY AND SOCIETY

№ 3/2025

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

MOSCOW STATE UNIVERSITY
OF PSYCHOLOGY AND EDUCATION

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО
SOCIAL PSYCHOLOGY AND SOCIETY

2025 г. Том 16. № 3

2025. Vol. 16. No. 3

Московский государственный
психолого-педагогический университет

Moscow State University
of Psychology and Education

Главный редактор

Н.Н. Толстых (Россия)

Ответственный секретарь

Е.В. Виноградова (Россия)

Редакционная коллегия

О.А. Гулевич (Россия),
Е.М. Дубовская (Россия),
В.А. Лабунская (Россия),
А.В. Махнач (Россия), Т.А. Нестик (Россия),
Л.А. Пергаменщик (Беларусь),
И.Д. Плотка (Латвия), Н.К. Радина (Россия),
О.Е. Хухлаев (Израиль),
Л.А. Цветкова (Россия), Т.И. Шульга (Россия)

Редакционный совет

В.А. Лабунская (Россия),
И. Маркова (Великобритания),
Х. Паласиос (Испания),
Л.А. Пергаменщик (Беларусь),
И.Д. Плотка (Латвия), Н.Н. Толстых (Россия),
А.А. Файзулаев (Узбекистан),
К. Хелкама (Финляндия),
Л.А. Цветкова (Россия), Т.И. Шульга (Россия)

«Социальная психология и общество»

индексируется: ВАК Минобрнауки России,
ВИНТИ РАН, Ядро Российской индекса
научного цитирования (РИНЦ),
Web of Science (ESCI), Scopus, EBSCO,
Ulrich's Periodicals Directory, ERIH PLUS,
DOAJ, Google Scolar, Index Copernicus,
East View

Учредитель и издатель

ФГБОУ ВО «Московский государственный
психологический университет»

Издается с 2010 года

Периодичность: 4 раза в год

Свидетельство регистрации СМИ:

ПИ № ФС77-67006 от 30.08.2016

Формат 70 × 100/16

Тираж 100 экз.

Все права защищены. Название журнала, логотип,
рубрики, все тексты и иллюстрации являются
собственностью ФГБОУ ВО МГППУ и защищены
авторским правом.

Перепечатка материалов журнала и использование
иллюстраций допускается только с письменного
разрешения редакции.

Позиция редакции может не совпадать с мнением
авторов публикаций.

Editor-in-Chief

N.N. Tolstykh (Russia)

Executive Secretary

E.V. Vinogradova (Russia)

Editorial Board

O.A. Gulevich (Russia),
E.M. Dubovskaya (Russia),
V.A. Labunskaya (Russia),
A.V. Makhnach (Russia), T.A. Nestik (Russia),
L.A. Pergamenshchik (Belarus),
I.D. Plotka (Latvia), N.K. Radina (Russia),
O.E. Khukhlaev (Israel), L.A. Tsvetkova (Russia),
T.I. Shulga (Russia)

Editorial Council

V.A. Labunskaya (Russia),
I. Markova (Great Britain),
J. Palacios (Spain),
L.A. Pergamenshchik (Belarus),
I.D. Plotka (Latvia), N.N. Tolstykh (Russia),
A.A. Fayzullaev (Uzbekistan),
K. Helkama (Finland),
L.A. Tsvetkova (Russia), T.I. Shulga (Russia)

“Social Psychology and Society” Indexed in:

Higher qualification commission of the Ministry
of Education and Science of the Russian Federation,
Russian Science Citation Index Core (RSCI Core),
Web of Science (ESCI), Scopus, EBSCO, Ulrich's
Periodicals Directory, ERIH PLUS, DOAJ, VINITI
Database RAS, Google Scholar, Index Copernicus,
East View

Publisher

Moscow State University of Psychology
and Education

The journal is published since 2010

The journal is published quarterly

Certificate number: PI №FS77-67006

Registration date 30.08.2016

Format 70 × 100/16

100 copies

All rights reserved. Journal title, logo, rubrics
all text and images are the property of MSUPE
and copyrighted.

Using reprints and illustrations is allowed only
with the written permission of the publisher.

The views and opinions expressed

in the article are those of the authors and do not
necessarily reflect the views or positions of the
editorial staff.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Базаров Т.Ю., Лобанова Т.Н.</i> Изменение организационной среды в ходе цифровой трансформации общества: тенденции, иллюзии и парадоксы	5
<i>Протасова И.Н.</i> Экономические установки в «теоретических линзах» институциональных матриц	29

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Гагарина М.А., Викентьевна Е.Н., Горшкова А.С.</i> Гражданская идентичность и институциональное доверие как факторы экономического менталитета	45
<i>Ральникова И.А.</i> Статусы профессиональной идентичности юношей и девушек с разными условиями социализации в фокусе ценностных, регуляторных и временных детерминант	63
<i>Мурзина Ю.С., Русьева И.А., Зарубко Е.Ю.</i> Особенности семейных отношений женщин-предпринимателей сферы малого семейного бизнеса	79
<i>Павлова О.С., Ткаченко Н.В., Гриценко В.В., Баринова Н.Г., Титова О.В.</i> Сравнительно-сопоставительный анализ восприятия культурных различий в межкультурных браках: на примере русскоговорящих женщин в Объединенных Арабских Эмиратах и Норвегии	99
<i>Горбачева Е.И., Кабанов К.В., Косова А.А.</i> Влияние предметного контекста этически нагруженной ситуации и бэкграунда образовательно-профессиональной группы на применение морального запрета	122

ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРАКТИКА

<i>Бриль М.С., Бекренёва Ю.С., Зайниддинова М.Н., Евдокимова Л.Н., Фролова А.Э., Сочилина Д.С., Шенгелия Н.М., Снарская А.В.</i> Мотивы и эмоциональное переживание переезда у мигрантов шестой волны	144

МЕТОДИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ

<i>Татарко А.Н., Родионов Г.Я., Николаева К.И.</i> Разработка методики «Оценка принятия цифрового рубля» (ОПЦР)	164
<i>Белых Т.В., Князев Е.Б., Шаров А.А., Белых В.В.</i> Разработка, валидизация и стандартизация опросника «Уровень и виды дезадаптивной подчиняемости личности в виртуальной среде»	183
<i>Чан Т.Т.</i> Одиночество у вьетнамских и российских студентов: валидация шкалы и кросс-культурные сравнения (на английском языке)	205
<i>Проворова А.А., Семенова Д.В., Манокин М.А.</i> Шкала оценки идеального партнера (IPRS): перевод, адаптация и валидация для русской культуры	219

CONTENTS

THEORETICAL RESEARCH

<i>Bazarov T.Yu., Lobanova T.N.</i> Changing the organizational environment during the digital transformation of society: trends, illusions and paradoxes	5
<i>Protasova I.N.</i> Economic attitudes in the “theoretical lenses” of institutional matrices	29

EMPIRICAL RESEARCH

<i>Gagarina M.A., Vikentieva E.N., Gorshkova A.S.</i> Civic identity and institutional trust as factors of economic mentality	45
<i>Ralnikova I.A.</i> The professional identity statuses of boys and girls with different socialization conditions in the focus of value, regulatory and temporal determinants	63
<i>Murzina J.S., Rusyaeva I.A., Zarubko E.Y.</i> Characteristics of family relations of women entrepreneurs in small family business	79
<i>Pavlova O.S., Tkachenko N.V., Gritsenko V.V., Barinova N.G., Titova O.V.</i> Comparative-contrastive analysis of the perception of cultural differences in intercultural marriages: the case of Russian-speaking women in the United Arab Emirates and Norway	99
<i>Gorbacheva E.I., Kabanov K.V., Kosova A.A.</i> The influence of the subject context of an ethically charged situation and the background of an educational and professional group on the application of a moral prohibition	122

APPLIED RESEARCH AND PRACTICE

<i>Bril M.S., Bekreneva Yu.S., Zayniddinova M.N., Evdokimova L.N., Frolova A.E., Sochilina D.S., Shengelia N.M., Snarskaya A.V.</i> Motives and emotional experiences of relocation among migrants of the sixth wave	144

METHODOLOGICAL TOOLS

<i>Tatarko A.N., Rodionov G.Ya., Nikolaeva K.I.</i> Development of a methodology for assessing the adoption of the digital ruble	164
<i>Belykh T.V., Knyazev E.B., Sharov A.A., Belykh V.V.</i> Development, validation and standardization of the questionnaire “The degree and type of one’s maladaptive subordination in a virtual environment”	183
<i>Tran T.C.</i> Loneliness in vietnamese and russian students: scale validation and cross-cultural comparisons	205
<i>Provorova A.A., Semenova D.V., Manokin M.A.</i> Ideal partner rating scale (IPRS): translation, adaptation and validation for Russian culture	219

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ THEORETICAL RESEARCH

Научная статья | Original paper

Изменение организационной среды в ходе цифровой трансформации общества: тенденции, иллюзии и парадоксы

Т.Ю. Базаров¹, Т.Н. Лобанова^{1,2}

¹ Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация

² Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

 Lobanova.tatiana@gmail.com

Резюме

Контекст и актуальность. Рост конкуренции, усложнение логистических цепочек, появление новых информационных технологий, цифровых инноваций, зависимость от цифровых агентов и искусственного интеллекта заставляют организации как главных участников общественно-экономических систем постоянно трансформироваться, совершенствовать организационные структуры, предоставляемые клиентам продукты и услуги, взаимоотношения с сотрудниками.

Цель. Выявить ключевые особенности организационной среды первой четверти 21 века, закономерности и парадоксы, которые социальные психологи и бизнес-консультанты наблюдают сегодня; изменения характеристик организаций и управленческой парадигмы социального взаимодействия в связи с цифровой трансформацией общества. Рассмотреть феноменологию и функции организационных иллюзий на индивидуальном и групповом уровнях.

Используемая методология. Системный и субъектный подходы, метод сравнительного контент-анализа на основе данных организационной диагностики, модерационного анализа проблемного поля, диагностических интервью, включенного наблюдения, оценок организационной культуры и управленческих решений.

Основные выводы. Сравнительный анализ основных компонентов организационной среды компаний доцифрового и цифрового общества на примере эволюции внутриорганизационной среды 5-ти компаний периода 2000-х годов и 5-ти компаний 2020-х годов позволил выявить ключевые изменения характеристик организаций в стратегически-целевом, структурно-функциональном, технологически-процессном, управленческо-мотивационном, а также в культурно-коммуникативном компонентах. Обращается внимание на организационные иллюзии индивидуального, группового и организационного уровней, порожденные цифровой трансформацией общества.

Базаров Т.Ю., Лобанова Т.Н. (2025)
Изменение организационной среды в ходе
цифровой трансформации общества: тенденции...
Социальная психология и общество,
16(3), 5–28.

Bazarov T.Yu., Lobanova T.N. (2025)
Changing the organizational environment during the
digital transformation of society: trends...
Social Psychology and Society,
16(3), 5–28.

Ключевые слова: цифровое общество, внутренняя организационная среда, коллектив-
ный субъект управления, организационные иллюзии и парадоксы

Для цитаты: Базаров, Т.Ю., Лобанова, Т.Н. (2025). Изменение организационной среды в ходе цифровой
трансформации общества: тенденции, иллюзии и парадоксы. *Социальная психология и общество*, 16(3),
5–28. <https://doi.org/10.17759/sps.2025160301>

Changing the organizational environment during the digital transformation of society: trends, illusions and paradoxes

T.Yu. Bazarov¹, T.N. Lobanova^{1, 2}✉

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

² Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russian Federation

✉ Lobanova.tatiana@gmail.com

Abstract

Background. Growing competition, more complex supply chains, the emergence of new information technologies, digital innovations, dependence on digital agents and artificial intelligence force organizations, as the main participants in socio-economic systems, to constantly transform, improve organizational structures, products and services provided to clients, and relationships with employees.

Objective. To identify key features of the organizational environment of the first quarter of the 21st century, patterns and paradoxes that social psychologists and business consultants observe today; changes in the characteristics of organizations and the management paradigm of social interaction in connection with the digital transformation of society. To consider the phenomenology and functions of organizational illusions at the individual and group levels.

Methodology. Systemic and subjective approaches, comparative content analysis method based on organizational diagnostics data, moderation analysis of the problem field, diagnostic interviews, assessment of corporate culture and management decisions, included observation.

Conclusions. A comparative analysis of the main components of the organizational environment of companies in the pre-digital and digital societies using the example of the evolution of the intra-organizational environment of 5 companies in the 2000s and 5 companies in the 2020s made it possible to identify key changes in the characteristics of organizations in the strategic-target, structural-functional, technological-process, managerial-motivational, as well as in the cultural-communicative components. Attention is drawn to organizational illusions at the individual, group and organizational levels generated by the digital transformation of society.

Keywords: digital society, internal organizational environment, collective subject of governance, organizational illusions and paradoxes

For citation: Bazarov, T.Yu., Lobanova, T.N. (2025). Changing the organizational environment during the digital transformation of society: trends, illusions and paradoxes. *Social Psychology and Society*, 16(3), 5–28. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2025160301>

Введение

Становление цифрового общества характеризуется несколькими этапами постиндустриального развития, которые обозначались как «индустрия 4.0 и 5.0», «информационный этап», «этап знаний». Современные исследователи фиксируют такие признаки цифрового общества, как увеличение объема и изменение роли информации и знания; массовое внедрение научноемких и информационных технологий во все сферы деятельности. Наконец, «всеобщая» цифровизация порождает соответствующие общественные отношения, структуры, институты, идеологемы, личностные характеристики и позволяет рассматривать развивающийся процесс не только в качестве аспектов тех или иных социальных изменений, но как становление в целом общества на новом — цифровом — уровне развития. Основными механизмами возникновения цифрового общества являются цифровые организации, институты и цифровая информационная сфера. Эта сфера предстает как новый самостоятельный структурный элемент общества наряду с социальной, экономической, политической и культурной сферами (Чернавин, 2021).

В действительности мы видим значительную трансформацию организационной феноменологии, которая характеризуется применением в профессиональной деятельности и управлении информационных технологий и алгоритмов. Источниками прорыва организаций как субъектов человеческой деятельности в цифровом обществе явилась наущная необходимость лидерства в скорости принятия решений, в способности к обучению, инновационности культуры, компетентности и удовлетворенности

персонала, а также конкуренция, которая создает доступ к глобальным цифровым платформам для проведения исследований, развития маркетинга, использования межотраслевой клиентской базы.

Термин «цифровая трансформация» стал употребляться исследователями в конце XX века, когда цифровые методы вышли за рамки обычных технологий и начали существенно менять форму ведения бизнеса. В литературе существует множество определений цифровой трансформации, которые либо схожи между собой, либо носят универсальный характер (Eling, Lehmann, 2018). Чаще всего под цифровой трансформацией понимается преобразование ключевых элементов общества (или организации) путем инициирования значительных изменений его свойств за счет внедрения и сочетания цифровых технологий. Можно выделить 2 вида критериев таких организационных преобразований: «масштаб и кардинальность изменений» и «вектор проектирования изменений» (Макаренко, Соловьева, 2025; Kraus, Durst, Ferreira and other, 2022). В понимании C. Boulton, цифровая трансформация означает переосмысление того, как организация использует технологии и людей в погоне за новыми бизнес-моделями и дополнительными источниками дохода, ориентируясь на ожидания клиентов. Здесь акцент сделан помимо использования современных цифровых технологий на сотрудниках, реализующих цифровизацию, а также на клиентоориентированности и роли потребителя в процессе выбора стратегии и тактики цифровой трансформации (Boulton, 2021).

В контексте окружающего нас цифрового общества на основании ключевых де-

терминант организационных изменений, представленных современными исследователями (Широнина, 2018; Верещагина и др., 2021; Федорищева, 2023; Мирзоева, 2024), можно выделить **некоторые парадоксы**, обуславливающие внешнюю среду жизнедеятельности организаций:

— экспоненциальный рост объемов и разнообразия данных, но растерянность и чувство манипулируемости;

— демократизация инноваций на базе открытых сетевых платформ, но риски «подрывных» решений, исходящих от стартапов, игроков из смежных индустрий и пр.;

— развитие образования, но ориентация на узкокомпетентностный подход;

— прозрачность функционирования компаний, «цифровой след» в виде финансовых транзакций, логистических потоков, но уязвимость для фискальных служб и недружественных интервенций;

— мощное развитие служб безопасности и охраны, но ощущение незащищенности;

— платформизация и масштабные цифровые экосистемы, стирающие отраслевые границы, но «утечка» идей и легкое копирование брендов интеллектуальной собственности и пр.

В настоящий момент мы переживаем смену таких парадигм, когда требуется не столько адаптивность, сколько преадаптивность. Наша безопасность меняется на защищенность, а неопределенность — на неизвестность. Цель — это уже не результат, а процесс. Хронометраж, в общем-то, становится бессмысленным, если нет событийности. Обязанности не работают, работают только обязательства. И антихрупкость меняется на стойкость для тех, кто готов двигаться в направлении развития.

Целью данной работы явился анализ особенностей организационной среды первой четверти 21 века, закономерностей и иллюзий, которые социальные психологи и бизнес-консультанты наблюдают сегодня в связи с цифровой трансформацией деятельности, исследование изменений управлеченческой парадигмы социального взаимодействия в организациях.

Исследовательские задачи заключались в определении отличий в представлениях об организациях и организационной среде в доцифровых и цифровых компаниях, определении ключевых трансформационных компонентов внутренней социальной среды организаций и выявлении иллюзий и парадоксов изменений в социальных организационных группах.

Организации и организационная среда

В управлеченческой литературе в качестве формальной организации обозначается «группа людей, деятельность которых сознательно координируется для достижения общей цели или целей» (Мескон и др., 2020, с. 31), когда целостная социальная общность выступает как самостоятельный субъект социального действия. Словарь-справочник по социальному управлению выделяет свойство системности организации и определяет ее как устойчивую систему совместно работающих индивидов на основе иерархии рангов и разделения труда для достижения общих целей (Социальное управление, 1994, с. 100). В зависимости от степени адаптивности организационной системы к изменениям в окружающей среде фиксируют характеристики механистических и органических систем (Burns, Stalker,

1961). Дж.Л. Гибсон, Д.М. Иванцевич и Д.Х. Доннелли также рассматривают две основные модели организационного проектирования — механистическую и органическую (Гибсон, Иванцевич, Доннелли, 2000). Сегодня такая дихотомия является довольно условной, поскольку показывает континuum между организационной системой типа машинного механизма, предназначенного для производительных операций, и органической системой как эффективно или неэффективно функционирующего организма.

Рассматривая органическую модель организационного проектирования, А.А. Грачев подчеркивает большую включенность человека в работу организации за счет представленности показателя удовлетворенности персонала как активного звена проектирования (Грачев, 2008). А.Л. Журавлев рассматривает вопрос субъектности больших и малых групп, фиксируя обобщенные проявления «коллективного субъекта», такие, как поведение, интегрирующее общение, отношение, управление, взаимодействие и совместную жизнедеятельность, хотя и не применяет к этим группам термин «организации» (Журавлев, 2009). Ф. Лалу определяет **организации как формы сотрудничества**, подчеркивая, что все больше людей стремятся создавать организации на основе человечности (Лалу, 2017). Т.Ю. Базаров и А.А. Крымов выделяют такие требования к модели организации, как системность, достаточность, простота, наблюдаемость и инвариантность (Базаров, Крымов, 2023). В итоге получается трехкомпонентная системная модель, включающая «движок», воодушевляющий и мотивирующий участников организованной

группы на деятельность, «механику» — операционную составляющую организации с ее структурой, бизнес-процессами, системой управления и «алхимию» — организационную культуру. Что касается «коллективного субъекта» как одного из возможных видов человеческих сообществ, то вводится понятие «транссубъектности» — способности человеческих сообществ создавать синергетические объединения, обладающие свойствами субъектности: самоопределением, самоорганизацией и внутренней и внешней синхронизацией психических процессов и поведения. Объединяющим началом здесь служит общность мотивов, интересов и ценностей участников. Классическим вариантом модели организации является рассмотрение ее как **средства или инструмента преобразования ресурсов для достижения результатов**. Основные ресурсы, используемые организацией, это — люди, капитал, материалы, технология и информация. Роль координирующего начала, формирующего и приводящего в движение ресурсы, играет **внутренняя среда организации**.

Внутренняя среда организации определяется как «органичное сочетание структуры, внутриорганизационных процессов, технологии, кадров, организационной культуры» (Виханский, Наумов, 1996, с. 9). Схема организационной среды «7-С» консультативной фирмы Маккинзи включает стратегию, структуру, системы и процедуры работы, стиль, состав персонала, сумму навыков и совместно разделяемые ценности (Гончаров, 2001, с. 265–267).

Авторами была предложена 5-компонентная модель представления организации, состоящая из стратегически-це-

левого, структурно-функционального, технологически-процессного, управленческо-мотивационного и культурно-коммуникативного компонентов (Лобанова, 2004) (см. рисунок).

Программы по «отладке» данных компонентов внутриорганизационной среды и повышению организационной эффективности в рыночной экономике были реализованы в 2000-е годы в компаниях приборостроительной, автотранспортной, строительной, энергетической, финансовой, телекоммуникационной, производственной, торговой и других отраслей.

В данном анализе мы использовали эту модель, чтобы проследить изменения в организациях в ходе цифровой трансформации.

Сравнительный анализ изменений организационной среды компаний доцифрового и цифрового общества

Программа «Цифровая экономика» была официально утверждена Правительством Российской Федерации в июле 2017 года, хотя одни компании приступили к цифровой трансформации значительно раньше, другие – позже. Поэтому для сравнительного анализа изменений,

которые произошли в эволюции внутриорганизационной среды, из нашей практики консультирования были отобраны по 5 типичных компаний периода 2000-х и 2020-х годов, работа с которыми длилась от 1 до 2 лет. Это были компании, работающие в сферах: нефтесервиса, медицины, проектирования и реставрации, швейного производства, агрохозяйства в 2000-е годы и в сферах интернет-технологий, маркетинга, рекламы, торговли и информационных технологий в 2020-е годы.

Анализировались отчеты проектной работы в данных компаниях, которые включали результаты организационной диагностики. Некоторые отчеты компаний носили закрытый характер, поэтому в статье приводятся обобщенные данные.

В качестве **методологии** использовался системный и субъектный подходы, метод сравнительного контент-анализа, качественный, абстрактно-логический и структурно-логический анализ на основе данных отчетов по организационной диагностике компаний.

Организационная диагностика проводилась перед началом всех проектных работ и включала: анализ документации, PEST – и SWOT-анализ, диагностические интервью по целям и по проблемам

Рис. Компоненты внутренней среды организаций
Fig. Components of the internal environment of organizations

(Пригожин, 2007, гл. 15); наблюдение текущей деятельности, анализ процессов и рабочей нагрузки персонала, методы «Метафора», «Крестовина», «Жизненный цикл организации»; анализ управленческих ошибок и организационных патологий, анализ проблемного поля (Пригожин, 2007, гл. 13); анализ корпоративной культуры по спиральной динамике, методику диагностики организационной культуры (Камерон, Куинн, 2001); анкетирование вовлеченности, метод оценки мотивации Ричи-Мартинса, метод оценки ценностей организации (Пригожин, 2007), анкетирование кроссфункционального взаимодействия, фокус-группы.

Всего в исследовании участвовали 267 человек — персонал различных уровней: от генеральных директоров до ключевых специалистов.

Результаты анализа внутренней среды компаний на основе данных организационной диагностики в кратком виде представлены в табличной форме в Приложении А (табл. А1 и А2).

Рассмотрим содержательные изменения ключевых компонентов организаций в ходе цифровой трансформации.

Обсуждение

Целевой компонент организации еще 20 лет назад был важным аспектом ее рыночной идентичности. Постановка целей, к которым стремилась группа топ-менеджмента, представляла атрибут коллективной субъектности, недоступный в советское время из-за отсутствия возможности самостоятельно определять миссию или стратегию организации. Поэтому сам процесс постановки целей и разработки стратегий, где нами проводилась данная

работа, в 2000-е годы был ярким событием в жизнедеятельности менеджмента, а сами стратегические цели прорабатывались на период не менее 5-ти лет. Наиболее распространенные в 2000-е годы стратегии были связаны с изменением одного или нескольких элементов: продуктов и услуг, рынка, положения внутри отрасли, технологии. Это были стратегии лидерства, ориентации на клиента, захвата регионального рынка, качества, инноваций, а для отдельных компаний — оптимизации и сокращения расходов.

Практически все организации доцифрового периода, включенные в анализ, занимались разработкой стратегий. Вместе с тем следует признать, что, несмотря на качественную проработку всех факторов внешней среды, SWOT- и PEST-анализы, технологические перспективы того периода, это не помогло компаниям в силу разных обстоятельств реализовать свои стратегические замыслы.

Миссия оказалась более устойчивым компонентом организаций, поскольку она рассматривалась как «констатация философии и предназначения, смысла существования организации» (Виханский, Наумов, 1996, с. 156). Если использовать метафору «движка» как той части организации, которая воодушевляет и определяет смысл существования организации, то именно наличие смыслов, миссии дает позитивную социальную энергию. Откуда берутся сами смыслы? В качестве одного из примеров источника смыслов можно привести всемирно известную концепцию ESG (E – environmental, S – social, G – governance), которая включает в себя практики, нацеленные на уменьшение негативного воздействия на окружаю-

щую среду, социальные аспекты, связанные с партнерскими отношениями с сотрудниками, клиентами, сообществами, и аспекты управления компанией, включающие этику, прозрачность, ответственность руководства и пр. (ESG, 2022). Все это является источником фундаментальных смыслов для организаций.

Наши исследования в компаниях цифрового общества показали, что работа с целями и стратегиями организаций коренным образом «сдвинулась» в сторону миссий и смыслов, а горизонты целеполагания и стратегического планирования резко сократились. Несмотря на то, что многие компании получили доступ к обширным объемам данных, смогли проводить сценарный анализ и строить прогнозные модели, предсказывающие будущее поведение людей, это не давало полноценного прогноза образа желаемого будущего. Поэтому цифровые компании, которые мы рассматривали, вместо длительного стратегического планирования стали создавать скользящие планы, например, на несколько кварталов: после того, как первый заканчивался, планировался новый квартал. Статистические сессии стали проводиться не раз в 3–5 лет, а регулярно – раз в квартал или полгода. Произошло еще одно важное изменение в планировании – движение плана «снизу вверх», основанное на участии широкого круга сотрудников. Это особенно практиковалось в компаниях с самоуправляемыми командами, в так называемых «живых компаниях».

Таким образом, в организациях цифрового общества изменилось не только времменное «плечо» стратегического целеполагания, но и сам подход к планированию. А важность миссии обрела новый смысл.

Структурный компонент организации – это четкие взаимоотношения уровней управления и функциональных областей. В организациях доцифрового общества структуризации уделялось большое значение, поскольку успешность определялась соответствием разработанным регламентам, инструкциям, предписаниям (Мескон, Альберт, Хедоури, 2020, с. 92).

В 2000-е годы мы наблюдали ресурсный подход и линейно-функциональный тип структуры управления, копирующий образцы западного менеджмента. В отдельных компаниях в 2000-е годы начал появляться **дивизиональный** подход (англ., division – подразделение), который был основан на знании местных условий и мог освободить руководство от контроля за оперативной работой. Вместе с тем предоставление широких полномочий «на местах» требовало управленческой квалификации менеджмента, поскольку интересы локальных линейных руководителей и «верхов» совпадали далеко не всегда. К активному внедрению матричных структур в организациях цифрового общества привело развитие проектного управления, которое способствовало ускоренной разработке новых продуктов. Такая практика применения различного рода полуавтономных групп, которые пользовались определенной свободой в работе, позволяла упростить иерархию в организациях и сделать структуру более динамичной.

Философия «механического подхода» связана с иллюзиями, что если собрать высококвалифицированных специалистов и заставить их работать вместе на общую цель бизнеса, то успех обеспечен. Но такой подход приводит к

повышению нормы управляемости организацией, постоянной перегруженности руководства, медленному решению проблем, а главное – к «войнам» между отделами, поскольку каждый лидер «тянет одеяло» успеха на себя. Отказавшись от такой «департаментализации», гибкие организационные структуры цифрового общества предпочитают иметь в отношениях подчиненности некоторую «размытость», объединяясь в круги, проекты или трайбы (англ., Tribe – племя), что мы и наблюдали в анализируемых компаниях в 2020-е годы (см. Приложение А, табл. А1).

Благодаря такой гибкости структуры с элементами холократии, где персонал параллельно выполнял разные роли, вплоть до противоположных отношений подчиненности в разных «кругах» (Разгуляев, 2020, с. 115), организациям легче было делать упор на получение высококачественного результата при наличии большого количества сложных проектов. Несмотря на недостатки использования групп как неустойчивых образований, налицо были преимущества, связанные с реализацией идей и упрощением коммуникаций, поскольку границы между подразделениями стираются.

Также придание отдельным подразделениям статуса самостоятельных центров прибыли позволило анализируемым компаниям заменить административные директивные методы управления экономическими, контролируя не процесс и выполнение закрепленных функций, а результаты по ключевым показателям эффективности (KPI, OKR и др.).

Наш сравнительный анализ показал, что в организациях цифрового общества органический тип структуры позволил

быстрее адаптироваться к динамичным изменениям, к сложному, нестабильному окружению, несовершенности законодательных документов, неуверенности в партнерах и клиентах и оптимальнее взаимодействовать внутри компании. Вместо архаичного изображения оргструктур с квадратиками и стрелочками в компаниях цифрового общества мы увидели круги и проектные зоны ответственности.

Технология – третья важная составляющая организаций. По мнению Г. Виланда и Р. Ульриха, «машины, оборудование и сырье, конечно, можно рассматривать как компоненты технологии, но наиболее значимым компонентом несомненно является процесс, с помощью которого исходные материалы преобразуются в желаемый на выходе продукт» (Wieland, Ullrich, 1976, p. 78). При всем разнообразии и специфике технологий, которые использовали рассмотренные нами компании доцифрового и цифрового общества, мы увидели одно очень важное отличие. Для компаний цифровой эпохи этим отличием оказалось применение бизнес-моделей типа Canvas (Остервалльдер, Пинье, 2020), которые фиксировали как уже известные структурные элементы – ключевые виды деятельности; партнеров; ресурсы; клиентские сегменты; издержки и расходы, так и процессные компоненты – ценностное предложение, каналы сбыта; взаимоотношения с клиентами; потоки доходов. Такое системное рассмотрение технологии производства, создания ценностей для клиента позволило компаниям цифрового общества четко расставить приоритеты, видеть смысл деятельности, а значит, и использовать необходимые технологические новшества. Иначе го-

воля, рассмотрение технологий в компаниях цифрового общества включало не столько «материальную» часть организационного устройства, сколько «человеческую» — коммуникации и отношения.

Система управления. Еще в 90-е годы 20-го века появилась вирусная теория менеджмента У.Э. Деминга, которая, подчеркивая важность социального и организационного факторов в управлении, поставила в центр внимания организационного проектирования не «экономического субъекта», а человека со всеми его качествами и стремлениями. Именно изменчивость и случайности процесса производства влияют на результаты труда работников, «инфицируя все остальные системы управления» (Вирусная теория, 1993). В компаниях цифрового общества эта теория была модифицирована в концепции «черного лебедя» Н. Талеба, теории ограничений Э. Голдратта (TOC¹) и др. Попытки наших коллег из сферы менеджмента точно смоделировать работу организации на этапе цифровой трансформации, соотнести между собой три важнейших элемента управления — стратегические цели, организационную «машину» и социальную систему — часто являются иллюзорными. Так, например, представленная на основе обширного библиометрического анализа научных публикаций в области управления цифровой трансформацией (1184 научных публикаций по менеджменту) и обработанная средствами искусственного интеллекта референтная модель управления цифровой трансформацией ор-

ганизации (Поняева, 2024) включает управляющую подсистему, бизнес-процессы, нормативно-правовое регулирование, цифровые технологии, инфраструктуру. Но будет ли работать такая организационная система без ключевых сотрудников — носителей социально-го опыта и цифровых компетенций с их вовлеченностью или невовлеченностью в процесс цифровой трансформации — остается загадкой.

Принципиально невозможно предсказать поведение той части системы, которая состоит из людей, если пользоваться только категориями и инструментами менеджмента, поскольку мы имеем дело со свойствами человеческой природы, прежде всего с интересами и субъектностью.

Тема **субъектности** в научной психологии вызывает много вопросов. Что является первичным: субъектность порождает субъекта, или субъект есть причина субъектности? Скорее всего, мы создаем условия для проявления субъектности, и тогда рождается субъект. Кто же является **субъектом управления компанией?** Владелец, генеральный директор или управлеченческая команда?

В 2000-е годы отечественная психология управления обращала особое внимание на личность руководителя, рассматривая особенности коллектива лишь как объекта управлеченческой деятельности. Командно-административные методы управления создавали иллюзию правильности такого подхода, ведь вышестоящие инстанции жестко задавали целевой и мотивационный уровень организации,

¹ TOC — Theory of constraints — теория ограничений систем — методология управления системами Э. Голдратта.

оставляя субъекту управленческого процесса возможность проявления себя на операциональном или функциональном уровне, что снижало уровень субъектности (Синягин, Калинин, 1995). Вместе с тем тогда же начал появляться новый объект анализа — управленческие **команды**.

В ходе нашего феноменологического исследования **было** выделено 3 типа управленческих команд как субъектов управления: 1) команды организаций с участием государства в формировании их капитала и низким уровнем субъектности; 2) команды, которые сделали свой капитал на перераспределении ресурсов и ставили перед собой задачу максимально заработать. Жизнеспособность таких команд оказалась крайне неустойчива в связи с внутрикомандными противоречиями, а субъектность неопределенна; 3) команды, созданные молодыми предпринимателями, где к командообразованию наблюдался серьезный подход. Работа с командами 3-го типа в 2020-е годы показала, что они действительно берут на себя роль субъекта управления, реализуя функции целеполагания, осмыслиения и структурирования совместной трудовой деятельности (см. Приложение А, табл. А2).

Безусловно, на практике, говоря об организациях как субъектах совместной деятельности, согласимся с выводом М.А. Иванова, что в современном цифровом обществе организации бывают разными, с разными механизмами целеполагания, распределения полномочий и ответственности. «В одних организациях полномочия как целеполагания, так и управления совместной деятельностью персонифицированы, в других — они предоставляются всем членам организации или управленческой команде, в

третьих — субъектность в организации вообще пропадает» (Иванов, 2020, с. 51). Ф. Лалу показал десяток таких компаний, где **команды обладают реальной властью**, поскольку над ними нет иерархии, обладающей правом принимать решения. Вместо менеджмента — региональные коучи или внутренние консультанты, которые владеют необходимыми коммуникативными инструментами и отвечают за все аспекты создания и работы малой группы, управляют межличностной динамикой внутри команды, построенной на принципах самоорганизации и социократии (Лалу, 2017).

В условиях современного VUCA-мира (изменчивого, неопределенного, запутанного, двусмысленного) оказалось важным сбрасывать новый субъект управления, другую **команду**. Команду, где лидер — визионер, хорошо знает и понимает технологический процесс, «держатель» правил и результата, который при необходимости готов выступить в качестве переговорщика. Ведь если люди соревнуются друг с другом, нет гарантии, что, добившись индивидуального интереса, они получат общий результат или, наоборот, получив общий результат, они удовлетворят тот интерес, ради которого объединились (Базаров, Крымов, 2023).

Анализ литературы в области управления компаниями доцифрового и цифрового общества также показывает, что на смену власти и силе, определявшим успех практически любой деятельности в 2000-е годы, приходят знания, интерес к работе, радость и счастье творчества, меняющие жизнь работников (Гончаров, 1993; Матвеева, 1994; Лобанова, 2004; Уатерхерст, 2019; Разгуляев, 2020; Фаулер, 2020; Йохансен, 2023; Базаров, Кры-

мов, 2024). Современные исследования отечественных социальных и организационных психологов (Т.Ю. Базаров, А.Н. Занковский, Т.А. Нестик, М.А. Иванов, А.Н. Онучин и др.), специалистов в области психологии и социологии управления (С.Р. Филонович, Г.Н. Константинов, В.В. Радаев и др.) подтверждают тезис Деминга, что «высшей целью менеджмента должно быть создание таких организаций, в которых люди получали бы **удовольствие от работы**». Главными отличиями организации коллективных действий в цифровом обществе являются сегодня введение прогрессивных идей управления, таких как самоуправление и горизонтальное лидерство. Скорость адаптации и способности преадаптации — чувствительности к возможным изменениям — отмечены как ключевые характеристики менеджеров в изученных цифровых компаниях.

Коммуникации. В организациях доцифрового общества, которые мы анализировали, распорядительная и отчетная информация передавалась в основном по каналам вертикальной связи. Несмотря на стабильность, такие каналы создавали опасность искажений, замедляли весь коммуникационный процесс, поскольку информация проходила через несколько уровней организационной иерархии. Горизонтальные связи между двумя равными по статусу подразделениями, которые должны были способствовать эффективному взаимодействию частей организации, в отличие от вертикальных, не были организованы, formalизованы, не зафиксированы. Запросы на налаживание таких связей в 2000-е годы были очень актуальны в нашей практике, когда начиналось использование методов фасили-

тации, модерации, создания профессиональных объединений, клубов. Но это не решало всех проблем коммуникаций.

Уровень и качество коммуникаций в рассмотренных организациях цифрового общества отличались степенью прозрачности и мультиканальности. В такой новой омниканальной среде организационное поведение персонала отличается от работы в привычной производственно-офисной среде. При этом важную роль здесь играют мотивация и трудовые интересы.

Исследования и разработки **по мотивации** начиная с основателя научного менеджмента Ф. Тейлора продвинулись далеко вперед и выглядят убедительно, но, к сожалению, не всегда практически применимы. Ведь за отношением каждого человека к работе стоит очень сложная система интересов, привычек, ценностей, мотивов, смыслов, стереотипов, заблуждений, семейных традиций, верований, иллюзий, личностных особенностей.

Л. Росс и Р. Нисбетт показали детерминирующее влияние непосредственной социальной ситуации, в которой находится человек, и влияние субъективной интерпретации на его поведение (Ross, Нисбетт, 1999). Наши исследования в компаниях доцифрового общества подтвердили ситуационный характер внешней мотивации при рассмотрении прогнозов поведения и бессмыслица фиксации параметров мотивации на длительный период (Лобанова, 2004).

А вот организационные интересы работников могут быть зафиксированы, поскольку именно субъекты труда выступают «выразителями» этих интересов. В подтверждение этому группой социологов НИУ «Высшая школа экономики» был проведен анализ ценностных диспози-

зиций и реальной мотивации труда как реакции сотрудников на условия, которые предоставляет конкретное рабочее место или профессия (Эфендиев и др., 2020). Результаты эмпирического исследования 1423 российских работников показали, что при безусловном доминировании материальных ценностей содержание и интерес к работе благотворно влияют на формирование мотивации к добросовестному высокопрофессиональному труду.

Действительно, современный труд человека все меньше обусловлен необходимостью получения определенного продукта. Существует другая потребность — обладать предметами (условиями) своей социальной жизни, которые отсутствуют в природе и должны быть произведены самим человеком (Иванников, 2014). То есть силы, побуждающие работать в цифровом обществе, представлены не столько потребностями, сколько системой ценностей и интересов, которые фиксируют на определенное время совокупность возможностей, предоставляемых индивиду или группе лиц обществом (Ядов, 2013). Интерес является как бы связующей категорией между деятельностью личности и организацией. На работе соединяются индивидуальные и организационно-групповые интересы, что повышает качество трудовой жизни работников и эффективность деятельности (Лобанова, 2023).

Организация как коллективный субъект также имеет свои интересы. Но формальное сведение этих интересов только к стратегии или экономике упрощает картину. Выразителями организационных интересов являются субъекты труда — как индивидуальные работники, так и малые и большие группы. Наши

исследования подтверждают влияние всей палитры интересов — экономических, профессиональных, карьерных, узкогрупповых, корпоративных, территориальных и общегражданских — на эффективность деятельности и удовлетворенность работников (Лобанова, 2023).

Коротко коснемся отличий **организационной культуры** в сравниваемых компаниях. Большинство метрик оргкультуры в доцифровых компаниях указывает на приоритет коллективного над индивидуальным, когда наиболее важным оказывалось общение в рабочем коллективе, а не достижение практического результата. В анализируемых компаниях преобладали клановая и бюрократическая оргкультуры, которые сопровождались приоритетом лояльности, принадлежности к «своим», а не способностями, знаниями и умениями человека (см. Приложение А, табл. А1).

В организационной культуре компаний цифрового общества явно наметился тренд, когда высшее руководство ориентировано не на указы своим сотрудникам, а на эволюционные цели, приносящие пользу окружающим, удовлетворяющие интересы сотрудников и одновременно интересы организации. Усиленное внимание к людям в цифровых компаниях повлияло не только на формирование культуры инновационности, но и на основной показатель деятельности — востребованность производимых продуктов и услуг.

Попытка описать объективные критерии культурного измерения организаций наряду с финансовыми, технологическими, управлеченческими приводит нас как исследователей и практиков к сугубо субъективным характеристикам, таким

как привлекательность, вовлеченность, командность, открытость, целостность. Про культуру «бирюзовой», «живой» или «счастливой компании» сейчас многие говорят, но с большим скепсисом. На практике субъектность, целостность, самостоятельность, ответственность и счастье тесно связаны. Ведь по принципу парадоксальной интенции это приводит организации цифрового общества к прибыли, эффективности, процветанию.

По мнению классиков исследования корпоративной культуры (Э. Шайн, Г. Хофтеде, Э. Холл), признаваемая сотрудниками культура улавливается интуитивно, основывается на чувствовании командного духа, базируется на том, что неосознаваемо. Как же регулируется поведение работников, если организация стремится к объективизации критерии совместности, а сотрудники исходят из собственной субъективной картины мира? Не открывается ли здесь для исследователя широкое поле для изучения организационных иллюзий?

Организационные иллюзии. Наше участие в трансформации и изменениях организаций доцифрового общества показало, что подлинное изменение **есть результат процесса коллективного самообучения персонала**, через который мобилизуются, создаются ресурсы и способности участников, позволяющих системе управления перестроиться в качестве человеческой общности, а не механизма. Трудности изменений заключались не столько в отсутствии данных и неопределенности, сколько в привычках и стереотипах мышления руководства и персонала. Именно здесь мы и обнаруживаем такой конструкт, как «организационные иллюзии».

Организационные иллюзии — это когнитивные или перцептивные искажения организационной реальности, имеющие субъективные культурные причины, влияющие на организационное поведение людей, которые либо синхронизируют, либо разрушают их взаимодействие. Обратим внимание на организационные иллюзии на трех уровнях — индивидуальном, групповом и организационном.

Феноменология организационных иллюзий **на индивидуальном уровне** хорошо известна, но до сих пор до конца не принимается в расчет практиками менеджмента и бизнеса. Для высшего уровня управления остается загадкой, почему принятые в организации правила и ценности так и остаются на бумаге и не реализуются сотрудниками, хотя и получили многократную поддержку от последних. Сотрудники же озадачены тем, что их предложения об улучшении деятельности остаются без внимания со стороны высшего руководства.

Некоторые современные менеджеры со степенью МВА и практическим опытом работы видят «идеал» своей компании как набор связей, которые можно проследить, спрогнозировать и спланировать, как механизм, который продолжает действовать без какого-либо вмешательства со стороны, где можно что-то пересобрать, подкрутить. Иллюзия здесь в том, что у живой организации есть такие свойства, как индивидуальность, социальность, интересы и субъектность, а также стремление к счастью или хотя бы к благополучию.

Индивидуальным иллюзиям приписываются характеристики, свойственные аномальным явлениям сознания. Отмечается обман чувств, искажение вос-

приятия, нечеткость, неоднозначность интерпретации, даже ошибочное и навязчивое предубеждение. Однако ссылка на то, что человек продуктивен и эффективен лишь в прогнозируемых и строго определенных условиях в рамках правил и регламентов заданных границ, сегодня нуждается в серьезном переосмыслении. В ситуации перманентных изменений и неизвестности способность преодолевать, а иногда генерировать иллюзии становится важнейшим условием адаптивности субъекта.

Групповой и организационный уровень иллюзий чаще всего опосредованы исходными представлениями людей о том, что такая данная группа, подразделение или организация. В этом случае организационные иллюзии продолжают индивидуальные убеждения. Для производственных компаний характерна иллюзия, заключающаяся в том, что законы управления носят строгий и всеобщий характер. Для компаний предпринимательского типа характерны иллюзии гиперболического дисконтирования, желания получать выгоду как можно быстрее, иллюзии трудовой лояльности, ожидания максимальной отдачи от работника. Компании, построенные по бюрократическим правилам, чаще демонстрируют склонность к иллюзии асимметричной проницательности, иллюзии контроля, переоценки влияния на события, в которых они заинтересованы.

Типичным примером групповой иллюзии можно назвать когнитивное искажение представлений о ценностях, с которым мы столкнулись в одной из исследуемых компаний. Так, в декларируемых ценностях компании были указаны «инновации и креативность», но при

проведении оргдиагностики никто из участников не отметил высоким показателем эту ценность, а клиентоориентированность, наоборот, не декларировалась как ценность, но управлеченческая команда и персонал оценили ее выше среднего. Пример демонстрирует конкретный разрыв между провозглашаемыми и реальными ценностями как иллюзию топ-менеджмента о том, что можно просто прописать или декларировать какие-то идеи и они будут реализовываться, работать, исполняться.

В связи с ограниченным объемом статьи резюмируем кратким перечислением ту феноменологию и функции организационных иллюзий, которые удалось обнаружить на основе сравнительного анализа компаний доцифрового и цифрового общества, не углубляясь в конкретные примеры.

Обычно от иллюзий принято избавляться. Но есть и **позитивные иллюзии**, которые служат буфером против настоящих и будущих трудностей организации. К ним относят самоусиливающие убеждения, смысл которых в нереалистично благоприятном отношении топ-менеджмента к себе, своему окружению и организации. Позитивные иллюзии могут рассматриваться как способ самообмана, помогающий поддерживать высокую самооценку, демонстрировать яркий PR, а также отвергать несовершенства и нерешенные проблемы. Также в компаниях мы встречали позитивные иллюзии в форме нереалистического оптимизма по поводу будущего и уверенность в контроле над своей жизнью (Базаров, 2024).

Иллюзии упрощают реальность и создают общую картину кризисной ситуации наряду с дефицитом достоверной

информации и обоснованного прогноза развития ситуации в будущем. Возникает противоречивая картина внешней и внутренней среды организации. В условиях поликультурной сущности организации трудно составить понятный всем группам и уровням управления образ себя. В этих случаях руководство самостоятельно или с помощью консультантов создает упрощенную модель, часто умещающуюся в метафоре. Возникающая в результате организационная иллюзия позволяет сотрудникам точнее и глубже понять суть ситуации и возможные способы внутриорганизационного взаимодействия.

Иллюзии усиливают, разрешают парадоксы управления, администрирования, лидерства и руководства, конкуренции и кооперации. У каждой организации есть свои особые, характерные только для нее парадоксальные правила, бизнес-процессы и ситуации, которые формируют уникальные организационные иллюзии. В свою очередь сами иллюзии позволяют сотрудникам легче понимать и разрешать имеющиеся парадоксы.

Иллюзии позволяют связать рациональное и эмоциональное в общем акте управления. Например, в системе корпоративного управления сегодня одна из главных психологических проблем, с которой сталкивается бизнес, воодушевить персонал на общую мобилизацию, синхронно отказавшись от привычных размолвок, вместе дружно искать решения и возможности в условиях выпадения критических ресурсов, связанных с давлением санкций. Но в рамках рациональных административных правил и процедур для творческих решений необходимо создавать условия. У К. Юнга синхрония — это представление о том, что на-

ряду с известными причинно-следственными связями также существует другой связующий принцип, который по своей сути является акаузальным. Другими словами, два явления могут быть связаны между собой и при этом причинно-следственная логика не прослеживается, связываются события, не совпадающие по причине, но совпадающие по смыслу.

Еще одна **иллюзия — пространственно-временная локализация корпоративного транссубъекта**. Если мы говорим об индивидуальном субъекте, то имеем в виду человека в данное время в данном месте. Корпоративный транссубъект, особенно если речь идет о крупной компании, локализован гораздо сложнее и может быть распределен по нескольким офисам, городам, даже странам. То есть создается иллюзия, что компания, например, московская, хотя все производство сосредоточено в Новосибирске. То же самое во временной перспективе: некоторые компании существуют десятилетия, однако можно ли говорить, что это одни и те же организации? Из этого вопроса вытекает понимание идентификации транссубъекта, где и когда он равен самому себе, где и когда это уже иной транссубъект или его иллюзия (Базаров, 2021).

Наконец, отметим **иллюзии дляящегося времени**. Важно посмотреть, в каких хронотопах живет компания, привести их к общему знаменателю, к единому коммуникативному и информационному пространству. Есть компании, часть которых до сих пор живет «в иллюзиях прошлого», ориентируясь на менеджмент и коммуникации 20 века, в то время как другая часть уже давно предпочитает работать открыто, прозрачно, быстро и слаженно.

Таким образом, существует как негативная, так и позитивная возможность управлять, понимать, координировать организационные иллюзии. В позитивном смысле организационные иллюзии может себе позволить только та организация, которая, оказавшись в кризисе, нацелена на восстановление общей картины и полагается на то, что парадоксы позволяют связать рациональное и эмоциональное в общем акте управления.

Заключение

Цифровое общество (digital) – это общество, инфраструктура которого функционирует посредством цифровых технологий (технологии больших данных и искусственного интеллекта, алгоритмов и алгоритмических систем, облачных вычислений и т.п.). В данной статье представлен анализ изменений, произошедших во внутренней среде организаций в процессе цифровой трансформации. Анализ проводился на основе систематизации информации из отчетов по организационной диагностике компаний, с которыми реализовывались проекты по консалтингу в области организационной психологии. С учетом принципов этики консультативной работы было отобрано по пять компаний «доцифрового» (2000–2005) и «цифрового» (2020–2025) периодов. Поскольку методологические базы проведения оргдиагностики в этих компаниях несколько отличались, использовался качественный анализ характеристик внутренней среды по каждой из включенных в данное рассмотрение организаций.

Сравнительный анализ позволил выявить ключевые изменения характеристик организаций:

1. В стратегически-целевом компоненте решающим фактором успеха компаний цифрового общества является способность делать все быстрее, отсюда возникает необходимость частых изменений стратегий с опорой на смысл деятельности и миссию компании.

2. Мощная структура «доцифровой» организации имеет меньшую значимость по сравнению с той способностью приспосабливаться, которую демонстрируют гибкие социальные микроструктуры – рабочие и проектные группы, «круги», «матрицы», «трайбы» в цифровых компаниях.

3. Успешность компаний цифрового общества все больше зависит не столько от технологий, сколько от нематериальных факторов: бизнес-модели, людей, связей и инновационных компетенций, сертификатов и лицензий, бренда и имиджа. Удовлетворение клиентов является более важным фактором, чем доля рынка и структура затрат.

4. В компаниях цифрового общества формируются новые формы управления – ситуационные, вне иерархий, построенные на самоорганизации, самоуправлении. Основной ресурс внутренней мотивации – ответственность, знания, интерес к работе, самореализация и самоэффективность.

5. В культурно-коммуникативном компоненте организационной среды цифровых компаний предпочтение все больше отдается горизонтальным, омниканальным коммуникациям, ориентации на формирование адхократической, рыночной организационной культуры, которая принимает человека целиком, как единую и неразрывную совокупность систем и функций, не «расщепляя»

его социальные и профессиональные на-
выки. В такой организации нет работы
как таковой, а есть «жизнь», поскольку
компания – не потребитель, а источник
энергии и счастья.

Одной из целей данной статьи было
осветить отдельные ключевые проблемы
современного человекознания (Ананьев,
1977): вопросы роли и соотношения
представлений (когнитивных искаже-
ний), знаний и реальных действий, осо-
бенно актуальных в условиях внедрения
цифровых технологий. Поэтому была
рассмотрена феноменология и система-
тизированы функции организационных
иллюзий – когнитивных или перцеп-
тивных искажений организационной
реальности, имеющих субъективные
культурные причины. Способность пре-
одолевать, а иногда и генерировать ил-
люзии становится важнейшим условием
адаптивности организационного субъ-
екта и транссубъекта в меняющейся и
неизвестной внешней среде. Иллюзии
упрощают реальность, создают общую
картину, усиливают и фактически разре-
шают парадоксы противоречивой картины
внешней и внутренней среды. Если на
индивидуальном уровне имеет значение
тип реагирования лидеров на изменения,

то на групповом и организационном –
смена парадигм среды.

Перспективы развития исследуемой
области связаны с активным влиянием
на работу компаний технологий иску-
стственного интеллекта (ИИ). Грань между
человеком и человекоподобным роботом
стирается в онлайн-режиме. По прогно-
зам основателя ABBYY group Дэвида Яна
(David Youang), концепция цифровых со-
трудников к 2040 году станет массовой.
ИИ будет использоваться для улучшения
качества здоровья, образования и работы,
предлагая инновационные решения для
комплексных задач. В этой связи даль-
нейшими направлениями работы в об-
ласти анализа организационной среды в
ходе цифровой трансформации являют-
ся проблемы сотрудничества человека и
ИИ: взаимодействие человека и машины,
включая разработку интерфейсов, пром-
птов, обработку больших объемов данных,
способствующих более продуктивной ра-
боте в организациях, разработку стандар-
тов и правил, направленных на справедли-
вое и безопасное применение технологий
ИИ, формирование «цифрового гуманиз-
ма», работу с гибридными сообществами,
включающими как биологические, так и
небиологические существа.

Список источников / References

1. Ананьев, Б.Г. (1977). *О проблемах современного человекознания*. М.: Наука.
Ananyev, B.G. (1977). On the Problems of Modern Human Studies. Moscow: Nauka. (In Russ.).
2. Базаров, Т.Ю. (2021). Мистика транс-субъектности на фоне пандемии: ключ к антихрупкости. Доклад к 15-му Санкт-Петербургскому саммиту психологов. *Психологическая газета*, <https://psy.su/pubs/9288/>
Bazarov, T.Yu. (2021). The Mysticism of Trans-Subjectivity Against the Background of a Pandemic: The Key to Antifragility. Report to the 15th St. Petersburg Summit of Psychologists. *Psychological Newspaper*, <https://psy.su/pubs/9288/> (In Russ.).

3. Базаров, Т.Ю. (2024). Организационные иллюзии: реальность парадоксов. Лекция на XI Международной научно-практической конференции НИУ ВШЭ «Бизнес-психология: теория и практика». <https://www.hse.ru/ma/pb/bpsyconf>
Bazarov, T.Yu. (2024). Organizational Illusions: The Reality of Paradoxes. Lecture at the XI International Scientific and Practical Conference of the National Research University Higher School of Economics “Business Psychology: Theory and Practice”. <https://www.hse.ru/ma/pb/bpsyconf> (In Russ.).
4. Базаров, Т.Ю., Крымов, А.А. (2023). *Счастливая компания: секреты практической психологии*. М.: Изд-во Московского института психоанализа.
Bazarov, T.Yu., Krymov, A.A. (2023). Happy company: secrets of practical psychology. Moscow: Publ. of the Moscow Institute of Psychoanalysis. (In Russ.).
5. Верещагина, Л.С., Зубарева, Л.А., Ольхова, Л.А., Семенова, С.В. (2021). Особенности изменения организационной культуры в эпоху цифровой трансформации: операционные и маркетинговые результаты. *Экономика и предпринимательство*, 8(133), 924–927. DOI:10.34925/EIP.2021.133.8.175
Vereshchagina, L.S., Zubareva, L.A., Olkhova, L.A., Semenova, S.V. (2021). Features of Changes in Organizational Culture in the Era of Digital Transformation: Operational and Marketing Results. *Economy and Entrepreneurship*, 8(133), 924–927. DOI:10.34925/EIP.2021.133.8.175 (In Russ.).
6. Вирусная теория менеджмента. Информационный бюллетень Ассоциации Деминга. (1993). (Ю.Т. Рубаник, общ. ред.). М.: Государственный комитет РФ по высшему образованию: Московский государственный институт электронной техники.
Viral theory of management. Information bulletin of the Deming Association. (1993). (Yu.T. Rubanik, ed.). Moscow: State Committee of the Russian Federation for Higher Education: Moscow State Institute of Electronic Technology. (In Russ.).
7. Виханский, О.С., Наумов, А.И. (1996). *Менеджмент: человек, стратегия, организация, процесс*. М.: Гардарики.
Vikhansky, O.S., Naumov, A.I. (1996). Management: Man, Strategy, Organization, Process. Moscow: Gardariki. (In Russ.).
8. Гибсон, Дж.Л., Иванцевич, Д.М., Доннелли, Д.Х.-мл. (2020). *Организации: поведение, структура, процессы*. М.: ИНФРА-М.
Gibson, J.L., Ivantsevich, D.M., Donnelly, D.H. Jr. (2020). Organizations: Behavior, Structure, Processes. Moscow: INFRA-M. (In Russ.).
9. Гончаров, В.В. (2001). *В поисках совершенства управления: руководство для высшего управленческого персонала*. М.: МНИИПУ, 2001.
Goncharov, V.V. (2001). In Search of Management Perfection: A Guide for Senior Management Personnel. Moscow: MNIIPU. (In Russ.).
10. Грачев, А.А. (2008). *Психологическое проектирование производственной организации*. СПб.: АНО Институт практической психологии.
Grachev, A.A. (2008). Psychological Design of an Industrial Organization. St. Petersburg: ANO Institute of Practical Psychology. (In Russ.).
11. ESG: три буквы, которые меняют мир. (2022). Докл. к XXIII Ясинской (Апрельской) междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, И.В. Ведерин, К.И. Головщинский, М.И. Давыдов, Б.Б. Петъко, М.С. Сабирова, С.В. Терсков, Е.А. Шишкин; под науч. ред. К.И. Головщинского; М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
ESG: Three letters that change the world. (2022). Report to the XXIII Yasin (April) international. scientific. conf. on problems of economic and social development, I.V. Vederin,

- K.I. Golovshchinsky, M.I. Davydov, B.B. Petko, M.S. Sabirova, S.V. Terskov, E.A. Shishkin; under scientific ed. K.I. Golovshchinsky; Moscow: Publishing house of the Higher School of Economics (In Russ.).
12. Журавлев, А.Л. (2009). Коллективный субъект: основные признаки, уровни и психологические типы. *Психологический журнал*, 30(5), 72–80.
Zhuravlev, A.L. (2009). Collective Subject: Basic Features, Levels, and Psychological Types. Psychological Journal, 30(5), 72–80. (In Russ.).
13. Иванников, В.А. (2014). Анализ мотивации с позиций теории деятельности. *Национальный психологический журнал*, 1, 47–54.
Ivannikov, V.A. (2014). Analysis of motivation from the standpoint of activity theory. National Psychological Journal, 1, 47–54. (In Russ.).
14. Иванов, М.А. (2020). Субъект и объект как социальные роли в управленческом и консультативном взаимодействии. *Организационная психология*, 10(3), 50–68.
Ivanov, M.A. (2020). Subject and object as social roles in managerial and consultative interaction. Organizational Psychology, 10(3), 50–68. (In Russ.).
15. Йохансен, Б. (2023). Управляя компаниями будущего. Мышление полного спектра для развития бизнеса. М.: Манн, Иванов и Фербер.
Johansen, B. (2023). Managing Companies of the Future. Full-Spectrum Thinking for Business Development. M.: Mann, Ivanov, and Ferber. (In Russ.).
16. Камерон, К., Куинн, Р. (2001). Диагностика и изменение организационной культуры. СПб.: Питер.
Cameron, K., Quinn, R. (2001). Diagnostics and change of organizational culture. St. Petersburg: Piter. (In Russ.).
17. Лалу, Ф. (2017). Открывая организации будущего. (Е. Голуб, науч. ред., 2-е изд.). М.: Манн, Иванов и Фербер.
Laloux, F. (2017). Discovering the organizations of the future. (E. Golub, scientific ed., 2nd rev. ed.) Moscow: Mann, Ivanov and Ferber. (In Russ.).
18. Лобанова, Т.Н. (2004). Банки: организация и персонал. М.: Изд. группа БДЦ-пресс.
Lobanova, T.N. (2004). Banks: organization and personnel. Moscow: Publ. group BDC-press. (In Russ.).
19. Лобанова, Т.Н. (2021). Исследование мотивации и трудовых интересов сотрудников и руководителей on-line образования. В: *Психология управления персоналом и экосистема наставничества в условиях изменения технологического уклада: Сборник статей международной научно-практической конференции* (с. 223–232). Н. Новгород: ННГУ им. Лобачевского.
Lobanova, T.N. (2021). Study of motivation and labor interests of employees and managers of on-line education]. In: Psychology of personnel management and the mentoring ecosystem in the context of changing technological order: collection of articles second international scientific and practical conference (pp. 223–232). N. Novgorod: NNGU im. Lobachevskogo. (In Russ.).
20. Лобанова, Т.Н. (2023). Трудовые интересы в информационном обществе: монография. М.: Проспект.
Lobanova, T.N. (2023). Labor interests in the information society: monograph. Moscow: Prospect. (In Russ.).
21. Макаренко, Я.В., Соловьева, И.А. (2025). Цифровая трансформация предприятия: ключевые definicции, принципы и подходы. *Вестник ЮУрГУ. Серия «Экономика и менеджмент»*, 19(1), 112–123. DOI:10.14529/em250109

- Makarenko, Ya.V., Solovieva, I.A. (2025). Digital Transformation of an Enterprise: Key Definitions, Principles, and Approaches. *Bulletin of SUSU. Series "Economics and Management"*, 19(1), 112–123. DOI:10.14529/em250109 (In Russ.).
22. Матвеева, С.Я. (1994). Модернизация и глубинный конфликт ценностей в России. *Социальный конфликт*. КАИС, 4.
- Matveeva, S.Ya. (1994) Modernization and the Deep Conflict of Values in Russia. Social Conflict. KAIS, 4. (In Russ.).
23. Мескон, М., Альберт, М., Хедоури, Ф. (2020). *Основы менеджмента*. М.: Вильямс.
Meskon, M., Albert, M., Khedouri, F. (2020). Fundamentals of Management. Moscow: Vil'yams (In Russ.).
24. Мирзоева, М.У. (2024). Организационные изменения в условиях цифровой трансформации: методология управления и оценка эффективности. *Вестник евразийской науки*, 16(6). URL: <https://esj.today/PDF/99ECVN624.pdf>
Mirzoeva, M.U. (2024). Organizational changes in the context of digital transformation: management methodology and performance assessment. *Bulletin of Eurasian Science*, 16(6). URL: <https://esj.today/PDF/99ECVN624.pdf> (In Russ.).
25. Остервальдер, А., Пинье, И. (2007). Построение бизнес-моделей. М.: Альпина Паблишер.
Osterwalder, A., Pigneur, I. (2007). *Building Business Models*. Moscow: Al'pina Publisher. (In Russ.).
26. Поняева, И.И. (2024). Референтная модель управления цифровой трансформацией организаций. *τ-Economy*, 17(2), 27–43. <https://doi.org/10.18721/JE.17202>
Ponyaeva, I.I. (2024). A Reference Model for Managing the Digital Transformation of an Organization. *τ-Economy*, 17(2), 27–43. <https://doi.org/10.18721/JE.17202> (In Russ.).
27. Пригожин, А.И. (2007). *Методы развития организаций*. М.: МЦФР.
Prigogin, A.I. (2007). Methods of Organization Development. Moscow: MTsFR. (In Russ.).
28. Разгуляев, В. (2020). *Бирюзовое управление на практике: Опыт российских компаний*. М.: Альпина Паблишер.
Razgulyaev, V. (2020). Turquoise Management in Practice: Experience of Russian Companies. Moscow: Al'pina Publisher. (In Russ.).
29. Росс, Л., Нисбетт, Р. (1999). *Человек и ситуация: перспективы социальной психологии*. М.: АспектПресс.
Ross, L., Nisbett, R. (1999). Man and Situation: Prospects of Social Psychology. Moscow: AspektPress. (In Russ.).
30. Синягин, Ю.В., Калинин, И.В. (1995). Проблема поиска субъекта управленческой деятельности. В: *Организационное консультирование как ресурс развития общества, государства, политики, бизнеса: Тезисы научно-практической конференции* (с. 36–40). М.: Б.И.
Sinyagin, Yu.V., Kalinin, I.V. (1995). The Problem of Searching for the Subject of Management Activity. In: *Organizational Consulting as a Resource for the Development of Society, State, Politics, Business: Abstracts of the scientific and practical conference* (pp. 36–40). Moscow: B.I. (In Russ.).
31. Социальное управление. (1994). *Словарь-справочник*. (В.И. Добренькова, И.М. Слепенкова, ред.). М.: МГУ.
Social Management. (1994). Dictionary and reference book. In: V.I. Dobrenkov, I.M. Slepennokov (Ed). Moscow: Publ. Moskovskogo universiteta. (In Russ.).
32. Уайтхёрст, Д. (2019). Открытая организация: Страсть, приносящая плоды (пер. с англ. И. Урминой). М.: Олимп-Бизнес.

- Whitehurst, D. (2019). *The Open Organization: Passion That Bears Fruit* (translated from English by I. Urmina). Moscow: Olimp-Business. (In Russ.).
33. Фаулер, С. (2020). Почему они не работают? Новый взгляд на мотивацию сотрудников. М.: Альпина Паблишер.
- Fowler, S. (2020). *Why Don't They Work? A New Look at Employee Motivation*. Moscow: Alpina Publisher. (In Russ.).
34. Федорищева, О.В. (2023). Организационные изменения на промышленных предприятиях в цифровую эпоху: идентификация и особенности управления. В: Развитие и взаимодействие реального и финансового секторов экономики в условиях цифровой трансформации. Материалы Международной научно-практической конференции, Оренбург, 05–06 октября 2023 года. Оренбург: Оренбургский государственный университет, 486–490.
Fedorishcheva, O.V. (2023). Organizational changes in industrial enterprises in the digital age: identification and management features. In: Development and interaction of the real and financial sectors of the economy in the context of digital transformation. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Orenburg, October 5–6, 2023. Orenburg: Orenburg State University, 486–490. (In Russ.).
35. Чернавин, Ю.А. (2021). Цифровое общество: теоретические контуры складывающейся парадигмы. *Цифровая социология*, 4(2), 4–12.
Chernavin, Yu.A. (2021). Digital society: theoretical contours of the emerging paradigm. *Digital sociology*, 4 (2), 4–12. (In Russ.).
36. Широнина, Е.М. (2018). Организационные изменения и организационное развитие в перспективе научных исследований. В: *Формирование гуманитарной среды в вузе: инновационные образовательные технологии. Компетентностный подход*. 1, 399–404.
Shironina, E.M. (2018). Organizational changes and organizational development in the retrospective of scientific research. In: *Formation of the humanitarian environment at the university: innovative educational technologies. Competence-based approach*. 1, 399–404. (In Russ.).
37. Эфендиев, А.Г., Гоголева, А.С., Пашкевич, А.В., Балабанова, Е.С. (2020). Ценностно-мотивационные основы и реальность трудовой жизни российских работников: проблемы и противоречия. *Мир России*, 29(2), 108–133. DOI:10.17323/1811-038X-2020-29-2-108-13
Efendiev, A.G., Gogoleva, A.S., Pashkevich, A.V., Balabanova, E.S. (2020). Value-motivational foundations and reality of working life of Russian workers: problems and contradictions. *World of Russia*, 29(2), 108–133. DOI:10.17323/1811-038X-2020-29-2-108-13 (In Russ.).
38. Ядов, В.А. (2013). *Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция*. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга.
Yadov, V.A. (2013). Self-regulation and forecasting of social behavior of the individual: Dispositional concept. Moscow: Center for Social Forecasting and Marketing. (In Russ.).
39. Boulton, C. What is digital transformation? A necessary disruption. 2021. URL: <https://www.cio.com/article/230425/what-is-digital-transformation-a-necessary-disruption.html> (дата обращения: 10.08.2025).
40. Burns, T., Stalker, G. (1961). *The management of Innovation*. L.: Tavistock.
41. Crozier, M. (1987). *Estat modeste, etat moderne? Stratégie pour autre changement*. P., Fayard.
42. Druker, P. (1987). *The frontiers of management*. L.Heinemann.
43. Eling, M., Lehmann, M. (2018). The Impact of Digitalization on the Insurance Value Chain and the Insurability of Risks. The Geneva Papers on Risk and Insurance. *Issues and Practice*, 43(3), 359–396.

44. Kraus, S., Durst, S., Ferreira, J.J. and other. (2022). Digital transformation in business and management research: An overview of the current status quo. *International Journal of Information Management*, 263(4), 1–18. DOI:10.1016/j.ijinfomgt.2021.102466
45. Wieland, G.F., Ullrich, R.A. (1976). *Organizations: Behavior, Design and Change*. Homewood, III.: Irwin.

Приложение / Appendix

Приложение А. Таблицы характеристик внутриорганизационной среды типичных компаний «доцифрового» и «цифрового» общества. <https://doi.org/10.17759/sps.2025160301>

Appendix A. Tables of characteristics of the intra-organizational environment of typical companies in the “pre-digital” and “digital” society. <https://doi.org/10.17759/sps.2025160301>

Информация об авторах

Тахир Юсупович Базаров, доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии факультета психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова»), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1591-3932>, e-mail: tbazarov@mail.ru

Татьяна Николаевна Лобанова, кандидат психологических наук, доцент, докторант кафедры социальной психологии, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова»); доцент кафедры общей психологии факультета психологии, Институт общественных наук, Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (ФГБОУ ВО РАНХиГС), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0427-0855>, e-mail: Lobanova.tatiana@gmail.com

Information about the authors

Tahir Yu. Bazarov, Doctor of Science (Psychology), Professor Department of Social Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1591-3932>, e-mail: tbazarov@mail.ru

Tatiana N. Lobanova, Candidate of Science (Psychology), Associate Professor, Doctoral Candidate, Department of Social Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University; Associate Professor, Department of General Psychology, Faculty of Psychology, Institute of Social Sciences, Presidential Academy, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0427-0855>, e-mail: Lobanova.tatiana@gmail.com

Вклад авторов

Все авторы внесли равный вклад в концепцию, проведение исследования, анализ данных и подготовку рукописи.

Contribution of the authors

The authors contributed equally to the research, data analysis, and preparation of this manuscript.

Базаров Т.Ю., Лобанова Т.Н. (2025)
Изменение организационной среды в ходе
цифровой трансформации общества: тенденции...
Социальная психология и общество,
16(3), 5–28.

Bazarov T.Yu., Lobanova T.N. (2025)
Changing the organizational environment during the
digital transformation of society: trends...
Social Psychology and Society,
16(3), 5–28.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Декларация об этике

Исследование было рассмотрено и одобрено Этическим комитетом Национального института сертифицированных консультантов по управлению (НИСКУ) в соответствии с Кодексом профессионального поведения (Этический кодекс) сертифицированного консультанта по управлению НИСКУ // НИСКУ: [сайт]. URL: <http://cmcrussia.ru/index.php?page=dokumenty>.

Ethics statement

The study was reviewed and approved by the Ethics Committee of the National Institute of Certified Management Consultants (NICMC) in accordance with the Code of Professional Conduct (Ethics Code) of the Certified Management Consultant of NICMC. URL: <http://cmcrussia.ru/index.php?page=dokumenty>.

Поступила в редакцию 27.06.2025

Received 2025.06.27

Поступила после рецензирования 26.08.2025

Revised 2025.08.26

Принята к публикации 19.09.2025

Accepted 2025.09.19

Опубликована 30.09.2025

Published 2025.09.30

Научная статья | Original paper

Экономические установки в «теоретических линзах» институциональных матриц

И.Н. Протасова

Бийский филиал им. В.М. Шукшина федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Алтайский государственный педагогический университет», Бийск, Российская Федерация
 protasovain@mail.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Междисциплинарная интеграция исследований монетарного поведения, оказавшаяся чрезвычайно продуктивной, показала обусловленность экономического поведения психологическими и институциональными факторами, и эти данные становятся основой современной социальной и экономической политики многих стран.

Цель. Обоснование перспективности использования теории институциональных матриц в исследовании экономических установок.

Теоретическая основа. Представления о роли экономических установок в регуляции поведения противоречивы в силу недостаточной определенности самого понятия и специфики диагностических подходов. Экономическую установку предлагается определять как эмоционально окрашенное представление о явлениях, связанных с зарабатыванием, потреблением, сбережением, заимствованием, и реализующееся в поведении в поддающихся условиях. Функциональные характеристики экономических институтов, отличающие в теории институциональных матриц экономические модели X- и Y-матриц (правила закрепления и перемещения благ, правила взаимодействия, механизм обратной связи), рассматриваются как теоретическая основа модели, содержательно описывающей соответствующие им экономические установки. Источником экономических установок является как личный жизненный опыт человека, так и социальный опыт общности, связанный с ее институциональной организацией.

Используемая методология. Системно-структурный подход.

Выходы. В сообществах, развивающихся в разных экономических моделях, доминируют различные по своему содержанию социальные аксиомы и социальные верования, способствуя формированию соответствующих им экономических установок. Определение характера этой связи является актуальной исследовательской задачей.

Ключевые слова: монетарное поведение, институциональная матрица, социальное мировоззрение, экономические установки, монетарные аттитюды, социальные аксиомы

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 25-28-00802, <https://rscf.ru/project/25-28-00802/>

Протасова И.Н. (2025)

Экономические установки в «теоретических линзах» институциональных матриц
Социальная психология и общество,
16(3), 29–44.

Protasova I.N. (2025)

Economic attitudes in the “theoretical lenses” of institutional matrices
Social Psychology and Society,
16(3), 29–44.

Для цитирования: Протасова, И.Н. (2025). Экономические установки в «теоретических линзах» институциональных матриц. *Социальная психология и общество*, 16(3), 29–44. <https://doi.org/10.17759/sps.2025160302>

Economic attitudes in the “theoretical lenses” of institutional matrices

I.N. Protasova

Biysk branch named after V.M. Shukshin of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Altai State Pedagogical University”, Biysk, Russian Federation
 protasovain@mail.ru

Abstract

Context and relevance. *The highly productive interdisciplinary integration of monetary behavior studies has demonstrated that behavioral economics is determined by psychological and institutional factors, and these data form the basis for modern social and economic policies in many countries.*

Objective. *To substantiate the prospects of using institutional matrix theory in studying economic attitudes.*

Theoretical basis. *Concepts of the role of economic attitudes in regulating behavior are contradictory due to the lack of definition of the concept itself and the specificity of diagnostic approaches. It is proposed to define an economic attitude as an emotionally charged idea of the phenomena associated with earning, consuming, saving, borrowing, and realized in behavior under suitable conditions. The functional characteristics of economic institutions that distinguish the economic models of X- and Y-matrices in the theory of institutional matrices (rules for securing and moving goods, rules of interaction, feedback mechanism) are considered as the theoretical basis for the model that meaningfully describes the corresponding economic attitudes. The source of economic attitudes is both a person's personal life experience and the social experience of a community associated with its institutional organization.*

Methodology. *Systemic-structural approach.*

Conclusions. *In communities developing in different economic models, social axioms and social beliefs of different content dominate, contributing to the formation of economic attitudes corresponding to them. Determining the nature of this connection is a relevant research task.*

Keywords: monetary behavior, institutional matrix, social worldview, economic attitudes, monetary attitudes, social axioms

Funding. The study was supported by the Russian Science Foundation, project number 25-28-00802, <https://rscf.ru/project/25-28-00802/>.

For citation: Protasova, I.N. (2025). Economic attitudes in the “theoretical lenses” of institutional matrices. *Social Psychology and Society*, 16(3), 29–44. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2025160302>

Введение

Интерес к экономическому поведению по мере накопления научных данных о детерминирующих его факторах только возрастает. Множественность, а порой и противоречивость связей поведенческих стратегий с социальными и личностными характеристиками в совокупности с межкультурной специфичностью требует уточнения их детерминации. Метааналитические обзоры и междисциплинарная интеграция в исследовании экономического поведения являются следствием научной рефлексии, осмыслиения его как сложного и многопланового явления, не укладывающегося в простые причинно-следственные схемы. Продуктивность совместных усилий экономистов, психологов, социологов нашла подтверждение в награждении Нобелевской премией по экономике исследований финансового поведения людей, в которых результаты получены с помощью инструментария разных научных дисциплин. Ярким примером являются исследования Р. Талера (Thaler, Нобелевская премия, 2017 г.)¹, показавшего обусловленность поведенческой экономики именно психологическими факторами (ограниченной рациональностью).

Оппонируя приверженцам данного подхода к рассмотрению экономического поведения, исследовательская группа Г. Гигеренцера развивает идею «экологической рациональности», показывая важность контекста и личного опыта, поскольку кажущееся иррациональным

пренебрежение информацией оказывается экологически рациональным при оценке условий принятия людьми решений (Gigerenzer, 2025).

Исследование Д. Аджемоглу, С. Джонсона и Д. Робинсона посвящено вкладу общественных институтов (экономических и политических) в процветание и благосостояние стран (Acemoglu, Johnson, Robinson, Нобелевская премия, 2024)². Область институциональных исследований в настоящее время расширяется, они становятся существенным фактором принятия политических и экономических решений.

Изучение экономических установок и экономического поведения принесло немало открытий, объясняющих особенности зарабатывания, потребления, сбережения, инвестирования, заимствования, благотворительности и т.п., которые в настоящее время активно используются экономической наукой. Экономическая и социальная политика, экономические преобразования и кризисы по-разному воспринимаются различными социальными группами, в связи с чем возрастает ценность социологических исследований в данной области. На уровне психологического анализа важно понимать, как складываются убеждения, мнения, оценки и претворяются в действия в отношении всего комплекса явлений, связанных с экономической реальностью.

Целью работы является обоснование перспективности использования теории

¹ Пресс-релиз. NobelPrize.org. Nobel Prize Outreach 2025. <https://www.nobelprize.org/prizes/economicsciences/2017/press-release/> (дата обращения: 10.03.2025).

² Пресс-релиз. NobelPrize.org. Nobel Prize Outreach 2025. <https://www.nobelprize.org/prizes/economicsciences/2024/press-release/> (дата обращения: 10.03.2025).

институциональных матриц С.Г. Кирдиной в исследовании экономических установок (Кирдина, 2014). Методология системно-структурного подхода, характеризующая отличия базовых институтов двух альтернативных моделей социальной интеграции, открывает новые возможности в понимании природы, строения и динамики социальных установок, а также их систематизации. Рассмотрение обусловленности экономических установок базовыми экономическими институтами (их экологичностью в экономической реальности) позволит переосмыслить накопившийся к настоящему времени массив данных об экономическом поведении в целом и межкультурных отличиях в частности, а также получить новые данные на основе представлений об экономических установках как структурном элементе социального мировоззрения.

Основные подходы к изучению экономических установок

Для уточнения понятия «экономическая установка» существенное значение имеет обращение к базовому понятию «социальный аттитюд» с его структурными элементами (когнитивным, аффективным и поведенческим), поскольку введение категории монетарных аттитюдов в понятийный аппарат психологии связано с разработкой понятия «социальный аттитюд». Понятие «экономические установки» является продуктом эволюции и расширения понятия «монетарные аттитюды» за счет включения в круг изучаемых явлений не только монетарной (денежной) составляющей, но и обширного спектра представлений, связанных с экономикой (неравенством, долгами и т.п.).

Первые масштабные исследования монетарного поведения связаны с поведенческими аномалиями в области финансов. А. Фернам и С. Гровер описали типы монетарного поведения, различающиеся по смыслу, которым наделяются деньги: любитель финансового фитнеса, тревожный трейдер, покупатель влияния, скряга, щедрая душа, избегающий решений (Furnham, Grover, 2020). В исследованиях Б. Клонца с соавт. модели финансовых убеждений рассматривались как источник поведенческих аномалий (Klontz et al., 2012). Именно эти модели (избегание денег, поклонение деньгам, деньги как статус, беспокойность деньгами) были названы монетарными аттитюдами, хотя по крайней мере часть из них не вполне отвечает классическим представлениям об аттитюдах во всей полноте структурных компонентов. Шкалы «Избегание денег» (money avoidance) и «Поклонение деньгам» (money worship) скорее описывают поведенческие стратегии (нежелание тратить деньги даже на необходимые покупки, накопительство денег). Подход Т. Танга отличался внесением морального изменения в монетарные аттитюды и структурным выделением в «Шкале денежной этики» («Money Ethic Scale») аффективной (Добро, Зло), когнитивной (Достижение, Уважение) и поведенческой (Бюджет, Свобода или Власть) составляющих (Tang, 2023).

Современные зарубежные исследования концентрируются в основном вокруг идеи ограниченной рациональности (Thaler, 2015 и др.) в поведенческой экономике, которой оппонирует Г. Гигеренцер, акцентирующий внимание на функциональных аспектах экономиче-

ских решений и их «экологической рациональности» (Gigerenzer, 2025).

В изучении экономических установок российскими исследователями можно выделить два основных направления. Первое связано с использованием наработок мирового психологического сообщества в области исследования «монетарного поведения», «монетарных аттитюдов» (теоретических подходов и соответствующего им диагностического инструментария), адаптацией, улучшением психометрических характеристик и созданием оригинальных методик со схожим или несколько отличающимся содержанием (Баязитова, Лапшова, 2017; Дайнека, Забелина, 2018; Нестик, Гагарина, 2022 и др.). Благодаря этой плодотворной работе накоплено немало данных, характеризующих специфику экономического поведения и экономических установок российских респондентов.

Второе направление в строгом смысле слова нельзя отнести к изучению собственно экономических установок. Исследования, базирующиеся на традиционных для российской (советской) школы психологии теоретических основаниях (концепции системной детерминации психики и поведения Б.Ф. Ломова, субъектно-деятельностном подходе С.Л. Рубинштейна, культурно-исторической теории Л.С. Выготского и др.), задают более широкий контекст рассмотрения экономических установок как одного из элементов структуры экономического сознания, обозначенный А.Л. Журавлевым, В.П. Поздняковым (Журавлев, Поздняков, 2004). Это рассмотрение феноменологии и механизмов экономического сознания (компонентов и их структуры) (Дайнека, 2011), нравственной детерми-

нации экономического самоопределения (Купрейченко, 2014), экономической социализации и ресоциализации (Дробышева, 2023), формирование экономической самоидентичности личности (Хащенко, 2004) и многие другие.

Использование в исследовательской практике диагностических подходов, построенных на разных методологических основаниях, создает порой противоречивую картину, определяемую специфичностью содержания используемых категорий. В связи с этим возникает необходимость уточнения понятия «экономическая установка», представленного во всей его структурной и функциональной полноте и не идентичного монетарному аттитюду, мнению, оценке, отношению, поведенческой стратегии, личностному свойству и т.п.

Предлагаем рассматривать экономическую установку как эмоционально окрашенное представление о явлениях, связанных с зарабатыванием, потреблением, сбережением, заимствованием, и реализующееся в поведении в подходящих условиях. Сплав рационального (когнитивного) и эмоционального компонентов, приданье знанию о каких-то объектах или явлениях валентности (положительного или отрицательного знака) создает состояние предубежденности и готовности действовать определенным образом. Источником установок является как личный жизненный опыт человека, так и социальный опыт общности, транслируемый культурой, в которой происходит его социализация.

Акцент на обусловленности реализации экономической установки в поведении подходящими условиями связан с возможностью ее существования

в латентном виде. В частности, Г. Маллард обосновал ограниченность экономической активности человека рамками разрешенного государством (Mallard, 2020). Невозможно ожидать свободной реализации предпринимательских установок на поведенческом уровне в условиях законодательного запрета с уголовной ответственностью (статья 154 УК РСФСР³), даже если идеи рыночной экономики (частной собственности, конкуренции и т.п.) принимаются на рациональном и эмоциональном уровне.

Использование в определении экономической установки категории «представление» базируется на его понимании как ментального образования, являющегося продуктом переработки психикой и сознанием информации и выполняющего функцию структурирования и объяснения действительности (Алишев, 2014).

Предлагаемое определение экономической установки интегрирует социологический и психологический аспекты их исследования. Специфика социологического подхода к изучению социальных установок предполагает рассмотрение объекта социальной установки как продукта совместной жизнедеятельности членов общества (Гордеева, 2016). Б. Алишев назвал «безличным» знанием (не рефлексируемым и воспринимаемым как нечто аксиоматическое) наличие в представлениях компонентов, имеющих надындивидуальную природу и возникающих в процессе культурной эволюции различных групп (Алишев, 2014).

Опора на исследования экономического сознания и экономических установок в социальном контексте (Lea, Webley, 2005; Дробышева, 2023; Улыбина, Гаврилова, 2024; Gigerenzer, 2024; Дейнека, Максименко, Никитин, 2025 и др.) позволяет сделать заключение о влиянии на его формирование вообще (и экономических установок в частности) существующих в обществе норм, правил, ценностей и верований, лежащих в основе общепринятых способов экономического поведения и явным и неявным образом (на сознательном, бессознательном либо мало осознаваемом уровне) формирующих картину мира, на основе которой человек обретает возможность действовать в этом мире.

Представляется перспективным для уточнения инвариантов личностного смысла («безличного» знания) в изучении экономических установок использовать категории «социальные аксиомы» (Bond, Leung et al., 2004) и социальные верования (Duckitt, Wagner et al., 2002). Основания для этого усматриваются в их объяснительной и прогностической ценности при изучении социально-экономического и социально-политического поведения, культурной (Татарко, Лебедева, 2011) и поколенческой специфики (Пищик, 2021), связи с поддержкой разных принципов распределения (Прусова, Горохова, 2025). Представляет интерес рассмотрение мифологии денег (потенциально еще одного «надындивидуального» образования) в связях с этикой монетарных установок (Дейнека, Максименко, Никитин, 2025).

³ Кодекс РСФСР от 27.10.1960 г. б/н. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/2> (дата обращения: 10.07.2025).

Доминирование специфических аксиоматических верований более чем вероятно в различных по своему хозяйствственно-экономическому устройству сообществах, социальных и профессиональных группах. Не только собственный опыт обращения с финансами, но и экономические традиции социума, функционирование экономических институтов и связанных с ними социальных аксиом и социальных верований могут рассматриваться как конституирующие для установления системы установок человека в отношении собственных экономических практик.

Обращение к идее функциональности (экологичности) экономических установок позволит рассматривать их в качестве адаптивного механизма упрощения экономических решений в конкретных условиях. Экономические характеристики среды при этом задают нормативные и продуктивные поведенческие стратегии, реализуемые на основе соответствующих экономических установок.

Базовые экономические институты в теории институциональных матриц как основание систематизации экономических установок

Такая проблемная для психологии область, как экономические характеристики среды, обрела определенность в теории институциональных матриц (Кирдина, 2014). При этом институциональные матрицы, понимаемые как идеальные типы в веберовском смысле (индуктивно построенная «интерпретативная схема»), могут стать своеобразными «теоретическими линзами», дающими возможность выявлять и иден-

тифицировать исследуемые феномены (Кирдина-Чэндлер, 2023).

В теории институциональных матриц центральным является понятие базовых институтов как фиксированных систем определенных и неизбежных связей членов общества, обусловленных внешними условиями выживания социума. Институциональная матрица представляет собой устойчивую, исторически сложившуюся систему базовых институтов, регулирующих функционирование основных общественных сфер. Экономические институты определяют основы физического воспроизводства общественного богатства, политические — форму правления и фундаментальную структуру принятия и исполнения решений, идеологические — набор господствующих идей, обеспечивающих интеграцию членов общества на основе ценностей и норм. Альтернативные типы моделей социальной интеграции обозначены как X-матрица и Y-матрица. X-матрица состоит из комплекса базовых институтов, сформированных в условиях коммунальной материально-технологической среды. Ее институциональные комплексы: редистрибутивная экономика (централизация движения ценностей и услуг, прав по их производству и использованию), унитарное политическое устройство и коммунитарная идеология с приоритетом коллективных ценностей. Главным свойством Y-матрицы является некоммунальность с рыночной экономикой, федеративным политическим устройством и доминирующей идеологией индивидуальных, личностных ценностей. Важным свойством институциональных матриц является взаимообусловленность экономических,

политических и идеологических базовых институтов (Кирдина, 2014).

Идея связи психологических и социально-психологических характеристик с особенностями экономической и политической организации (Александров, Кирдина, 2012) представляется перспективной, однако методологический потенциал теории институциональных матриц в области социально-психологических исследований еще предстоит оценить при осмыслении массива неоднозначных, порой плохо объяснимых культурно специфичных данных.

В поисках стержневых особенностей или измерений межкультурных различий (Hofstede, 2001; Инглхарт, 2018) наибольшего прогресса удалось добиться благодаря действующим с 1981 г. до настоящего времени проектам Всемирный обзор ценностей (WVS) и Европейское исследование ценностей (ESS)⁴. Эти социально-научные проекты, направленные на изучение взглядов, убеждений и моделей поведения населения разных стран, дали достаточное количество материала для систематизации ценностей, соответствующих идеологическому компоненту базовых институтов в Y- и X-матрицах. Глобальная культурная карта мира⁵ прямо показывает различия обществ (культур) с выраженным предпочтениями традиционных и светских-рациональных ценностей, ценностей выживания и самовыражения.

Политические базовые институты и соответствующие им социальные установки также привлекали внимание исследо-

дователей. В качестве таковых рассматривались: индивидуализм-коллективизм, степень избегания неопределенности, эмоциональный контроль, дистанция между индивидом и властью и многие другие (Hofstede, 2001; Белинская и др., 2004; Федотова, 2015 и др.). Исследования в этой области могут стать основой характеристики политических установок, отличающихся в Y- и X-матрицах.

На уровне психологического анализа обнаруживается единство экономических, политических и идеологических (ценностных) установок в частных аспектах. Установлены связи политических ориентаций с отношением к экономической системе: конкуренции, государственному регулированию в экономической сфере, объяснению бедности и т.п. (Гулевич, 2021), понятия «деньги» с этическими категориями (Горбачева, Купрейченко, 2006), экономических установок с социальным капиталом (Татарко, Лебедева, 2011), ведущая роль в формировании социально-политических взглядов ценностной оси «сохранение—открытость изменения» (Сычев и др., 2019).

Эти результаты вполне соотносимы с идеей связи идеологии, экономики и политического устройства обществ в теории институциональных матриц, а ядро базовых институтов институциональной матрицы можно рассматривать как потенциальную основу ядра социально-го мировоззрения, на психологическом уровне проявляющегося в политических,

⁴ Сайт для исследования мировых ценностей. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp> (дата обращения: 10.03.2025).

⁵ Культурная карта WVS. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSNewsShow.jsp?ID=467> (дата обращения: 10.03.2025).

моральных и ценностных установках. Связанность политических, ценностных и экономических установок является существенной посылкой для их рассмотрения в единой структуре социального мировоззрения. Однако базовые экономические институты в Y- и X-матрицах до настоящего времени не рассматривались как фактор формирования соответствующих им экономических установок.

В теории институциональных матриц обозначены критерии, отличающие экономические модели X- и Y-матриц. X-матрица построена как распределительная (редистрибутивная) с механизмом аккумуляции — согласования — распределения, условно верховной собственностью, служебным трудом, кооперацией, а X-эффективность состоит в снижении издержек нерыночными методами. В Y-матрице господствуют институты рыночной экономики: частной собственности, наемного труда; отношений конкуренции, Y-эффективности (извлечения прибыли) (Кирдина, 2014).

Гипотетически можно представить (как и в случае институциональных матриц) «идеальные» типы взаимообусловленных и взаимосвязанных экономических установок людей, как ментально, так и фактически включенных в институциональные структуры X- и Y-матриц (табл.).

Часть указанных экономических установок используется в социологических и психологических исследованиях безотносительно их институциональной природы (установки на экономический патернализм — экономическую самостоятельность, на экономическую коопeração — экономическую конкуренцию (Татарко, Лебедева, 2011; Пищик, 2021 и др.). Установка на экономию и сбережение может быть выде-

лена и операционализирована как основа соответствующего типа монетарного поведения — скряга (Furnham, Grover, 2020), а установка на получение прибыли частично соотносится с монетарным аттитюдом «поклонение деньгам» (Klontz et al., 2011). Установки на труд как служение либо на труд как товар могут лежать в основе специфики трудовой этики, имеющей институциональную природу. Предпосылки к их выделению дают исследования в этой области (Магун, 1998; Череменская и др., 2025 и др.). Агентность — реципиентность относительно недавно стала рассматриваться не только на экономическом, но и на социологическом (Ребрей, 2022; Хузяхметов, 2022) и психологическом уровнях (Baryla et al., 2019; Максименко, Дайнека, 2023). Объяснительный потенциал понятия агентности в отношении экономического поведения чрезвычайно высок, а наличие у этой характеристики специфической установочной основы представляется высоковероятным.

Экономические установки X- и Y-матриц можно рассматривать как теоретический конструкт, представляющий собой «чистые» типы человека X-матрицы и человека Y-матрицы с ярко выраженным непротиворечивым принятием институциональной организации общества на личном (мировоззренческом) уровне. Вместе с тем в формировании экономических установок задействованы и социальные (уровень доходов, религиозная и профессиональная принадлежность и т.п.), и личностные характеристики, располагающие или препятствующие их возникновению, и собственный опыт экономической активности. Внутри матрицы (как определенного типа институциональной организации) неизбежно наличие элементов

Таблица / Table

Обусловленность экономических установок функциональной спецификой базовых экономических институтов X- и Y-матриц

Conditionality of economic attitudes by the functional specificity of the basic economic institutions of the X and Y matrices

Экономические установки X-матрицы / Economic settings of the X-matrix	Базовые институты X-матрицы / Basic institutions of the X-matrix	Функции экономических институтов / Functions of economic institutions	Базовые институты Y-матрицы / Basic institutions of the Y-matrix	Экономические установки Y-матрицы / Economic settings of the Y-matrix
Установка на экономический патернализм / The attitud on economic paternalism	Институт верховой условной собственности / Institute of supreme conditional property	Закрепление благ / Securing benefits	Институт частной собственности / Institute of private property	Установка на экономическую самостоятельность / The attitud on economic independence
Установка на экономическую реплиентность / The attitud on economic receptivity	Институт реалистрибуции (аккумуляция-согласование-распределение) / Institute of redistribution (accumulation-coordination-distribution)	Правила перемещения благ / Rules for the movement of goods	Институт обмена (купли-продажа по горизонтали) / Institution of exchange (horizontal purchase and sale)	Установка на экономическую агентность / The attitud on economic agency
Установка на экономическую кооперацию / The attitud on economic cooperation	Институт кооперации / Institute of cooperation	Правила взаимодействия / Rules of interaction	Институт конкуренции / Institute of competition	Установка на экономическую конкуренцию / The attitud on economic competition
Установка на труд как служение / The attitude towards work as service	Институт служебного труда / Institute of service labor		Институт наемного труда / Institute of hired labor	Установка на труд как товар / The attitude towards labor as a commodity
Установка на экономию и сбережение / The attitude on saving and economy	Институт ограничения издержек / Institute of cost containment	Механизм обратной связи / Feedback mechanism	Институт максимизации прибыли / Institute of profit maximization	Установка на получение прибыли / Profit-oriented mindset

матрицы другого типа, пусть искаженных и маргинализированных, но функционирующих на иных экономических основаниях, то есть в распределительной X-матрице существуют элементы рыночной Y-матрицы и наоборот (Кирдина, 2014). Соотношение X- и Y-матриц внутри сообщества не является постоянной величиной, а размывание тотальности базовых институтов ставит под сомнение надежность установок в изменившихся условиях как для общества, так и для отдельного человека, обусловливая их динаминость. Экономические институты Y-матрицы задают принципиально иной набор экономических установок и ценностей (индивидуальный успех, самореализация), идеологически несовместимых с ценностями коммунитарной X-матрицы.

В социально-экономической эволюции России после распада Советского Союза (общественной структуры, отвечающей характеристикам X-матрицы) в направлении Y-матрицы (рыночной экономики) привычные модели экономического поведения и соответствующие им экономические установки превратились из доминирующих в маргинальные. Содержательный анализ социального мировоззрения в его экономических аспектах представляется актуальным для решения широкого спектра проблем общественного развития. Рассмотрение экономических установок как системы, обусловленной специфичностью институциональной организации общества, позволит лучше понять их природу и динамику.

Заключение

Использование в психологических исследованиях системно-структурного подхода, реализуемого в теории институ-

циональных матриц, открывает новые возможности для исследования экономических установок (уточнения их содержания, спектра, природы и функционирования) и будет способствовать повышению методологической культуры в этой области.

Критерии, отличающие в теории институциональных матриц экономические модели X- и Y-матриц (закрепление благ, правила перемещения благ, правила взаимодействия, механизм обратной связи), могут быть использованы как теоретическая основа модели, описывающей соответствующие им экономические установки.

Сообщества, развивающиеся в отличающихся экономических моделях, формируют различные по своему содержанию социальные аксиомы и социальные верования. Аксиомы и верования X-матрицы и формируемые на их основе экономические установки, являясь адаптивными в редистрибутивной экономической модели, могут задавать дезадаптивные поведенческие стратегии в рыночной модели Y-матрицы и наоборот.

Выделение характера и содержания социальных аксиом и социальных верований, продуцируемых X- и Y-матрицами, уточнение детерминации экономических установок на индивидуальном уровне является актуальной исследовательской задачей.

Дальнейшие исследования представляются перспективными для характеристики различающихся моделей социальной интеграции на психологическом уровне (социального мировоззрения) как совокупности взаимосвязанных идеологических, политических, экономических установок, интегрирующих социальную общность.

Ограничения. Теория институциональных матриц С.Г. Кирдиной-Чэндер динамично развивается, расширяясь и обогащаясь новыми данными, в связи с чем вероятно пополнение и уточнение критериев, характеризующих различия базовых институтов X- и Y-матриц, а также связанных с ними установок.

Limitations. The theory of institutional matrices by S.G. Kirdina-Chandler is developing dynamically, expanding and enriching itself with new data, in connection with which it is quite possible that the criteria characterizing the differences between the basic institutions of the X and Y matrices, as well as the attitudes associated with them, will be supplemented and clarified.

Список источников / References

1. Алишев, Б.С. (2014). Понятие представление в современной психологии. *Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки*, 156(6), 141–154. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-predstavlenie-v-sovremennoy-psihologii> (дата обращения: 08.07.2025).
2. Alishev, B.S. (2014). The Concept of Representation in Psychology. *Scientific Notes of Kazan University. Series Humanities*, 156(6), 141–154 (In Russ.). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-predstavlenie-v-sovremennoy-psihologii> (viewed: 08.07.2025).
3. Александров, Ю.И., Кирдина, С.Г. (2012). Типы ментальности и институциональные матрицы: мультидисциплинарный подход. *Социологические исследования*, 8, 3–13. URL: https://www.isras.ru/files/File/Socis/2012_8/Aleksandrov.pdf
4. Александров, Ю., Кирдина, С. (2012). Types of mentality and institutional matrices: a multidisciplinary approach. *Sociological research*, 8, 3–13. (In Russ.). URL: https://www.isras.ru/files/File/Socis/2012_8/Aleksandrov.pdf/
5. Баязитова, Д.А., Лапшова, Т.А. (2017). Адаптация опросника монетарных аттитюдов Б. и Т. Клонц на русскоязычной выборке. *Петербургский психологический журнал*, 19, 112–132. URL: <https://ppj.spbpo.ru/psy/article/view/156> (дата обращения: 17.02.2025).
6. Bayazitova, D.A., Lapshova, T.A. (2017). Adaptation of the B. and T. Klontz Monetary Attitudes Questionnaire to a Russian-language sample. *Petersburg Psychological Journal*, 19, 112–132. (In Russ.). URL: <https://ppj.spbpo.ru/psy/article/view/156> (viewed: 17.02.2025).
7. Белинская, Е.П., Литвина, С.А., Муравьева, О.И., Стефаненко, Т.Г., Тихомандрицкая, О.А. (2004). Политическая культура: установка на патернализм в ментальности россиян. *Сибирский психологический журнал*, 20, 63–70. URL: <https://journals.tsu.ru/uploads/import/1381/files/020-063.pdf> (дата обращения: 17.02.2025).
8. Belinskaya, E.P., Litvina, S.A., Muravyova, O.I., Stefanenko, T.G., Tikhomandritskaya, O.A. (2004). Political culture: orientation towards paternalism in the mentality of Russians. *Siberian Psychological Journal*, 20, 63–70. (In Russ.). URL: <https://journals.tsu.ru/uploads/import/1381/files/020-063.pdf> (viewed: 17.02.2025).
9. Гордеева, С.С. (2016). Сущность и структура социальной установки в социологии и социальной психологии. *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*, 3(27), 135–140. <https://doi:10.17072/2078-7898/2016-3-135-140>
10. Gordeeva, S.S. (2016). The essence and structure of social attitude in sociology and social psychology. *Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology*, 3(27), 135–140. (In Russ.). <https://doi:10.17072/2078-7898/2016-3-135-140>

6. Гулевич, О.А. (2021). Психологический анализ политических ориентаций. Часть II. Предикторы и последствия политических взглядов. *Психологический журнал*, 42(1), 46–55. <https://doi:10.31857/S020595920012575-8>
Gulevich, O.A. (2021). Psychological analysis of political orientations. Part II: Predictors and consequences of political views. *Psychological Journal*, 42(1), 46–55. (In Russ.). <https://doi:10.31857/S020595920012575-8>
7. Дайнека, О.С. (2011). Экономическое сознание: феноменология, структура и потенциал развития. В: Н.М. Лебедева, А.Н. Татарко (ред.). *Культура и экономическое поведение*, 18–148. МАКС Пресс.
Deineka, O.S. (2011). Economic consciousness: phenomenology, structure and development potential. In N.M. Lebedeva, A.N. Tatarko (eds.), *Culture and economic behavior*, 118–148. (In Russ.). MAKS Press.
8. Дайнека, О.С., Забелина, Е.В. (2018). Результаты разработки шкального многофакторного опросника для экспресс-диагностики экономических аттитюдов. *Психологические исследования*, 11(58). <https://doi.org/10.54359/ps.v11i58.309>
Deineka, O.S., Zabelina, E.V. (2018). Results of the development of a multifactor scale questionnaire for express diagnostics of economic attitudes. *Psychological studies*, 11(58). (In Russ.). <https://doi.org/10.54359/ps.v11i58.309>
9. Дайнека, О.С., Максименко, А.А., Никитин, А.С. (2025). Миѳология денег, этика монетарных установок и отношение к коррупции. *Социальная и экономическая психология*, 10.(1(37)). DOI:10.38098/ipran.sep_2025_37_1_05 <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document1338.pdf>
Deineka, O.S., Maksimenko, A.A., Nikitin, A.S. (2025). Mythology of money, ethics of monetary settings and attitude to corruption. *Social and Economic Psychology*, 10.(1(37)). DOI:10.38098/ipran.sep_2025_37_1_05 (In Russ.). <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document1338.pdf>
10. Дробышева, Т.В. (2023). *Психология экономической социализации личности: основные формы и детерминанты*. Москва: Институт психологии РАН. https://doi:10.38098/mng_23_0460
Drobysheva, T.V. (2023). *Psychology of economic socialization of the individual: main forms and determinants*. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.). https://doi:10.38098/mng_23_0460
11. Журавлев, А.Л., Поздняков, В.П. (2004). Экономическая психология: теоретические проблемы и направления эмпирических исследований. *Психология*, 1(3), 46–64. URL: https://psyjournals.ru/journals/psychology/archive/2004_n3/24882 (дата обращения: 20.07.2025).
Zhuravlev, A.L., Pozdnyakov, V.P. (2004). Economic Psychology: Theoretical Problems and Directions of Empirical Research. *Psychology*, 1(3), 46–64. (In Russ.). URL: https://psyjournals.ru/journals/psychology/archive/2004_n3/24882 (viewed: 20.07.2025).
12. Инглхарт, Р. (2018). Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. пер. с англ. Москва: Мысль.
Inglehart, R. (2018). Cultural Evolution: People's Motivations Are Changing, and Reshaping the World. Cambridge: Cambridge University Press, ISBN: 978-1-108-48931-7. (In Russ.).
13. Кирдина, С.Г. (2014). *Институциональные матрицы и развитие России: введение в X-Y-теорию*. Изд. 3. СПб.: Нестор-История. URL: <https://kirdina.ru/doc/book/XYbook3.pdf> (дата обращения: 09.03.2025).

- Kirdina, S.G. (2014). *Institutional matrices and development of Russia: introduction to X-Y theory*. Edition 3. St. Petersburg: Nestor-History. (In Russ.). URL: <https://kirdina.ru/doc/book/XYbook3.pdf> (viewed: 09.03.2025).
14. Кирдина-Чэндлер, С.Г. (2023). *Теория институциональных X- и Y-матриц: новые результаты и актуальные вызовы*. Препринт. М.: Институт экономики РАН. URL: https://inecon.org/docs/2023/Kirdina-Chandler_paper_2023.pdf (дата обращения: 09.03.2025). Kirdina-Chandler, S.G. (2023). *Theory of Institutional X- and Y-Matrices: New Results and Current Challenges*. Preprint. Moscow: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.). URL: https://inecon.org/docs/2023/Kirdina-Chandler_paper_2023.pdf (viewed: 09.03.2025).
15. Купрейченко, А.Б. (2014). *Нравственная детерминация экономического самоопределения*. Москва: Институт психологии РАН. Kupreichenko, A.B. (2014). *Moral determination of economic self-determination*. Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences. (In Russ.).
16. Магун, В.С. (1998). Российские трудовые ценности: Идеология и массовое сознание. *Mир России*, 3(4), 113–144. <https://www.isras.ru/publ.html?id=1529>. (дата обращения: 01.07.2025). Magun, V.S. (1998). Russian Labor Values: Ideology and Mass Consciousness. *The World of Russia*, 3(4), 113–144. (In Russ.). URL: <https://www.isras.ru/publ.html?id=1529>. (viewed: 01.07.2025).
17. Максименко, А.А., Дейнека, О.С. (2023). Индивидуальная самостоятельность россиян в контексте глобальных вызовов. *Теория и практика общественного развития*, (4), 16–24. <https://doi.org/10.24158/tipor.2023.4.1> Maksimenko, A.A., Deyneca, O.S. (2023). The Individual Independence of Russians in the Context of Global Challenges. *Theory and Practice of Social Development*, (4), 16–24. <https://doi.org/10.24158/tipor.2023.4.1> (In Russ.).
18. Нестик, Т., Гагарина, М. (2022). Валидизация русскоязычной версии «Новой шкалы монетарного поведения» А. Фернема, С. Гровера (ШМП). *Психологические исследования*, 15(85–86). <https://doi.org/10.54359/ps.v15i85.1272> Nestik, T., Gagarina, M. (2022). Validation of the Russian-language version of the «New Monetary Behavior Scale» by A. Furnham, S. Grover (NMBS). *Psychological Research*, 15(85–86). (In Russ.). <https://doi.org/10.54359/ps.v15i85.1272>
19. Прусова, И.С., Горюхова, А.С. (2025). Поддержка политики равного и неравного распределения доходов: роль воспринимаемых угроз. *Социальная психология и общество*, 16(1), 70–88. <https://doi.org/10.17759/sps.2025160104> Prusova, I.S., Gorokhova, A.S. (2025). Support for equal and unequal distribution of income: the role of perceived threats. *Social Psychology and Society*, 16(1), 70–88. <https://doi.org/10.17759/sps.2025160104> (In Russ.).
20. Ребрей, С.М. (2022). Неравенство возможностей женщин и мужчин России: анализ агентности на базе Всемирного исследования ценностей. *Женщина в российском обществе*, (4), 22–32. DOI:10.21064/WinRS.2022.4.3 Rebrey, S.M. (2022). Inequality of opportunities for women and men in Russia: analysis of agency based on the World Values Survey. *Women in Russian society*, (4), 22–32. DOI:10.21064/WinRS.2022.4.3
21. Сычев, О.А., Белоусов, К.И., Протасова, И.Н. (2019). Ценностные и моральные основы социально-политических взглядов молодежи. *Сибирский психологический журнал*, 73, 60–77. URL: <https://journals.tsu.ru/uploads/import/1887/files/73-060.pdf> (дата обращения: 09.03.2025). Sychev, O.A., Belousov, K.I., Protasova, I.N. (2019). Values and Moral Foundations as a Basis for the Socio-Political Views of Youth. *Siberian journal of psychology*, 73, 60–77. (In Russ.). URL: <https://journals.tsu.ru/uploads/import/1887/files/73-060.pdf> (viewed: 09.03.2025).

Протасова И.Н. (2025)
Экономические установки в «теоретических
линзах» институциональных матриц
Социальная психология и общество,
16(3), 29–44.

Protasova I.N. (2025)
Economic attitudes in the “theoretical
lenses” of institutional matrices
Social Psychology and Society,
16(3), 29–44.

22. Татарко, А.Н., Лебедева, Н.М. (2008). Исследование социальных аксиом: структура и взаимосвязь с социально-экономическими установками россиян. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 5(4), 135–143.
Tatarko, A., Lebedeva, N. (2008). The study of social axioms: their structure and interrelations with socioeconomic predispositions of russians. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 5(4), 135–143. (In Russ.).
23. Улыбина, Е.В., Гаврилова, М.А. (2024). Вклад социальных верований и pragматических критерии в оценку допустимости нечестности в крупном и малом бизнесе. *Организационная психология*, 14(1), 9–29. <http://orgpsyjournal.hse.ru> DOI:10.17323/2312-5942-2024-14-1-9-29
Ulybina, E.V., Gavrilova, M.A. (2024). The Contribution of Social Beliefs and Pragmatic Criteria to the Assessment of the Acceptability of Dishonesty in Large and Small Businesses. *Organizational Psychology*, 14(1), 9–29. (In Russ.). <http://orgpsyjournal.hse.ru> DOI:10.17323/2312-5942-2024-14-1-9-29
24. Федотова, В.А. (2015). Взаимосвязь ценностей и экономических установок у представителей разных поколений россиян. *Психология в экономике и управлении*, 7(2), 111–120. [http://DOI:10.17150/2225-7845.2015.7\(2\).111-120](http://DOI:10.17150/2225-7845.2015.7(2).111-120)
Fedotova, V.A. (2015). Interrelation between Values and Economic Attitudes among Different Generations of Russian People. *Psychology in Economics and Management*, 7(2), 111–120. (In Russ.). [http://DOI:10.17150/2225-7845.2015.7\(2\).111-120](http://DOI:10.17150/2225-7845.2015.7(2).111-120)
25. Хашенко, В.А. (2004). Экономическая идентичность личности: психологические детерминанты формирования. *Психологический журнал*, 25(5), 32–49.
Khaschenko, V.A. (2004). Economic identity of the individual: psychological determinants of formation. *Psychological Journal*, 25(5), 32–49.
26. Хузяхметов, Р.Р. (2022). Некогнитивные характеристики человеческого капитала и жизненные результаты. *Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования*, 8(3(31)), 43–57. <https://doi:10.21684/2411-7897-2022-8-3-43-57>
Khuziakhmetov, R.R. (2022). Non-cognitive characteristics of human capital and life outcomes. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 8(3(31)), 43–57. <https://doi:10.21684/2411-7897-2022-8-3-43-57>
27. Череменская, М.А., Алексеевская, Е.А., Новикова, С.Н., Богачева, О.В. (2025). Различия в представлениях о профессиональной деятельности у самозанятых и предпринимателей. *Теоретическая и экспериментальная психология*, 18(2), 159–175. <https://doi.org/10.11621/TEP-25-17>
Cheremenskaia, M.A., Alekseevskaya, E.A., Novikova, S.N., Bogacheva, O.V. (2025). Differences between self-employed and entrepreneurs in representations of their professional activity. *Theoretical and Experimental Psychology*, 18(2), 159–175. <https://doi.org/10.11621/TEP-25-17>
28. Barylak, W., Bialobrzeska, O., Bocian, K., Parzuchowski, M., Szymkow, A., Wojciszke, B. (2019). Perspectives Questionnaire: Measuring propensities to take viewpoints of agent or recipient. *Personality and Individual Differences*, 144, 1–10. <https://doi:10.1016/j.paid.2019.02.025> (viewed: 09.07.2025).
29. Bond, M.H., Leung, K. et al. (2004). Culture-level dimensions of social axioms and their correlations across 41 cultures. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 35(5), 548–570. URL: <https://www.academia.edu/104862597> (viewed: 09.03.2025).
30. Duckitt, J., Wagner, C., du Plessis, I., Birum, I. (2002). The psychological bases of ideology and prejudice: testing a dual process model. *Journal of Personality and Social Psychology*, 83(1), 75–93. <https://doi.org/10.1037//0022-3514.83.1.75>

Протасова И.Н. (2025)

Экономические установки в «теоретических
линзах» институциональных матриц
Социальная психология и общество,
16(3), 29–44.

Protasova I.N. (2025)

Economic attitudes in the “theoretical
lenses” of institutional matrices
Social Psychology and Society,
16(3), 29–44.

31. Furnham, A., Grover S. (2020). A new money behavior quiz. *Journal of Individual Differences*, 41(1), 17–29. <https://doi.org/10.1027/1614-0001/a000299>
32. Gigerenzer, G. (2024). The rationality wars: a personal reflection. *Behavioural Public Policy*, 9, 1–21. <https://doi.org/10.1017/bpp.2024.51>
33. Hofstede, G. (2001). Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations Across Nations. SAGE Publications. ISBN 9780803973244.
34. Klontz, B., Britt, S.L., Archuleta, K.L., Klontz, T. (2012). Disordered Money Behaviors: Development of the Klontz Money Behavior Inventory. *Journal of Financial Therapy*, 3(1). <https://doi.org/10.4148/jft.v3i1.1485>
35. Lea, S., Webley, P. (2005). In search of the economic self. *Journal of Socio-Economics*, 34, 585–604. <https://doi:10.1016/j.socloc.2005.07.010>
36. Mallard, G. (2020). *Bounded Rationality*. L.: Publishing Agenda. 147.
37. Tang, T.L.P. (2023). Monetary Wisdom: A Measure of Attitude Toward Money – Constructs and Items. In: Poff, D.C., Michalos, A.C. (eds.). Encyclopedia of Business and Professional Ethics. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-22767-8_1205

Информация об авторах

Ирина Николаевна Протасова, кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и психологии, институт педагогики и психологии, Бийский филиал им. В.М. Шукшина Алтайского государственного педагогического университета (ФГБОУ ВО Бийский филиал им. В.М. Шукшина АлтГПУ), г. Бийск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7728-705X>, e-mail: protasovain@mail.ru

Information about the authors

Irina N. Protasova, Candidate of Science (Psychology), Associate Professor of the Department of Pedagogy and Psychology, Institute of Pedagogy and Psychology, Biysk branch named after V.M. Shukshin of the Altai State Pedagogical University, Biysk, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7728-705X>, e-mail: protasovain@mail.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares that he has no conflict of interest.

Декларация об этике

Автор заявляет о соблюдении международных норм публикационной этики в научных журналах.

Ethics Statement

The author declares compliance with international standards of publication ethics in scientific journals.

Поступила в редакцию 10.03.2025

Received 2025.03.10

Поступила после рецензирования 27.07.2025

Revised 2025.07.27

Принята к публикации 19.09.2025

Accepted 2025.09.19

Опубликована 30.09.2025

Published 2025.09.30

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ EMPIRICAL RESEARCH

Научная статья | Original paper

Гражданская идентичность и институциональное доверие как факторы экономического менталитета

М.А. Гагарина , Е.Н. Викентьева, А.С. Горшкова

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,

Москва, Российская Федерация

 mgagarina224@gmail.com

Резюме

Контекст и актуальность. Актуальность исследования обусловлена потребностью разработки понятия экономического менталитета как интегративного понятия, релевантного для психологической и экономической науки. Исследование позволяет связать психологическую презентацию экономической реальности со степенью идентификации со своей страной и институциональным доверием.

Цель. Изучение экономического менталитета как ценности экономической свободы в системе представлений об экономическом устройстве страны и в контексте идентификации со страной как компонента гражданской идентичности.

Гипотезы. 1. Идентификация со страной связана с Глобальным индексом экономического менталитета. 2. Высокий уровень идентификации со страной связан с высоким институциональным доверием. 3. Связь идентификации со страной и Глобального индекса экономического менталитета опосредована уровнем институционального доверия. 4. Приоритет рыночной экономики в экономическом менталитете связан с высоким уровнем индивидуализирующих моральных оснований и высоким уровнем награды за усилия. 5. Высокая выраженность идентификации со страной связана с низким уровнем «социального цинизма» и высоким уровнем « loyality группы » и «уважения к авторитету ».

Методы и материалы. Вопросы всемирного исследования ценностей, входящие в Глобальный индекс экономического менталитета, и институциональное доверие. «Шкала идентификации с человечеством» С. Макфарлена, «Опросник моральных оснований» в адаптации О.А. Сычева, сокращенная версия «Опросника социальных аксиом» М. Бонда, К. Леугна.

Результаты. Идентификация со страной является значимым предиктором экономического менталитета: чем выше идентификация со страной, тем ниже Глобальный индекс экономического менталитета. Институциональное доверие опосредует связь между идентификацией со страной и Глобальным индексом экономического менталитета. Прямой эффект имеет меньший коэффициент, чем непрямой эффект. Глобальный индекс экономического менталитета связан с социальными аксиомами «вера в вознаграждение

усилий» ($r = 0,2; p < 0,05$) и «социальный цинизм» ($r = -0,2$) и не связан с моральными основаниями. Самые высокие корреляции идентификации со страной получены для моральных оснований «ляяность к группе» ($r = 0,5$), «уважение к авторитетам» ($r = 0,4$). **Выводы.** Люди, идентифицирующие себя со своей страной и выражают более высокое доверие ее институтам, склонны ожидать от государства ответственности за эффективность и справедливость распределения ресурсов и экономическое благополучие граждан.

Ключевые слова: гражданская идентичность, идентификация со страной, экономический менталитет, глобальный индекс экономического менталитета, экономическая свобода, институциональное доверие, моральные основания, социальные аксиомы

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 24-28-00863, <https://rscf.ru/project/24-28-00863/>

Дополнительные данные. Наборы данных можно запросить у автора (М.А. Гагарина).

Для цитирования: Гагарина, М.А., Викентьева, Е.Н., Горшкова, А.С. (2025). Гражданская идентичность и институциональное доверие как факторы экономического менталитета. *Социальная психология и общество*, 16(3), 45–62. <https://doi.org/10.17759/sps.2025160303>

Civic identity and institutional trust as factors of economic mentality

M.A. Gagarina , **E.N. Vikentieva**, **A.S. Gorshkova**
Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation
 mgagarina224@gmail.com

Abstract

Context and relevance. The relevance of the study is due to the need to develop the concept of economic mentality as an integrative concept relevant for psychological and economic science. The study allows us to connect the psychological representation of economic reality with the degree of identification with one's country and institutional trust.

Objective. Study of economic mentality as a value of economic freedom in the system of representations about the economic structure of the country and in the context of identification with the country as a component of civil identity.

Hypotheses. 1. Identification with the country is associated with the Global Index of Economic Mentality. 2. A high level of identification with the country is associated with high institutional trust. 3. The relationship between identification with the country and the Global Index of Economic Mentality is mediated by the level of institutional trust. 4. The priority of the market economy in the economic mentality is associated with a high level of individualizing moral foundations and a high level of reward for application. 5. High identification with the country is associated with a low level of "Social cynicism" and a high level of "Loyalty" and "Authority".

Methods and materials. World Values Survey for the Global Index of Economic Mentality and for the institutional trust are used. Identification with All Humanity Scale by S. McFarland,

Moral Foundations Questionnaire (MFQ) by J. Graham, J. Haidt, and short version of the Social Axioms Survey (SAS) by M. Bond and K. Leung are used.

Results. Identification with the country is a significant predictor of economic mentality: the higher the identification with the country, the lower the Global Index of Economic Mentality. Institutional trust mediates the relationship between identification with the country and the Global Index of Economic Mentality. The direct effect has a smaller coefficient than the indirect effect. The Global Index of Economic Mentality correlates with the social axioms “Reward for application” ($r = 0,2$) and “Social cynicism” ($r = -0,2$), and does not correlate with moral foundations. The highest correlations of identification with the country were obtained for the moral foundations “Loyalty” ($r = 0,5$), “Authority” ($r = 0,4$).

Conclusions. People who identify themselves with their country and express higher trust in its institutions are more likely to expect the state to be responsible for the efficient and fair distribution of resources and the economic well-being of citizens.

Keywords: civic identity, identification with the country, economic mentality, global index of economic mentality, economic freedom, institutional trust, moral foundations, social axioms

Funding. The study was supported by the Russian Science Foundation, project number 24-28-00863, <https://rscf.ru/project/24-28-00863/>

Supplemental data. Datasets can be requested from the author (M.A. Gagarina).

For citation: Gagarina, M.A., Vikentieva, E.N., Gorshkova, A.S. (2025). Civic identity and institutional trust as factors of economic mentality. *Social Psychology and Society*, 16(3), 45–62. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2025160303>

Введение

Понятие менталитета вообще и экономического менталитета в частности является недостаточно операционализированным, что осложняет его психологическое исследование (Юревич, 2019), однако в психологической науке уже накоплен материал, позволяющий говорить о возможности его исследования методами социальной и экономической психологии (Журавлев, Китова, 2022; Журавлев, Китова, 2023; Костригин, 2023).

Безусловно, менталитет является междисциплинарным понятием и в психологическом тезаурусе рассматривается как «совокупность психологических качеств, отличающих данный народ от других народов» (Юревич, 2019, с. 40). А.Л. Журавлевым данное понятие рассматривается сквозь

призму обыденных представлений людей об экономических явлениях, сопровождающих жизнедеятельность человека, причем данная совокупность представлений присуща большому количеству людей (Журавлев, 2022). Экономический менталитет как структурный компонент российской полиментальности (Семёнов, 1997) оказывает влияние на экономическое поведение личности, корпоративное взаимодействие и экономическое развитие страны в целом (Журавлев, Китова, 2022). Важно отметить, что как психологический феномен, носителем которого является группа людей, менталитет достаточно стабилен и мало подвержен изменениям даже при смене социально-политической ситуации (Хомкова, 2013).

В данной работе в качестве психологических феноменов, которые могут быть отне-

сены к элементам экономического менталитета, образующим одну из его структурных композиций, рассматриваются ценности экономической свободы, обеспечивающие в том числе самодетерминацию личности в направлении ее экономической активности, понимаемую как собственная целенаправленность и произвольность.

Концептуально ценности экономической свободы в континууме рестрибутивной/рыночной экономикиозвучны, в частности, институциональной теории X- и Y-матриц, описывающей различия между группами стран по доминированию базовых экономических, политических и идеологических институтов и обладающей большим объяснительным и предсказательным потенциалом (Кирдина-Чэндер, 2023). Полагаем, что такой подход, во-первых, отчасти систематизирует содержательные структуры экономического менталитета, отвечающие за направленность его ценностной составляющей, и, во-вторых, на личностном уровне объясняет характер индивидуальной регуляции экономической активности человека через механизм самодетерминации. Таким образом, в данном исследовании предполагается сфокусироваться на выделении характеристик экономического менталитета через понятие экономической свободы, которая осуществляет нравственную регуляцию экономической активности людей (Журавлев, Куприченко, 2003; Czegledi, Lips, Newland, 2021) и по принципу комплементарности институциональных матриц (Кирдина-Чэндер, 2023), предполагающему согласованность экономических, политических и идеологических институтов между собой, может считаться достаточной для выводов относительно репре-

зентаций относительно экономического устройства страны в целом.

Эмпирические исследования экономического менталитета

Исследовательские подходы, применяемые учеными для изучения экономического менталитета, разнообразны. Г.Б. Клейнер, М.А. Рыбачук и Д.В. Ушаков предлагают использовать набор качественных признаков (мировоззрение, культура, нормы и др.), один из которых, являясь доминантой, определяет менталитет экономического агента и влияет на его поведение в ситуации экономического выбора. Поведение, в свою очередь, может быть изучено с помощью агент-ориентированного моделирования (Клейнер, Рыбачук, Ушаков, 2021). А.Л. Журавлев и Д.А. Китова используют анализ текстов сообщений и поисковых запросов в системе Google для выявления психологических закономерностей проявления интереса к экономическим явлениям в экономиках различного типа (Журавлев, Китова, 2023). В публикации А.А. Костригина изучается отношение российского общества к бизнесу как элементу экономического менталитета через частотный анализ употребления термина «бизнес» в русскоязычном корпусе книг Google Books (Костригин, 2023).

П. Чегледи, Б. Липс и К. Ньюленд предлагают использовать *Глобальный индекс экономического менталитета*, позволяющий измерять, отдают ли люди приоритет частной инициативе, свободной конкуренции и личной ответственности либо широкому государственному вмешательству, перераспределению доходов и поддержке правительства. Данные параметры, согласно авторам, в совокупности позволяют оценивать уровень

экономической свободы как ценности (Czeglédi, Lips, Newland, 2021). Таким образом, вопросы Глобального индекса экономического менталитета описывают систему представлений об экономическом устройстве страны через ценности либо рыночной, либо нерыночной экономики (т.е. степень выраженности экономической свободы как ценности), следствием которой является разная значимость денег, разное отношение к богатству и бедности, предпочтения наемного труда или предпринимательства и т.п. — то есть различия как в экономическом сознании, так и в экономическом поведении. С помощью этого индекса могут быть измерены не только межстрановые различия (Czegl di, Lips, Newland, 2021), но и внутристрановые (Семёнов, 1997).

В широком смысле комплементарность институциональных матриц (Кирдина-Чэндлер, 2023) предполагает соответствие экономических, политических и идеологических институтов и свойственных им ценностей, традиций, обычаям, норм поведения. Однако с психологической точки зрения и в контексте разработки понятия «экономического менталитета» наиболее значимыми будут являться критерии моральной оценки поступков (моральные основания) и представления людей о себе, мире и отношениях в нем, определяющие социальное поведение (социальные аксиомы). Теория моральных оснований неоднократно использовалась в политической психологии для объяснения идеологических различий (Сычев, 2023), на основании чего мы предполагаем, что ценности рыночной экономики — конкуренция, эффективность и собственная ответственность (вместе — высокая ценность экономической свободы) — будут связаны

с индивидуализирующими моральными основаниями, ценности редистрибутивной экономики (низкая ценность экономической свободы) будут связаны со сплачивающими моральными основаниями «лояльность к группе» и «уважение к авторитетам». Теория социальных аксиом позволяет описывать межстрановые различия через генерализованные верования о себе, социальной и физической среде, духовном мире (Татарко, Лебедева, 2020), предположительно, высокая ценность экономической свободы будет связана с высоким уровнем награды за усилия и низким уровнем социального цинизма.

Исследования гражданской идентичности

Гражданская идентичность определяется, во-первых, как осознание принадлежности к сообществу граждан того или иного государства (Гриценко, Остапенко, Субботина, 2020), имеющее для индивида значимый смысл (Асмолов, Карабанова, Марцинковская, 2011), и, во-вторых, как феномен надиндивидуального сознания, признак (качество) гражданской общности, характеризующий эту общность как коллективный субъект.

В данном исследовании используется понятие «гражданская идентичность» как восприятие человеком себя в качестве гражданина своей страны, а идентификация со страной будет являться ее аффективным компонентом (Асмолов, Карабанова, Марцинковская, 2011).

Для анализа отдельных содержательных характеристик гражданской идентичности видится целесообразным использовать вопросы из World Value Survey (WVS), так как близость с собственной страной отражает позитивное отноше-

ние субъекта к идентификации со своим гражданством, наполняя ее аффективный компонент. Аналогичные цели выполняет субшкала «идентификации со своей страной» в разработанном С. Макфарлендом инструменте «Шкала идентификации с человечеством», измеряющем разные аспекты глобальной идентификации личности и показавшем хорошую пригодность на российской выборке (Нестик, Журавлев, 2018). Опыт использования методики С. Макфарлена в исследованиях гражданской идентичности так же, как и в случае глобальной идентичности, допускает исследование отдельных ее компонентов — когнитивного и аффективного (Муращенко и др., 2022).

Гражданская идентичность как основа экономического менталитета

Предположение о том, что гражданская идентичность имеет значимую взаимосвязь с экономическим менталитетом, имеет под собой следующие основания. Прежде всего, исследования в области национального менталитета показывают, что именно идентичность выступает узловым компонентом, объединяющим другие базовые составляющие национального менталитета (Юревич, 2019). Во-вторых, и понятие «менталитет», и понятие «идентичность» есть в некоторой степени противопоставление «мы» и «они», реализуемое на разных уровнях социально-психологического анализа, в случае менталитета — на макроуровне (народа) (Юревич, 2019), в случае идентичности — на микроуровне (отдельной личности) (Безгина, 2013).

Точки пересечения исследований феноменов экономического сознания, эко-

номического поведения и гражданской идентичности прослеживаются в работах, связанных с изучением социально-психологического капитала (Татарко, 2012), экономических представлений россиян (Григорян, Лепшокова, 2012) и долгового поведения (Гагарина, 2022). Мы ожидаем наличие взаимосвязей Глобального индекса экономического менталитета с пониманием и принятием своей принадлежности к стране проживания.

Идентификация себя со страной проживания предполагает доверие ее институтам. Институциональное доверие определяется как степень, в которой люди признают легитимность своих социальных, политических и правительственные организаций и верят, что они работают на общее благо (Rohde, 2023). Природа социального и институционального доверия различна — в их основе лежат разные ценности (Татарко, Муха, 2023). Институциональное доверие имеет большее значение с точки зрения влияния на экономическую активность взрослых людей, в связи с чем для тестирования гипотезы о структуре взаимосвязей между идентификацией со своей страной, индексом экономического менталитета и доверием было выбрано именно институциональное доверие.

Небезосновательным является также включение в анализ моральных оснований (Сычев, Протасова, Белоусов, 2018) и социальных аксиом (Татарко, Лебедева, 2020), поскольку они могут отражать то, как конкретный гражданин оценивает и реализует свою гражданскую идентичность.

При том, что уже показана связь гражданской идентичности с отдельными компонентами экономического менталитета (Гагарина, 2022; Григорян,

Лепшокова, 2012; Татарко, 2012) и экономический менталитет изучен, например, через его институциональное измерение (Клейнер, Рыбачук, Ушаков, 2021), в контексте психолого-исторического анализа (Журавлев, Китова, 2023), отношения к коррупции (Журавлев, Китова, 2022) и психологического состояния общества (Юревич, 2019), представленное исследование обладает новизной. В отличие от описанных выше, целью данного исследования является изучение экономического менталитета как ценности экономической свободы в системе представлений об экономическом устройстве страны в контексте идентификации со страной как аффективного компонента гражданской идентичности.

Объект исследования: экономический менталитет в контексте гражданской идентичности.

Предмет исследования: взаимосвязи аффективного компонента гражданской идентичности с ценностями экономической свободы, моральными основаниями и социальными аксиомами как системы представлений о мире.

В данном исследовании были сформулированы следующие гипотезы.

Гипотеза 1. Идентификация со страной связана с Глобальным индексом экономического менталитета.

Гипотеза 2. Высокий уровень идентификации со страной связан с высоким институциональным доверием.

Гипотеза 3. Связь идентификации со страной и Глобального индекса экономи-

ческого менталитета опосредована уровнем институционального доверия.

Гипотеза 4. Приоритет рыночной экономики в экономическом менталитете связан с высоким уровнем индивидуализирующих моральных оснований и высоким уровнем награды за усилия.

Гипотеза 5. Высокая выраженность идентификации со страной связана с низким уровнем «социального цинизма» и высоким уровнем «лояльности группе» и «уважения к авторитету».

Материалы и методы

Исследование состояло из двух этапов. На первом этапе изучались связи исследуемых параметров экономического менталитета и идентификации со страной (проверялись гипотезы 1, 2 и 3). На втором этапе были уточнены психологические основы экономического менталитета и идентификации со страной (проверялись гипотезы 4 и 5).

Выборка 1: респонденты 7 волн всемирного исследования ценностей в России WVS-2017, всего 1810 человек (45,1% мужчин и 54,9% женщин) от 18 до 91 года ($M = 45,34$; $\sigma = 17,34$). *Выборка 2:* 342 человека (49% мужчин и 51% женщин) от 18 до 74 лет ($M = 38,6$; $\sigma = 12,63$). Опрос проводился в 2024 г.

Для расчета *Глобального индекса экономического менталитета* (далее – ГИЭМ) в соответствии с методологией, описанной (Czegledi, Lips, Newland, 2021), использовались три группы вопросов из WVS, указывающие на степень приверженности ценостям рыночной экономики¹.

¹ World Values Survey Wave 7 (2017–2022). [6. г.]. WVS Database. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV7.jsp> (дата обращения: 10.09.2024).

Шкала «Эффективность» (вопросы 107 и 109) — степень убежденности, что частная собственность и конкуренция между фирмами дают желаемые экономические результаты.

Шкала «Перераспределение» (вопросы 241 и 247) — степень убежденности, что правительство должно перераспределить доходы, чтобы добиться более равных результатов.

Ответы на вопросы 107, 109, 241, 247 кодируются таким образом, что высокие значения соответствуют более высокой рыночной ориентации.

Шкала «Ответственность» (вопросы 106 и 108) — степень убежденности, что человек несет ответственность за свое собственное благополучие, в отличие от мнения, что правительство должно непосредственно принимать меры против бедности и в пользу равенства доходов.

Для оценки аффективного компонента гражданской идентичности из блока, посвященного разным аспектам идентичности, был использован вопрос 257.

Из блока, посвященного доверию, были использованы вопросы на институциональное доверие (64–81), при этом были оставлены только те институты, которые имеют отношение к России, и исключены международные организации.

Все вопросы перекодированы таким образом, чтобы низкий полюс соответствовал низким доверию и идентификации со страной.

Также были использованы вопросы на социально-демографические характеристики.

Из психодиагностических методик использовались:

«Шкала идентификации с человечеством» С. Макфарлена (Нестик, Журавлев, 2018) в адаптации Т.А. Нестика. Методика позволяет отдельно оценить и затем сопоставить между собой выраженность глобальной и гражданской идентичности (Гриценко, Остапенко, Субботина, 2020; Муращенко и др. 2022). В исследовании использовалась методика целиком, однако в анализ включены результаты только по аффективному компоненту гражданской идентичности — субшкале «Идентификация со страной».

Сокращенная версия методики «Социальные аксиомы» М. Бонда и К. Леунга в адаптации А.Н. Татарко, Н.М. Лебедевой позволяет оценить пять групп социальных верований: «Социальный цинизм», «Контроль судьбы», «Награда за усилия», «Социальная сложность» и «Религиозность» (Татарко, Лебедева, 2020).

«Опросник моральных оснований» в адаптации О.А. Сычева, измеряющий пять базовых составляющих сферы морали: забота, справедливость, лояльность, уважение, праведность, а также два вторичных показателя: индивидуализирующие и сплачивающие моральные основания (Сычев, Протасова, Белоусов, 2018).

Результаты

Связи идентификации со страной с Глобальным индексом экономического менталитета, социально-демографическими характеристиками и уровнем доверия

Для проверки первой гипотезы изучения взаимосвязей между ГИЭМ и уровнем идентификации со своей страной был предпринят регрессионный анализ, где идентификация со своей страной —

независимая переменная, а ГИЭМ – зависимая.

Проверка допущений показала, что оптимальным будет использование линейной регрессии ($F = 6,4; p < 0,05$), доля объясненной дисперсии составляет 11,1. Проверка на гомоскедастичность показала постоянство дисперсии вокруг прямой регрессии. Таким образом, можно констатировать тенденцию к тому, что идентификация со своей страной является предиктором экономического менталитета.

Было сделано дополнительное предположение о наличии различий в ГИЭМ и идентификации со страной у респон-

дентов разного пола и возраста, результаты ANOVA даны в табл. 1 и ниже.

Как можно видеть из табл. 1, наиболее высокие значения выявлены у младшей группы, в то время как институциональное доверие и идентификация со страной выше у старшей группы. Также были выявлены значимые различия по полу: мужчины оказались более ориентированными на рыночные отношения ($M = 4,96; \sigma = 1,36$ vs. $M = 4,81; \sigma = 1,26$; $F = 5,64; p < 0,05$) и менее доверяющими различным общественным институтам ($M = 2,39; \sigma = 0,61$ vs. $M = 2,50; \sigma = 0,59$; $F = 15,50; p < 0,001$), чем женщины.

Таблица 1 / Table 1

Сравнение возрастных групп по показателям идентификации со страной, институционального доверия и экономического менталитета
Comparison of age groups by indicators of identification with the country, institutional trust and economic mentality

Параметры / Parameters	16–29 лет / 16–29 years (N = 356)		30–49 лет / 30–49 years (N = 559)		50 и более лет / 50 and more years (N = 627)		Различия / Differences	
	<i>M</i>	σ	<i>M</i>	σ	<i>M</i>	σ	<i>F</i>	<i>p</i>
Эффективность / Efficiency	5,99	2,07	5,62	1,95	5,42	1,99	10,79	,000
Распределение / Redistribution	3,89	2,10	3,46	2,09	3,21	2,02	14,08	,000
Ответственность / Responsibility	5,75	2,05	5,58	2,14	5,34	2,23	5,36	,005
Глобальный индекс экономического менталитета / Global Index of Economic Mentality	5,24	1,25	4,90	1,31	4,65	1,32	28,00	,000
Институциональное доверие / Institutional Trust	2,42	0,59	2,38	0,61	2,53	0,59	11,39	,000
Идентификация со своей страной / Identification with the Country	2,98	0,83	3,02	0,85	3,21	0,78	13,51	,000

Примечание: M – среднее; σ – среднее значение стандартного отклонения; F – критерий Фишера; p – уровень значимости.

Note: M – mean; σ – mean value of standard deviation; F – Fisher criterion; p – significance level.

Для проверки второй гипотезы о взаимосвязи идентификации со своей страной с институциональным доверием был осуществлен корреляционный анализ Пирсона, подтвердивший наличие значимых взаимосвязей ($r = 0,27; p < 0,0001$). Таким образом, согласно полученным данным, доверие к институтам выше у людей с более высокой идентификацией со своей страной.

Медиационный анализ

Для проверки третьей гипотезы была предложена модель, в которой независимой переменной являлась идентификация со страной, а зависимой — ГИЭМ, институциональное доверие — медиатор связи. Для тестирования предложенной модели был использован пакет Proseess (v. 4.2) в программе SPSS. В качестве исходной модели была выбрана «Model 4».

В табл. 2 представлены основные характеристики модели.

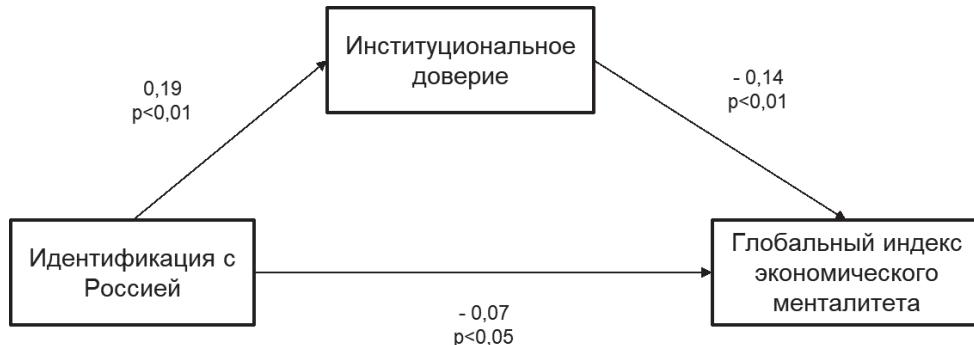
Коэффициенты и уровни статистической значимости, рассчитанные для них, указаны на рисунке.

Идентификация со страной является значимым предиктором экономического менталитета: чем выше идентификация со страной, тем ниже ГИЭМ. Институциональное доверие опосредует связь между идентификацией со страной и ГИЭМ. Прямой эффект имеет меньший коэффициент, чем непрямой эффект.

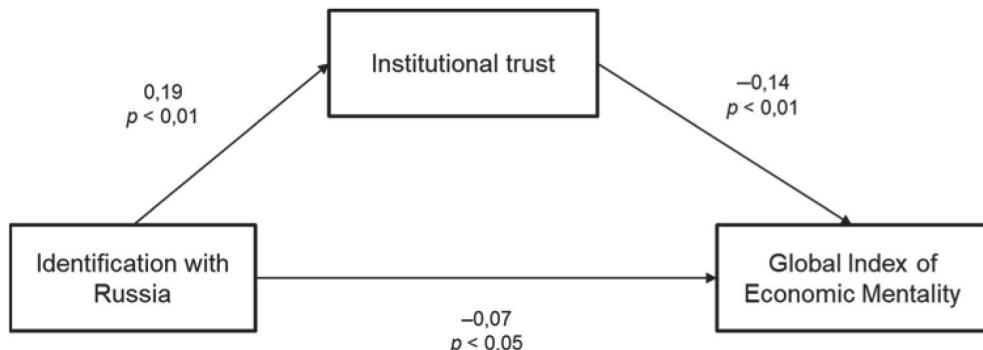
Для проверки четвертой гипотезы был проведен корреляционный анализ шкал опросников «Социальные аксиомы» и «Моральные основания» с ГИЭМ ($N = 208$), который оказался связан с социальными аксиомами «вера в вознаграждение усилий» ($r = 0,2; p < 0,05$) и «социальный цинизм» ($r = -0,2; p < 0,01$)

Показатели эффектов идентификации со страной, институционального доверия и Глобального индекса экономического менталитета ($N = 1810$)
Indicators of the effects of identification with the country, institutional trust and the global index of economic mentality ($N = 1810$)

Связь / Relationship	Общий эффект / Total effect	Прямой эффект / Direct effect	Непрямой эффект / Indirect effect	Доверительный интервал / Confidence interval	
				Верхняя граница / Upper level	Нижняя граница / Lower level
Идентификация со страной / Identification with the Country → Институциональное доверие / Institutional Trust → Глобальный индекс экономического менталитета / Global Index of Economic Mentality	-0,1042 ($p < 0,01$)	-0,0771 ($p < 0,05$)	-0,0271	-0,0496	-0,0063

Рис. Модель медиации ($N = 1810$)

Fig. Mediation model ($N = 1810$)

и не связан с моральными основаниями. То есть четвертая гипотеза частично подтвердилась для социальных аксиом и не подтвердила для моральных оснований.

Связь гражданской идентичности с социальными аксиомами и моральными основаниями

Для проверки пятой гипотезы был проведен корреляционный анализ шкал опросников «Социальные аксиомы» и «Моральные основания» со шкалами опросника «Шкала идентификации с человечеством» С. Макфарлена ($N = 342$). Поскольку проблема исследования каса-

ется только гражданской идентичности, было принято решение использовать отдельно результаты субшкалы, измеряющей идентификацию со страной как компонент гражданской идентичности. Самые высокие корреляции идентификации со страной получены для моральных оснований «лояльность к группе» ($r = 0,5$) и «уважение к авторитетам» ($r = 0,4$), что согласуется с нашей гипотезой. Более слабые связи получены для моральных оснований «забота» ($r = 0,3$), «чистота» ($r = 0,2$) и «справедливость» ($r = 0,2$). Все корреляции значимы на уровне $p < 0,001$. Социальные аксиомы,

образующие достоверные корреляции ($p < 0,001$) с идентификацией со страной — это «религиозность» ($r = 0,4$) и «вера в вознаграждение усилий» ($r = 0,2$). Ожидаемая корреляция с социальным цинизмом — низкая и не достигает необходимого уровня значимости.

Обсуждение результатов

Ценность экономической свободы выше у более молодых респондентов, чем у респондентов старшего возраста, что, возможно, связано с поколенческими особенностями молодых людей, которые мобильны, а также формировались в условиях рыночной экономики и, как следствие, хорошо ориентируются в рыночных отношениях, видят в них возможности собственного экономического благополучия. Полученные результаты согласуются с данными других исследователей (Czegledi, Lips, Newland, 2021), отмечающих, что в России, а также в других странах с низким уровнем ГИЭМ у пожилых людей присутствует антирыночный менталитет, а у молодых — про-рыночный. Также выявлено, что мужчины в большей степени, чем женщины, ценят конкуренцию, эффективность и собственную ответственность, что, вероятно, является следствием принятых в российском обществе гендерных ролей.

Доверие к институтам выше у людей с более высокой идентификацией со своей страной. Представленные результаты согласуются с тем, что в России доминируют институты X-матрицы — редистрибутивной экономики, унитарно-централизованного политического устройства и коммунитарной идеологии (Кирдина-Чэндлер, 2023). Это может означать, что россияне, глубже идентифицирующие

себя со своей страной, в большей степени ориентированы на высокую роль государства в получении и распределении благ и больше ожидают позитивного результата от взаимодействия с его институтами. При этом необходимо уточнить, что мы оцениваем общее институциональное доверие как ожидание надежности институтов, уверенность в правомерности социального и институционального порядка и, как следствие, прогнозирование устойчивости во взаимодействии с ними.

Идентификация со своей страной является значимым предиктором экономического менталитета, понимаемого в данном исследовании как готовность отчуждать свою экономическую свободу государству в системе представлений об экономическом устройстве страны. Данный результат согласуется с результатами исследования А.Н. Татарко, согласно которым сила гражданской идентичности россиян связана с высоким уровнем экономического патернализма (Татарко, 2012). Однако результат анализа медиации подтверждает, что эта связь опосредуется институциональным доверием: люди, ощащающие свою принадлежность стране и доверяющие институтам, в большей степени ожидают, что государство должно выполнять регулирующую функцию в экономике по сравнению с людьми, не доверяющими институтам. Доверие снижает оценку вероятности наступления негативных событий в будущем и определяет более позитивные прогнозы человека в направлении предсказуемости результатов его экономической активности в ситуации высокого контроля со стороны государства.

При том, что рассматриваемый ГИЭМ по своей сути представляет континуум

от социалистического до капиталистического общества, механизмы, обеспечивающие институциональное доверие в этих двух системах, будут различными. Так, в социалистическом обществе высокий уровень доверия населения к власти обеспечивается за счет наличия государственной идеологии, транслируемой с помощью системы образования и средств массовой информации, а также путем реализации социальных программ, а в капиталистическом обществе механизмы поведенческого обеспечения доверия реализуются в составе экономической политики государства (Макаров и др., 2024). При этом прорыночная ориентация, понимаемая нами как высокая ценность экономической свободы, связана с верованиями в то, что усилия, которые предпринимает человек, будут иметь положительный результат и позволят избежать негативного развития ситуации, а также с низкой склонностью к оценке окружающих людей и общества как враждебных. Таким образом, экономическая свобода взаимосвязана с убежденностью в возможности управлять своей жизнью.

Чувство причастности к своей стране сопряжено с моральными суждениями, согласно которым неуважительное отношение к традициям, авторитетам, предательство интересов группы осуждается, а патриотизм, уважение к власти, готовность подчиняться, преданность группе поощряются. Таким образом, именно сплачивающие моральные основания сопровождают чувство принадлежности своей стране, что подтверждено и в других исследованиях (Микляева, Самойлов, 2024). Генерализованная убежденность в ненапрасности своих усилий и

вера в высшие силы и благотворную, исцеляющую функцию религиозной веры также характеризуют идентификацию с Россией. В контексте нашего исследования важно отметить, что именно эти черты отмечаются как присущие менталитету россиян (Журавлев, Кольцова, 2016). В других исследованиях показано, что с силой и валентностью гражданской идентичности связана социальная аксиома «религиозность», а также положительное влияние награды за усилия на гражданскую идентичность (Микляева, Самойлов, 2024).

Таким образом, полученные результаты позволяют приблизиться к пониманию психологических механизмов, регулирующих экономические суждения граждан, в том числе в направлении атрибуции ответственности за экономическое благополучие и мировоззренческих феноменов, обеспечивающих основы таких суждений.

В качестве перспективы исследования можно обозначить дальнейшее углубленное изучение содержательных компонентов экономического менталитета.

Выводы

1. Идентификация со страной является предиктором экономического менталитета как системы представлений об экономическом устройстве страны — ее эффективности, справедливости распределения ресурсов, ответственности за экономическое благополучие граждан. При этом чем выше уровень идентификации с Россией, тем больше ожидания от государства в части обеспечения экономической поддержки граждан, что может объясняться доминированием в России институтов

Х-матрицы редистрибутивной экономики и унитарно-централизованного политического устройства. То есть принятие собственной связи со страной связано с принятием транслируемых ее экономических ценностей.

2. Существуют возрастные и половые различия в изучаемых параметрах экономического менталитета. Так, молодые люди по сравнению со старшими в меньшей степени идентифицируют себя со своей страной и в большей степени полагаются на себя в части обеспечения своего экономического благополучия, что может быть связано с экономическим и политическим устройством страны как в настоящее время, так и в период их становления: разными этапами перехода от государственной экономики к рынку. Мужчины больше открыты к рыночным отношениям и меньше доверяют социальным институтам, чем женщины.

3. Институциональное доверие выступает медиатором между идентификацией со своей страной и ценностью экономической свободы. Люди, идентифицирующие себя со своей страной, выражают более высокое доверие ее институтам и склонны ожидать от государства ответственности за эффективность и справедливость распределения ресурсов и экономическое благополучие граждан. Данный результат может быть связан с ролью доверия как отношения — ожидания надежности от социальных объектов.

4. Выявлены взаимосвязи между уровнем идентификации россиян со страной, моральными основаниями, относящимися к «сплачивающим», а также с социальными аксиомами — религиозностью и верой в вознаграждение усилий, которые указывают на следование традиционным для российского менталитета ценностям: приоритета группового над личным и веры.

Список источников / References

1. Асмолов, А.Г., Карабанова, О.А., Марцинковская, Т.Д. (2011). *Как рождается гражданская идентичность в мире образования: от феноменологии к технологиям: монографии в 2 ч.* (А.Г. Асмолов, общ. ред.). М.: Федеральный институт развития образования.
Asmolov, A.G., Karabanova, O.A., Martsinkovskaya, T.D. (2011). *How civic identity is born in the world of education: from phenomenology to technology: monographs in 2 parts.* (A.G. Asmolov, ed.). Moscow: Federal Institute for Education Development. (In Russ.).
2. Безгина, Н.В. (2013). Психологическая структура гражданской идентичности. *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*, 3-1, 241–249.
Bezgina, N.V. (2013). Psychological structure of civic identity. *Bulletin of Tula State University. Humanities*, 3-1, 241–249. (In Russ.).
3. Гагарина, М.А. (2022). Роль социально-психологического капитала в долговом поведении личности. *Вестник Мининского университета*, 10(3). Статья 12.-<https://doi.org/10.26795/2307-1281-2022-10-3-12>
Gagarina, M.A. (2022). The role of socio-psychological capital in the debt behavior of an individual. *Bulletin of Minin University*, 10(3). Article 12. (In Russ.). <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2022-10-3-12>
4. Григорян, Л.К., Лепшокова, З.Х. (2012). Эмпирическая модель взаимосвязи гражданской идентичности и установок по отношению к иммигрантам с экономическими представлениями россиян. *Социальная психология и общество*, 3(2), 5–20.

- Grigoryan, L.K., Lepshokova, Z.K. (2012). The role of national identity and attitudes towards immigrants in economic beliefs of Russians: an empirical model. *Social Psychology and Society*, 3(2), 5–20. (In Russ.).
5. Гриценко, В.В., Остапенко, Л.В., Субботина, И.А. (2020). Значимость гражданской, этнической и региональной идентичности для жителей малых российских городов и ее детерминанты. *Социальная психология и общество*, 11(4), 165–181. <https://doi.org/10.17759/sps.2020110412>
- Gritsenko, V.V., Ostapenko, L.V., Subbotina, I.A. (2020). The importance of civil, ethnic and regional identity for residents from small Russian towns and its determinants. *Social Psychology and Society*, 11(4), 165–181. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2020110412>
6. Журавлев, А.Л., Китова, Д.А. (2022). Отношение молодежи к коррупции как проявление экономического менталитета россиян. *Психология и право*, 12(2), 178–193. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120213>
- Zhuravlev, A.L., Kitova, D.A. (2022). The attitude of young people towards corruption as a manifestation of the economic mentality of Russians. *Psychology and Law*, 12(2), 178–193. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120213>
7. Журавлев, А.Л. (2022). Экономический менталитет как фактор конкурентоспособности национальных экономик. Отчет по НИР № 21-18-00541. (Российский научный фонд). URL: <https://lib.ipran.ru/paper/53902521>
- Zhuravlev, A.L. (2022). *Economic mentality as a factor in the competitiveness of national economies*. Research report No. 21-18-00541. (Russian Science Foundation). URL: <https://lib.ipran.ru/paper/53902521> (In Russ.).
8. Журавлев, А.Л., Китова, Д.А. (2023). Экономический менталитет россиян в контексте психологического-исторического анализа. *Психологический журнал*, 44(5), 25–36. <https://doi.org/10.31857/S020595920027722-0>
- Zhuravlev, A.L., Kitova, D.A. (2023). Economic mentality of Russians in the context of psychological and historical analysis. *Psychological journal*, 44(5), 25–36. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/S020595920027722-0>
9. Журавлев, А.Л., Кольцова, В.А. (2016). Российский менталитет как предмет психологического исследования: сущностные характеристики и факторы формирования. В А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова, Е.Н. Холонович (ред.), *Историогенез и современное состояние российского менталитета. Выпуск 2* (с. 7–37). М.: Институт психологии РАН.
- Zhuravlev, A.L., Koltsova, V.A. (2016). Russian mentality as a subject of psychological research: essential characteristics and factors of formation. In A.L. Zhuravlev, V.A. Koltsova, E.N. Kholodovich (Eds.), *Historiogenesis and current state of the Russian mentality. Issue 2* (pp. 7–37). Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences. (In Russ.).
10. Журавлев, А.Л., Купрейченко, А.Б. (2003). *Нравственно-психологическая регуляция экономической активности*. М.: Институт психологии РАН.
- Zhuravlev, A.L., Kupreichenko, A.B. (2003). *Moral and psychological regulation of economic activity*. Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences. (In Russ.).
11. Кирдина-Чэндлер, С.Г. (2023). *Теория институциональных X- и Y-матриц: новые результаты и актуальные вызовы: Препринт*. М.: Институт экономики РАН.
- Kirdina-Chandler, S.G. (2023). *Theory of institutional X- and Y-matrices: new results and current challenges: Preprint*. Moscow: Institute of Economics, Russian Academy of Sciences. (In Russ.).

12. Клейнер, Г.Б., Рыбачук, М.А., Ушаков, Д.В. (2021). Менталитет экономических агентов и институциональные изменения: в поисках модели равновесия. *Terra Economicus*, 19(4), 6–20. <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2021-19-4-6-20>
Kleiner, G.B., Rybachuk, M.A., Ushakov, D.V. (2021). Mentality of economic agents and institutional changes: in search of an equilibrium model. *Terra Economicus*, 19(4), 6–20. (In Russ.). <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2021-19-4-6-20>
13. Костригин, А.А. (2023). Отношение к бизнесу в России в 1985–2000 гг. (по данным электронной библиотеки Google Books). *Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда*, 8(3), 61–86. https://doi.org/10.38098/ipran.opwp_2023_28_3_004
Kostrigin, A.A. (2023). Attitudes towards business in Russia in 1985–2000 (according to the Google Books electronic library). *Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational Psychology and Labor Psychology*, 8(3), 61–86. (In Russ.). https://doi.org/10.38098/ipran.opwp_2023_28_3_004
14. Макаров, И.Н., Дробот, Е.В., Евсин, М.Ю., Полянская, К.Ю., Тонких, А.Г. (2024). Доверие и идеология в экономических и политических системах: связь, генезис, институциональный анализ. *Экономика, предпринимательство и право*, 14(5), 1683–1710. <https://doi.org/10.18334/epp.14.5.121106>
Makarov, I.N., Drobot, E.V., Evsin, M.Yu., Polyanskaya, K.Yu., Tonkikh, A.G. (2024). Trust and ideology in economic and political systems: connection, genesis, institutional analysis. *Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*, 14(5), 1683–1710. (In Russ.). <https://doi.org/10.18334/epp.14.5.121106>
15. Микляева, А.В., Самойлов, О.М. (2024). Социальные верования и основания морального выбора как предикторы гражданской идентичности подростков. *Социальная психология и общество*, 15(4), 154–171. <https://doi.org/10.17759/sps.2024150411>
Miklyaeva, A.V., Samoilov, O.M. (2024). Social beliefs and foundations of moral choice as predictors of adolescents' civic identity. *Social Psychology and Society*, 15(4), 154–171. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2024150411>
16. Мурашценкова, Н.В., Грищенко, В.В., Калинина, Н.В., Ефременкова, М.Н., Кулеш, Е.В., Константинов, В.В., Гуриева, С.Д., Маленова, А.Ю. (2022). Этническая, гражданская и глобальная идентичности как предикторы эмиграционной активности студенческой молодежи Беларуси, Казахстана и России. *Культурно-историческая психология*, 18(3), 113–123. <https://doi.org/10.17759/chp.2022180314>
Murashcenkova, N.V., Gritsenko, V.V., Kalinina, N.V., Efremenkova, M.N., Kulesh, E.V., Konstantinov, V.V., Gurieva, S.D., Malenova, A.Yu. (2022). Ethnic, civic and global identities as predictors of emigration activity of student youth in Belarus, Kazakhstan and Russia. *Cultural-Historical Psychology*, 18(3), 113–123. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/chp.2022180314>
17. Нестик, Т.А., Журавлев, А.Л. (2018). *Психология глобальных рисков*. М.: Институт психологии РАН.
Nestik, T.A., Zhuravlev, A.L. (2018). *Psychology of global risks*. Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences. (In Russ.).
18. Семёнов, В.Е. (1997). Типология российских менталитетов и имманентная идеология России. *Вестник Санкт-Петербургского университета*, 6(4), 59–67.
Semenov, V.E. (1997). Typology of Russian mentalities and the immanent ideology of Russia. *Bulletin of Saint Petersburg University*, 6(4), 59–67. (In Russ.).
19. Сычев, О.А. (2023). Теория моральных оснований: современный взгляд на психологические факторы политических убеждений. *Социальная психология и общество*, 14(1), 5–22. <https://doi.org/10.17759/sps.2023140101>

- Sychev, O.A. (2023). Theory of moral foundations: a modern view of psychological factors of political beliefs. *Social Psychology and Society*, 14(1), 5–22. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.202314010>
20. Сычев, О.А., Протасова, И.Н., Белоусов, К.И. (2018). Диагностика моральных оснований: апробация русскоязычной версии опросника MFQ. *Российский психологический журнал*, 15(3), 88–115. <https://doi.org/10.21702/grj.2018.3.5>
- Sychev, O.A., Protasova, I.N., Belousov, K.I. (2018). Diagnostics of moral foundations: testing the Russian-language version of the MFQ questionnaire. *Russian Psychological Journal*, 15(3), 88–115. (In Russ.). <https://doi.org/10.21702/grj.2018.3.5>
21. Татарко, А.Н. (2012). Роль гражданской идентичности в структуре социального капитала. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки*, 2, 62–69.
- Tatarko, A.N. (2012). The role of civic identity in the structure of social capital. *Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Psychological Sciences*, 2, 62–69. (In Russ.).
22. Татарко, А.Н., Лебедева, Н.М. (2020). Разработка и апробация сокращенной версии методики «Социальные аксиомы» М. Бонда и К. Леунга. *Культурно-историческая психология*, 16(1), 96–110. <https://doi.org/10.17759/chp.2020160110>
- Tatarko, A.N., Lebedeva, N.M. (2020). Development and testing a short version of the Social Axioms Questionnaire by M. Bond and K. Leung. *Cultural-Historical Psychology*, 16(1), 96–110. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/chp.2020160110>
23. Татарко, А.Н., Муха, В.Н. (2023). Ценностный базис институционального и социального доверия в Краснодарском крае. *Вопросы теоретической экономики*, 1, 83–99. https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2022_4_83_99
- Tatarko, A.N., Mukha, V.N. (2023). Value basis of institutional and social trust in the Krasnodar Region. *Issues of Economic Theory*, 1, 83–99. (In Russ.). https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2022_4_83_99
24. Хомкова, Л.Р. (2013). Теоретико-методологические аспекты исследования менталитета. *Вестник Иркутского государственного лингвистического университета*, 1(22), 131–139.
- Khomkova, L.R. (2013). Theoretical and methodological aspects of mentality research. *Bulletin of the Irkutsk State Linguistic University*, 1(22), 131–139. (In Russ.).
25. Юревич, А.В. (2019). *Макропсихология современного российского общества*. М.: Институт психологии РАН.
- Yurevich, A.V. (2019). *Macropsychology of modern Russian society*. Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences. (In Russ.).
26. Czegldi, P., Lips, B., Newland, C. (2021). The Economic Mentality of Nations. *Cato Journal*, 41(3), 657–689. <https://doi.org/10.36009/CJ.41.3.10>
27. Rohde, N. (2023). Economic insecurity, nativism, and the erosion of institutional trust. *Journal of Economic Behavior & Organization*, 212, 1017–1028. <https://doi.org/10.1016/j.jebo.2023.06.009>

Информация об авторах

Мария Анатольевна Гагарина, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии и развития человеческого капитала, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Финуниверситет), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7812-7875>, e-mail: mgagarina22@gmail.com

Ева Николаевна Викентьева, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии и развития человеческого капитала, Финансовый университет при Правительстве

Гагарина М.А., Викентьева Е.Н.,
Горшкова А.С. (2025)
Гражданская идентичность и институциональное...
Социальная психология и общество,
16(3), 45–62.

Gagarina M.A., Vikentieva E.N., Gorshkova A.S. (2025)
Civic identity and institutional trust
as factors of economic mentality
Social Psychology and Society,
16(3), 45–62.

Российской Федерации (Финуниверситет), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5531-1912>, e-mail: vikentieva@mail.ru

Anastasija Sergeevna Gorshkova, ассистент кафедры психологии и развития человеческого капитала, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Финуниверситет), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4642-3239>, e-mail: kitsune_2@outlook.com

Information about the authors

Maria A. Gagarina, Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor, Department of Psychology and Human Capital Development, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7812-7875>, e-mail: mgagarina224@gmail.com

Eva N. Vikentieva, PhD in Psychology, Associate Professor, Associate Professor, Department of Psychology and Human Capital Development, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5531-1912>, e-mail: vikentieva@mail.ru

Anastasia S. Gorshkova, Assistant Lecturer, Department of Psychology and Human Capital Development, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4642-3239>, e-mail: kitsune_2@outlook.com

Вклад авторов

Все авторы внесли равный вклад в концепцию, проведение исследования, анализ данных и подготовку рукописи.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

The authors contributed equally to the research, data analysis, and preparation of this manuscript. All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Декларация об этике

От всех участников было получено информированное согласие на участие в исследовании.

Ethics statement

Informed consent was obtained from all participants prior to participation in the study.

Поступила в редакцию 30.09.2024

Received 2024.09.30

Поступила после рецензирования 09.04.2025

Revised 2025.04.09

Принята к публикации 19.09.2025

Accepted 2025.09.19

Опубликована 30.09.2025

Published 2025.09.30

Научная статья | Original paper

Статусы профессиональной идентичности юношей и девушек с разными условиями социализации в фокусе ценностных, регуляторных и временных детерминант

И.А. Ральникова

Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация
 irinalnikova@yandex.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Становление профессиональной идентичности юношей и девушек, социализирующихся в семье и вне семьи, выступает в качестве значимой научной проблемы. Психологические исследования охватывают ценностные основы профессионального самоопределения, процессы саморегуляции, представления о профессиональном будущем. При этом указанные аспекты рассматриваются изолированно друг от друга, не всегда учитываясь условия социализации.

Цель. Выявить различия в ценностях, регуляторных процессах, эмоциональной оценке образа профессионального будущего, определить предикторы статусов профессиональной идентичности юношей и девушек из кровных семей и воспитанников центров помощи детям, оставшимся без попечения родителей.

Гипотезы. Юноши и девушки, социализирующиеся в семьях и центрах помощи детям, имеют различия в отношении: 1) количественных и содержательных характеристик предикторов статусов профессиональной идентичности (основная); 2) ценностей, саморегуляции, эмоционального отношения к образу профессионального будущего (дополнительная).

Методы и материалы. В исследовании приняли участие 260 респондентов в возрасте 15–17 лет (52% – юноши, 48% – девушки), 140 из кровных семей, 120 из центров помощи детям. Использовались опросники: «Методика изучения статусов профессиональной идентичности» (А.А. Азбель, А.Г. Грецов), «Морфологический тест жизненных ценностей» (В.Ф. Солов, Л.В. Картушина), опросник «Стиль саморегуляции поведения» (В.И. Моросанова), методика «Семантический дифференциал времени» (Л.И. Вассерман, Е.А. Трифонова, К.Р. Червинская).

Результаты. У юношей и девушек из кровных семей преобладает статус «кризис выбора», у воспитанников центров помощи – статус неопределенной профессиональной идентичности. В условиях семейной социализации, по сравнению с внесемейной, духовно-нравственные и прагматические ценности более значимы, сильнее развита саморегуляция, образ будущего более позитивный.

Выводы. Условия социализации юношей и девушек в семье и вне семьи обуславливают различия в предикторах формирования статусов профессиональной идентичности.

Ключевые слова: профессиональная идентичность, статус профессиональной идентичности, ранняя юность, социализация, ценности, саморегуляция, образ будущего

Для цитирования: Ральникова, И.А. (2025). Статусы профессиональной идентичности юношей и девушек с разными условиями социализации в фокусе ценностных, регуляторных и временных детерминант. *Социальная психология и общество*, 16(3), 63–78. <https://doi.org/10.17759/sps.2025160304>

The professional identity statuses of boys and girls with different socialization conditions in the focus of value, regulatory and temporal determinants

I.A. Ralnikova

Altai State University, Barnaul, Russian Federation
 irinralnikova@yandex.ru

Abstract

Context and relevance. The formation of the professional identity of boys and girls who socialize in the family and outside the family is a significant scientific problem. Psychological research covers the value bases of professional self-determination, self-regulation processes, and ideas about the professional future. At the same time, these aspects are considered in isolation from each other, and the conditions of socialization are not always taken into account.

Objective. To identify differences in values, regulatory processes, and emotional assessment of the image of a professional future, and to determine predictors of the professional identity statuses of boys and girls from blood families and pupils of care centers for children left without parental care.

Hypotheses. Boys and girls who socialize in families and child care centers have differences in attitude: 1) quantitative and meaningful characteristics of predictors of professional identity statuses (basic); 2) values, self-regulation, emotional attitude to the image of the professional future (additional).

Methods and materials. The study involved 260 respondents aged 15–17 years (52% of boys, 48% of girls), 140 from blood families, 120 from child care centers. The following questionnaires were used: "Methodology for studying professional identity statuses" (A.A. Azbel, A.G. Gretsov), "Morphological test of life values" (V.F. Sopov, L.V. Karpushina), questionnaire "Style of self-regulation of behavior" (V.I. Morosanova), method "Semantic time differential" (L.I. Wasserman, E.A. Trifonova, K.R. Chervinskaya).

Results. Young men and women from blood – related families have a crisis of choice status, while students at care centers have a status of uncertain professional identity. In the context of family socialization, compared with non-family, spiritual, moral and pragmatic values are more significant, self-regulation is more developed, and the image of the future is more positive.

Conclusions. The conditions of socialization of boys and girls in the family and outside the family determine differences in predictors of the formation of professional identity statuses.

Keywords: professional identity, professional identity status, early adolescence, socialization, values, self-regulation, image of the future

For citation: Ralnikova, I.A. (2025). The professional identity statuses of boys and girls with different socialization conditions in the focus of value, regulatory and temporal determinants. *Social Psychology and Society*, 16(3), 63–78. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2025160304>

Введение

Проблема профессионального становления на юношеском этапе социализации сохраняет остроту своей актуальности в современных реалиях социальных, военно-политических, экономических, культурных трансформаций. Вместе с перестройкой российского общества появляются новые профессии, меняется картина востребованности молодых специалистов на рынке труда и требования к самому человеку, возрастают социальная мобильность современного мира, расширяется масштаб индивидуального выбора, активно разворачивается цифровой аспект социализации молодежи (Карабанова, Тихомандрицкая, Молчанов, 2024), что перестраивает процесс профессионального самоопределения. Разноплановые изменения современного мира заставляют задуматься о факторах, способныхказать влияние на процесс становления профессиональной идентичности в ранней юности. В данный возрастной период в качестве важного психологического новообразования выступает предварительное профессиональное самоопределение. На стадии реалистичной оптации юноши и девушки смотрят в свое будущее (Головаха, 2020; Шилова, 2024), происходит формирование профессиональных намерений, они пока не могут осуществить осознанный профессиональный выбор, скорее ориентированы на профессиональное поле, а не на определенную профессию (Зеер, 2008).

Профессиональное самоопределение находит выражение в становлении профессиональной идентичности (ПИ) (Молчанов, Кирсанов, 2018). Профессиональная идентичность выступает в

качестве ключевого психологического конструкта профессиональной деятельности (Брызгалин, Александрова, Пряжников, 2023), который осмыслен в науке как полисистемный (интегративный, комплексный, сложносоставной, многокомпонентный, многопараметрический, многоуровневый) психосоциально-динамический феномен профессиогенеза, определяющий степень принятия избранной профессиональной деятельности в качестве средства профессиональной самореализации, а также осознание аффилированности с определенной профессиональной группой и оценку уровня значимости членства в ней (Шнейдер, 2023).

Ценности как фундаментальные мотиваторы личности играют важную роль в формировании ПИ молодежи. Решение задачи профессионального самоопределения в юношеском возрасте в единстве с ценностным самоопределением выступает основой развития самодетерминации личности (Молчанов, Кирсанов, 2018). Система ценностно-смысловых ориентаций является опорой в планировании профессионального будущего (Карабанова, Тихомандрицкая, Молчанов, 2024), помогает определить степень соответствия особенностей и возможностей личности выбранной профессии (Брызгалин, Александрова, Пряжников, 2023), обеспечивает совладание с неблагоприятными условиями, постановку новых жизненных целей при изменении окружающей действительности, выступая тем самым в качестве ресурсного потенциала личности (Яницкий, Серый, 2024). Отсутствие определенных ценностей может приводить к профессиональной неопределенности (Барыльник, 2025).

Наряду с ценностными основаниями становления ПИ в ранней юности в научных публикациях особое внимание уделяется обсуждению значимости качества процессов саморегуляции в данном процессе становления и умений планирования профессионального будущего. Наличие хорошо сформированных навыков саморегуляции и сбалансированный образ будущего в профессиональной сфере в совокупности способны выполнить функцию предвосхищающей социализации. В данных контекстах подчеркивается важная роль следующих факторов и их взаимосвязи друг с другом: информированность юношей и девушек в отношении мира профессий, знание своих способностей, склонностей, возможностей, понимание себя (Брызгалин, Александрова, Пряжников, 2023); используемые стратегии поведения и деятельности в настоящем, которые направлены на последовательную реализацию жизненных планов (Серый, Вечканова, 2015); модальности чувств и эмоций в отношении профессионального будущего (Гут и др., 2023); сформированность умений самостоятельно принимать решения в отношении выбора профессии, планирования, моделирования, программирования профессионального развития, оценки результатов (Морсанова, Коноз, 2010); способность к рефлексии опыта решения жизненных задач и личностного потенциала (Серый, Вечканова, 2015).

В последнее время в психологических исследованиях профессиональная идентичность осмыслена с позиции статусной модели идентичности, оперирующей категорией статусов, которые отверкали ранг в профессиональном развитии личности в период ран-

ней юности (Брызгалин, Александрова, Пряжников, 2023). В данной модели статус профессиональной идентичности рассматривается как показатель успешности решения ключевой задачи развития в юности (Молчанов, Кирсанов, 2018). В пространстве психологических исследований выделяют «статус сформированной профессиональной идентичности», «статус моратория (кризис выбора)», «статус диффузной (неопределенной)» и «предрешенной (навязанной)» профессиональной идентичности (Kroger, Marcia, 2022). Анализ доступных результатов эмпирических исследований статусов ПИ в возрасте ранней юности показал близкие результаты. Наиболее распространенным статусом ПИ является «мораторий», когда юноши и девушки анализируют разные профессионально значимые альтернативы, стремятся сформировать картину профессионального будущего, примерить систему профессионально значимых целей, ценностей и установок (Андреева, Лисичкина, Бrimova, 2021; Коньшина, Пряжников, Садовникова, 2018). В отношении других статусов единой научной картины не наблюдается.

Известно, что институты социализации влияют на профессиональное самоопределение в юности. Изучение их роли в социализации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, помещенных на длительное время в центры помощи детям, требует особого внимания. Немало доказательств тому, что процессы и результаты социализации воспитанников центров помощи качественно иные по сравнению с теми, которые можно наблюдать у детей, воспитывающихся в семьях. В психологии сиротства уста-

новлено, что профессиональное самоопределение является одной из самых болезненных проблем воспитания подростков, социализирующихся вне семьи. Особенности социализации в условиях центров помощи детям способны оказать влияние на профессиональное становление в юности (Козырева, 2016). В данном контексте необходимо отметить режим и уклад жизни в учреждениях, малое число контактов с внешним миром, строгое регламентирование поведения воспитанников, при котором у них не остается возможности самостоятельно выбирать и нести личностную ответственность за свои поступки (Арон, 2017). Одним из значимых факторов влияния на профессиональное самоопределение в условиях внесемейного воспитания выступает депривационный синдром. Депривация может сформировать ощущение беспомощности, потери чувства собственного достоинства, неуверенность в собственных силах, низкую самооценку, неадекватный образ «Я», установку на восприятие окружающего мира как враждебного, неумение адаптироваться к новым условиям социальной среды, выстраивать взаимодействие с другими людьми, эгоцентричную направленность. У юношей и девушек, воспитывающихся вне семьи, присутствует пониженный уровень жизнестойкости, повышенный уровень враждебности и агрессии, выраженная склонность к девиантному поведению, недостаточно развито самосознание, которое является одним из основополагающих факторов формирования профессиональных перспектив. Отмечается предельная суженность и обедненность картины мира профессий, пониженная активность в отношении выбора будущей профессии, отсутствие жизненных планов на будущее, противоречивые отношения к будущему, пессимистичный и тревожащий образ будущего, слабая самомотивация, невыраженные навыки планирования и целеполагания, низкий уровень процессов саморегуляции (Козырева, 2016; Руженков, Гомеляк, 2013).

Предпринятый анализ научных публикаций показал, что отдельные аспекты поставленной проблемы рассмотрены достаточно глубоко. Вместе с тем предикторы статусов профессиональной идентичности юношей и девушек с учетом разных ситуаций социального развития широко не изучались. Вопросы ценностных оснований профессионального самоопределения, сформированности процессов саморегуляции поведения, особенностей представлений о профессиональном будущем на юношеском этапе социализации в научном психологическом поле представлены фрагментарно и чаще всего изолированно друг от друга. Сложный нелинейный характер профессионального самоопределения может быть осмыслен в единстве феноменов и процессов, влияющих на профессиональный выбор. В связи с этим было реализовано исследование, целью которого стало выявление различий в ценностях, регуляторных процессах, эмоциональной оценке образа профессионального будущего, определение предикторов статусов профессиональной идентичности юношей и девушек из кровных семей (КС) и воспитанников центров помощи детям, оставшимся без попечения родителей (ЦПД). В качестве основных задач выступили: выявление степени выраженности ста-

тусов профессиональной идентичности в группах юношей и девушек, социализирующихся в разных условиях; установление различий между группами в отношении ценностной структуры личности, развития регуляторных процессов и регуляторно-личностных свойств, представлений респондентов о своем профессиональном будущем; определение ценностных, регуляторных, временных факторов, способных оказать влияние на статусы профессиональной идентичности у юношей и девушек, воспитывающихся в кровных семьях и центрах помощи детям. Гипотезы: юноши и девушки, социализирующиеся в разных условиях, имеют различия в отношении: 1) количественных и содержательных характеристик предикторов статусов профессиональной идентичности (основная); 2) ценностей, саморегуляции, эмоционального отношения к образу профессионального будущего (дополнительная).

Материалы и методы

В исследовании приняли участие 260 респондентов в возрасте 15–17 лет (52% – юноши, 48% – девушки), 140 из кровных семей, 120 имеют статус детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, проживают и воспитываются в центрах помощи детям на территории Алтайского края.

Использовались следующие психо-диагностические инструменты: «Методика изучения статусов профессиональной идентичности» (А.А. Азбель, А.Г. Грецов), применялась с целью определения статусов профессиональной идентичности и степени их выраженности; «Морфологический тест жизненных

ценности» (В.Ф. Солов, Л.В. Карпушина), предназначался для выявления ценностной структуры личности; опросник «Стиль саморегуляции поведения» (В.И. Моросанова), использовался для диагностики развития регуляторных процессов и регуляторно-личностных свойств; методика «Семантический дифференциал времени» (Л.И. Вассерман, Е.А. Трифонова, К.Р. Червинская), направлена на выявление эмоционального отношения к образу профессионального будущего. Математико-статистический анализ данных осуществлялся посредством расчетов критерия однородности дисперсии Ливинга, критерия различия средних – t-критерия Стьюдента, множественного регрессионного анализа. Расчеты производились с использованием программного пакета «SPSS Statistics 23.0».

Результаты

«Методика изучения статусов профессиональной идентичности» позволила определить их выраженность у юношей и девушек из КС и у воспитанников ЦПД. Респонденты были распределены по группам в соответствии с преобладающим статусом профидентичности: сформированная, неопределенная, навязанная или кризис профессионального выбора. Преобладающим считался статус, который имел степень выраженности выше среднего уровня (15 бал. и выше) или ярко выраженную степень (20 бал. и выше). Так, 41% юношей и девушек из КС, 28% из ЦПД находятся на этапе кризиса профессионального выбора, что указывает на активный поиск альтернатив будущего профессионального развития, примерку различных профес-

сиональных ролей, стремление как можно больше узнать о разных профессиях. 27% участников исследования из КС, 8% из ЦПД имеют выраженный уровень навязанной ПИ, что свидетельствует о том, что они выбрали свой дальнейший профессиональный путь, ориентируясь не на собственные желания и цели, а на мнения авторитетов (взрослых, родителей, друзей, учителей и др.). У 18% юношей и девушек из КС и 53% из ЦПД выявлен выраженный статус неопределенной ПИ, что означает отсутствие у них устоявшихся целей и планов в области профессионального будущего. 14% юношей и девушек из КС, 11% из ЦПД имеют высокий уровень сформированной профессиональной идентичности, что указывает на готовность сделать осознанный профессиональный выбор. В целом у значительного количества юношей и девушек из обеих исследовательских групп выражен кризис профессионального выбора. Лишь у небольшой части участников исследования сформированы конкретные представления о перспективах своего профессионального становления. Так же необходимо отметить, что у юношей и девушек из КС достаточно часто существует статус навязанной профессиональной идентичности, у воспитанников ЦПД преобладает статус неопределенной профессиональной идентичности.

С помощью методики «Морфологический тест жизненных ценностей» выявлена значимость жизненных ценностей и сфер их реализации участников исследования, социализирующихся в разных условиях. У юношей и девушек из КС степень значимости жизненных ценностей и сфер их реализации находится в диапазоне средних значений

(4–7 ст.), у юношей и девушек из ЦПД находятся в диапазонах низких (2–3 ст.) и средних (4–5 ст.) значений.

Статистически значимые различия по t-критерию Стьюдента обнаружены между группами в отношении ценностей «развитие себя» ($t = -4,81; p = 0,001$), «духовное удовлетворение» ($t = -6,50; p = 0,001$), «креативность» ($t = -5,06; p = 0,001$), «материальное положение» ($t = -10,02; p = 0,001$) и жизненных сфер «профессиональная жизнь» ($t = -12,19; p = 0,001$), «образование и обучение» ($t = -5,90; p = 0,001$), «семейная жизнь» ($t = -9,92; p = 0,001$) и «увлечения» ($t = -3,10; p = 0,003$). Значимость жизненных ценностей и жизненных сфер достоверно выше в группе юношей и девушек, воспитывающихся в кровных семьях. В отношении данной группы респондентов можно говорить о важности как духовно-нравственных (саморазвитие, моральное удовлетворение от жизни, реализация творческого потенциала), так и прагматических ценностей (материальное благополучие). Приоритетными сферами самореализации для представителей данной группы являются профессиональная сфера, сфера образования и обучения, сфера семейной жизни и сфера увлечений. Для воспитанников ЦПД рассматриваемые ценности и сферы их реализации менее важны. В контексте исследования становления профессиональной идентичности следует отметить низкую значимость сфер профессиональной жизни, образования и обучения, семейной жизни, а также материальных ценностей для респондентов данной группы.

Опросник «Стиль саморегуляции поведения» выявил степень развития про-

цессов саморегуляции и регуляторно-личностных свойств у юношей и девушек из КС и ЦПД. У юношей и девушек из кровных семей выраженность регуляторных процессов и регуляторно-личностных свойств находится в границах средних (5–6 бал.) и высоких (7 бал.) значений. У воспитанников центров помощи детям показатели саморегуляции в основном попадают в диапазоны средних (4–5 бал.) значений, реже встречаются низкий (3–4 бал.) и высокий уровни выраженности (7 бал.). Т-критерий Стьюдента позволил выявить достоверные различия между группами в отношении всех регуляторных процессов — «планирование» ($t = -2,16; p = 0,001$), «моделирование» ($t = -4,78; p = 0,001$), «программирование» ($t = -6,02; p = 0,001$), «оценивание результатов» ($t = -6,38; p = 0,001$) и регуляторно-личностных свойств — «гибкость» ($t = -5,13; p = 0,001$), «самостоятельность» ($t = 3,76; p = 0,001$). Согласно полученным данным, все показатели саморегуляции за исключением самостоятельности достоверно выше у юношей и девушек из КС. Они характеризуются высоким уровнем развития гибкости, что говорит о пластичности всех регуляторных процессов. В случае непредвиденных обстоятельств способны быстро оценить изменившиеся условия и легко скорректировать цели, планы, программы исполнительских действий. Процессы программирования соответствуют высокому уровню развития, что указывает на сформировавшиеся потребности детально и развернуто продумывать пути достижения целей. Они стремятся осознанно подходить к планированию своей деятельности, определять и учитывать значимые условия достижения целей как в текущей ситуации, так и в перспективном будущем, способны вполне адекватно оценивать результаты своей деятельности, достаточно самостоятельны в принятии решений. Юноши и девушки из ЦПД продемонстрировали высокий уровень самостоятельности, что говорит об их автономности в планировании, организации, контроле деятельности по достижению поставленных целей, самостоятельности в анализе, оценке промежуточных и конечных результатов деятельности. Наряду с этим они в меньшей степени, чем их сверстники, проживающие в кровных семьях, проявляют умение осознанно планировать свою деятельность, заранее продумывать последовательность действий, у них вполне реалистично получается оценивать результаты своей деятельности и поведения, оценивать изменения условий достижения цели и перестраивать свое поведение. Также следует отметить слабую сформированность процессов моделирования, что приводит к неадекватной оценке значимых условий достижения цели, трудностей в определении программы действий, адекватных сложившейся ситуации.

Методика «Семантический дифференциал времени» позволила определить эмоциональное отношение к образу профессионального будущего (ОПБ) юношей и девушек с разными условиями социализации. С помощью т-критерия Стьюдента были выявлены достоверные различия в ОПБ между группами респондентов по отдельным шкалам и факторам методики. Оценки будущего в группе юношей и девушек из кровных семей более позитивные по сравнению с оценками будущего воспитанниками центров

помочи детям. По шкалам значимые различия зафиксированы в отношении следующих характеристик профессионального будущего: «длительное—мгновенное» ($t = -4,72; p = 0,001$), «объемное—плоское» ($t = -4,73; p = 0,001$), «активное—пассивное» ($t = -3,15; p = 0,002$), «напряженное—расслабленное» ($t = -3,93; p = 0,001$), «плотное—пустое» ($t = -3,33; p = 0,001$), «понятое—непонятное» ($t = -3,74; p = 0,001$), «непрерывное—прерывное» ($t = -8,54; p = 0,001$), «частное—общее» ($t = -5,16; p = 0,001$). Также достоверные различия установлены в отношении всех факторов оценки будущего: «активность» ($t = 5,13; p = 0,001$), «эмоциональная окраска» ($t = 5,49; p = 0,001$), «величина» ($t = 5,14; p = 0,001$), «структура» ($t = 5,87; p = 0,001$), «ощущаемость» ($t = 3,72; p = 0,001$).

У юношей и девушек, воспитывающихся в КС, показатели по факторам семантического дифференциала соответствуют существенно повышенному (7–11 бал.), повышенному (6–9 бал.) и пониженному уровням (4 бал.). В структуре эмоционального отношения к профессиональному будущему преобладают положительные эмоции и чувства (радость, удовольствие, воодушевление и др.). Юноши и девушки интеллектуально и эмоционально вовлечены в ожидаемое будущее, которое видится им ярким и насыщенным разнообразными событиями. Предвосхищаемые события представляются прогнозируемыми, структурированными, подконтрольными, взаимосвязанными друг с другом, что создает предпосылки для восприятия предстоящего периода жизни как стабильного. Будущее наполнено смыслом, соотносится с ощущением внутрен-

ней свободы, минимизацией внешних факторов, способных блокировать удовлетворение актуальных потребностей, сопряжено с высоким мотивационным потенциалом, возможностями для самореализации, широкой жизненной перспективой. Вместе с тем присутствует пониженный уровень динаминости будущего, указывающий на нехватку разнообразия в событиях и впечатлениях.

У юношей и девушек, воспитывающиеся в ЦПД, показатели по всем факторам семантического дифференциала попадают в диапазон существенно пониженных значений (-1,5–0,1 бал.). Это указывает на мрачное видение будущего, которое наполнено негативными эмоциями и чувствами (тревогой, печалью, раздражением, подавленностью, гневом), а также переживаниями фрустрированности, бесперспективности, безнадежности, беспомощности. Будущее в представлениях данных респондентов обеднено жизненными событиями, впечатлениями, какой-либо активностью. Они предвосхищают труднопреодолимые препятствия на пути удовлетворения важных потребностей, что приводит к потере смысловой наполненности и личностной значимости будущего, сужению жизненной перспективы. Внешний и внутренний мир в контексте будущего воспринимаются недостаточно упорядоченными, слабо структурированными, трудно прогнозируемыми, неподконтрольными. Юноши и девушки слабо вовлечены в размышления о своем будущем, занимают отстраненную позицию в отношении планирования жизненного пути.

С помощью метода регрессионного анализа выявлены предикторы статусов профессиональной идентичности в иссле-

дуемых группах респондентов. Для группы юношей и девушек из КС получены статистически значимые регрессионные модели для следующих статусов ПИ:

1) статус «кризис выбора» ($R^2 = 0,69$, $p = 0,001$) — детерминирован положительными предикторами — «образование и обучение» ($\beta = 0,93$, $t = 6,47$, $p = 0,001$), «материальное положение» ($\beta = 0,81$, $t = 4,28$, $p = 0,001$), «гибкость» ($\beta = 0,42$, $t = 3,03$, $p = 0,005$), шкала «активное—пассивное будущее» ($\beta = 0,57$, $t = 3,35$, $p = 0,002$) и отрицательными предикторами — «оценивание результатов» ($\beta = -0,31$, $t = -2,79$, $p = 0,008$), шкала «напряженное—расслабленное будущее» ($\beta = -0,19$, $t = -1,26$, $p = 0,007$). Модель регрессии показывает, что кризис профессионального выбора обусловлен важностью сферы образования и обучения, значимостью материальных ценностей; предвосхищением активной, в то же время разумеренной жизни в будущем; развитой гибкостью, позволяющей быстро перестраивать план действий по достижению цели под изменившимся обстоятельства; недостаточно сформированым умением оценки себя и результатов своей деятельности и поведения, что проявляется в некритичности к своим действиям, неустойчивости субъективных критериев успешности деятельности, ухудшении качества результатов при увеличении объема работы;

2) статус «навязанная профессиональная идентичность» ($R^2 = 0,57$, $p = 0,02$) — имеет значимые положительные предикторы, такие как «материальное положение» ($\beta = 0,44$, $t = 2,92$, $p = 0,006$), «активное—пассивное будущее» ($\beta = 0,82$, $t = 5,04$, $p = 0,001$), и отрицательные предикторы — «развитие

себя» ($\beta = -0,95$, $t = -6,50$, $p = 0,001$), «напряженное—расслабленное будущее» ($\beta = -0,33$, $t = -2,35$, $p = 0,02$). Модель регрессии свидетельствует о влиянии на статус навязанной идентичности таких факторов, как важность материальных ценностей, недостаточно сформированное умение к познанию своих индивидуальных особенностей и развитию себя, а также представление о своем будущем как активном и расслабленном периоде жизни;

3) статус «сформированная профессиональная идентичность» ($R^2 = 0,48$, $p = 0,05$) — в качестве значимых положительных предикторов обнаруживает «образование и обучение» ($\beta = 0,78$, $t = 3,40$, $p = 0,002$), «профессиональная жизнь» ($\beta = 0,67$, $t = 2,95$, $p = 0,004$), «планирование» ($\beta = 0,10$, $t = 0,61$, $p = 0,001$). Модель регрессии показывает, что значимыми факторами профессионального выбора выступают важность сфер получения образования и профессиональной жизни, развитое умение осознанного планирования деятельности, способность самостоятельно строить реалистичные жизненные планы.

Для статуса «неопределенная профессиональная идентичность» статистически значимых регрессионных моделей не было получено.

В группе юношей и девушек из ЦПД получены статистически значимые регрессионные модели для следующих статусов ПИ:

1) статус «кризис выбора» ($R^2 = 0,48$, $p = 0,02$) — имеет значимые положительные предикторы «развитие себя» ($\beta = 0,44$, $t = 2,40$, $p = 0,002$), «духовное удовлетворение» ($\beta = 0,53$, $t = 2,10$, $p = 0,004$), «сохранение собственной

индивидуальности» ($\beta = 0,70, t = 3,08, p = 0,004$). Модель регрессии показывает, что кризис профессионального выбора обусловлен выраженной стремлением познания и развития собственной личности; удовлетворения духовных потребностей в противовес материальным; защиты своей неповторимости и независимости, проявляющихся в преобладании собственных мнений, взглядов, убеждений над общепринятыми;

2) статус «неопределенная профессиональная идентичность» ($R^2 = 0,49, p = 0,02$) — обнаруживает значимые отрицательные предикторы, связанные с регуляторными процессами, в частности «моделированием» ($\beta = -0,46, t = -3,02, p = 0,005$) и «планированием» ($\beta = -0,14, t = -0,91, p = 0,008$). Так, важными факторами данного статуса профессиональной идентичности выступают недостаточное развитие потребностей в планировании будущего, умений осознанно ставить цели и строить планы по их достижению, нереалистичные оценки условий достижения целей, отсутствие пластичности в меняющихся условиях жизни и деятельности. В подобных условиях юноши и девушки предпочитают не задумываться о своем будущем, цели выдвигают ситуативно и, как правило, несамостоятельно, поэтому такие цели редко могут быть достигнуты, планы подвержены частым изменениям.

Для статусов «сформированная» и «навязанная» ПИ статистически значимых регрессионных моделей получено не было.

Обсуждение результатов

Полученные в исследовании данные, подтвердившие гипотезы, позволили

составить психологическое описание юношей и девушек с разными условиями социализации в разрезе ценностных, регуляторных, временных детерминант статусов профидентичности (см. Приложение А, табл. А).

Результаты, представленные в вышеизданной таблице, согласуются с опубликованными ранее научными изысканиями, дополняют их и обладают новизной.

Нашел подтверждение феномен, ранее описанный в исследованиях (Андреева, Лисичкина, Бrimova, 2021; Коньшина, 2018; Молчанов, Кирсанов, 2018), указывающий на доминирование статуса «кризис выбора» у юношей и девушек, воспитывающихся в семьях. Наряду с этим данные предпринятого исследования позволили установить, что в отношении внесемейного воспитания распространенным является статус «неопределенной профессиональной идентичности».

Выявлены различия ценностей, саморегуляции, эмоционального отношения к образу профессионального будущего у юношей и девушек из кровных семей и центров помощи детям.

Отличия в ценностной сфере заключаются в разной значимости ценностей профессиональной жизни, образования и обучения, семейной жизни, материальных ценностей для представителей исследованных групп. Данные ценности в большем приоритете у юношей и девушек из КС. Полученные результаты согласуются с данными (Руженков, Гомеляк, 2013) о низкой степени иерархизации системы ценностей у юношей и девушек, воспитывающихся вне семьи. Вместе с тем дополнено, что самую низкую значимость для них имеют сферы

профессиональной жизни, образования и обучения.

Различия в развитии процессов саморегуляции состоят в более выраженных умениях планирования, моделирования, гибкости у юношей и девушек из КС. Это частично согласуется с опубликованными данными о низком уровне сформированности саморегуляции у подростков, лишенных родительского попечения (Руженков, Гомеляк, 2013). Проведенное исследование установило, что социализация в семье сопряжена с высокой степенью развития гибкости как регуляторно-личностного свойства, это нашло подтверждение в изучении идентичности поколения зумеров, у которых гибкость является одной из выпуклых характеристик самоатрибуции (Белинская, Рикель, 2024).

Выявлены различия в представлениях о профессиональном будущем у юношей и девушек в зависимости от условий социализации, связанные со степенью вовлеченности в его планирование и характером эмоциональных переживаний. Полученные эмпирические данные не противоречат сложившимся представлениям о том, что образ будущего в случае воспитания в семьях более позитивный (Шилова, 2024).

Показано, что статусы профидентичности у юношей и девушек в зависимости от условий социализации детерминированы предикторами, имеющими различия как в количественных, так и содержательных характеристиках.

Выводы

На основе анализа результатов исследования можно сделать следующие выводы:

1. У юношей и девушек из кровных семей преобладает статус «кризис выбора», а у воспитанников центров помощи – статус неопределенной профессиональной идентичности.

2. Юноши и девушки с разными условиями социализации имеют отличия в ценностной структуре личности, уровне развития регуляторных процессов и регуляторно-личностных свойств, характеризуются полярным по отношению друг к другу эмоциональным отношением к образу профессионального будущего.

3. Существует предиктивная специфика статусов профессиональной идентичности в зависимости от условий социализации. У юношей и девушек, воспитывающихся в семьях, система, обуславливающая становление профессиональной идентичности, сложнее организована, чем у воспитанников центров помощи детям. Статусы профессиональной идентичности в разных условиях социализации детерминированы разной совокупностью предикторов.

Заключение

Результаты исследования подчеркивают ведущую роль условий социализации в становлении профессиональной идентичности в ранней юности в современных реалиях развития личности в российском обществе. С одной стороны, они оголяют остроту проблемы профессионального становления детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а также рисков разноплановых деформаций их профидентичности, с другой стороны, вскрывают необходимость пристального внимания к более широкой общественной проблеме – проблеме внесемейной социализации

детей. Стало возможным конкретизировать мишени психологической помощи воспитанникам центров помощи, состоящие в развитии ценностного самоопределения, которое служит основанием для выбора и реализации профессиональных интересов, процессов саморегуляции, умений планирования профессионального будущего, концентрации на его позитивных аспектах.

Перспективами исследования может выступить изучение заявленной проблем-

мы с позиций системного подхода, позволяющего осмыслить профессиональную идентичность в ранней юности как динамично изменяющийся целостный феномен, выявить его гендерную специфику.

Ограничения. В исследовании участвовали юноши и девушки, проживающие на территории Алтайского края.

Limitations. The study involved young men and women living in the Altai Territory.

Список источников / References

1. Азбель, А.А., Грецов, А.Г. (2006). Методика изучения статусов профессиональной идентичности. В: Грецов, А.Г., Азбель, А.А. *Узнай себя. Психологические тесты для подростков* (с. 143–155). СПб.: Питер.
Azbel, A.A., Gretsov, A.G. (2006). Methodology for studying professional identity statuses. In: Gretsov, A.G., Azbel, A.A. *Know Yourself. Psychological Tests for Teenagers* (pp. 143–155). St. Petersburg: Piter. (In Russ.).
2. Андреева, А.Д., Лисичкина, А.Г., Бrimova, Л.А. (2021). Динамика формирования профессиональной идентичности у старшеклассников московских и региональных школ. *Вестник Московского государственного областного университета*, 2, 127–140. <https://doi:10.18384/2310-7235-2021-2-127-140>
Andreeva, A.D., Lisichkina, A.G., Brimova, L.A. (2021). The dynamics of professional identity formation among high school students in Moscow and regional schools. *Bulletin of the Moscow State Regional University*, 2, 127–140. (In Russ.). <https://doi:10.18384/2310-7235-2021-2-127-140>
3. Арон, И.С. (2017). Социальная ситуация развития и субъектные ресурсы профессионального самоопределения девиантных подростков. *Педагогика и психология образования*, 4, 97–106.
Aron, I.S. (2017). The social situation of development and the subjective resources of professional self-determination of deviant adolescents. *Pedagogy and Psychology of Education*, 4, 97–106. (In Russ.).
4. Барыльник, С.Н. (2025). Профессиональное самоопределение молодежи в условиях современных вызовов России. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 1-2(100), 27–30. <https://doi:10.24412/2500-1000-2025-1-2-27-31>
Barylnik, S.N. (2025). Professional self-determination of youth in the context of modern challenges in Russia. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 1-2(100), 27–30. (In Russ.). <https://doi:10.24412/2500-1000-2025-1-2-27-31>
5. Белинская, Е.П., Рикель, А.М. (2024). Идентичность поколений: социально-психологический подход и опыт эмпирического исследования. *Национальный психологический журнал*, 19(3), 31–45. <https://doi:10.11621/npj.2024.0303>

- Belinskaya, E.P., Rikel, A.M. (2024). The identity of generations: a socio-psychological approach and empirical research experience. *National Psychological Journal*, 19(3), 31–45. (In Russ.). <https://doi:10.11621/npj.2024.0303>
6. Брызгалин, Е.А., Александрова, Ю.Ю., Пряжников, Н.С. (2023). Теоретико-психологический анализ современных представлений о профессиональной идентичности: общие принципы. Часть 1. *Психологические исследования*, 16(92), 7. Bryzgalin, E.A., Alexandrova, Y.Y., Pryazhnikov, N.S. (2023). Theoretical and psychological analysis of modern concepts of professional identity: general principles. Part 1. *Psychological research*, 16(92), 7. (In Russ.).
7. Вассерман, Л.И., Трифонова, Е.А., Червинская, К.Р. (2009). *Семантический дифференциал времени: экспертная психодиагностическая система в медицинской психологии*. СПб.: СПб НИПНИ им. В.М.Бехтерева. Wasserman, L.I., Trifonova, E.A., Chervinskaya, K.R. (2009). *Semantic differential of time: expert psychodiagnostic system in medical psychology*. St. Petersburg: St. Petersburg Research Institute named after V.M. Bekhterev. (In Russ.).
8. Головаха, Е.И. Профессиональное самоопределение молодежи (2020). *Mир психологии*, 6, 29–40. Golovakha, E.I. Professional self-determination of youth (2020). *The World of Psychology*, 6, 29–40. (In Russ.).
9. Гут, Ю.Н., Кабардов, М.К., Жамбекеева, З.З., Кошелева, Ю.П., Груша, А.В. (2023). Эмоционально-личностные детерминанты профессиональной идентичности старшеклассников. *Психологическая наука и образование*, 28(1), 66–84. <https://doi.org/10.17759/pse.2023280103> Gut, Y.N., Kabardov, M.K., Zhambeeva, Z.Z., Kosheleva, Y.P., Grusha, A.V. (2023). Emotional and personal determinants of professional identity of high school students. *Psychological Science and Education*, 28(1), 66–84. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/pse.2023280103>
10. Зеер, Э.Ф. (2008). *Психология профессий*. М.: Академический проект. Zeer, E.F. (2008). *Psychology of professions*. Moscow: Academic project. (In Russ.).
11. Карабанова, О.А., Тихомандрицкая, О.А., Молчанов, С.В. (2024). Связь базовых ценностей личности с характером психологической адаптации к глобальным цифровым рискам. *Психологическая наука и образование*, 29(4), 104–125. <https://doi:10.17759/pse.2024290409> Karabanova, O.A., Tikhomandritskaya, O.A., Molchanov, S.V. (2024). The relationship of basic personality values with the nature of psychological adaptation to global digital risks. *Psychological Science and Education*, 29(4), 104–125. (In Russ.). <https://doi:10.17759/pse.2024290409>
12. Козырева, Н.В. (2016). Роль профессионального самоопределения в социализации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. *Образование, карьера, общество*, 2(49), 34–38. Kozyreva, N.V. (2016). The role of professional self-determination in the socialization of orphaned children and children left without parental care. *Education, Career, Society*, 2(49), 34–38. (In Russ.).
13. Коньшина, Т.М., Пряжников, Н.С., Садовникова, Т.Ю. (2018). Личная профессиональная перспектива современных российских старших подростков: ценностно-смысловой аспект. *Вестник московского университета. Сер. 14. Психология*, 3, 37–59. <https://doi:10.11621/vsp.2018.03.37> Konshina, T.M., Pryazhnikov, N.S., Sadovnikova, T.Y. (2018). Personal professional perspective of modern Russian older teenagers: a value-semantic aspect. *Bulletin of the Moscow University. Ser. 14. Psychology*, 3, 37–59. (In Russ.). <https://doi:10.11621/vsp.2018.03.37>

Ральникова И.А. (2025)
Статусы профессиональной идентичности юношей
и девушек с разными условиями социализации...
Социальная психология и общество,
16(3), 63–78.

Ralnikova I.A. (2025)
The professional identity statuses
of boys and girls with different socialization...
Social Psychology and Society,
16(3), 63–78.

14. Молчанов, С.В., Кирсанов, К.А. (2018). Связь личной профессиональной перспективы и статуса идентичности в профессиональной сфере в старшем подростковом возрасте. *Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Психологические науки*, 4, 38–49. <https://doi:10.18384/2310-7235-2018-4-38-49>
- Molchanov, S.V., Kirsanov, K.A. (2018). The relationship between personal professional perspective and identity status in the professional sphere in older adolescence. *Bulletin of the Moscow State Regional University. Ser. Psychological Sciences*, 4, 38–49. (In Russ.). <https://doi:10.18384/2310-7235-2018-4-38-49>
15. Моросанова, В.И. (2004). *Опросник «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ): Руководство*. М.: Когито-Центр.
- Morosanova, V.I. (2004). *Questionnaire «Style of Self-Regulation of Behavior» (SSRB): Manual*. Moscow: Cogito-Center. (In Russ.).
16. Моросанова, В.И., Коноз, Е.М. (2000). Стилевая саморегуляция поведения человека. *Вопросы психологии*, 2, 118–127.
- Morosanova, V.I., Konoz, E.M. (2000). Stylistic self-regulation of human behavior. *Questions of Psychology*, 2, 118–127. (In Russ.).
17. Руженков, В.А., Гомеляк, Ю.Н. (2013). Ценностные ориентации подростков, лишенных родительского попечения, как предиктор риска социальной дезадаптации. *Актуальные проблемы медицины*, 4(147), 88–92.
- Ruzhenkov, V.A., Gomelyak, Y.N. (2013). Value orientations of adolescents deprived of parental care as a predictor of the risk of social maladaptation. *Actual Problems of Medicine*, 4(147), 88–92. (In Russ.).
18. Серый, А.В., Вечканова, Е.М. (2015). Темпоральные аспекты актуализации смысловых граней субъективных образов переживания кризиса идентичности в период юности. *Вестник Кемеровского государственного университета*, 3(63), 238–347.
- Seryy, A.V., Vechkanova, E.M. (2015). Temporal aspects of actualization of semantic facets of subjective images of experiencing an identity crisis during adolescence. *Bulletin of Kemerovo State University*, 3(63), 238–347. (In Russ.).
19. Сопов, В.Ф., Карпушина, Л.В. (2001). Морфологический тест жизненных ценностей. *Журнал «Прикладная психология*, 4, 9–30.
- Sopov, V.F., Karpushina, L.V. (2001). Morphological test of life values. *Journal of Applied Psychology*, 4, 9–30. (In Russ.).
20. Шилова, Н.П. (2024). Динамика в формировании образа будущего от подростничества до взрослости. *Вестник МГПУ. Сер. «Педагогика и психология»*, 18(1-2), 129–149. <https://doi:10.25688/2076-9121.2024.18.1-2.15>
- Shilova, N.P. (2024). Dynamics in shaping the image of the future from adolescence to adulthood. *Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Ser. “Pedagogy and Psychology”*, 18(1-2), 129–149. (In Russ.). <https://doi:10.25688/2076-9121.2024.18.1-2.15>
21. Шнейдер, Л.Б. (2023). *Психология идентичности*. М.: Юрайт.
- Schneider, L.B. (2023). *Psychology of identity*. Moscow: Yurait. (In Russ.).
22. Яницкий, М.С., Серый, А.В. (2024). Ценностно-смысловые компоненты ресурсного потенциала личности. *Личность: ресурсы и потенциал*, 21(1), 21–27.
- Yanitskiy, M.S., Seryy, A.V. (2024). Value-semantic components of a person's resource potential. *Personality: Resources and Potential*, 21(1), 21–27. (In Russ.).
23. Kroger, J., Marcia, J.E. (2022). *Erikson, the identity statuses, and beyond. The Cambridge handbook of identity*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi:10.1017/9781108755146.012>

Ральникова И.А. (2025)
Статусы профессиональной идентичности юношей
и девушек с разными условиями социализации...
Социальная психология и общество,
16(3), 63–78.

Ralnikova I.A. (2025)
The professional identity statuses
of boys and girls with different socialization...
Social Psychology and Society,
16(3), 63–78.

Приложение / Appendix

Приложение А. Психологическое описание юношей и девушек с разными условиями социализации. <https://doi.org/10.17759/sps.2025160304>

Appendix A. Psychological description of boys and girls with different socialization conditions. <https://doi.org/10.17759/sps.2025160304>

Информация об авторах

Ирина Александровна Ральникова, доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии и педагогического образования, институт гуманитарных наук, Алтайский государственный университет (ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»), Барнаул, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9411-8787>, e-mail: irinralnikova@yandex.ru

Information about the authors

Irina A. Ralnikova, Doctor of Science (Psychology), Professor of the Department of Social Psychology and Teacher Education, Institute of Humanities, Altai State University, Barnaul, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9411-8787>, e-mail: irinralnikova@yandex.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declare no conflict of interest.

Декларация об этике

Письменное информированное согласие на участие в этом исследовании было предоставлено законными представителями респондентов.

Ethics statement

Written informed consent for participation in this study was provided by the legal representatives of the respondents.

Поступила в редакцию 04.06.2025

Received 2025.06.04

Поступила после рецензирования 19.07.2025

Revised 2025.07.19

Принята к публикации 19.09.2025

Accepted 2025.09.19

Опубликована 30.09.2025

Published 2025.09.30

Научная статья | Original paper

Особенности семейных отношений женщин-предпринимателей сферы малого семейного бизнеса

Ю.С. Мурзина , И.А. Русеева, Е.Ю. Зарубко

Тюменский государственный университет, Тюмень, Российская Федерация

 y.s.murzina@utmn.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Женщины-предприниматели вносят значительный вклад в экономическое развитие страны. В Российской Федерации 40,2% от общего числа субъектов малого бизнеса управляется женщинами. Исследования показывают, что психологические особенности семейных отношений и эффективность бизнеса взаимосвязаны. Женщины-предприниматели вынуждены балансировать между семейными ролями (супруги, матери) и ролью руководителя бизнеса, что часто приводит к конфликтам.

Цель. Изучить особенности семейных отношений женщин-предпринимателей сферы малого семейного бизнеса.

Гипотезы. 1. Женщины-предприниматели имеют более высокие показатели по шкале адаптации семейной системы по сравнению с мужчинами-предпринимателями. 2. У женщин-предпринимателей есть расхождение между реальной и идеальной семейной системой. 3. Идеальная семейная система по сравнению с реальной в представлениях женщин-предпринимателей предполагает снижение по шкале адаптации.

Методы и материалы. В исследовании участвовали 129 владельцев малого семейного бизнеса (51,2% мужчин, 48,8% женщин). Использовалась русскоязычная версия Шкалы сплоченности и адаптации «FACES-3» Д. Олсона, Дж. Портнера и И. Лави в адаптации Э.Г. Эйдемиллера, а также краткая демографическая анкета. Статистическая обработка выполнялась с помощью U-критерия Манна-Уитни, T-критерия Уилкоксона и с применением коэффициента d Коэна.

Результаты. Женщины-предприниматели имеют более высокие показатели адаптации (гибкости) в семейных отношениях по сравнению с мужчинами-предпринимателями. У женщин, как и у мужчин, выявлено расхождение между реальной и идеальной семейной системой, но только показатели сплоченности имеют и значимое различие, и достаточную силу эффекта.

Выводы. Семьи женщин-предпринимателей имеют тенденцию к большей хаотичности, разбалансированности ролей. В представлениях об идеальной семейной системе присутствует высокая сплоченность, что говорит о стремлении предпринимателей к большей эмоциональной близости и связи с членами семьи.

Ключевые слова: семейные отношения, семейная сплоченность, семейная адаптация, женщины-предприниматели

Мурзина Ю.С., Русаяева И.А., Зарубко Е.Ю. (2025) Особенности семейных отношений женщин-предпринимателей сферы малого семейного бизнеса. Социальная психология и общество, 16(3), 79–98.

Murzina J.S., Rusyaeva I.A., Zarubko E.Y. (2025) Characteristics of family relations of women entrepreneurs in small family business Social Psychology and Society, 16(3), 79–98.

Благодарности. Мы благодарны семьям предпринимателей, которые приняли участие в этом исследовании и любезно нашли время, чтобы раскрыть некоторые аспекты своей семейной жизни.

Дополнительные данные. Наборы данных можно запросить у автора (Ю.С. Мурзина).

Для цитирования: Мурзина, Ю.С., Русаяева, И.А., Зарубко, Е.Ю. (2025). Особенности семейных отношений женщин-предпринимателей сферы малого семейного бизнеса. *Социальная психология и общество*, 16(3), 79–98. <https://doi.org/10.17759/sps.2025160305>

Characteristics of family relations of women entrepreneurs in small family business

J.S. Murzina ✉, I.A. Rusyaeva, E.Y. Zarubko

Tyumen State University, Tyumen, Russian Federation

✉ y.s.murzina@utmn.ru

Abstract

Context and relevance. Women entrepreneurs contribute significantly to the economic development of the country. In Russian Federation, 40,2% of the total number of small business entities are managed by women. Research evidence that psychological characteristics of family relationships and business efficiency are interconnected. Women entrepreneurs are forced to balance between family roles (spouse, mother) and the role of business manager, which often leads to conflicts.

Objective. To study the characteristics of family relations of women entrepreneurs in the field of small family business.

Hypotheses. 1. Women entrepreneurs have higher rates of family system adaptation in comparison to male entrepreneurs. 2. Women entrepreneurs have a gap between real and ideal family system. 3. The ideal family system compared to the real one in the women entrepreneurs' perceptions implies a lower adaptability scale.

Methods and materials. The study involved 129 Russian entrepreneurs (51,2% men, 48,8% women). Russian-language version of Olson's Family Adaptability and Cohesion Scale III Questionnaire (FACES-3) was used for data collection. Authors also used brief demographic questionnaire to study the formal characteristics of respondents, their families and businesses. Statistical processing was performed using The Mann–Whitney U-test, the Wilcoxon signed-rank test, Cohen's *d*.

Results. Women entrepreneurs have higher scores of adaptability in family relationships than men entrepreneurs. The discrepancy between the real and ideal family system was revealed for women and men sample. Only the cohesion indicators have a significant difference and sufficient force of effect.

Conclusion. Families of women entrepreneurs tend to be more chaotic, with roles unbalanced. The ideal family system of entrepreneurs implies a rise in cohesion that correspond to entrepreneurs' desire of greater emotional bond between family members.

Keywords: family relationship, family cohesion, family flexibility, women entrepreneurs

Мурзина Ю.С., Русяева И.А., Зарубко Е.Ю. (2025) Особенности семейных отношений женщин-предпринимателей сферы малого семейного бизнеса. Социальная психология и общество, 16(3), 79–98.

Murzina J.S., Rusyaeva I.A., Zarubko E.Y. (2025) Characteristics of family relations of women entrepreneurs in small family business Social Psychology and Society, 16(3), 79–98.

Acknowledgments. We are grateful to the families of entrepreneurs who participated in this research and kindly took their time to disclose some aspects of their family life.

Supplemental data. Datasets can be requested from the author (J.S. Murzina).

For citation: Murzina, J.S., Rusyaeva, I.A., Zarubko, E.Y. (2025). Characteristics of family relations of women entrepreneurs in small family business. *Social Psychology and Society*, 16(3), 79–98. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2025160305>

Введение

Развитие и укрепление малого и среднего бизнеса является одним из приоритетных направлений экономического развития в мире (Sunnatillo, Behzod, 2011; Ugli, 2024). Семейный бизнес является важной частью национальных экономик многих стран (Domańska et al., 2023; Dvouletý, Orel, Procházka, 2025) и выступает важнейшим элементом экономической жизни в России.

Каждый семейный бизнес отражает создавшую его семью, поэтому семейный бизнес можно изучать через понимание управляющей им семьи (Michael-Tsabari, Lavee, 2012). В этой связи важным направлением психологических исследований становится анализ семейных отношений в бизнес-семьях.

Традиционно принято делить бизнес на женский и мужской (Coronel-Pangol, Paule-Vianez, Orden-Cruz, 2024). Женщины-предприниматели вносят значительный вклад в экономическое развитие, хотя, согласно отчету Global Entrepreneurship Monitor, мужчины чаще, чем женщины, инициируют создание бизнеса и чаще потом управляют им¹. По оценкам экспертов Торгово-про-

мышленной палаты России, 74% малых и средних предприятий в России являются семейными компаниями, а численность женщин-предпринимателей на 2021 год составляет 1,33 млн человек или 40,2% от общего числа субъектов малого бизнеса². Учитывая столь высокую распространенность семейного бизнеса и, в частности, женского предпринимательства, специфика взаимоотношений в семьях женщин-предпринимателей представляет особый научный и практический интерес.

Исследования женского предпринимательства можно сгруппировать по четырем основным направлениям. *Первое направление* сосредоточено на выявлении гендерной специфики предпринимательства. Согласно традиционным представлениям, роль женщины связана с семейными обязанностями, уходом за детьми и старшими родственниками (Achtenhagen, Welter, 2003; Woldie, Adersua, 2004), в то время как предпринимательство традиционно ассоциировалось с мужскими качествами: риском, напористостью, агрессивной конкуренцией (Bullough et al., 2022). Связывание этих психологических характеристик исключительно с ролью муж-

¹ *Global Report: Adapting to a «New Normal».* Network Global Entrepreneurship Monitor 2022/2023. URL: <https://gemconsortium.org/report/20222023-global-entrepreneurship-monitor-global-report-adapting-to-a-new-normal-2> (accessed 05.07.2024).

² *Семейное предпринимательство. Очень личный бизнес.* Торгово-промышленная палата Российской Федерации. URL: <https://family.tpprf.ru/about/> (дата обращения: 28.12.2024).

чины-предпринимателя может исказить образ женщины в бизнесе (Langowitz, Morgan, 2003), создать условия для ролевого конфликта в семье.

Второе направление включает исследования взаимодействия женщин-предпринимателей с традиционными нормами и стереотипами. В. Стед выделила пять форм поведения, которые используют женщины для соответствия стереотипам мужской роли предпринимателя (Stead, 2017):

1) действие через доверенных лиц (*by proxy*) — стратегия ведения бизнеса с помощью делового партнера-мужчины — посредника, играющего ведущую роль в обществе для достижения легитимности и признания бизнеса, женщина позиционируется как играющая второстепенную бизнес-роль;

2) «маскировка» (*concealment*) — женщина утаивает свои лидерские качества, свойственные роли предпринимателя, и активно проявляет противоположные феминные качества ради сохранения брака;

3) «моделирование нормы» (*modelling the norm*) — женщина, отказываясь от своей гендерной роли, копирует преобладающие нормы поведения, приписываемые образу мужчины-предпринимателя: стойкость, силу воли, выносливость, эмоциональнуюдержанность;

4) «умеренное разрушение гендерных норм» (*tempered disruption*) — деконструкция нормативных ожиданий того, кем является предприниматель. В этом случае женщина берет на себя роль видимого бизнес-лидера и строит бизнес, ориентированный на женщин;

5) «переключение идентичности» (*identity-switching*) — использование нескольких идентичностей и активация их в разных контекстах. Например, в семье акти-

визируется роль жены, а в бизнесе — предпринимательские и лидерские качества.

Третье направление — проведение описательных и сравнительных исследований в различных культурных и религиозных контекстах. Исследовательский интерес сосредоточен на ограничениях и трудностях женщин-предпринимателей, ведущих бизнес в разных культурах (Baughn, Chua, Neupert, 2006; De Clercq, Kaciak, Thongpapanl, 2022; Long, Buzzanell, 2022), на влиянии этнических и культурных аспектов ценностей, верований, норм и практик на семейный бизнес (Danes et al., 2008).

Четвертое направление подчеркивает роль эмоциональной поддержки женщины-владелицы бизнеса со стороны членов семьи. Изучаются структура семьи, семейные роли и их влияние на бизнес женщин-предпринимателей. Исследования показывают, что поддерживающая атмосфера в семье способствует снижению уровня напряжения у женщин, занимающихся бизнесом (Welsh et al., 2021), успешность семейного бизнеса тесно связана с качеством отношений внутри семьи (Glowka, Kallmünzer, Zehrer, 2021; Sharma, 2004).

Теоретический анализ показывает, что для исследования отношений в бизнес-семьях широко применяется Круговая модель Д. Олсона (рис. 1), в основе которой лежат такие измерения семейных систем, как сплоченность, адаптация и коммуникация (Olson, 2000). В опроснике FACES-3 шкала сплоченности выявляет, насколько эмоционально близки члены семьи друг другу, а шкала адаптации — как семья реагирует на изменения и приспосабливается к ним. Круговая модель Д. Олсона используется в зарубежных исследованиях для описания вовлеченности в бизнес при разных уровнях сплоченности и гибкости семьи

(Michael-Tsabari, Lavee, 2012), для изучения конфликтов между семьей и работой (Neto et al., 2021), выявления зависимости между участием семьи и склонностью фирмы к инновациям в семейном бизнесе (Ferrari, 2019), изучения гибкости семейной системы при принятии кадровых решений (Goel et al., 2019). Изучаются также особенности межпоколенческого взаимодействия в бизнес-семьях: общение (Rodríguez-García, González-Cruz, 2024) и передача бизнеса преемникам (Combs et al., 2021).

Среди отечественных исследований с применением FACES наименее распространены не связанные с бизнесом исследования, а работы, посвященные изучению семей, воспитывающих подростков (Ва-

сягина, Тактуева, 2023; Митина, Мендель, Шаяхметова, 2023; Складан, Бутенко, 2022), исследования дисфункциональных семей (Карпушкин, Овчинников, Климова, 2022). Данная модель применяется в изучении толерантности к неопределенности у семей с разным стажем супружества (Солынин, Цветкова, 2024), психологической близости членов семьи (Мельчехина, Самарина, 2023), семейной адаптации как фактора семейного самоопределения студентов (Мерзлякова, Каюмова, 2024) и сплоченности как фактора позитивных отношений в семье у молодых людей (Берсирова, 2023), роли опыта жизни в родительской семье в будущих отношениях у молодежи (Фофанова, Капусткина, 2022).

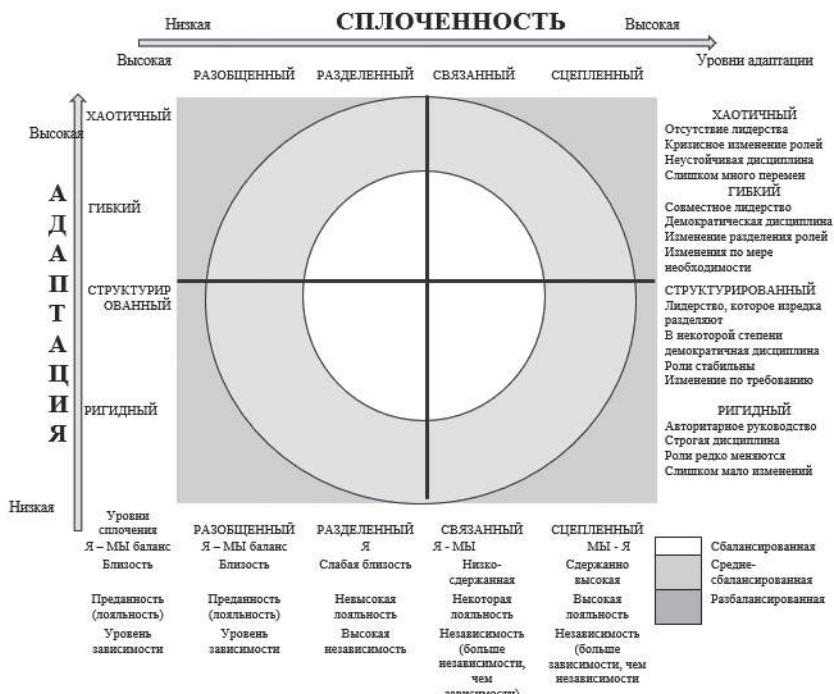

Рис. 1. Круговая модель функционирования семьи Д. Олсона (Olson, 2000)

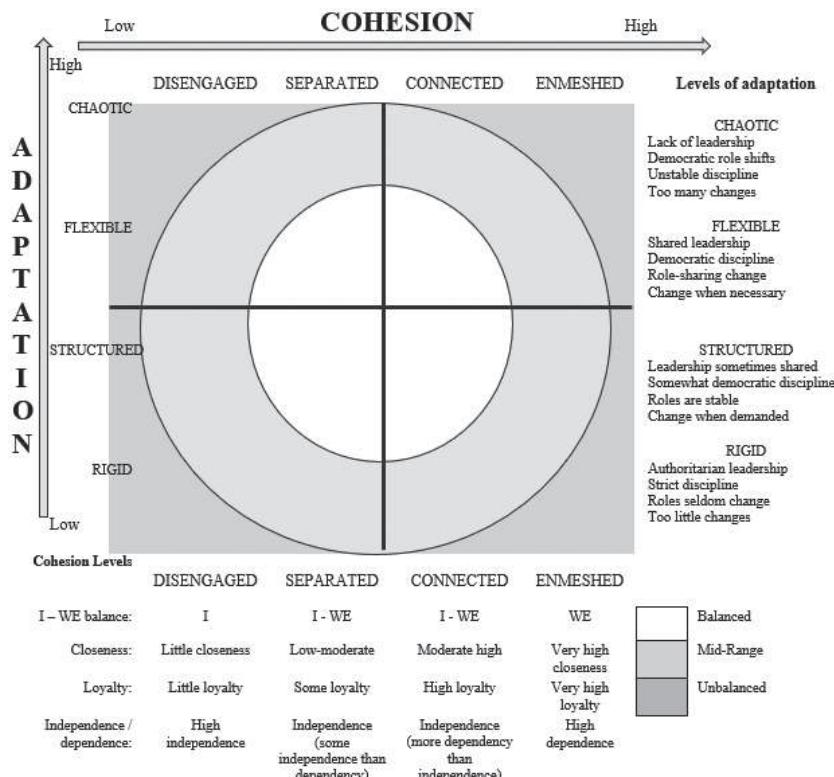

Fig. 1. Circumplex Model of Marital and Family Systems, D. Olson (Olson, 2000)

В нашем исследовании изучаются особенности семейных отношений у женщин-предпринимателей. Мы предполагаем, что содержание предпринимательства и лидерства в бизнесе вносит некоторые специфические черты в семейные отношения, изменяя и модифицируя их. Так, необходимость представлять разные качества в деловом и семейном контексте может приводить к напряженности и ролевым конфликтам. Женщина, играющая ведущую роль в собственном бизнесе, может стремиться и к лидерству в семейной жизни. По мнению З.З. Вахитовой, женщины-руково-

водители более доминантны, а их мужья, наоборот, более склонны к подчинению, поэтому такой тип семьи напоминает матриархат – форму социальной организации, где принятие решений, власть и лидерство принадлежат женщинам (Вахитова, Калиева, 2009).

Вкладывая много сил в управление бизнесом, женщина может столкнуться с нехваткой ресурсов для поддержания своей семейной роли. В то же время функциональные семейные отношения подразумевают взаимопонимание, взаимопомощь и взаимоподдержку. В частности, нефинансовая поддержка

семьи важна в случае женского предпринимательства (Powell, Eddleston, 2013), особенно в странах с высоким уровнем конкурентного развития (Welsh et al., 2021). Некоторые исследования свидетельствуют, что в семьях женщин-предпринимателей по сравнению с семьями, где бизнесом занимается мужчина, наблюдается повышенная конфликтность между супругами, снижение стабильности отношений и более низкий уровень удовлетворенности браком (Левкович, 2004).

В связи с этим важными становятся изучение особенностей семейных отношений женщин-предпринимателей и поиск форм в случае дисфункциональных изменений. Опираясь на Круговую модель Д. Олсона, можно констатировать, что непоследовательность в семейных ролях, отсутствие стабильных правил могут привести к высокой степени не-предсказуемости и хаотичности в структуре семьи. Такие отношения будут негативно влиять и на семейный бизнес. Целью работы является изучение особенностей семейных отношений женщин-предпринимателей в сфере малого семейного бизнеса.

Гипотезы нашего исследования опираются на следующие теоретические представления. Управляя бизнесом, женщины-предприниматели вынуждены балансировать между семейными и деловыми ролями. Конфликт между работой и семьей у работающих женщин приводит к повышенному стрессу (Jamadin et al., 2015), снижению удовлетворенности браком и работой (Sharma, 2004), а также жизнью в целом (Ernst Kossek, Ozeki, 1998; Pleck, Staines, Lang, 1980) и к менее эффективному воспитанию детей

(Cooklin et al., 2015). Женщины-предприниматели сталкиваются с напряжением, поскольку на их плечи ложится основной груз семейных обязанностей, которые необходимо сочетать с деловыми обязательствами (Ferguson, Durup, 1998; Neto et al., 2021). Сочетание роли предпринимателя с ролями матери и супруги может приводить к высокой адаптации (гибкости) семейной системы и, следовательно, к высокой хаотичности отношений, в результате чего у женщин-предпринимателей вероятно появление несоответствия между реальной и идеальной семейной системой. Стремясь избежать этого, женщины-предприниматели будут стремиться к уменьшению гибкости семейной системы и созданию большей упорядоченности, стабильности и предсказуемости отношений.

Исследовались следующие гипотезы:

1. Женщины-предприниматели имеют более высокие показатели по шкале адаптации семейной системы по сравнению с мужчинами-предпринимателями.
2. У женщин-предпринимателей есть расхождение между реальной и идеальной семейной системой.
3. Идеальная семейная система по сравнению с реальной в представлениях женщин-предпринимателей предполагает снижение по шкале адаптации.

Важно отметить, что в центре внимания в нашем исследовании находятся именно женщины-предприниматели. Мужчины-предприниматели образуют контрольную выборку, помогающую выделить специфику семейных отношений женщин. С теоретической точки зрения данное исследование направлено на расширение понимания структуры и особенностей семейных отношений в

бизнес-семьях, где женщины являются руководителями. С точки зрения практики полученные знания помогут гармонизировать отношения женщин-предпринимателей в семье для сохранения ее целостности и развития малого семейного бизнеса.

Материалы и методы

Выборка исследования. Выборка составила 129 предпринимателей – владельцев малого семейного бизнеса. Отбор респондентов производился на основе получения утвердительного ответа на вопрос: «Работают ли у вас в бизнесе родственники?». Под термином «бизнес-семья» понимается группа людей, объединенных родственными связями и занимающихся общим бизнесом (Litz, 2008).

Средний возраст испытуемых – 38,19 лет. Респонденты проживают в Сибирском (93%) и Центральном (7%) регионах страны. Все участники исследования

являются владельцами бизнеса в таких сферах, как розничная торговля (28,2%), бытовые услуги (15%), производство (10%), транспорт (8%), ИТ (6%), образование (5%). Остальные сферы бизнеса составляют по 3%, среди них – техническое обслуживание автомобилей, растениеводство, консультирование, туризм, общественная деятельность, модельное агентство, оптовая торговля, недвижимость и общественное питание. Большую часть выборки составили индивидуальные предприниматели (67%), юридические лица – 33%. Подавляющее большинство респондентов (90,7%) имеют детей. Не имеют детей 9,3% респондентов.

В табл. 1 представлена сводная информация о выборке.

Участники имеют высокий уровень образования: ученая степень (11%) и МВА (3,5%), несколько высших образований (28%), высшее образование (55%), среднее специальное образование имеют 6,5%.

Таблица 1 / Table 1

Характеристика выборки Sample characteristics

Участники / Participants	Возраст (лет) / Age (years)		Продолжи- тельность брака (лет) / Marriage du- ration (years)		Количество детей / Number of children		Опыт в бизнесе (лет) / Business experience (years)	
	<i>M</i>	<i>SD</i>	<i>M</i>	<i>SD</i>	<i>M</i>	<i>SD</i>	<i>M</i>	<i>SD</i>
Женщины / Women <i>(n = 63)</i>	38,95	8,29	14,09	6,06	2,04	0,79	8,99	7,12
Мужчины / Men <i>(n = 66)</i>	37,5	6,99	10,65	5,64	1,59	1,24	7,68	4,20
Всего / Total <i>(N = 129)</i>	38,19	7,65	12,41	6,09	1,81	1,07	8,32	5,83

Примечание: *M* – среднее арифметическое; *SD* – стандартное отклонение от среднего.

Note: *M* – mean; *SD* – standard deviation from the mean.

Методики исследования. Для оценки особенностей семейных отношений мужчин и женщин-предпринимателей использовалась Шкала семейной сплоченности и адаптации «FACES-3» Д. Олсона, Дж. Портнера и И. Лави, переведенная и адаптированная Э.Г. Эйдемиллером (Эйдемиллер, Добряков, Никольская, 2006). Эта шкала основана на круговой модели Д. Олсона (Olson, 2000), содержащей два основных измерения: сплоченность и адаптация.

В методике авторы выделяют (см. рис. 1):

- четыре уровня сплоченности (по горизонтальной оси): Разобщенный, Разделенный, Связанный, Сцепленный. Предполагается, что центральные уровни сплоченности (Разделенный и Связанный) обеспечивают оптимальное функционирование семьи. Крайние уровни (Разобщенный и Сцепленный) рассматриваются как дисфункциональные для отношений на длительный срок. Данная шкала описывает эмоциональную близость, лояльность членов семьи друг другу и взаимозависимость.

- четыре уровня адаптации (по вертикальной оси): Ригидный, Структурный, Гибкий, Хаотичный. Центральные уровни (Структурный и Гибкий) способствуют хорошему супружескому и семейному функционированию, а крайние уровни – дисфункциональные (Olson, 2000). Адаптация описывает изменчивость лидерства, гибкость распределения семейных ролей и семейных правил (Olson, Waldvogel, Schlieff, 2019).

Опросник FACES-3 предназначен для измерения реальных и идеальных описаний семейной системы. Расхождение реальных и идеальных представ-

лений является косвенным показателем удовлетворенности семьей: чем больше расхождение, тем меньше удовлетворенность отношениями (Olson, 2000).

Другая часть исследовательского инструмента включала в себя анкету, содержащую закрытые поливариативные вопросы по переменным: пол, возраст, образование, количество детей, возраст семьи, стаж бизнеса, регион ведения бизнеса, сфера бизнеса.

Схема проведения исследования. Сбор данных происходил в виде онлайн-опроса на платформе Google-form. Опрос проводился индивидуально в удобное для респондентов время и длился около 20 минут.

Статистическая обработка проходила в программе Statistica 8.0. Для оценки значимости различий по шкалам семейной сплоченности и адаптации между женщинами и мужчинами-предпринимателями использовался критерий Манна-Уитни. Для оценки значимости различий между идеальными и реальными описаниями семейной системы у предпринимателей каждого пола использовался критерий Уилкоксона. Оценка величины эффекта вычислялась с применением коэффициента d Коэна (все эффекты менее 0,5 считались несущественными).

Результаты

Рис. 2 и 3 иллюстрируют распределение респондентов в пространстве шкал сплоченности и адаптации согласно модели Д. Олсона. Линия на графиках обозначает линейную регрессию.

Сравнивая диаграммы рассеивания для женщин (рис. 2) и мужчин (рис. 3) с моделью Д. Олсона (рис. 1), можно отметить, что результаты для мужчин-

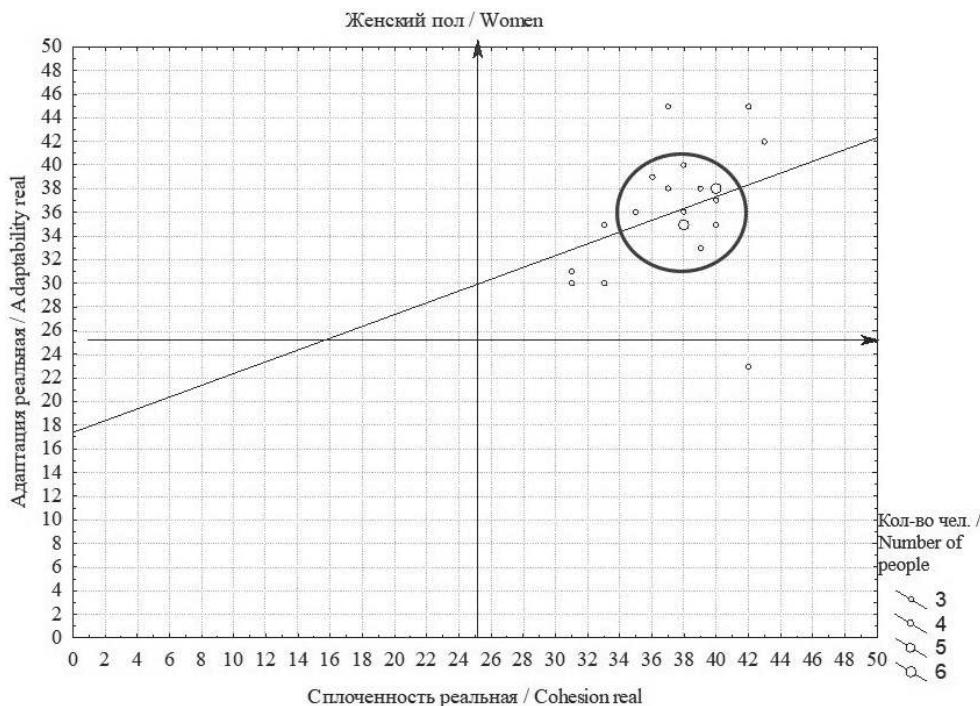

Рис. 2. Диаграмма рассеивания шкал адаптации и сплоченности

для женщин-предпринимателей

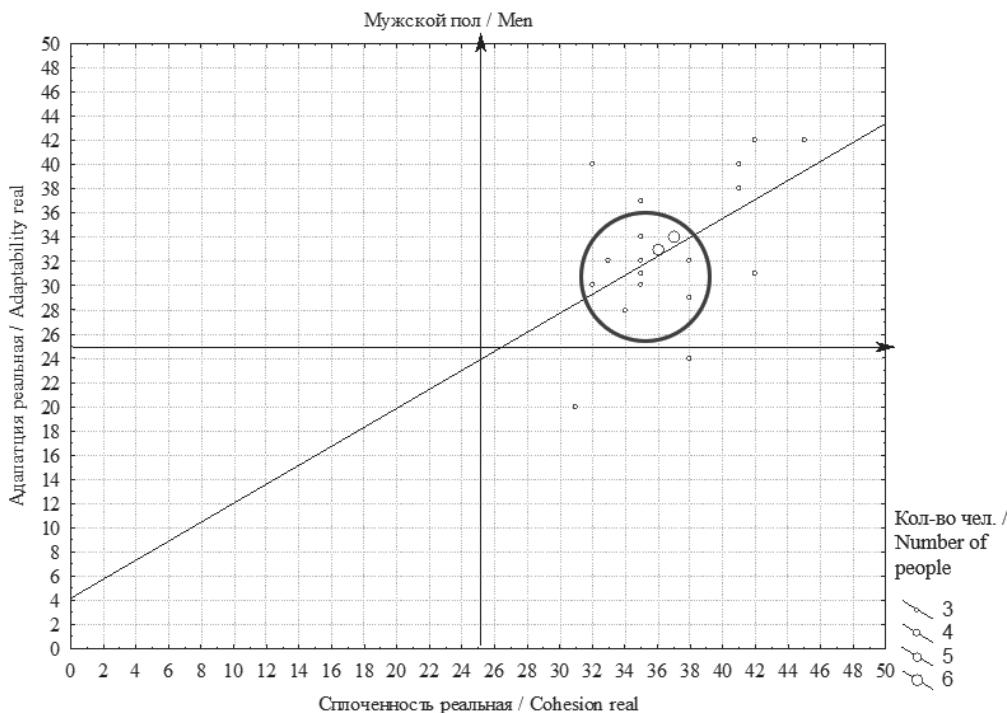
Fig. 2. Scatter plot for Adaptability and Cohesion among women entrepreneurs

предпринимателей расположены ближе к центру графика, что означает большую сбалансированность семейной системы. Результаты женщин-предпринимателей (рис. 2) более «рассеяны» по значениям шкал, но все же имеют тенденцию к расположению в правом верхнем углу графика — это означает большую связанность и хаотичность семейной системы.

Для проверки гипотезы 1 сравнили реальную сплоченность и адаптацию между мужчинами и женщинами-предпринимателями с помощью критерия Манна-Уитни, дополнительно для оцен-

ки силы эффекта был рассчитан коэффициент d Коэна (табл. 2).

Принимая во внимание, что только средний или большой размер эффекта позволяют говорить о значимости различий, можем констатировать различия по шкале реальной адаптации. Сплоченность реальная при проверке значимости размера эффекта показала незначимость различий. Таким образом, табл. 2 показывает, что в семьях женщин-предпринимателей наблюдаются более высокие показатели адаптации семейной структуры, нежели в семьях мужчин, и эта разница статистически значима ($p < 0,001$).

Рис. 3. Диаграмма рассеивания шкал адаптации и сплоченности
 для мужчин-предпринимателей
Fig. 3. Scatter plot for Adaptability and Cohesion among men entrepreneurs

Гипотеза 1, согласно которой женщины-предприниматели имеют более высокие показатели реальной адаптации семейной структуры по сравнению с мужчинами-предпринимателями, подтверждена.

Для проверки гипотезы 2 сравнивались реальные и идеальные описания показателей сплоченности и адаптации, оценивалась также сила эффекта.

Результаты, представленные в табл. 3, показывают существенные различия между реальным и идеальным описанием сплоченности у мужчин. Идеальная сплоченность выше реальной, эти различия значимы ($p < 0,001$) и имеют до-

статочную силу эффекта. Следовательно, мужчины-предприниматели склонны усиливать связанность в своих семьях, чтобы обрести большее единение и эмоциональную связь. Однако не было обнаружено существенных различий по измерению адаптации, что означает удовлетворенность существующим распределением лидерства и дисциплиной в своих семьях.

Согласно табл. 3, у женщин присутствуют существенные различия между реальными и идеальными показателями сплоченности и адаптации ($p = 0,02$). Эти различия являются разнонаправленны-

Мурзина Ю.С., Русяева И.А., Зарубко Е.Ю. (2025)
 Особенности семейных отношений женщин-
 предпринимателей сферы малого семейного бизнеса
 Социальная психология и общество,
 16(3), 79–98.

Murzina J.S., Rusyaeva I.A., Zarubko E.Y. (2025)
 Characteristics of family relations of women
 entrepreneurs in small family business
 Social Psychology and Society,
 16(3), 79–98.

Таблица 2 / Table 2

**Сравнение реальной сплоченности и адаптации среди мужчин
 и женщин-предпринимателей**
Comparison of real Cohesion and Adaptability of men and women entrepreneurs

Шкалы / Scales	<i>M/SD</i>		<i>U</i>	<i>p</i>	<i>Mean Rank</i>		<i>Cohen's d</i>
	Женщины / Women	Мужчины / Men			Жен- щины / Women	Муж- чины / Men	
Сплоченность реальная / Cohesion real	37,62/3,37	36,73/3,60	1660,50	0,047	71,64	58,66	0,26
Адаптация реальная / Adaptability real	36,14/5,01	33,00/5,37	1327,50	< 0,001	76,93	53,61	0,60

Примечание: *M* – среднее арифметическое; *SD* – стандартное отклонение от среднего; *U* – критерий Манна-Уитни; *p* – уровень статистической значимости результатов; *Mean Rank* – средний ранг, *Cohen's d* – стандартизованный размер эффекта по Коэну.

Note: *M* – mean; *SD* – standard deviation from the mean; *U* – Mann-Whitney criterion; *p* – statistical significance; *Mean Rank* – average rank, *Cohen's d* – Cohen's standardized effect size.

Таблица 3 / Table 3

**Показатели реальной и идеальной сплоченности и адаптации у мужчин
 и женщин-предпринимателей**

Real and ideal Cohesion and Adaptation of men and women entrepreneurs

Шкалы / Scales	Реальные / Real		Идеальные / Ideal		<i>Z</i>	<i>p</i>	<i>Cohen's d</i>
	<i>M</i>	<i>SD</i>	<i>M</i>	<i>SD</i>			
Мужчины / Men							
Сплоченность / Cohesion	36,73	3,60	38,55	2,83	4,42	< 0,001	0,57
Адаптация / Adaptability	33,00	5,37	32,91	5,32	0,48	0,63	0,02
Женщины / Women							
Сплоченность / Cohesion	37,62	3,37	39,14	3,33	3,98	< 0,001	0,45
Адаптация / Adaptability	36,14	5,01	35,24	4,63	2,25	0,02	0,18

Примечание: *M* – среднее арифметическое; *SD* – стандартное отклонение от среднего; *Z* – z-оценка по Т-критерию Уилкоксона; *p* – уровень статистической значимости результатов; *Cohen's d* – стандартизованный размер эффекта по Коэну.

Note: *M* – mean; *SD* – standard deviation from the mean; *Z* – z-score according to the Wilcoxon T-test; *p* – statistical significance; *Cohen's d* – Cohen's standardized effect size.

ми, женщины стремятся к большей связанности в отношениях (среднее значение сплоченности выше в идеальных отношениях) и к меньшей адаптации (среднее значение адаптации ниже в идеальных отношениях). Вместе с тем d Коэна показывает незначимость силы эффекта для шкалы адаптации: несмотря на значимые статистические различия, размер эффекта низкий. Гипотеза 2, согласно которой предполагалось, что у женщин-предпринимателей есть расхождение между реальной и идеальной семейной системой, была подтверждена частично: только сплоченность имеет значимое различие и достаточную силу эффекта.

У женщин реальная адаптация статистически значимо выше идеальной (табл. 3), но размер эффекта незначительный. Гипотеза 3, согласно которой идеальная семейная система женщин-предпринимателей подразумевает значительное снижение по шкале адаптации, не была подтверждена. Тем не менее можно говорить о существовании тенденции к снижению гибкости и стремлению к большей упорядоченности в распределении семейных ролей.

Обсуждение результатов

Более высокая адаптация, хаотичность в семьях женщин-предпринимателей по сравнению с мужчинами может быть результатом смешения ролей. Как было показано выше, женщина, играющая ведущую роль в собственном бизнесе, может стремиться к лидерству и в семейной жизни (Вахитова, Калиева, 2009). Это может спровоцировать психологические сложности для женщины, которая в домашнем контексте, вероятно, хотела бы снять с себя бремя деловой от-

ветственности и передать решение части бытовых проблем супругу. Для помощи в этих вопросах возможно использовать подход В. Стед, согласно которому женщина-предприниматель может переключать идентичности в разных контекстах (Stead, 2017).

Большая адаптивность, гибкость в поведении женщин (табл. 2) может служить способом преодоления ролевого противоречия, поскольку роль женщин-владельцев бизнеса подразумевает столкновение между подчинением (в традиционной роли женщины) и лидерством (в роли руководителя бизнеса). Сочетание роли мужчины и владельца бизнеса более аутентично, поскольку предполагает доминирование (Bullough et al., 2022).

И женщины, и мужчины-предприниматели в идеальной модели семьи (табл. 3) хотели бы повысить сплоченность. Согласно Д. Олсону, расхождение между реальными и идеальными показателями сплоченности свидетельствует о неполной удовлетворенности актуальным положением дел в семье (Olson, 2000). Эти результаты свидетельствуют, что владельцы бизнеса стремятся к близости, лояльности и взаимозависимости в семейных отношениях. В периоды экономической нестабильности и передачи дела преемникам семейный бизнес поддерживается верой в общие ценности, но если нет четкого видения объединения семьи, то вероятность конфликтов возрастает (Leach, Mars, 2016).

Бизнес-семьи имеют довольно высокий уровень сплоченности (рис. 2, 3). Это отчасти согласуется с результатами других исследований, показывающих, что в российской выборке преобладают семьи с умеренной сплоченностью (Золотарев, 2014).

Сплоченност имеет тенденцию к небольшому снижению при социально-психологическом неблагополучии семьи, в том числе при саморазрушающем поведении подростков (Васягина, Тактуева, 2023). Для таких семей характерны изоляция, отсутствие общих интересов и поддержки.

Согласно модели Д. Олсона, чрезвычайно высокая сплочленность приводит к дисфункциональной семейной системе. Однако исследования (Turkdogan, Duru, Balkis, 2019) свидетельствуют о том, что высокая сплочленность не всегда воспринимается как несбалансированная. Напротив, она имеет положительную корреляцию с удовлетворенностью семьей в коллектиivistской турецкой культуре. В коллективистских культурах «мы» важнее, чем «я», люди идентифицируются в первую очередь с группой, к которой они принадлежат, а несомненная преданность семье воспринимается как важная ценность (Singelis et al., 1995). Согласно индексу индивидуализма-коллективизма Г. Хофстеде³ в России такой же уровень коллективизма, как и в Турции. Можно предположить, что, как и в турецкой культуре, высокая сплочленность в российских бизнес-семьях воспринимается как положительное явление, облегчая коммуникацию (Turkdogan, Duru, Balkis, 2019). Таким образом, наше исследование вносит вклад в понимание культурной специфики типов семей, предложенных Д. Олсоном.

Тип семейных отношений существенно отличается у мужчин и женщин-предпринимателей только по шка-

ле адаптации, демонстрируя значимые различия и достаточную силу эффекта. У женщин, как и у мужчин, выявлено расхождение между реальной и идеальной семейной системой, но только показатели сплочленности имеют и значимое различие, и достаточную силу эффекта. Таким образом, гипотезы исследования частично подтвердились.

Заключение

Исследование показало, что семьям женщин-предпринимателей присуща более высокая адаптация по сравнению с семьями мужчин-предпринимателей. Высокая адаптация, гибкость семей женщин-предпринимателей проявляются в неопределенности роли лидера, частой смене правил и семейных обязанностей.

Выявлено, что и у мужчин, и у женщин-предпринимателей присутствует расхождение между показателями реальной и идеальной сплочленности семейной системы. Предприниматели хотели бы еще больше повысить сплочленность семьи, достичь высокой близости, лояльности и взаимозависимости в семейных отношениях.

Можно предположить, что высокая сплочленность, являющаяся, согласно Д. Олсону, дисфункциональной, в российских бизнес-семьях воспринимается как положительное явление, что может объясняться культурными особенностями и согласуется с исследованиями на выборке, имеющей тот же показатель коллективизма, что и Россия. Таким образом, наше исследование вносит вклад

³ Country Comparison Tool. Website of The Culture Factor Group. Network. URL: www.hofstede-insights.com/country-comparison-tool?countries=russia%2Cturkey (accessed 20.07.2024).

в понимание культурной специфики типов семей, предложенных Д. Олсоном.

Результаты исследования имеют перспективы применения для бизнес-семей и семейных психологов. Мы предполагаем, что оптимальной для женщин-предпринимателей является стратегия переключения идентичностей, предложенная В. Стед (Stead, 2017). Различные компоненты идентичности играют ведущую роль в разных контекстах, что позволяет женщине проявляться в разных ролях, избегая ролевых конфликтов.

Подводя итог, подчеркнем важность психологической поддержки женщин-предпринимателей в вопросе сочетания семейных и деловых ролей, что позволит повысить качество жизни женщины.

Ограничения. Со спецификой отношений в бизнес-семьях могут быть свя-

заны и другие факторы, которые остались за пределами нашего исследования, например, прибыльность бизнеса, сфера бизнеса и личностные характеристики предпринимателей. Изучение этих факторов может стать темой отдельного исследования. Исследование проводилось на ограниченной выборке предпринимателей, поскольку эта социальная группа достаточно закрыта для психологических исследований.

Limitations. Other factors that are beyond our study, such as business profitability, the field of business and personal characteristics of entrepreneurs, may be connected to the specifics of relationships in business families. The study of these factors may be the subject of a separate study. The study was conducted on a limited sample of entrepreneurs, as this social group is quite closed to psychological research.

Список источников / References

1. Берсирова, А.К. (2023). Сплощенность как фактор позитивных отношений в семье в условиях неопределенности: представления молодых людей. *Инновационная наука: Психология. Педагогика. Дефектология*, 6(4), 10–16. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2Q23-6-4-10-16>
Bersirova, A.K. (2023). Cohesion as a Factor of Positive Family Relations in Conditions of Uncertainty: Young People's Ideas. *Innovative science: Psychology. Pedagogy. Defectology*, 6(4), 10–16. (In Russ.). <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2Q23-6-4-10-16>
2. Васягина, Н.Н., Тактуева, Ю.Г. (2023). Особенности внутрисемейных взаимоотношений у подростков с саморазрушающим поведением. *Педагогическое образование в России*, 6, 249–255.
Vasyagina, N.N., Taktueva, Yu.G. (2023). Features of Intra-family Relationships in Adolescents with Self-destructive Behavior. *Pedagogical Education in Russia*, 6, 249–255. (In Russ.).
3. Вахитова, З.З., Калиева, Э.Р. (2009). Психологические особенности семей, владеющих общим бизнесом. *Вестник Тюменского государственного университета*, 5, 142–148.
Vakhitova, Z.Z., Kalieva, E.R. (2009). Family Business Owner's Psychological Features. *Tyumen State University Herald*, 5, 142–148. (In Russ.).
4. Золотарев, С.Ю. (2014). Апробирование циркулярной модели семьи Олсона в российских условиях и проверка применимости норм теста FACES-3. *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Психология*, 8(2), 125–128.
Zolotarev, S.Ju. (2014). Testing the Olson circular family model in Russian conditions and checking the applicability of the FACES-3 test norms. *Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Psychology*, 8(2), 125–128. (In Russ.).

Мурзина Ю.С., Русяева И.А., Зарубко Е.Ю. (2025) Особенности семейных отношений женщин-предпринимателей сферы малого семейного бизнеса. Социальная психология и общество, 16(3), 79–98.

Murzina J.S., Rusyaeva I.A., Zarubko E.Y. (2025) Characteristics of family relations of women entrepreneurs in small family business Social Psychology and Society, 16(3), 79–98.

5. Карпушкин, А.М., Овчинников, А.А., Климова, И.Ю. (2022). Роль дисфункциональной семьи в формировании психопатологического профиля личности пациентов с соматизированным расстройством. *Сибирский вестник психиатрии и наркологии*, 1(114), 65–71. [https://doi.org/10.26617/1810-3111-2022-%201\(114\)-65-71](https://doi.org/10.26617/1810-3111-2022-%201(114)-65-71)
Karpushkin, A.M., Ovchinnikov, A.A., Klimova, I.Ju. (2022). The role of a dysfunctional family in the formation of a psychopathological profile of the personality of patients with somatization disorder. *Siberian Bulletin of Psychiatry and Narcology*, 1(114), 65–71. (In Russ.). [https://doi.org/10.26617/1810-3111-2022-%201\(114\)-65-71](https://doi.org/10.26617/1810-3111-2022-%201(114)-65-71)
6. Левкович, В.П. (2004). Взаимоотношения супружеских пар в семьях предпринимателей. *Психологический журнал*, 25(5), 24–31.
Levkovich, V.P. (2004). Relationships in Employers' Married Couples. *Psychological journal*, 25(5), 24–31. (In Russ.).
7. Мельчехина, И.В., Самарина, А.С. (2023). Психологическая близость членов семьи как фактор сплочения семьи. В: *Материалы международной научно-практической конференции «Молодежь Сибири – науке России»*, 2 (с. 29–32). Красноярск: Сибирский институт бизнеса, управления и психологии.
Mel'chjohina, I.V., Samarina, A.S. (2023). Psychological closeness of family members as a factor of family cohesion. In: *Materials of the international scientific and practical conference “Youth of Siberia – Science of Russia”*, 2 (pp. 29–32). Krasnojarsk: Sibirskij institut biznesa, upravlenija i psihologii. (In Russ.).
8. Мерзлякова, С.В., Каюмова, Е.П. (2024). Семейная адаптация как предиктор семейного самоопределения студентов цифрового поколения. *Образование и наука*, 26(3), 123–148. <http://dx.doi.org/10.17853/1994-5639-2024-3-123-148>
Merzlyakova, S.V., Kayumova, E.P. (2024). Family Adaptation as a Predictor of Family Self-determination of Digital Generation Students. *The Education and Science Journal*, 26(3), 123–148. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17853/1994-5639-2024-3-123-148>
9. Митина, Г.В., Мендель, О.П., Шаяхметова, Э.Ш. (2023). Влияние семейной сплоченности и гибкости на показатели эмоционального интеллекта подростков. *Проблемы современного педагогического образования*, 81-1, 332–335.
Mitina, G.V., Mendel', O.P., Shayakhmetova, E.Sh. (2023). A Study of Family Cohesion and Flexibility in Adolescent Emotional Intelligence. *Problems of modern pedagogical education*, 81-1, 332–335. (In Russ.).
10. Складан, В.В., Бутенко, В.Н. (2022). Влияние уровня семейной адаптации и сплоченности на психологическое благополучие и перфекционизм академически успешных подростков. В: *Материалы международной научно-практической конференции «Молодежь Сибири – науке России»*, 2 (с. 155–158). Красноярск: Сибирский институт бизнеса, управления и психологии. Skladan, V.V., Butenko, V.N. (2022). The influence of the level of family adaptation and cohesion on the psychological well-being and perfectionism of academically successful adolescents. In: *Materials of the international scientific and practical conference “Youth of Siberia – Science of Russia”*, 2 (pp. 155–158). Krasnojarsk: Sibirskij institut biznesa, upravlenija i psihologii. (In Russ.).
11. Солынин, Н.Э., Цветкова, Е.Н. (2024). Особенности толерантности к неопределенности в семьях с разным стажем супружества. *Проблемы современного педагогического образования*, 84-1, 483–486.
Solyomin, N.E., Tsvetkova, E.N. (2024). Features of Tolerance to Uncertainty in Families with Different Lengths of Marriage. *Problems of modern pedagogical education*, 84-1, 483–486.

Мурзина Ю.С., Русяева И.А., Зарубко Е.Ю. (2025) Особенности семейных отношений женщин-предпринимателей сферы малого семейного бизнеса. Социальная психология и общество, 16(3), 79–98.

Murzina J.S., Rusyaeva I.A., Zarubko E.Y. (2025) Characteristics of family relations of women entrepreneurs in small family business Social Psychology and Society, 16(3), 79–98.

12. Фофанова, К.В., Капусткина, К.Г. (2022). Влияние опыта жизни в родительской семье на представления молодежи о своих будущих семейных отношениях. *Социальные нормы и практики*, 1, 54–64. <https://doi.org/10.24412/2713-1033-2022-1-54-64>
Fofanova, K.V., Kapustkina, K.G. (2022). Influence of the Experience of Life in the Parental Family on the Ideas of Young People About Their Future. *Social Norms and Practices*, 1, 54–64. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-1033-2022-1-54-64>
13. Эйдемиллер, Э.Г., Добряков, И.В., Никольская, И.М. (2006). *Семейный диагноз и семейная психотерапия*. СПб: Речь.
Eidemiller, E.G., Dobryakov, I.V., Nikol'skaya, I.M. (2006). *Family diagnosis and family psychotherapy*. Saint-Petersburg: Rech. (In Russ.).
14. Achtenhagen, L., Welter, F. (2003). Female entrepreneurship in Germany. In: J. Butler (Ed.), *New Perspectives on Women Entrepreneurs* (pp. 71–100). Greenwich: Information Age Publishing.
15. Baughn, C., Chua, B.-L., Neupert, K. (2006). The Normative Context for Women's Participation in Entrepreneurship: A Multicountry Study. *Entrepreneurship Theory and Practice*, 30, 687–708.
16. Bullough, A., Guelich, U., Manolova, T.S., Schjoedt, L. (2022). Women's entrepreneurship and culture: gender role expectations and identities, societal culture, and the entrepreneurial environment. *Small Business Economics*, 58(2), 985–996. <https://doi.org/10.1007/s11187-020-00429-6>
17. Combs, J.G., Jaskiewicz, P., Rau, S.B., Agrawal, R. (2021). Inheriting the legacy but not the business: When and where do family nonsuccessors become entrepreneurial? *Journal of Small Business Management*, 61(4), 1961–1990. <https://doi.org/10.1080/00472778.2021.1883038>
18. Cooklin, A.R., Westrupp, E., Strazdins, L., Giallo, R., Martin, A., Nicholson, J.M. (2015). Mothers' work-family conflict and enrichment: Associations with parenting quality and couple relationship. *Child: Care, Health and Development*, 41(2), 266–277. <http://dx.doi.org/10.1111/cch.12137>
19. Coronel-Pangol, K., Paule-Vianez, J., Orden-Cruz, C. (2024). Conventional or alternative financing to promote entrepreneurship? An analysis of female and male entrepreneurship in developed and developing countries. *International Entrepreneurship and Management Journal*, 20(1), 163–187. <http://dx.doi.org/10.1007/s11365-023-00906-w>
20. Danes, S.M., Lee, J., Stafford, K., Heck, R.K.Z. (2008). The effects of ethnicity, families and culture on entrepreneurial experience: an extension of sustainable family business theory. *Journal of Developmental Entrepreneurship*, 13(3), 229–268. <http://dx.doi.org/10.1142/S1084946708001010>
21. De Clercq, D., Kaciak, E., Thongpapanl, N. (2022). Work-to-family conflict and firm performance of women entrepreneurs: Roles of work-related emotional exhaustion and competitive hostility. *International Small Business Journal*, 40(3), 364–384. <http://dx.doi.org/10.1177/02662426211011405>
22. Domańska, A., Gryglicka, A., Martyniuk, O., Wi cek-Janka, E., Zajkowski, R. (2023). The state of the art in sustainability of Central-Eastern European family firms: Systematic literature review. *International Entrepreneurship Review*, 9(3), 21–45. <https://doi.org/10.15678/IER.2023.0903.02>
23. Dvouletý, O., Orel, M., Proch zka, D.A. (2025). European family business owners: what factors affect their job satisfaction? *Journal of Family Business Management*, 15(1), 10–28. <https://doi.org/10.1108/JFBM-12-2023-0303>
24. Ernst Kossek, E., Ozeki, C. (1998). Work–family conflict, policies, and the job–life satisfaction relationship: A review and directions for organizational behavior–human resources research. *Journal of Applied Psychology*, 83(2), 139–149. <https://doi.org/10.1037/0021-9010.83.2.139>
25. Ferguson, F.E., Durup, M.J.R. (1998). Work-family conflict and entrepreneurial women: A literature review. *Journal of small business & entrepreneurship*, 15(1), 30–51. <http://dx.doi.org/10.1080/08276331.1998.10593278>

26. Ferrari, F. (2019). Does too much love hinder innovation? Family involvement and firms' innovativeness in family-owned Small Medium Enterprises (SMEs). *European Journal of Family Business*, 9(2), 115–127. <http://dx.doi.org/10.24310/ejfbejfb.v9i2.5388>
27. Glowka, G., Kallmünzer, A., Zehrer, A. (2021). Enterprise risk management in small and medium family enterprises: the role of family involvement and CEO tenure. *International Entrepreneurship and Management Journal*, 17(3), 1213–1231. <http://dx.doi.org/10.1007/s11365-020-00682-x>
28. Goel, S., Xiu, L., Hanson, S., Jones, R.J. (2019) HR flexibility in family firms: Integrating family functioning and family business leadership. *Organization Management Journal*, 16(4), 311–323. <http://dx.doi.org/10.1080/15416518.2019.1681254>
29. Jamadin, N., Mohamad, S., Syarkawi, Z., Noordin, F. (2015). Work-family conflict and stress: Evidence from Malaysia. *Journal of Economics, Business and Management*, 3(2), 309–312.
30. Langowitz, N.S., Morgan, C. (2003). Women entrepreneurs. In: J. Butler (Ed.), *New Perspectives on Women Entrepreneurs* (pp. 101–119). Greenwich: Information Age Publishing.
31. Leach, P., Mars, V.B. (2016). *Family enterprises: The essentials*. London: Profile Books.
32. Litz, R.A. (2008). Two sides of a one-sided phenomenon: Conceptualizing the family business and business family as a Möbius strip. *Family Business Review*, 21(3), 217–236. <http://dx.doi.org/10.1177/08944865080210030104>
33. Long, Z., Buzzanell, P.M. (2022). Constituting Intersectional Politics of Reinscription: Women Entrepreneurs' Resistance Practices in China, Denmark, and the United States. *Management Communication*, 36(2), 207–234. <https://doi.org/10.1177/08933189211030246>
34. Michael-Tsabari, N., Lavee, Y. (2012). Too close and too rigid: Applying the circumplex model of family systems to first-generation family firms. *Journal of Marital and Family Therapy*, 38, 105–116. <https://doi.org/10.1111/j.1752-0606.2012.00302.x>
35. Neto, M.J., Sequeira, J., Massano-Cardoso, I., Chambel, M.J. (2021). Flexibility, cohesion and family satisfaction: The impact of conflict between work and family. *Journal of Family Therapy*, 43(4), 773–792. <http://dx.doi.org/10.1111/1467-6427.12322>
36. Olson, D.H. (2000). Circumplex model of marital and family systems. *Journal of Family Therapy*, 22(2), 144–167. <http://dx.doi.org/10.1111/1467-6427.00144>
37. Olson, D.H., Waldvogel, L., Schlieff, M. (2019). Circumplex model of marital and family systems: an update. *Journal of Family Theory and Review*, 11(2), 199–211. <http://dx.doi.org/10.1111/jftr.12331>
38. Pleck, J.H., Staines, G.L., Lang, L. (1980). Conflicts between work and family life. *Monthly Labor Review*, 103, 29–32.
39. Powell, G.N., Eddleston, K.A. (2013). Linking Family-to-business Enrichment and Support to Entrepreneurial Success: Do Female and Male Entrepreneurs Experience Different Outcomes? *Journal of Business Venturing*, 28(2), 261–280. <http://dx.doi.org/10.1016/j.jbusvent.2012.02.007>
40. Rodriguez-García, M., González-Cruz, T. (2024). Is "Something Else" Needed Before Establishing a Family Council? The Role of Communication in Business Families. *European Journal of Family Business*, 14(1), 98–116. <http://dx.doi.org/10.24310/ejfbl.14.1.2024.19325>
41. Sharma, P. (2004). An overview of the field of family business studies: current status and directions for the future. *Family Business Review*, 17(1), 1–36.
42. Singelis, T.M., Triandis, H.C., Bhawuk, D.P., Gelfand, M.J. (1995). Horizontal and vertical dimensions of individualism and collectivism: A theoretical and measurement refinement. *Cross-cultural research*, 29(3), 240–275. <http://dx.doi.org/10.1177/106939719502900302>

Мурзина Ю.С., Русяева И.А., Зарубко Е.Ю. (2025) Особенности семейных отношений женщин-предпринимателей сферы малого семейного бизнеса. Социальная психология и общество, 16(3), 79–98.

Murzina J.S., Rusyaeva I.A., Zarubko E.Y. (2025) Characteristics of family relations of women entrepreneurs in small family business Social Psychology and Society, 16(3), 79–98.

43. Stead, V. (2017). Belonging and women entrepreneurs: Women's navigation of gendered assumptions in entrepreneurial practice. *International Small Business Journal*, 35(1), 61–77. <http://dx.doi.org/10.1177/0266242615594413>
44. Sunnatillo, I., Behzod, G. (2024). Through Family Business and Small Business Activities Poverty Abbreviation. *European journal of business startups and open society*, 4(3), 278–280.
45. Tucker, J. (2011). Keeping the business in the family and the family in business: "What is the legacy?". *Journal of Family Business Management*, 1(1), 65–73. <http://dx.doi.org/10.1108/2043623111122290>
46. Turkdogan, T., Duru, E., Balkis, M. (2019). Circumplex model of family functioning in Turkish culture: Western family systems model in a Eurasian country. *Journal of Comparative Family Studies*, 50(2), 183–199. <http://dx.doi.org/10.3138/jcfs.50.2.005>
47. Ugli, B.K.F. (2024). The impacting factors on small business growth. *Frontline Marketing, Management and Economics Journal*, 4(1), 24–36. <http://dx.doi.org/10.37547/marketing-fmmej-04-01-04>
48. Welsh, D.H., Botero, I.C., Kaciak, E., Kopaničová, J. (2021). Family emotional support in the transformation of women entrepreneurs. *Journal of Business Research*, 137, 444–451. <http://dx.doi.org/10.1016/j.jbusres.2021.08.059>
49. Welsh, D.H., Llanos-Contreras, O., Alonso-Dos-Santos, M., Kaciak, E. (2021). How much do network support and managerial skills affect women's entrepreneurial success? The overlooked role of country economic development. *Entrepreneurship & Regional Development*, 33(3–4), 287–308. <http://dx.doi.org/10.1080/08985626.2021.1872939>
50. Woldie, A., Adersua, A. (2004). Female entrepreneurs in a transitional economy: Businesswomen in Nigeria. *International Journal of Social Economics*, 31(1/2), 78–93. <http://dx.doi.org/10.1108/03068290410515439>
51. Zachary, R.K. (2011). The importance of the family system in family business. *Journal of Family Business Management*, 1(1), 26–36. <https://doi.org/10.1108/2043623111122263>

Информация об авторах

Юлия Сергеевна Мурзина, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии, Школа образования, Тюменский государственный университет (ФГАОУ ВО ТюмГУ), Тюмень, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8616-4422>, e-mail: y.s.murzina@utmn.ru

Ирина Александровна Русяева, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии, Школа образования, Тюменский государственный университет (ФГАОУ ВО ТюмГУ), Тюмень, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2196-5536>, e-mail: irinagefel@yandex.ru

Елена Юрьевна Зарубко, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии, Школа образования, Тюменский государственный университет (ФГАОУ ВО ТюмГУ), Тюмень, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0174-1105>, e-mail: e.y.zarubko@utmn.ru, zarubkoelena@gmail.com

Information about the authors

Julia S. Murzina, Candidate of Science (Psychology), Associate Professor, Department of General and Social Psychology, Tyumen State University, Tyumen, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8616-4422>, e-mail: y.s.murzina@utmn.ru

Мурзина Ю.С., Русаяева И.А., Зарубко Е.Ю. (2025)
Особенности семейных отношений женщин-
предпринимателей сферы малого семейного бизнеса
Социальная психология и общество,
16(3), 79–98.

Murzina J.S., Rusyaeva I.A., Zarubko E.Y. (2025)
Characteristics of family relations of women
entrepreneurs in small family business
Social Psychology and Society,
16(3), 79–98.

Irina A. Rusyaeva, Candidate of Science (Psychology), Associate Professor, Department of General and Social Psychology, Tyumen State University, Tyumen, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2196-5536>, e-mail: i.a.rusyaeva@utmn.ru

Elena Y. Zarubko, Candidate of Science (Psychology), Associate Professor, Department of General and Social Psychology, Tyumen State University, Tyumen, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0174-1105>, e-mail: e.y.zarubko@utmn.ru, zarubkoelena@gmail.com

Вклад авторов

Мурзина Ю.С. — идея исследования; написание и оформление рукописи; планирование исследования, сбор и анализ данных; контроль за проведением исследования.

Русаяева И.А. — написание и оформление рукописи, анализ литературных источников.

Зарубко Е.Ю. — аннотирование, написание и оформление рукописи; применение статистических, математических методов для анализа данных; визуализация результатов исследования.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Julia S. Murzina — ideas; writing and design of the manuscript; planning of the research; data collection and analysis; control over the research.

Irina A. Rusyaeva — writing and design of the manuscript; analysis of scientific sources.

Elena Y. Zarubko — annotation; writing and design of the manuscript; analysis of scientific sources; application of statistical, mathematical methods for data analysis; visualization of research results.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Декларация об этике

Письменное информированное согласие на участие в этом исследовании было предоставлено респондентами.

Ethics statement

Written informed consent for participation in this study was obtained from the participants.

Поступила в редакцию 29.07.2024

Received 2024.07.29

Поступила после рецензирования 23.05.2025

Revised 2025.05.23

Принята к публикации 19.09.2025

Accepted 2025.09.19

Опубликована 30.09.2025

Published 2025.09.30

Научная статья | Original paper

Сравнительно-сопоставительный анализ восприятия культурных различий в межкультурных браках: на примере русскоговорящих женщин в Объединенных Арабских Эмиратах и Норвегии

О.С. Павлова¹ , Н.В. Ткаченко¹, В.В. Гриценко¹, Н.Г. Баринова², О.В. Титова¹

¹ Московский государственный психолого-педагогический университет,
Москва, Российская Федерация

² Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация
 pavlovaos@mgppu.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Модернизация, урбанизация, миграция способствуют распространению браков между представителями разных социальных и этнических групп, поэтому исследования, которые посвящены изучению особенностей восприятия культурных различий в таких браках, являются актуальными.

Цель. Сравнительно-сопоставительный тематический анализ восприятия культурных различий в межкультурных браках у русскоговорящих женщин, состоящих в таких браках.

Гипотеза. Гипотеза сформулирована в виде исследовательского вопроса: как воспринимаются культурные различия русскоговорящими женщинами, состоящими в межкультурном браке с представителями стран с индивидуалистической (Норвегия) и коллективистской (ОАЭ) культурой?

Материалы и методы. В проведенном качественном исследовании с оторой на полуструктурированное интервью с русскоговорящими женщинами, состоящими в браках с представителями ОАЭ и Норвегии, по результатам тематического анализа Braun и Clarke проводился сравнительно-сопоставительный анализ особенностей восприятия культурных различий в межкультурных браках. В исследовании приняли участие русскоговорящие женщины, состоящие в межкультурном браке: всего 21 человек, 10 женщин, состоящих в браке с норвежцами и проживающих в Норвегии, 11 – находящихся замужем за арабами-эмироватцами и проживающих в ОАЭ. Возраст – от 22 до 69 лет ($M = 40$). Респондентки являются выходцами из стран бывшего Советского Союза, в том числе из Азербайджана, Казахстана, Молдовы, России, Украины. Все респондентки имели высшее образование. Опыт замужества – от 2 до 25 лет. Методом сбора данных выступило полуструктурированное интервью.

Результаты. Выявлены особенности восприятия культурных различий в межкультурных браках у русскоговорящих женщин, состоящих в браках с норвежцами и арабами-эмироватцами; выделены различные полюса одного и того же культурного фактора: взаимодействующая с представителями восточной (арабской) культуры, русскоговорящие женщины ощущают себя в большей степени носителями западной культуры, тогда как, взаимодействующая с представителями западной (норвежской) культуры, – носителями восточной культуры.

© Павлова О.С., Ткаченко Н.В., Гриценко В.В., Баринова Н.Г., Титова О.В., 2025

CC BY-NC

Выводы. Межкультурные браки актуализируют воспринимаемую культурную дистанцию по параметрам «индивидуализм-коллективизм» и «дистанция власти»; разную роль в межкультурных браках выполняет религиозный фактор, играя копинговую роль и становясь мостом или барьером межкультурной коммуникации в браке.

Ключевые слова: сравнительно-сопоставительный тематический анализ, восприятие культурных различий, межкультурные браки, дистанция власти, коллективизм и индивидуализм, воспринимаемая культурная дистанция, культурно-специфические различия, русскоговорящие женщины, Объединенные Арабские Эмираты, Норвегия

Для цитирования: Павлова, О.С., Ткаченко, Н.В., Гриценко, В.В., Баринова, Н.Г., Титова, О.В. (2025). Сравнительно-сопоставительный анализ восприятия культурных различий в межкультурных браках: на примере русскоговорящих женщин в Объединенных Арабских Эмиратах и Норвегии. *Социальная психология и общество*, 16(3), 99–121. <https://doi.org/10.17759/sps.2025160306>

Comparative-contrastive analysis of the perception of cultural differences in intercultural marriages: the case of Russian-speaking women in the United Arab Emirates and Norway

O.S. Pavlova¹✉, N.V. Tkachenko¹, V.V. Gritsenko¹, N.G. Barinova², O.V. Titova¹

¹ Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation

² Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Moscow, Russian Federation

✉ pavlovaos@mgppu.ru

Abstract

Context and relevance. Modernization, urbanization, and migration contribute to the spread of marriages between representatives of different social and ethnic groups. Therefore, studies devoted to the study of the peculiarities of the perception of cultural differences in such marriages are relevant.

Objective. A comparative thematic analysis of the perception of cultural differences in intercultural marriages among Russian-speaking women in such marriages.

Hypothesis. The hypothesis is formulated as a research question: How are cultural differences perceived by Russian-speaking women who are in an intercultural marriage with individuals from countries with individualistic (Norway) and collectivistic (UAE) cultures?

Methods and materials. In the conducted qualitative study, based on semi-structured interviews with Russian-speaking women married to representatives of the UAE and Norway, based on the results of the thematic analysis of Brown and Clark, a comparative analysis of the peculiarities of the perception of cultural differences in intercultural marriages was conducted. The study involved 21 Russian-speaking women in intercultural marriages: 10 women married to a Norwegian and living in Norway, 11 married to an Arab Emirati and living in the UAE. Age from 22 to 69 years ($M = 40$). The respondents come from the countries of the former Soviet Union, including Azerbaijan, Kazakhstan, Moldova, Russia, and Ukraine. All the respondents had higher education. Marital experience ranges from 2 to 25 years. The data collection method was a semi-structured interview; the analysis method was thematic analysis according to Brown and Clark.

Results. The article identifies the peculiarities of the perception of cultural differences in intercultural marriages among Russian-speaking women who are married to Norwegians and Emirati Arabs. The article highlights the different poles of the same cultural factor: when interacting with representatives of Eastern (Arab) culture, Russian-speaking women perceive themselves as more Western, while when interacting with representatives of Western (Norwegian) culture, they perceive themselves as more Eastern.

Conclusions. Intercultural marriages actualize the perceived cultural distance in terms of individualism-collectivism and power distance; the religious factor plays a different role in intercultural marriages, acting as a coping mechanism and becoming a bridge or barrier to intercultural communication in marriage.

Keywords: comparative thematic analysis, perception of cultural differences, intercultural marriages, power distance, collectivism and individualism, perceived cultural distance, culturally specific differences, Russian-speaking women, United Arab Emirates, Norway

For citation: Pavlova, O.S., Tkachenko, N.V., Gritsenko, V.V., Barinova, N.G., Titova, O.V. (2025). Comparative-contrastive analysis of the perception of cultural differences in intercultural marriages: the case of Russian-speaking women in the United Arab Emirates and Norway. *Social Psychology and Society*, 16(3), 99–121. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2025160306>

Введение

Стремительно меняющийся мир способствует миграции и увеличению межкультурных контактов, а социальные сети и интернет-пространство увеличивают возможности знакомства и общения представителей разных стран и культур. Нарастающее число межкультурных браков фиксируется во многих странах (Bandyopadhyay, 2021; Livingstone, 2017); часто такие браки заключаются между коренными жителями и иностранцами.

Так, в такой европейской стране, как Норвегия, 15% всех браков заключены между норвежцами и иностранцами (Statistic Norway, 2021¹), а в Объединенных Арабских Эмиратах более 30% эми-

ратцев женились на иностранках; в Дубае таких браков около 57% (по данным Федерального национального совета ОАЭ в 2016 году²). Среди иностранок, вышедших замуж за норвежца или араба-эмирата, немалую долю составляют женщины из России и постсоветских республик. Брачная миграция русскоговорящих женщин из стран постсоветского пространства описана как особый социокультурный феномен «русских жен», ставший своего рода брендом на международном брачном рынке (Рязанцев и др., 2018).

Межкультурный брак — это такая модель семейных отношений, в которой супруги принадлежат к разным культурным группам (например, этническим,

¹ Statistisk sentralbyr . Statistics Norway (2025). URL: <https://www.ssb.no/en/statbank/table/07432> (дата обращения: 10.05.2025).

² Более трети всех граждан ОАЭ заключили браки с иностранками (2016). Русские Эмираты. URL: <https://russianemirates.com/news/uae-news/bolee-treti-vsekh-grazhdan-uae-zaklyuchili-braki-s-inostra> (дата обращения: 10.05.2025).

религиозным) (Campbell, Silva, Wright, 2012). То есть к межкультурным бракам относятся браки между представителями разных этносов (народов), религий (или конфессий), стран (государств).

В различных культурах отношение к вступлению в межкультурные браки значительно отличается (Алагуев, 2022; Лурье, 2020; Сикевич, Поссель, 2019; Ростовская, Сулейманов, 2017; Van Niekerk, 2018) и является отражением ценностных ориентаций в группе. Те этнокультурные группы, которые нацелены на сохранение своих культурных особенностей (как правило, это малочисленные этнические группы), в большей степени склонны к этнической эндогамии. Представители больших этнических групп, для которых беспокойство утраты и размывания этнической идентичности характерно в меньшей степени (Степанова, 2022), относятся к вступлению в такие браки спокойно. Так, проведенные на российской выборке исследования (Лурье, 2020) показывают, что 77% русских студентов положительно относятся к межэтническим бракам, рассматривая их не через характеристики межгрупповых отношений, а как проявление индивидуальных чувств к партнеру. Представители более старшего поколения, родители, примерно в 30% случаев не хотели бы видеть в своей семье инокультурного зятя и в 20% случаев – инокультурную невестку (Сикевич, Поссель, 2019). Исследования на выборке разных этнических групп России (Северного Кавказа, Бурятии) показывают (Павлова, 2013, Алагуев, 2022), что «этническая идентичность в целом отрицательно связана с положительным отношением к вступлению в межкультурный брак» (Алагуев, 2022, с. 71). Важ-

но, что на отношение к межкультурным бракам может оказывать влияние религиозный фактор: межрелигиозные браки оцениваются разными этническими группами россиян менее положительно, чем межэтнические (Алагуев, 2021; Ростовская, Сулейманов, 2017).

Анализ российских и зарубежных исследований показывает противоречивость оценки успешности межкультурных брачных союзов. Ряд исследователей приходят к выводу, что отношения в межкультурной паре более стрессогенные, характеризующиеся более высоким риском распада (Foeman, Nance, 1999; Gaines, Angew, 2003). Российские ученые причины меньшей устойчивости межкультурных браков объясняют отсутствием в экзогамных браках механизмов внутрикультурной регуляции браков и системы общественного контроля, которые характерны для эндогенных браков (Арутюян, Дробижева, Сусоколов, 1998), а также тем, что установление межличностных отношений связано с необходимостью взаимной адаптации к культуре супруга, ее принятия и формирования навыков межкультурной коммуникации, что связано с культурной дистанцией (Алагуев, 2021).

Адаптация к новой культуре в межкультурных браках часто приводит к трансформации идентичности одного или обоих супругов: нередко в межкультурных браках один из супругов ассимилируется в культуре другого (Павлова, 2013), сложностям в определении этнической идентичности детей, рожденных в таких браках. Проблемы в отношениях с родственниками супругов являются важным контекстом, в котором разворачиваются отношения в межкультурных

браках, а несовпадение и конфликт ценностных ориентаций приводят к межличностным конфликтам внутри семьи (Ростовская, Сулейманов, 2017).

Противоположная точка зрения на межкультурные браки связана с указанием на их стабильность и удовлетворенность супругов отношениями. Источниками стабильности и взаимопонимания психологи (Левкович, 1990) указывают личностные особенности супружов и их способности к установлению межличностных отношений, а с другой стороны, — создание интегративной семейной культуры, интегративной (би- или мультикультурной) идентичности, которые способствуют взаимопониманию и сохранению конструктивных отношений. Интегративные процессы могут проходить на основе общей объединяющей супружов культуры: общей религии (к примеру, супруги принадлежат к разным этническим группам, но оба исповедуют ислам — это позволяет в качестве фундамента построения отношений использовать общие религиозные ценности и установки) (Баринова, 2024). Или разность этнического происхождения отчасти нивелируется принадлежностью к некой более крупной этнической группе: народы Кавказа, выходцы из стран бывшего СССР (жители постсоветского пространства). Все это помогает опираться в семейной межкультурной коммуникации на общие (интегративные) культурные паттерны (Галляпина, 2008).

Таким образом, неоднозначность полученных в науке данных об отношении общества к вступлению в межкультурный брак, о разнообразии факторов успешности/неуспешности межкультурных брачных союзов говорит о необходимости

исследования межкультурных браков на трех уровнях, на которых происходит взаимодействие партнеров: универсальном (общечеловеческом), культурном (групповом) и индивидуальном (Sue, 2001).

В рамках данной статьи мы сосредоточимся на анализе индивидуального уровня, детерминированного культурой и обусловленного принадлежностью к этнокультурной общности, в которой происходила социализация и инкультурация супружов и через принадлежность к которой были впитаны ценности, нормы, социальные роли и правила.

Многочисленные исследования (Алагуев, 2021; Chebotareva, Volk, 2020) показывают, что воспринимаемая культурная дистанция (Babiker et al. 1980), то есть воспринимаемая людьми разница между своей и чужой культурными традициями, является ключевым аспектом, через призму которого анализируются отношения в межкультурных браках. Среди проблемных точек обычно называются (Cools, 2006): язык, общение, адаптация одного из супружов к культуре другого супруга и стране проживания, вопросы воспитания детей, общение с друзьями, гендерные роли и их содержание, традиции, публичность.

Поскольку убеждения, установки и поведение членов семьи относительно динамики семейных отношений конструируются и интерпретируются в рамках их культурной и исторической среды (Garcia-Mendoza, 2022), в нашем исследовании мы считаем возможным опираться на модели культурных изменений при описании культурных различий участников нашего исследования: через параметры индивидуализма-коллективизма (Hofstede, 1980; Триандис,

2010), а также уровня дистанции власти (Hofstede, 1980), которые существенным образом отражаются в содержании и форме построения супружеских отношений (Павлова, 2024). Данные параметры могут стать рамочными для анализа воспринимаемой супругами культурной дистанции и представлений супругов о культурных различиях в семейных отношениях. Рассматриваемая в нашем исследовании Норвегия с высоким уровнем индивидуализма (81) и низкой дистанцией власти (31) существенно отличается от соответствующих культурных измерений в странах постсоветского пространства (Россия — уровень индивидуализма — 46, уровень дистанции власти — 93; Азербайджан — 28/85 соответственно; Казахстан — 20/88; Молдова — 27/90; Украина — 55/92). Важно обратить внимание, что Россия — двухполюсная культура (Аузан, 2024), которой присуща двойственность и противоречивость проявления индивидуализма и коллективизма (Аузан, 2024; Пищик, 2024). В свою очередь, в Арабских Эмиратах уровень индивидуализма также достаточно низкий (36), а индекс дистанции власти высокий (74).

В культурах коллективистического типа люди ориентированы на поддержание тесных семейных связей и отношений с родственниками, которые часто принимают активную роль в жизни семейной пары, а общественный контроль оказывает существенное влияние на принятие решений в семье, воспитание детей и многие другие сферы семейной жизни (Триандис, 2010; Павлова, 2024). В свою очередь, в индивидуалистических культурах ценятся автономия, независимость и поддержание собственного «Я», а так-

же неприкосновенность частной жизни; а в воспитании детей — сепарация. Когда в семейной паре встречаются партнеры из коллективистической и индивидуалистической культуры, остро будет возникать вопрос соотношения между независимостью, автономией и поддержанием сложных и разветвленных семейных связей (Чеботарева, 2019).

Параметр дистанции власти также может ярко проявляться в отношениях в браке, так как распределение власти в семье — один из важнейших вопросов семейных отношений. Равноправие или иерархичность в супружеских и детско-родительских отношениях — это чаще всего покровительственное и/или контролирующее поведение мужчины в патриархальных семьях или партнерские отношения в эгалитарных семьях. В этом контексте западные культуры с низкой дистанцией власти в большей степени тяготеют к партнерским семейным отношениям, тогда как восточные культуры с высокой дистанцией власти — к патриархальной модели брака, когда мужчина — глава семьи и покровитель жены и детей.

Воспринимаемая как высокая культурная дистанция между россиянками и арабами, россиянками и норвежцами (Федотова, 2022; Фишман, 2007) позволяет предположить возникновение сложностей в отношениях в межкультурном браке между россиянками и арабами из ОАЭ, россиянками и норвежцами из Норвегии.

На основании проведенного нами теоретического анализа, позволяющего увидеть некоторые социально-психологические контексты межкультурного брака через призму культурных измерений и воспринимаемой культурной дистанции, мы сформулировали исследовательский

вопрос: как воспринимаются культурные различия русскоговорящими женщинами, состоящими в межкультурном браке с представителями стран с индивидуалистической (Норвегия) и коллективистической (ОАЭ) культурой?

Материалы и методы

Схема проведения исследования. Интервью проводилось во время очной беседы с респондентами и в среднем длилось 120–150 минут. Предварительно респондентам была предоставлена информация об основной теме исследования, политике конфиденциальности и последующем использовании ответов. Применялся метод полуструктурированного интервью с использованием заранее подготовленного списка вопросов — гайда. Впоследствии ответы, полученные в ходе интервью, были транскрибированы, переведены в текстовый формат для последующего анализа.

Выборка. 21 русскоговорящая женщина, состоящая в межкультурном браке: 10 женщин состояли в браке с норвежцами и проживали в Норвегии, 11 — замужем за арабами-эмиратцами и проживали в ОАЭ. Возраст — от 22 до 69 лет ($M = 40$).

Респондентки являются выходцами из стран бывшего Советского Союза, в том числе из Азербайджана, Казахстана, Молдовы, России, Украины. Средний уровень образования — не менее 1 высшего образования. Опыт замужества — от 2 до 25 лет. Объединение респонденток в одну группу объясняется тем, что страны бывшего СССР характеризуются близостью к индексам коллективизма и высокой дистанции власти (Аузан, 2021), однако именно сравнительный фокус позволяет увидеть, что для Норвегии постсоветское пространство — более «восточное» (с социокуль-

турной точки зрения), а для ОАЭ — более «западное». Исследования (Galchenko I., van de Vijver F., 2007, Suanet I., van de Vijver F.J.R., 2009, Берриос Кальехас С.А., 2021) показывают низкую культурную дистанцию с русской культурой у представителей стран бывшего СССР, что объясняется в том числе знанием русского языка (Берриос Кальехас С.А., 2021) и позволяет говорить о проявлениях ценностной и культурной схожести русскоговорящих женщин в браках с представителями Норвегии и ОАЭ. Особенно это характерно для проживания в эмиграции, где представители русскоговорящих этнических групп чувствуют определенную культурную близость, в том числе за счет владения русским языком.

Подробное описание выборки по возрасту, этнической принадлежности своей и супруга, стране происхождения, стране проживания и длительности проживания в ней представлено в табл. 1.

Методы исследования. Использован метод полуструктурированного интервью, позволяющий подробно и полно описать изучаемый феномен (Квале, 2003).

Топик-гайд интервью имел следующую структуру:

1-й блок. Вступление (установление контакта, разъяснение процедуры, информированное согласие и т.п.).

2-й блок. Рефлексия опыта супружества с представителем другой культуры, степень удовлетворенности жизнью в целом и семейными отношениями в частности.

3-й блок. Анализ культурных различий в условиях межкультурного брака.

4-й блок. Завершение интервью (прояснение отдельных непонятных высказываний в ответах респондента, осущест-

Таблица 1 / Table 1

Основные характеристики выборки исследования
Main characteristics of the study sample

Код респондента / Respondent code	Возраст, лет / Age, years	Этничность / Ethnicity	Страна происхожде- ния / Region of origin	Страна проживания / Place of residence	Период проживания / Period of residence	Этничность супруга / Spouse's ethnicity
A	45	Русская	РФ	Норвегия	5	Норвежец
B	56	Русская	Молдова	Норвегия	20	Норвежец
C	69	Русская	РФ	Норвегия	15	Норвежец
D	42	Украинка	Украина	Норвегия	16	Норвежец
E	48	Русская	РФ	Норвегия	19	Норвежец
F	40	Русская	РФ	Норвегия	9	Норвежец
G	39	Украинка	Украина	Норвегия	19	Норвежец
H	47	Казашка	Казахстан	Норвегия	13	Норвежец
I	63	Русская	РФ	Норвегия	23	Норвежец
J	49	Русская	Азербайджан	Норвегия	16	Норвежец
K	38	Русская	РФ	ОАЭ	23	Эмиратец
L	39	Русская	РФ	ОАЭ	14	Эмиратец
M	25	Русская	РФ	ОАЭ	15	Эмиратец
N	43	Русская	РФ	ОАЭ	13	Эмиратец
O	22	Русская	РФ	ОАЭ	4	Эмиратец
P	50	Русская	РФ	ОАЭ	28	Эмиратец
R	33	Русская	РФ	ОАЭ	9	Эмиратец
S	32	Татарка	РФ	ОАЭ	17	Эмиратец
T	34	Русская	РФ	ОАЭ	8	Эмиратец
U	32	Татарка	РФ	ОАЭ	7	Эмиратец
V	36	Русская	РФ	ОАЭ	9	Эмиратец

вление тактичного и бережного выхода из ситуации интервью).

Интервью проходило по следующему плану. Респонденткам предлагалось обсудить-отрефлексировать опыт межкультурного брака. Последовательность вопросов варьировалась в зависимости от индивидуального хода беседы с респон-

дентками. Интервью проводилось как очно, так и через программы видеоконференции. При обработке результатов был использован тематический анализ (Braun, Clarke, 2022), ориентированный на получение, выделение новых метакатегорий (тем), позволяющих более полно изучить исследуемый феномен.

Процедура тематического анализа представляет собой последовательное многоступенчатое кодирование, где из транскрибированных интервью выделялись первичные коды, представляющие собой фразы респондента, небольшие фрагменты текста. Затем мы двигались к кодам более высокого порядка и уровня обобщения, которые впоследствии формировались в темы для организации полученных данных (Бусыгина, 2019). Темы выделялись непосредственно из эмпирических данных.

Валидность обеспечивалась соблюдением правил качественного исследования на этапах сбора, анализа и интерпретации

данных (Мельникова, Хорошилов, 2014), в частности достижение триангуляции осуществлялось за счет триангуляции исследователей, при которой каждый исследователь на всех этапах проведенного исследования повторял одно и то же действие независимо от других (Кошарная, Кошарный, 2016).

Результаты

Проведенное исследование позволило выделить темы, содержание которых проанализировано в сопоставительно-сравнительном аспекте. В табл. 2 представлены темы и их содержание.

Таблица 2 / Table 2

Темы и содержание тем Topics and content of topics

N	Тема / Topics	Содержание темы / Content of topics
1	Новая семья как индивидуальный и культурный вызов	Семейные нормы и правила, отношения с родственниками со стороны супруга в культуре норвежцев в Норвегии и культуре арабских семей в ОАЭ. Семейные нормы колективистической культуры с высокой дистанцией власти в ОАЭ вызывают у русскоговорящих женщин потребность в автономии; нормы индивидуалистической культуры с низкой дистанцией власти — потребность в близости и вовлеченности
2	Ролевые ожидания и притязания в браке	Семейные роли и отношения между супружами, детьми и родителями в индивидуалистической культуре с низкой дистанцией власти норвежцев в Норвегии и колективистической культуре с высокой дистанцией власти в арабских семьях в ОАЭ. В семьях в ОАЭ равноправие между супружами и детьми невозможно, что вызывает протест у русскоговорящих женщин. В семьях норвежцев установка на равноправие вызывает у русскоговорящих женщин потребность к проявлению заботы и поддержки со стороны супруга
3	Роль религиозного фактора в межкультурном браке	Религиозность как копинг-стратегия совладания с трудностями в браке для русскоговорящих женщин в браках в Норвегии и ОАЭ. Религия как способ преодоления межкультурных различий в браках в ОАЭ и межкультурный барьер в Норвегии
4	Язык как основа личной значимости и агентности	Утрата или снижение агентности за счет языкового барьера

Раскроем подробнее анализ представленных в таблице тем.

Тема: Новая семья как индивидуальный и культурный вызов

Респондентки, находящиеся в браке с норвежцами, отмечают, что, несмотря на то, что они видят преимущества в проживании в нуклеарной семье (формат семьи, в которой проживают, постоянно взаимодействуют и поддерживают друг друга только муж, жена и дети, в то время как первичные семьи мужа и жены остаются на периферии взаимодействия и контактов и перестают принимать какое-либо участие в жизни новой семьи), в послеродовой период они ищут поддержку в своей первичной семье: «он всегда говорил, что мне нужен партнер. Партнер. Что мы делим пополам. Все.... потом со временем мне пришлось это принять. Ну что мы все должны поделить пополам» (Е).

В браках с норвежцами респондентки отмечают определенную холодность и дистанцию во взаимоотношениях с супругом и его родителями, ожидают от них большей вовлеченности и заинтересованности, в то время как норвежцы как носители индивидуалистических ценностей ориентированы на самостоятельность супруги: «Мой супруг все время дает знать о том, что не понимает, зачем в воспитании детей принимают участие мои родители» (F). Со стороны русско-говорящей супруги ожидаема и желанна поддержка со стороны ее родственников.

В то же время респондентки, находящиеся в браке с эмиратцами, воспринимают как избыточную опеку расширенной семьи мужа и стремятся к большей автономии. Респондентки, ожидая безуслов-

ную поддержку и заботу со стороны мужа и его большой семьи, напротив, начинают «невольно дистанцироваться» от излишней близости, от чрезмерного влияния расширенной семьи мужа на ее личную жизнь, на воспитание и уход за ее детьми. Такие отношения оцениваются ею как некомфортные, но из которых женщина «никуда деться не может» (L). При этом включенность в «женский дом» (P) – не временный эпизод в семейных отношениях, а «на всю жизнь» (P), когда «большая семья собирается на ежедневные, пятничные праздники, обслуживает визиты, семейные собрания» (L).

Все это приводит к явному конфликту ожиданий супругов от отношений в браке.

Тема: Ролевые ожидания и притязания в браке

Для респонденток из ОАЭ «равноправие в браке невозможно» (T), даже в случае финансовой обеспеченности женщины, прежде всего за счет высокой дистанции власти и патриархального типа семьи. Ограничение права женщины участвовать наравне с мужем в обсуждении семейных дел и планов воспринимается нацеленными на партнерские отношения женщинами как недооценка их способностей, в то время как арабские мужчины воспринимают женщин как тех, о ком надо заботиться. Супруг-араб «чувствует себя в опасности, если женщина стремится к финансовому равноправию в семье» (U). Отсутствие равноправия с партнером в дискуссиях, обсуждениях, делах фрустрирует русскоговорящих женщин: «И даже если у тебя, условно, 18 образований и 3 ученье степени, ты не можешь быть равным собеседником, так как рас-

сматриваешься, в первую очередь, как супруга и женщина» (S). В браке с арабами, если женщина стремится к другим ролям, кроме принятых в семье, она «выглядит достаточно странно» (L). Роль арабской женщины предполагает включенность в жизнь семьи, в семейные дела «24 часа в сутки» (L), женщина «поглощается семьей, бытом» (L). В таком случае выход из дома, например, на учебу или работу, может восприниматься как « побег, преступление семьи» (O).

Все это вызывает внутренний протест у респонденток: «Я как личность не могу реализоваться» (S); «я испытываю личностный дискомфорт, при этом я не хочу терять семью» (P). Часто это приводит к чувству потерянности, неуверенности в себе: «Если бы была возможность вернуть все назад, то я бы ограничилась одним ребенком, маленькой семьей, но для меня было бы важно реализоваться профессионально. Так как испытываю даже трудности в общении со своими детьми, потому что во мне сидит такая вот нереализованность» (S).

В браке с норвежцем вопреки ожиданиям женщин респондентки чувствуют отсутствие в семье понятного распределения ролей: что муж возьмет на себя роль главы семьи. Русскоговорящие жены норвежцев ожидают от мужей большей строгости и контроля за поведением детей и их жизненными выборами.

В Норвегии оба супруга одинаково вкладывают в обеспечение и развитие семьи: «...женщина может платить за себя, а еще и за меня» (B). Это считается одним из «камней преткновения» для русскоговорящих респонденток, которые хотят увидеть заботу и поддержку мужа в его ответственности за финансовое bla-

гополучие жены, детей и семьи в целом. Однако они сталкиваются с установками «рабочего и финансового» равноправия со стороны мужа-норвежца, которое интерпретируется ими как «холодность, равнодушие» (I).

Низкая дистанция власти проявляется себя в специфике детско-родительских отношений в норвежских семьях. «Например, начиная с 16 лет родители не имеют возможности посмотреть медицинскую карту ребенка» (G). Такая ранняя свобода и самостоятельность детей способствует субъективной потере влияния на них со стороны матери. Фактически респондентки теряют возможность опереться на привычную модель воспитания детей, когда: «я хочу, чтобы он делал так-то и так-то» (G). При этом со стороны мужей-норвежцев такие установки жен и матерей кажутся проявлением строгости, мужья видят в этом монополию на принятие решений.

В межкультурном браке с норвежцами женщины поставлены перед необходимостью осваивать новую культурную модель роли жены и матери. В это время роль матери, женщины может выступать как опора и как «ловушка в новых условиях» (C). В Норвегии это новое требование выступает как безусловная трудность, когда «слишком много на себя берет ответственности женщина в семье» (I), пытаясь справиться со всеми ролями вместе, как с традиционными (жена, мать), так и менее традиционными для нее (равноправный партнер, в решении финансовых проблем и шире, в делах экономического планирования и оценки рисков). Женщина тем не менее ожидает «другой вклад супруга» (I), сталкивается с тем, что ей приходится

вносить значительный экономический вклад в развитие семьи. «Я взяла на себя дом, готовку, ребенка. А вот у него футбол» (J). Респондентки также говорят о том, что «муж ожидает от детей, чтобы они просто были детьми, им не приписываются мужские или женские роли» (J). Ролевое, в том числе гендерное равноправие, — одна из самых трудных в принятии респондентками норм норвежской культуры. Такое неприятие демонстрируется особенно в случае полового воспитания детей, где мужчина как отец поддерживает право на самоопределение детей в выборе мужского и/или женского ролевого поведения самими детьми. Данный аспект входит в серьезный конфликт с представлениями о роли мужа как отца у женщины, так как она ожидает, что именно отец должен транслировать мужскую модель поведения для своих дочерей и/или сыновей (например, быть заботливым и нежным с дочерьми и ассертивным и жестким — с сыновьями).

Тема: Роль религиозного фактора в межкультурном браке.

Религиозность как копинг-стратегия

Для респонденток из ОАЭ общая с супругом религия выступает как основной способ коммуникации, ценность и ресурс для построения межэтнических отношений в браке. Создавая определенную систему религиозных ценностей, религия и религиозная идентичность, с одной стороны, помогают женщинам справляться с ролью супруги и матери: «В этом браке я пересмотрела мою личность, мою повседневность и фокус внимания. Как будто бы я увидела другой образец женского благополучия» (U), а с другой стороны, воспринимать возникающие в

семье трудности как естественный этап жизни, достойное преодоление которых является религиозной обязанностью верующей женщины: «все, что происходит в жизни, — альхамдуиллах. Значит, по какой-то причине мне нужно было это испытать. Хвала Аллаху за все, это все благодаря Ему, мои усилия, наверное, имеют мало значения, все — по Воле Аллаха» (R); «Сейчас я чувствую, что у меня есть испытание — мне нужно вырастить достойно мою дочь как хорошую мусульманку» (S).

Несмотря на то, что религия не является смыслом и целью создания межкультурного брака с норвежцем, именно конфессиональный фактор становится темой удержания культурной идентичности, ее маркером, при этом в определенном смысле становясь межкультурным барьером: «Муж — атеист, очень много было разговоров: религия — опиум для народа, причем не просто атеист, а какой-то воинствующий. Когда я начинала воцерковляться, на это тоже смотрели как-то так» (E). Для крещеных в православии респонденток из Норвегии необходимость влияния на своих детей в области религиозных ценностей обеспечивается тайно, скрыто: «мои дети будут православными, я их крещу, хоть тайно» (A). Для женщин, состоящих в браке с норвежцами, религия выступает своеобразным гарантом трансляции ценностей родной культуры.

Тема: Национальный язык как основа значимости и агентности

Для респонденток из норвежских семей выражено ощущение беспомощности, сопровождающееся чувством утраты к способности делать в своей жизни осоз-

нанный и свободный выбор. И, в первую очередь, это связано с отсутствием знания норвежского языка. Это приносит ощущение уязвленности: «у меня нет ни семьи, ни друзей» (С), «как ребенок, я вынуждена обращаться за помощью все время к мужу, за утешением — к мужу» (Д). При этом для норвежца потребность жены в эмоциональной поддержке становится «непосильной ношей» (Д).

Женщины, состоящие в браке с представителями ОАЭ, ощущают меньшую фрустрированность за счет английского языка общения (в отличие от Норвегии): «язык общения здесь — английский, конечно» (О), однако внутри семьи респондентки ощущают свою беспомощность, выключенность из семейного коммуникативного поля. Прежде всего за счет того, что в арабских семьях домашний, неформальный язык общения — арабский.

Обсуждение результатов

Таким образом, анализ полуструктурированных интервью позволил выделить наиболее значимые темы, раскрывающие восприятие русскоговорящими женщинами культурных различий в межкультурных браках, и сделать вывод об универсальном и культурно специфичном в этом восприятии.

Нами было выделено четыре темы, в которых респондентки наиболее часто сообщали о культурных различиях в браках.

Тема «Новая семья как индивидуальный и культурный вызов» раскрывается в ожиданиях женщин от поведения супругов. Здесь отражается реакция женщин на новые семейные нормы и правила, на отношения с родственниками со стороны супруга в индивидуалистической культуре норвежцев в Норвегии и

коллективистической культуре арабских семей в ОАЭ. Так, женщина, находящаяся в уязвимом положении (например, только что родившая первого ребенка, находящаяся в незнакомой для себя обстановке), ищет и находит для себя поддержку и опору в привычном сообществе, воспринимая его как тыл и безусловную поддержку, что отражает данные других исследований (Ростовская, Сулейманов, 2017; Ростовская, 2022).

Иными словами, респондентки, находящиеся в браке с арабами, испытывают дискомфорт от чрезмерно близкой дистанции в отношениях с расширенной семьей мужа, их тяготит чрезмерность участия в жизни ее семьи расширенной семьи мужа, особенно женской части (мамы, сестры, тети и т.д.), что провоцирует у респонденток актуализацию индивидуалистических ценностей. В индивидуалистической культуре Норвегии женщины воспринимают дистанционность и удержание личных границ как отсутствие эмоциональной поддержки со стороны мужа и его семьи и вынуждены прибегать к помощи своих родственников в уходе за ребенком.

Таким образом, в качестве одного из важных выводов на основе анализа данной темы мы можем отметить, что у респонденток при взаимодействии с арабами как яркими представителями коллективистической культуры актуализируются индивидуалистические ценности, в то время как при взаимодействии с норвежцами — усиливаются коллективистические ценности. Возможно, это объясняется двухъядерностью российской культуры: наличием в России одновременно индивидуалистических и коллективистических паттернов (Аузан, 2024),

с одной стороны, и их противоречивым проявлением — с другой (Пищик, 2024).

Тема «Ролевые ожидания и притязания в браке» описывает семейные роли и отношения между супружами, детьми и родителями в индивидуалистической культуре с низкой дистанцией власти норвежцев в Норвегии и коллективистической культуре с высокой дистанцией власти в арабских семьях в ОАЭ.

В более традиционной и патриархальной модели семейных отношений, которая характерна для ОАЭ, русскоговорящие женщины воспринимают заботу и протекторат супруга и его семьи как сдерживающие их индивидуальное развитие и финансовую самостоятельность, что согласуется с данными других исследований (Ростовская, Кучмаева, Афзали, Ирсецкая, 2022).

В индивидуалистической модели эгалитарных семейных отношений с низкой дистанцией власти, характерных для Норвегии, русскоговорящие женщины, напротив, воспринимают поведение супруга, ориентированного на равноправие и свободу, как попустительство и равнодушие к делам семьи. Здесь актуализируется традиционное восприятие гендерных ролей, где мужчина воспринимается как «глава семьи» и от него ожидают большей ответственности, а акцент на равноправии может восприниматься женщинами как попытка ухода от ответственности (Garc a-Mendoza, 2022).

Противоречия в ролевых взаимных ожиданиях сопровождаются ощущением дискомфорта и неудовлетворенности браком независимо от того, из каких ценностей «звучит голос» конфликта — из высокодистантной культуры ОАЭ, в которой мужчина принимает решение о благо-

получии своей семьи и о роли жены в ней, или из низкодистантной культуры Норвегии, в которой муж ожидает равноправных, партнерских отношений с женой.

Тема «Роль религиозного фактора в межкультурном браке». Проведенное исследование показало, что религиозность выступает как копинг-стратегия совладания с трудностями в браке для русскоговорящих женщин в браках в Норвегии и ОАЭ. Женщины прибегают к религиозным ресурсам как к способу совладания со стрессом аккультурации, а также как способу удержания культурной идентичности, что подтверждается данными психологических исследований об использовании религиозности как адаптивного ресурса к социальным изменениям (Жог, Соколовская, 2015).

При этом религия выступает как ресурс для преодоления межкультурных различий в браках в ОАЭ (Van Niekerk, Verkuyten 2018; Ростовская, Сулейманов, 2017) и межкультурный барьер в Норвегии. Так как в ОАЭ все проанализированные нами семьи имели общую религиозную идентичность, для женщин в браке с арабом-мусульманином религия часто становится самостоятельной целью и ценностью брака (выйти замуж за единоверца) и переезда в другую страну в целом (жить в мусульманской стране) (Баринова, 2024), в то время как для респонденток, состоящих в браке с представителями культуры Норвегии, религия выступает как способ удержания собственной культурной идентичности и как возможность транслировать ее своим детям, пусть даже и тайно. Но, несмотря на различия, и для респонденток из Норвегии, и для респонденток из ОАЭ религия выступает определенным копинг-ресурсом в межкультурном браке.

Тема «Национальный язык как основа значимости и агентности» раскрывается в утрате или снижении агентности за счет языкового барьера.

Сравнительно-сопоставительный анализ по данной теме позволяет сделать вывод о том, что язык является одним из важнейших барьеров понимания, с одной стороны, и выступает фактором риска потери агентности — с другой. Исследования подтверждают, что отношение к языку и культуре связано с взаимопониманием в паре (Stępkowska, 2021) и способствует успешности семейных отношений. Двуязычие в межкультурной паре помогает выйти за пределы культурной специфики выражения чувств и увидеть многообразие проявления эмоций в разных культурах (Ting-Toomey, Stella, 2009).

Особенно сильно языковая фрустрация может ощущаться женщинами в Норвегии, так как в индивидуалистической низкоконтекстной культуре ожидается прямая открытая коммуникация, которая всегда предполагает достаточный уровень языковой и коммуникативной компетентности.

При браке с партнером из коллектиivistической высококонтекстной культуры ОАЭ влияние женщины на мужа и на семью в целом предполагается, но не напрямую, а латентно, скрытно. Действительно, отмечается высокое влияние женщин на Востоке через культурные «реверансы» и чувствительность к контексту. Большое влияние в этом принимает расширенная семья мужа. Однако респондентки в силу отсутствия арабского языка чувствуют свое одиночество и невключенность в «женский клуб», что приводит к невозможности культурно-типично оказывать влияние на принятые

решения в семье в целом и на мужа в частности.

Заключение

В результате проведенного тематического анализа полуструктурированных интервью с русскоязычными женщинами, проживающими в межкультурных браках с представителями ОАЭ и Норвегии, были выявлены особенности восприятия культурных различий русско-говорящими женщинами, состоящими в межкультурном браке.

Межкультурные браки актуализируют воспринимаемую культурную дистанцию по параметру «индивидуализм-коллективизм». При этом в браке с норвежцем у женщины актуализируются коллективистические ценности, выражющиеся в том числе в желании разделить ответственность, опираться на ролевую традиционность. В то время как в арабском браке у женщины актуализируются ориентация на индивидуалистические ценности: самореализацию, самостоятельность, ценность автономии.

Культурная дистанция относительно распределения ролей в семье, которую возможно поместить в континuum дистанции власти, воспринимается женщинами в контексте равноправия/подчинения. В браке с норвежцем женщина равноправна и при этом испытывает фрустрацию и депривацию поддержки и заботы, в арабском браке женщина подчиняется мужу и расширенной семье, чувствуя себя несамостоятельной и бесправной.

Религиозный фактор является важным мотивом заключения большинства арабских браков, в том числе как цель образования и воспитания детей в религиозной среде, в то время как в браке

с норвежцем религиозный фактор не является важным смыслообразующим параметром отношений. Однако и в норвежском, и в арабском браке религия выступает как копинг-стратегия совладания с трудностями восприятия культурных различий, являясь ресурсом и значимой поддержкой русскоговорящих женщин в процессе преодоления трудностей адаптации к культуре супруга.

Внутрисемейное общение на английском языке и незнание языка этнической группы мужа приводят к утрате или снижению агентности и личной значимости, языковым барьерам, сложностям в социокультурной адаптации, что ожидаемо приводит к фрустрированности и ощущению беспомощности, которое по-разному проявляется в низкоконтекстной культуре Норвегии и высококонтекстной культуре ОАЭ. Повышение языковой компетентности способствует эффективности внутрисемейной коммуникации, а также адаптации в новой социокультурной среде, что в итоге будет способствовать ощущению повышения агентности и личной значимости.

Таким образом, результатом сравнительного анализа восприятия культурных различий у русскоговорящих женщин, состоящих в браках с представителями культуры ОАЭ и Норвегии, является выделение различных полюсов одного и того же культурного фактора: взаимодействуя с представителями восточной (арабской) культуры, русскоговорящие женщины ощущают себя в большей степени носителями западной культуры, тогда как, взаимодействуя с представителями западной (норвежской) культуры, — носителями восточной культуры. Выявить, в какой степени

актуализация индивидуально-личностного потенциала женщин, состоящих в браках с представителями западной и восточной культуры, выступит стимулом для нахождения своего места в новой среде — это задача наших будущих исследований.

Проведенное исследование вносит вклад в развитие теории воспринимаемой культурной дистанции в межкультурных браках, в понимание культурных универсалий и культурной специфики в межкультурных браках русскоговорящих женщин, а также в развитие понимания сложного характера культурных параметров индивидуализма и кол lectivizma и их противоречивого проявления в межкультурном взаимодействии с партнерами из разного типа культур. Перспективным является изучение восприятия культурных различий как у женщин, так и мужчин, состоящих не только в российско-норвежском и российско-арабском межкультурном браке, но и в других типах межкультурных браков. На основе полученных в рамках проведенного исследования данных его авторы планируют разработку методических материалов, которые будут способствовать развитию успешной психологической и социальной помощи русскоязычным женщинам в части реализации более точных стратегий налаживания взаимопонимания между супружами в межкультурных парах, основанных на изучении механизмов развития их отношений и роли культуры в этом процессе.

Ограничения. Наше исследование не рассматривало особенности восприятия женщинами культурных различий

в межкультурных браках в зависимости от стажа семейной жизни, семейного статуса (разведена, состоит ли в повторном браке и т.д.), степени информированности женщин и готовности их к вступлению в такой брак, что, безусловно, влияет на восприятие ими межкультурных различий.

Limitations. Our study did not consider the specifics of women's perception of cultural differences in intercultural marriages, depending on their length of marriage, marital status (divorced, remarried, etc.), level of awareness, and readiness to enter into such a marriage, which undoubtedly affects their perception of intercultural differences.

Список источников / References

1. Алагуев, М.В., Галяпина, В.Н. (2022). Роль социальных идентичностей в выборе супруга другой культуры: кросс-региональный анализ. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 19(2), 259–277. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2022-2-259-277>
Alaguiev, M.V., Gal'apina, V.N. (2022). The role of social identities in choosing a spouse from another culture: cross-regional analysis. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 19(2), 259–277. (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2022-2-259-277>
2. Алагуев, М.В. (2021). Вступление в межкультурный брак: факторы выбора брачного партнера. *Национальный психологический журнал*, 1, 63–75.
Alaguiev, M.V. (2021). Entering into an intercultural marriage: Factors affecting mate selection. *National Psychological Journal*, 1, 63–75. (In Russ.).
3. Алагуев, М.В. (2022). Социальные идентичности и отношение к межкультурным бракам в поликультурных регионах России: роль воспринимаемой безопасности. *Мир психологии*, 1(108), 93–105. https://doi.org/10.51944/2073-8528_2022_1_93
Alaguiev, M.V. (2022). Social identities and attitudes towards intercultural marriages in poly-cultural regions of Russia: the role of perceived security. *World of Psychology*, 1(108), 93–105. (In Russ.). https://doi.org/10.51944/2073-8528_2022_1_93
4. Арутюнян, Ю.В., Дробижева, Л.М., Сусоколов, А.А. (1998). *Этносоциология: Учебное пособие для вузов*. М.: Аспект-Пресс.
Arutyunyan, Yu.V., Drobizheva, L.M., Susokolov, A.A. (1998). *Ethnosociology: Textbook for higher education institutions*. Moscow: Aspect Press. (In Russ.).
5. Аузан, А.А. (2024). Индивидуализм и коллективизм: Два культурных ядра России. *Философские науки*, 67(4), 11–26. <https://doi.org/10.30747/0235-1188-2024-67-4-11-26>
Auzan, A.A. (2024). Individualism and collectivism: Two cultural nuclei of Russia. *Philosophical Sciences*, 67(4), 11–26. (In Russ.). <https://doi.org/10.30747/0235-1188-2024-67-4-11-26>
6. Баринова, Н.Г. (2024). Религиозность как фактор субъективного благополучия российских женщин в межкультурных браках с гражданами ОАЭ. *Minbar. Islamic Studies*, 17(2), 480–498. <https://doi.org/10.31162/2618-9569-2024-17-2-480-498>
Barinova, N.G. (2024). Religiosity as a factor of subjective well-being of Russian women in intercultural marriages with UAE citizens. *Minbar. Islamic Studies*, 17(2), 480–498. (In Russ.). <https://doi.org/10.31162/2618-9569-2024-17-2-480-498>
7. Берриос Кальехас, С.А. (2021). Восприятие эмоций и культурной дистанции иностранными студентами в России. *ДЕМИС. Демографические исследования*, 1(2), 194–201. <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.2.15>

- Berryos Callejas, S.A. (2021). Emotional perception and cultural distance among foreign students in Russia. *DEMIS. Demographic Research*, 1(2), 194–201. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.2.15>
8. Бульцева, М.А., Бушина, Е.В., Берберян, А.С., Коджа, Е.А. (2021). Роль советской идентичности во взаимосвязи мультикультурализма и проницаемости социальных границ для русских в Армении. *Культурно-историческая психология*, 17(4), 56–64. <https://doi.org/10.17759/chp.2021170406>
- Bul'tseva, M.A., Bushina, E.V., Berberian, A.S., Koja, E.A. (2021). The role of Soviet identity in the correlation between multiculturalism and social boundary permeability for Russians in Armenia. *Cultural-historical Psychology*, 17(4), 56–64. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/chp.2021170406>
9. Бусыгина, Н. (2019). *Качественные и количественные методы исследований в психологии*. М.: Юрайт.
- Busygina, N. (2019). *Qualitative and quantitative research methods in psychology*. Moscow: Yurait. (In Russ.).
10. Гаяпина, В.Н. (2002). *Влияние принадлежности супругов к разным этносам на неудовлетворенность супружескими взаимоотношениями*: Дис. ... канд. психол. наук. М.: ИП РАН.
- Gal'apina, V.N. (2002). *The impact of spouses belonging to different ethnic groups on dissatisfaction with marital relationships*: PhD dissertation. Moscow: IP RAS. (In Russ.).
11. Жог, В.И., Соколовская, И.Э. (2015). Религиозность как адаптивный ресурс в условиях психосоциального стресса. *Преподаватель XXI век*, 1, 96–104.
- Zhog, V.I., Sokolovskaya, I.E. (2015). Religiosity as an adaptive resource under psychosocial stress conditions. *Teacher of the XXI century*, 1, 96–104. (In Russ.).
12. Кваде, С. (2003). *Исследовательское интервью*. М.: Смысл.
- Kvale, S. (2003). *Research interview*. Moscow: Smysl. (In Russ.).
13. Кошарная, Г.Б., Кошарный, В.П. (2016). Триангуляция как способ обеспечения валидности результатов эмпирического исследования. Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. *Общественные науки*, 2(38), 117–122. <https://doi.org/10.21685/2072-3016-2016-2-13>
- Kosharnaya, G.B., Kosharnyi, V.P. (2016). Triangulation as a way to ensure the validity of empirical research results. News of Higher Educational Institutions. Volga Region. *Social Sciences*, 2(38), 117–122. (In Russ.). <https://doi.org/10.21685/2072-3016-2016-2-13>
14. Левкович, В.П. (1990). Особенности супружеских взаимоотношений в разнонациональных семьях. *Психологический журнал*, 2, 25–35.
- Levkovich, V.P. (1990). Characteristics of marital relationships in mixed nationality families. *Psychological Journal*, 2, 25–35. (In Russ.).
15. Лурье, С.В. (2020). Межэтнические браки в контексте мировоззрения современной русской молодежи: Ценности семейного и национального, приватного и общественного. *Идеи и идеалы*, 12(2), 275–294. <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2020-12.1.2-275-294>
- Lurye, S.V. (2020). Intereenthnic marriages in the context of modern Russian youth's worldview: values of family and nationhood, privacy and society. *Ideas and Ideals*, 12(2), 275–294. <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2020-12.1.2-275-294> (In Russ.).
16. Мельникова, О.Т., Хорошилов, Д.А. (2014). Современные критериальные системы валидности качественных исследований в психологии. *Национальный психологический журнал*, 2(14), 36–48. <https://doi.org/10.11621/npj.2014.0205>

- Melnikova, O.T., Khoroshilov, D.A. (2014). Current validation criteria systems for qualitative research in psychology. *National Psychological Journal*, 2(14), 36–48. (In Russ.). <https://doi.org/10.11621/npj.2014.0205>
17. Павлова, О.С. (2024). Семейные отношения мусульман постсоветского пространства: Основные черты и подходы к психологическому консультированию. *Minbar. Islamic Studies*, 17(4), 953–978. <https://doi.org/10.31162/2618-9569-2024-17-4-953-978>
- Pavlova, O.S. (2024). Family relationships of Muslims in post-Soviet space: Main features and approaches to psychological counselling. *Minbar. Islamic Studies*, 17(4), 953–978. (In Russ.). <https://doi.org/10.31162/2618-9569-2024-17-4-953-978>
18. Павлова, О.С. (2013). Чеченский этнос сегодня: Черты социально-психологического портрета. М.: Горизонт.
- Pavlova, O.S. (2013). *Chechen ethnicity today: Traits of socio-psychological profile*. Moscow: Horizon. (In Russ.).
19. Пищик, В.И., Жолдасов, Д.С. (2024). Тренды коллективизма и индивидуализма в ментальности представителей молодых поколений. *Мир науки. Педагогика и психология*, 12(1). URL: <https://mir-nauki.com/PDF/17PSMN124.pdf>
- Pishchik, V.I., Zholdasov, D.S. (2024). Trends of collectivism and individualism in the mentality of younger generations. *World of Science. Pedagogy and Psychology*, 12(1). (In Russ.). URL: <https://mir-nauki.com/PDF/17PSMN124.pdf>
20. Ростовская, Т.К., Кучмаева, О.В., Афзали, М., Ирсецкая, Е.А. (2022). Межкультурные браки в условиях трансформации модели семьи: на примере России и Ирана. *Регионология*, 30(2), 405–423. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.119.030.202202.405-423>
- Rostovskaya, T.K., Kuchmaeva, O.V., Afzali, M., Irsetskaya, E.A. (2022). Intercultural marriages in the context of family model transformation: Case study of Russia and Iran. *Regional Studies*, 30(2), 405–423. (In Russ.). <https://doi.org/10.15507/2413-1407.119.030.202202.405-423>
21. Ростовская, Т.К., Ростовская, Н.А. (2016). Кросс-культурные браки в молодежной среде: проблемы, тенденции. *Культурное наследие России*, 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/krosskulturnye-braki-v-molodyozhnay-srede-problemy-tendentsii>
- Rostovskaya, T.K., Rostovskaya, N.A. (2016). Cross-cultural marriages in youth environments: Problems, tendencies. *Cultural heritage of Russia*, 2. (In Russ.). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/krosskulturnye-braki-v-molodyozhnay-srede-problemy-tendentsii>
22. Ростовская, Т.К., Сулейманов, А.Д. (2017). Жизнеспособность кросс-культурных браков в России и Азербайджане. *Вестник ВЭГУ*, 2(88), 110–117.
- Rostovskaya, T.K., Suleymanov, A.D. (2017). Survivability of cross-cultural marriages in Russia and Azerbaijan. *Bulletin of VEGU*, 2(88), 110–117. (In Russ.).
23. Рязанцев, С.В., Сивоплясова, С.Ю., Ростовская, Т.К., Бушкова, Л.А. (2018). Брачная эмиграция женщин из России: Масштабы, причины, особенности. *Женщина в российском обществе*, 4, 85–99. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2018.4.8>
- Ryazantsev, S.V., Sivopyasova, S.Yu., Rostovskaya, T.K., Bushkova, L.A. (2018). Women's migration for marriage from Russia: Scale, reasons, peculiarities. *Woman in Russian Society*, 4, 85–99. (In Russ.). <https://doi.org/10.21064/WinRS.2018.4.8>
24. Сикевич, З.В., Поссель, Ю.А. (2019). Структура и типология этнической идентичности членов межэтнических и моноэтнических семей (сравнительный анализ). *Социологический журнал*, 25(1), 121–136. <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.25.1.6282>

- Sikevich, Z.V., Possiel, Yu.A. (2019). Structure and typology of ethnic identity of members of interethnic and monoethnic families (comparative analysis). *Sociological Journal*, 25(1), 121–136. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.25.1.6282>
25. Степанова, Г.С. (2022). Изучение этнической идентичности и ценностных ориентаций с точки зрения их феноменальности и поколенной преемственности. *Междунородный научно-исследовательский журнал*, 4(118). <https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.118.4.064>
- Stepanova, G.S. (2022). Studying ethnic identity and value orientations from the standpoint of their phenomenality and generational continuity. *International Research Journal*, 4(118). (In Russ.). <https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.118.4.064>
26. Триандис, Г.К. (2010). *Культура и социальное поведение: учебное пособие* / пер. В.А. Соснина. М.: Форум.
- Triandis, G.K. (2010). *Culture and social behavior: Textbook* / translation by V.A. Sosnin. Moscow: Forum. (In Russ.).
27. Федотова, В.А. (2022). Влияние аккультурационных стратегий, этнической идентичности, культурной дистанции на социокультурную адаптацию студентов из арабских стран. *Социальная психология и общество*, 13(2), 109–122. <https://doi.org/10.17759/sps.2022130208>
- Fedotova, V.A. (2022). The impact of acculturation strategies, ethnic identity, and cultural distance on sociocultural adaptation of Arab students. *Social Psychology and Society*, 13(2), 109–122. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2022130208>
28. Фишман, О.М., Ивановская, Н.И. (2007). Взаимные стереотипы: из опыта международного выставочного проекта. *Антропологический форум*, 6, 313–339.
- Fishman, O.M., Ivanovskaya, N.I. (2007). Mutual stereotypes: Experience of an international exhibition project. *Anthropological Forum*, 6, 313–339. (In Russ.).
29. Чеботарёва, Е.Ю. (2019). Межкультурные особенности связей чрезмерного родительства с психологическим благополучием современных старших подростков. *Современная зарубежная психология*, 8(4), 7–15. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2019080401>
- Chebotareva, E.Yu. (2019). Intercultural features of excessive parenting connections with psychological well-being of modern senior teenagers. *Contemporary Foreign Psychology*, 8(4), 7–15. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/jmfp.2019080401>
30. Babiker, I.E., Cox, J., Miller, P. (1980). The Measurement of Cultural Distance and Its Relationship to Medical Consultations, Symptomatology and Examination Performance of Overseas Students at Edinburgh University. *Social Psychiatry*, 15(3), 109–116. <https://doi.org/10.1007/BF00578141>
31. Bandyopadhyay, S., Green, E. (2021). Explaining Inter Ethnic Marriage in Sub Saharan Africa. *Journal of International Development*, 33. <https://doi.org/10.1002/jid.3535>
32. Braun, V., Clarke, V. (2022). *Thematic Analysis. A Practical Guide*. London: Sage Publications. ISBN: 978-1-4739-5323-9
33. Campbell, K., Silva, L., Wright, D. (2012). Intercultural Relationships: Entry, Adjustment, and Cultural Negotiations. *Journal of Comparative Family Studies*, 43, 857–870. <https://doi.org/10.2307/41756274>
34. Chebotareva, E.Y., Volk, M.I. (2020). Life and Family Values Similarity in Inter-Ethnic and Inter-Faith Couples. *Behavioral Sciences*, 10(1), 38. <https://doi.org/10.3390/bs10010038>
35. Cools, C. (2006). Relational Communication in Intercultural Couples. *Language and Intercultural Communication*, 6(3–4), 262–274. <https://doi.org/10.2167/laic253.0>
36. Foeman, A., Nance, T. (1999). From Miscegenation to Multiculturalism: Perceptions and Stages of Interracial Relationship Development. *Journal of Black Studies*, 29, 540–557.

37. Gaines, S., Agnew, C. (2003). Relationship Maintenance in Intercultural Couples: An Interdependence Analysis. In D. Canary, M. Dainton (Eds.), *Maintaining Relationships Through Communication* (pp. 231–253). Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, Inc.
38. Galchenko, I., van de Vijver, F. (2007). The Role of Perceived Cultural Distance in the Acculturation of Exchange Students in Russia. *International Journal of Intercultural Relations*, 31(2), 181–197. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2006.03.004>
39. García-Mendoza, M.C., Parra, A., Sánchez-Queija, I., Oliveira, J.E., Coimbra, S. (2022). Gender Differences in Perceived Family Involvement and Perceived Family Control During Emerging Adulthood: A Cross-Country Comparison in Southern Europe. *Journal of Child and Family Studies*, 31(4), 1007–1018. <https://doi.org/10.1007/s10826-021-02122-y>
40. Hofstede, G. (1980). *Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values*. Beverly Hills, CA: Sage.
41. Livingston, G., Brown, A. (2017). Trends and Patterns in Intermarriage. *Intermarriage in the U.S. 50 Years After Loving v. Virginia*. URL: <https://www.pewresearch.org/social-trends/2017/05/18/trends-and-patterns-in-intermarriage> (accessed 10.09.2024).
42. Stępkowska, A. (2021). Identity in the Bilingual Couple: Attitudes to Language and Culture. *Open Linguistics*, 7(1), 223–234. <https://doi.org/10.1515/oli-2021-0020>
43. Sue, D. (2001). Multidimensional Facets of Cultural Competence. *The Counseling Psychologist*, 29(6), 790–821. <https://doi.org/10.1177/00111000001296002>
44. Suanet, I., van de Vijver, F.J.R. (2009). Perceived Cultural Distance and Acculturation Among Exchange Students in Russia. *Journal of Community & Applied Social Psychology*, 19(3), 182–197. <https://doi.org/10.1002/casp.989>
45. Ting-Toomey, S. (2009). A Mindful Approach to Managing Conflict in Intercultural Intimate Couples. In T. Karis & K. Killian (Eds.), *Intercultural Couples: Exploring Diversity in Intimate Relationships* (pp. 31–49). London: Routledge.
46. Van Niekerk, J., Verkuyten, M. (2018). Interfaith Marriage Attitudes in Muslim Majority Countries: A Multilevel Approach. *The International Journal for the Psychology of Religion*, 28(4), 257–270. <https://doi.org/10.1080/10508619.2018.1464556>
47. Wojnowski, Z. (2015). The Soviet People: National and Supranational Identities in the USSR after 1945. *Nationalities Papers*, 43(1), 1–7. <https://doi.org/10.1080/00905992.2014.953467>

Информация об авторах

Ольга Сергеевна Павлова, кандидат педагогических наук, профессор кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9702-1550>, e-mail: pavlovaos@mgppu.ru

Наталья Владимировна Ткаченко, кандидат психологических наук, доцент кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0315-8511>, e-mail: tkachenkonv@mgppu.ru

Валентина Васильевна Гриценко, доктор психологических наук, профессор кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7543-5709>, e-mail: gritsenko2006@yandex.ru

Павлова О.С., Ткаченко Н.В., Гриценко В.В.,
Баринова Н.Г., Титова О.В. (2025)
Сравнительно-сопоставительный анализ...
Социальная психология и общество,
16(3), 99–121.

Pavlova O.S., Tkachenko N.V., Gritsenko V.V.,
Barinova N.G., Titova O.V. (2025)
Comparative-contrastive analysis...
Social Psychology and Society,
16(3), 99–121.

Наталья Геннадиевна Баринова, психолог, соискатель ученой степени кандидата философских наук, философский факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова»), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-6112-9199>, e-mail: ngbuae@gmail.com

Ольга Владимировна Титова, психолог, магистр психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-3457-3747>, e-mail: olgatitova77@gmail.com

Information about the authors

Olga S. Pavlova, Candidate of Science (Pedagogy), Associate Professor, Professor of the Department of Cross-Cultural Psychology & Psychological Problems of Multicultural Education, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9702-1550>, e-mail: pavlovaos@mgppu.ru

Natal'ya V. Tkachenko, Candidate of Science (Psychology), Associate Professor of Department of Cross-Cultural Psychology & Psychological Problems of Multicultural Education, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0315-8511>, e-mail: tkachenkonv@mgppu.ru

Valentina V. Gritsenko, Doctor of Science (Psychology), Professor of the Department of Cross-Cultural Psychology & Psychological Problems of Multicultural Education, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7543-5709>, e-mail: gritsenko2006@yandex.ru

Nataliya G. Barinova, Psychologist, PhD candidate, Department of Philosophy, Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-6112-9199>, e-mail: ngbuae@gmail.com

Olga V. Titova, Psychologist, Master in Social Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-3457-3747>, e-mail: olgatitova77@gmail.com

Вклад авторов

Павлова О.С. — идеи исследования; аннотирование, написание и оформление рукописи; анализ результатов исследования.

Ткаченко Н.В. — применение качественных методов для анализа данных; описание результатов исследования.

Гриценко В.В. — аннотирование, написание и оформление рукописи; анализ результатов исследования.

Баринова Н.Г. — планирование исследования; проведение исследования, описание результатов исследования.

Титова О.В. — планирование исследования; проведение исследования, описание результатов исследования.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Pavlova O.S. — research ideas; annotation, writing, and formatting of the manuscript; research planning; analysis of research results.

Павлова О.С., Ткаченко Н.В., Гриценко В.В.,
Баринова Н.Г., Титова О.В. (2025)
Сравнительно-сопоставительный анализ...
Социальная психология и общество,
16(3), 99–121.

Pavlova O.S., Tkachenko N.V., Gritsenko V.V.,
Barinova N.G., Titova O.V. (2025)
Comparative-contrastive analysis...
Social Psychology and Society,
16(3), 99–121.

Tkachenko N.V. — application of qualitative methods for data analysis; description of research results.

Gritsenko V.V. — annotation, writing, and formatting of the manuscript; analysis of research results.

Barinova N.G. — research planning; research execution, description of research results.

Titova O.V. — research planning; research execution, description of research results.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Декларация об этике

Респондентами было предоставлено письменное информированное согласие на участие в этом исследовании.

Ethics statement

The respondents provided written informed consent to participate in this study.

Поступила в редакцию 12.07.2024

Received 2024.07.12

Поступила после рецензирования 13.07.2025

Revised 2025.07.13

Принята к публикации 19.09.2025

Accepted 2025.09.19

Опубликована 30.09.2025

Published 2025.09.30

Научная статья | Original paper

Влияние предметного контекста этически нагруженной ситуации и бэкграунда образовательно-профессиональной группы на применение морального запрета

Е.И. Горбачева, К.В. Кабанов, А.А. Косова

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского,
Калуга, Российская Федерация
 KosovaAA@tksu.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Включение предметного контекста этически нагруженной ситуации и бэкграунда группы как переменных, определяющих применение морального запрета, позволяет установить связь моральных решений с предыдущим опытом и раскрыть предметно-содержательную специфику идентификации, структурирования и разрешения морального противоречия в этически двусмысленной ситуации. Такая постановка проблемы задает необходимость пересмотра сложившейся в психологии морали традиции в изучении морального запрета как общей предрасположенности следовать универсальным ценностям в своих суждениях и поведении.

Цель. Обосновать роль контекстуальных переменных в рамках реалистичных сценариев действия морального запрета с учетом критерии его применения и установить эти критерии проявления в условиях как одностороннего, так и совместного влияния типа этически нагруженных ситуаций и бэкграунда образовательно-профессиональной группы.

Дизайн исследования. Анализируются особенности применения морального запрета в этически нагруженной ситуации студентами, принадлежащими разным образовательно-профессиональным группам («юристы», «медики», «педагоги»). Оценивается значимость влияния разных типов предметных контекстов ситуаций (профессионально-маркированных, профессионально-нейтральных и житейских) на дисперсию показателей императивности, полноты, аргументированности и согласованности применения морального запрета представителями указанных групп.

Участники. Исследование проведено в КГУ им. К.Э. Циолковского на выборке, включающей студентов трех образовательно-профессиональных групп («юристы», «медики», «педагоги»). Всего – 195 человек, 137 девушек и 58 юношей, возраст $M = 20,02$; $SD = 1,34$.

Методы. Ситуационная методика «Принятие решения в этически нагруженной ситуации», включающая 12 ситуаций с предметно-профессиональным (право, медицина) и житейским контекстом применения морального запрета.

Результаты. Выявлен диссонанс между императивностью применения морального запрета и его аргументированностью в профессионально близком («юристы») и житейском («педагоги») контекстах. «Медики» применяли более зреющую моральную аргументацию в медицинских ситуациях, «юристы» в «ближких» для себя ситуациях (право), напротив, прибегали к аргументам социально-конвенционального характера. Сравниваемые группы отличаются

Горбачева Е.И., Кабанов К.В., Косова А.А. (2025) Влияние предметного контекста этически нагруженной ситуации и бэкграунда... Социальная психология и общество, 16(3), 122–143.

Gorbacheva E.I., Kabanov K.V., Kosova A.A. (2025) The influence of the subject context of an ethically charged situation and the background... Social Psychology and Society, 16(3), 122–143.

избирательным действованием критерии морального запрета: «медики» проявили меньшую готовность к строгому следованию моральному запрету, что сказывалось на более низкой, по сравнению с другими группами, согласованности применения запрета. Установлено, что модераторами такой вариативности являются бэкграунд группы и предметный контекст ситуации: бэкграунд воздействует на императивность морального запрета и полноту описания морального противоречия, тогда как контекст этически нагруженных ситуаций влияет только на аргументированность. При этом бэкграунд группы и контекст ситуации не взаимодействуют в процессе применения морального запрета значимым образом.

Основные выводы. Применение морального запрета обусловлено как различающимся предметным контекстом ситуаций, так и бэкграундом образовательно-профессиональных групп, а именно — их опытом ориентации и рассуждения в содержательно релевантном контексте профессионально-маркированных ситуаций.

Ключевые слова: моральный запрет, этически нагруженная ситуация, предметный контекст, бэкграунд образовательно-профессиональной группы

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 23-28-10189, <https://rscf.ru/project/23-28-10189/>.

Для цитирования: Горбачева, Е.И., Кабанов, К.В., Косова, А.А. (2025). Влияние предметного контекста этически нагруженной ситуации и бэкграунда образовательно-профессиональной группы на применение морального запрета. *Социальная психология и общество*, 16(3), 122–143. <https://doi.org/10.17759/sps.2025160307>

The influence of the subject context of an ethically charged situation and the background of an educational and professional group on the application of a moral prohibition

E.I. Gorbacheva, K.V. Kabanov, A.A. Kosova ✉

Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky, Kaluga, Russian Federation

✉ KosovaAA@tksu.ru

Abstract

Context and relevance. The inclusion of the subject context of an ethically charged situation and the background of the group as variables determining the application of a moral prohibition allows us to establish a link between moral decisions and previous experience and reveal the substantive specifics of identifying, structuring and resolving moral contradictions in an ethically ambiguous situation. This formulation of the problem calls for a revision of the tradition established in moral psychology in the study of moral prohibition as a general predisposition to follow universal values in their judgments and behavior.

Objective. To substantiate the role of contextual variables within realistic scenarios of the moral prohibition, taking into account the criteria of its application, and to establish how these criteria manifest themselves in conditions of both unilateral and joint influence such as ethically loaded situations and the background of an educational and professional group.

Research design. The article analyzes the peculiarities of the application of moral prohibition in an ethically burdened situation by students belonging to different educational and professional groups ("lawyers", "doctors", "teachers"). The significance of the influence of different types of subject contexts of situations (professionally labeled, professionally neutral, and everyday) on the variance of indicators of imperativeness, completeness, reasonableness, and consistency in the application of moral prohibition by representatives of these groups is assessed.

Participants. The study was conducted at K.E. Tsiolkovsky Moscow State University on a sample of students from three educational and professional groups ("lawyers", "doctors", "teachers"). Total – 195 people, 137 girls and 58 boys, age $M = 20,02$; $SD = 1,34$.

Methods. Situational methodology "Decision-making in an ethically burdened situation", which includes 12 situations with a subject-professional (law, medicine) and everyday context of the application of moral prohibition.

Results. The dissonance between the imperative of applying a moral prohibition and its reasonableness in professionally intimate ("lawyers") and everyday ("educators") contexts is revealed. "Doctors" applied more mature moral reasoning in medical situations, "lawyers" in situations "close" to themselves (law), on the contrary, resorted to arguments of a socially conventional nature. The compared groups differ in the selective use of criteria of moral prohibition: "doctors" showed less willingness to strictly follow the moral prohibition, which resulted in lower consistency compared to other groups; "lawyers" increased the consistency of the application of the prohibition with increasing imperativeness of their decision. It is established that the moderators of such variability are the background of the group and the subject context of the situation: the background affects the imperative of the moral prohibition and the completeness of the description of the moral contradiction, whereas the context of ethically loaded situations affects only the reasonableness. At the same time, the background of the group and the context of the situation do not interact in a meaningful way during the application of the moral prohibition.

Conclusions. The application of the moral prohibition is due to both the different subject context of situations and the background of educational and professional groups, namely, their experience of orientation and reasoning in the meaningfully relevant context of professionally labeled situations.

Keywords: moral prohibition, ethically loaded situation, subject context, background of an educational and professional group

Funding. The study was supported by the Russian Science Foundation, project number 23-28-10189, <https://rscf.ru/project/23-28-10189/>.

For citation: Gorbacheva, E.I., Kabanov, K.V., Kosova, A.A. (2025). The influence of the subject context of an ethically charged situation and the background of an educational and professional group on the application of a moral prohibition. *Social Psychology and Society*, 16(3), 122–143. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2025160307>

Введение

Все известные попытки концептуализации в рамках моральной психологии феномена интериоризации моральных норм делают акцент на том, что субъект

выстраивает свое поведение в соответствии с моральным запретом. Последний императивен, ведь его содержание предполагается к исполнению. Запреты воплощаются в этических принципах или

общих установках моральных суждений, решений и действий. «Запрет может принимать форму конкретного предписания, утверждающего обязательность блага как такового. Запрет всегда обращен к Я морального агента, но вместе с тем актуализирует обязательную ответственность за благо Другого» (Гусейнов, 2013).

Согласно энактивистскому подходу, в этической сфере действуют целенаправленные размышления и рассуждения человека, и именно они играют роль в формировании его нравственных привычек и моральных убеждений (Van Grunsven, 2018; Varela, 1999). Например, обдумывание и анализ являются важными процессами для приобретения и пересмотра моральных интуиций. Моральные представления, суждения и нормы могут вступать в противоречие с другими областями социального и предметного знания и даже друг с другом. Например, стремление к равенству и справедливости может быть подчинено соображениям групповой идентичности и локальной просоциальности, а ценности благополучия могут вступать в противоречие с моральной ценностью справедливости. В этот момент моральное рассуждение и обдумывание приобретают особую значимость, поскольку они способствуют более адекватному применению универсальных принципов благополучия, справедливости и уважения к личности, особенно когда они противоречат друг другу в условиях неравенства власти и влияния между людьми (Killen, Dahl, 2021). Например, во время пандемии COVID-19 особое внимание уделялось соблюдению правил, чтобы защитить себя и здоровье общества, и то, в каком моральном контексте эти предписания преподносились людям, влияло на их отношение к свободным пере-

мещениям как к моральному запрету, а не просто конвенциональной норме, вводимой администрацией (Francis, McNabb, 2022).

Х. Де Ягер и Э. Ди Паоло предложили концепцию «совместного осмысливания», которая определяется как «координация целенаправленной деятельности в процессе взаимодействия, в результате чего затрагиваются индивидуальные процессы осмысливания и могут быть созданы новые области социального осмысливания, которые были недоступны каждому человеку по отдельности» (De Jaegher, Di Paolo, 2007). Подобный тезис можно найти и у Ф. Варелы: «...мы приобретаем этическое поведение примерно так же, как приобретаем все остальные модели поведения: они становятся для нас прозрачными по мере того, как мы взрослеем в обществе... и очевидно, что эксперт по этике — это не что иное, как полноправный участник сообщества: мы все являемся экспертами, потому что все мы принадлежим к устоявшейся традиции, в которой чувствуем себя как дома» (Varela, 1999).

Индивид, относящийся к определенному сообществу, обязательно обладает неявным знанием правил осмысленной деятельности в его рамках. Оно особым образом проявляется в решении задач практической деятельности и передается путем личных контактов и релевантных содержанию деятельности нарративов, как правило, в результате профессионального обучения (Елисеева, 2011; Носуленко, Самойленко, 2016; Самойленко, Богданова, 2017). И хотя индивидуальные убеждения и ценности выступают в качестве фильтра, через который пропускаются подобного рода знания, но уже на начальной стадии овладения «азами» профессии «начинают работать механизмы “обратной проекции”

в виде сформировавшихся образов и моделей поведения, ограничивающих идентификацию и толкование изучаемого материала» (Akkerman, Bakker, 2011).

С этой точки зрения образовательно-профессиональная группа может рассматриваться как своего рода «решетка/сеть» («grid» в терминологии М. Дуглас (Douglas, 2003)), то есть как форма внутренней социальности, обладающая некоторым предпосылочным знанием «background knowledge». Это знание включает в себя специфическую эрудицию, неявные профессиональные навыки, культурные и социальные установки, которые абитуриент, а позже студент, формирует как вне формальной учебной программы вуза (уже при принятии решения о выборе образования, а также в процессе подготовки к поступлению), так и по ходу обучения в нем. Интегрируя в себе базовые моральные ориентиры, оно задает эмоциональный и личностный фон, необходимый для интерпретации этически нагруженных ситуаций (далее – ЭНС), что, возможно, проявится в контекст-зависимом применении морального запрета.

Положение о том, что бэкграунд образовательно-профессиональной группы может оказывать влияние на применение морального запрета, определяется следующими характеристиками функционирования коллективного знания в социальных контекстах. В разрешении моральных противоречий в содержательно близкой сфере представители образовательно-профессиональной группы при всем индивидуальном своеобразии своих способов действия и их обоснования проявляют общность подхода. Здесь проявляется коммуникативная социальность как «неотъемлемое качество всякой социализированной лич-

ности, которая восприимчива к тем или иным нормативным групповым правилам» (Антоновский, 2015). Речь не идет об устойчивой приверженности просоциальным нормативам, в том числе в сфере применения морального запрета. В ЭНС влияние бэкграунда группы проявляется в нахождении решения, главный признак которого не моральное совершенство, а пригодность в разрешении морального противоречия (Улановский, 2009).

Метод

Под применением морального запрета подразумевается, что он актуализируется в процессе морального мышления, включающего этическую квалификацию ситуации, ее интерпретацию, обоснование выбора направления действия и, наконец, принятие решения об использовании его как регулятива, ограничивающего возможности иного, отклоняющегося от него решения (Горбачева, Кабанов, 2024). Другими словами, в ЭНС моральный запрет на каждом мыслительном этапе принимает форму конкретного действия, которое является ответом на вызовы определенных эпизодов ситуации.

В изучении применения морального запрета важно учесть не только то, склонен ли человек осознавать моральную значимость ситуации или хочет ли он вообще поступать морально, но и то, с какой степенью обязательности он должен действовать в конкретной ситуации. Поэтому в качестве первого критерия применения морального запрета рассматривается его *императивность*. Но важно не только раскрыть, склонен ли человек осознавать моральную значимость ситуации или хочет ли он вообще поступать морально, а и выяснить то, как применяется моральное «измерение»

к данной ситуации. Чтобы лучше понять, как моральные агенты «взвешивают» соображения в конкретной ситуации принятия решения, необходимо включить в состав измеряемых характеристик актуализации морального запрета критерии, способствующие операционализации такого «взвешивания»: *полнота* структурного описания компонентов морального противоречия; *аргументированность* необходимости следования моральному запрету или уклонения от него; *согласованность* в императивности, полноте и аргументированности применения морального запрета (Горбачева, Кабанов, 2024).

Первая цель настоящего исследования — изучить, как студенты разных образовательно-профессиональных групп применяют моральный запрет в ЭНС с знакомым им профессионально-маркированным и профессионально-нейтральным контекстом. Особенности таких ситуаций заключаются в том, что в них действуют не только разные и требующие обязательного применения универсальные моральные принципы, но и то, что эти принципы представлены в среде моральных правил, поддерживаемых профессиональными стандартами и этическими ожиданиями лиц, действующими в рамках соответствующих социальных институтов и сфер деятельности. В данном исследовании в качестве таковых рассматривались ситуации с реалистичными сценариями: юридически значимые ситуации, ситуации из медицинской практики и ситуации повседневного социального взаимодействия. В каждой ситуации был представлен сценарий, в котором действующий персонаж поставлен перед выбором обойти или применить моральный запрет в условиях давления моральных ценностей универсального и

группового уровня, моральных правил и социально-конвенциональных норм сообщества, к которому принадлежит этот персонаж (моральный агент).

Сравнивались показатели применения морального запрета в трех образовательно-профессиональных группах, которые можно считать социально типичными с точки зрения восприимчивости к этическим вопросам в постановке и решении профессиональных задач. Основными группами сравнения стали «юристы» и «медики», в качестве контрольной группы были взяты «педагоги», в бэкграунде которых юридические и медицинские вопросы не были «близкими», но тем не менее стимулируемая опытом их обучения этическая «зоркость» могла некоторым образом проявиться и сыграть свою роль в качестве ориентира в выделении и структурировании морального содержания и его актуализации в принятии решения как в житейских, так и профессионально-маркированных ситуациях. Будем исходить из того, что применение морального запрета обладает определенным уровнем специфичности, то есть этот запрет при всей универсальности его назначения является ответом на вызовы определенных контекстуальных характеристик ситуации, которые студенты разных образовательно-профессиональных групп будут интерпретировать различным образом в зависимости от того, житейская ли эта ситуация, профессионально-нейтральная («далекая») или же профессионально «близкая».

Вторая цель исследования — выявление роли влияния бэкграунда образовательно-профессиональной группы на характер контекстуальных переменных применения морального запрета. Это позволит лучше понять, как взаимодействуют его различ-

ные критерии в моральной квалификации, структурировании и интерпретации ЭНС, а следовательно, может способствовать лучшему пониманию того, как развивается моральное мышление в рамках скрытого обучения и функционирования «фоновых» убеждений у студентов и помочь лучше выявлять возможные ограничения в обоснованности моральных решений в группах, отличающихся бэкграундом.

Поскольку это первое исследование, расширяющее состав предметных контекстуальных переменных в рамках реалистичных сценариев действия морального запрета с конкретизацией критериев его применения и изучающее, как эти критерии изменяются в условиях как одностороннего, так и совместного влияния типа ЭНС и бэкграунда образовательно-профессиональной группы, можно выдвинуть лишь предварительные гипотезы о межгрупповой вариативности применения морального запрета. Правомерно предположить, что такая переменная, как социально-эпистемические характеристики группы, может усилить влияние «содержательно близкого», релевантного группе контекста ЭНС на полноту, аргументированность и согласованность моральных оснований запрета как императива действия морального агента.

Гипотеза 1: контекст-зависимая вариативность показателей применения морального запрета проявится во всех образовательно-профессиональных группах, и ее характер будет различным в зависимости от бэкграунда сравниваемых групп, что найдет отражение как в различиях меры выраженности императивности, полноты, аргументированности, так и особенностях их взаимосвязи.

Гипотеза 2: бэкграунд образовательно-профессиональной группы и контекст

ЭНС по-разному влияют на применение морального запрета, и эффект их взаимного действия проявится только в отношении содержательно релевантных для группы ситуаций.

Результаты выполнения ситуационной методики, полученные в группах «юристов», «медиков» и контрольной группы («педагоги»), были включены в систему дескриптивной статистики (средняя, стандартное отклонение). Для проверки гипотез об одностороннем и взаимном влиянии независимых переменных предметного контекста и бэкграунда образовательно-профессиональной группы на совокупную и раздельную актуализацию показателей морального запрета был использован множественный дисперсионный анализ (MANOVA). Корреляционный анализ по Пирсону позволил уточнить предположение о специфическом характере взаимосвязи показателей, характеризующих применение морального запрета в профессионально-маркированных и житейских ситуациях. Статистическая обработка результатов проводилась с помощью программы IBM SPSS Statistics 19.

Методика исследования. Методика «Принятие решения в этически нагруженной ситуации» включала 12 реалистичных ситуаций, отражающих предметно-профессиональный и житейский контексты применения морального запрета (по 4 для каждого контекста). Сценарии ситуаций были взяты из интервью с представителями медицинских и юридических профессий, а также реальных случаев из житейской практики, которыми делились их участники или свидетели в социальных сетях. Пример бланка с описанием ситуации представлен на рис. 1.

Ситуация 2. Сомнительное назначение

Вы работаете врачом в клинике и обращаете внимание на то, что Ваш коллега назначает своему пациенту тип препарата, который, по вашему мнению имеет много побочных эффектов и может серьезно навредить последнему. В приватном разговоре с коллегой Вы тактично делитесь своим опытом работы с этим препаратом и указываете на его серьезные недостатки. Он благодарит Вас за рекомендации и говорит, что примет их к сведению, однако Вы замечаете, что назначения он не изменяет. Несмотря на Ваши опасения, Вы принимаете решение не вмешиваться в действия своего коллеги.

Оцените, насколько правильным является принятное Вами решение по шкале от 1 до 7, где 1 – абсолютно неправильно, 7 – абсолютно правильно. Обведите соответствующую цифру.

1	2	3	4	5	6	7

Приведите аргументы, подтверждающие оценку принятого Вами решения:

Рис. 1. Пример бланка с формулировкой ЭНС, которая использовалась
в качестве стимульного материала, и инструкцией к ней

Fig. 1. An example of a form with the ENS formulation, which was used as an incentive material and instructions for it

На этапе разработки методики устанавливалась межэкспертная надежность в обосновании структурной гомогенности всех трех типов ситуаций и типичности их профессионального содержания. Структурная гомогенность ситуаций вошедших в состав методик оценивалась по двум параметрам: во-первых, ценностная однородность конфликта, который был положен в основу морального противоречия — противостояние универсальной ценности и локального социального контракта во всех 12 ситуациях (например, ценность человеческой жизни и лояльность по отношению к коллегам); во-вторых, композиционная однородность ситуации (в каждой из 12 ЭНС ее главный герой нарушал универсальный мо-

ральный запрет, отдавая предпочтение действию в соответствии с социальным контрактом). Установлено, что согласованность оценок мнений трех экспертов оказалась достаточно высокой. Самая высокая степень согласованности мнений всех экспертов выявлена для ситуаций с медицинским контекстом ($w = 0,91$). Коэффициенты конкордации для ситуаций с правовым и житейским контекстом составили $w = 0,78$ и $w = 0,77$, что также свидетельствует о хорошей степени согласованности. Содержательная валидность методики рассчитывалась путем определения ее способности к дифференциации полученных результатов для разных профессионально-образовательных групп «медицин» и «юристы», в

которые вошли студенты старших курсов ($n_1 = 38$ и $n_2 = 38$). Расчет индекса дискриминации показал, что ситуации с разным предметным контекстом характеризуются удовлетворительной валидностью ($D = 0,33$ для правовых ситуаций и $D = 0,31$ для медицинских ситуаций).

Процедура исследования. Респондентам предлагалось, во-первых, оценить правильность принятого в каждой конкретной ситуации решения и, во-вторых, обосновать, почему данное решение получило ту или иную оценку применительно к интерпретируемой ситуации (см. рис. 1).

К первой инструкции прилагалась оценочная шкала (семибалльная шкала Лайкерта с градациями от категоричного неприменения к категоричному применению), которая позволяла бы судить о степени императивности, с которой испытуемый предлагает следовать за действованному им моральному запрету. Баллы считались инверсивно: чем в меньшей степени исследуемый соглашался с принятым решением, тем больший «вес» получала императивность морального запрета (соответственно, оценки распределялись от 1 балла — нарушение морально-го запрета до 7 баллов — следование ему).

Вторая инструкция побуждала к мыслительной активности (квалификация релевантного содержания, структурирование условий, интерпретация противоречий, обоснование способа действия), в рамках которой требуется актуализировать моральные принципы. В соответствии с разработанными ранее и апробированными кодировочными категориями и единицами контент-анализа (Антоновский, 2015; Капустин, 2008) измерению подлежали: полнота структурного описания ситуации (охват основных компонентов морального

противоречия: ценностей участников ситуаций и мотивов им следовать, ограничивающих их моральных принципов общего и группового уровней) (использовалась шкала от 0 до 1,5 в зависимости от числа упоминания всех упомянутых компонентов морального противоречия); аргументированность, то есть моральная релевантность атрибуции действия агента, которая оценивалась по шкале от 0 до 2 баллов: 2 балла — моральный запрет рассматривается в его сущностных характеристиках (как универсальная ценность: например, любая жизнь неприкосненная), 1 балл — моральный запрет рассматривается в терминах моральных аргументов в соответствии с этическими принципами корпоративных стандартов поведения (например: проявлять уважение к вышестоящему лицу или следовать этическим правилам поведения в организации); 0,5 балла — гибридная атрибуция с использованием моральных и внemоральных аргументов; 0 баллов — внemоральная атрибуция. Согласованность применения морального запрета определялась как постоянство в: императивности, обоснованности, в полноте структурирования и характере аргументации в обосновании морального запрета, и ее показатель рассчитывался как соотношение долей баллов, полученных за схожие ответы, к общей сумме баллов по каждому из измеряемых показателей (от 0 до 100).

Ситуации с прилагаемыми к ним оценочной шкалой и формой для свободного ответа представлялись в рандомизированном порядке. Проверка ответов осуществлялась последовательно тремя экспериментаторами. Данные испытуемых, которые вызывали разногласия в оценке в соответствии с предложенными критериями, исключались из дальнейшего анализа.

Выборка. В исследовании участвовали 220 студентов вторых курсов Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского, обучающихся по программам «Юриспруденция», «Медицина», «Педагогическое образование», «Специальное дефектологическое образование». После удаления невнимательных (9), неполных (16) ответов из общего массива опрошенных в окончательную выборку вошли 85 юношей и 110 девушек, при этом в субвыборки (образовательно профессиональные груп-

пы) «медиков», «юристов» и «педагогов» оказалось включено одинаковое число участников (65 человек). Возраст участников составил $M = 20,02$; $SD = 1,34$.

Исследование было проведено в ноябре 2023–феврале 2024 г.

Результаты

В табл. 1 представлены данные дескриптивной статистики по всем измеряемым показателям морального запрета, полученные в группах «юристов», «медиков» и «педагогов».

Средние значения и стандартные отклонения показателей применения морального запрета в группах с разным образовательно-профессиональным бэкграундом и в изменяющихся предметных контекстах
The average values and standard deviations of indicators of the application of moral prohibition in groups with different educational and professional backgrounds and changing subject contexts

Показатели применения морального запрета / Indicators of the application of moral prohibition	Контекст этически нагруженной ситуации / The context of ethically charged situation	Результаты группы / Group results					
		«Юристы» / “Lawyers”		«Медики» / “Doctors”		«Педагоги» / “Educators”	
		<i>M</i>	<i>SD</i>	<i>M</i>	<i>SD</i>	<i>M</i>	<i>SD</i>
Императивность / Imperativeness	Π / L	4,97	2,15	4,64	1,91	4,57	1,99
	M / M	5,07	1,97	4,58	2,09	4,65	2,18
	Ж / Е	4,69	2,24	4,38	2,09	4,85	2,07
Полнота / Completeness	Π / L	0,25	0,44	0,31	0,4	0,35	0,39
	M / M	0,25	0,33	0,32	0,35	0,31	0,38
	Ж / Е	0,3	0,38	0,31	0,38	0,35	0,41
Аргументированность / Argumentativeness	Π / L	0,28	0,44	0,4	0,59	0,36	0,46
	M / M	0,49	0,72	0,6	0,76	0,56	0,75
	Ж / Е	0,53	0,73	0,47	0,66	0,56	0,74
Общая согласованность / Overall consistency	Π / L	23,15	10,82	20,7	13,42	18,87	10,15
	M / M	24,52	12,23	22,72	14,03	24,98	11,96
	Ж / Е	25,78	13,8	19,93	12,16	26,78	12,86

Примечание: Π – правовой, М – медицинский, Ж – житейский, *M* – среднее, *SD* – стандартное отклонение.

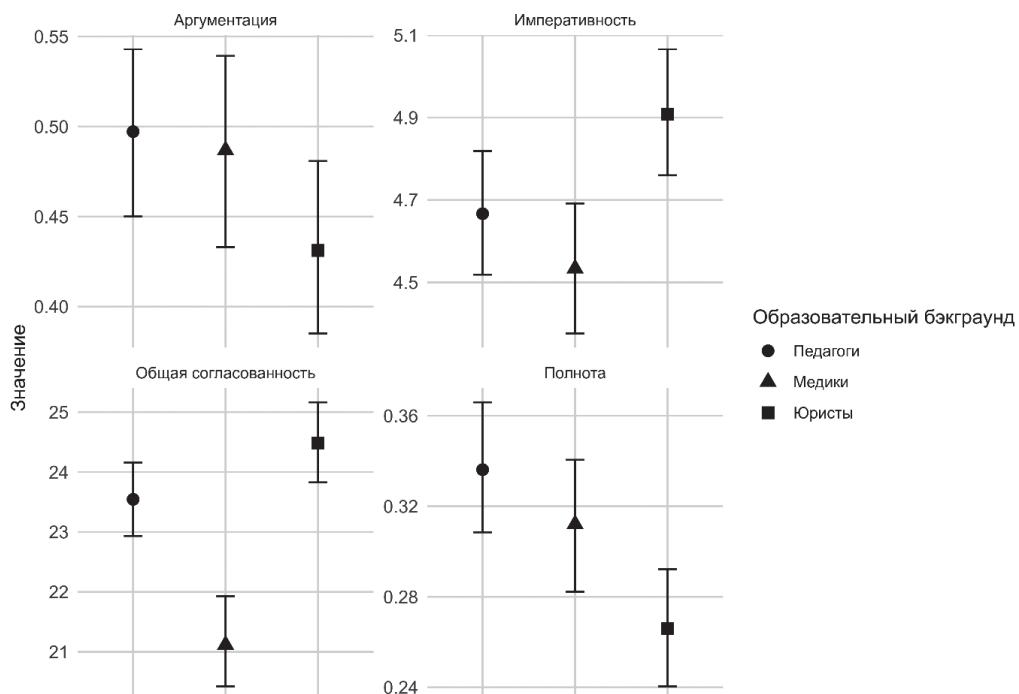
Note: L – legal, M – medical, E – everyday, *M* – mean, *SD* – the standard deviation.

Применение методов множественно-го вариативного анализа (MANOVA) с взаимодействием позволило уточнить, как образовательный бэкграунд и контекст ситуаций способны оказывать влияние на моральный запрет с учетом всех применяемых критерииев. На рис. 2 представлена визуализация результатов MANOVA для фактора «бэкграунд образовательно-профессиональной группы».

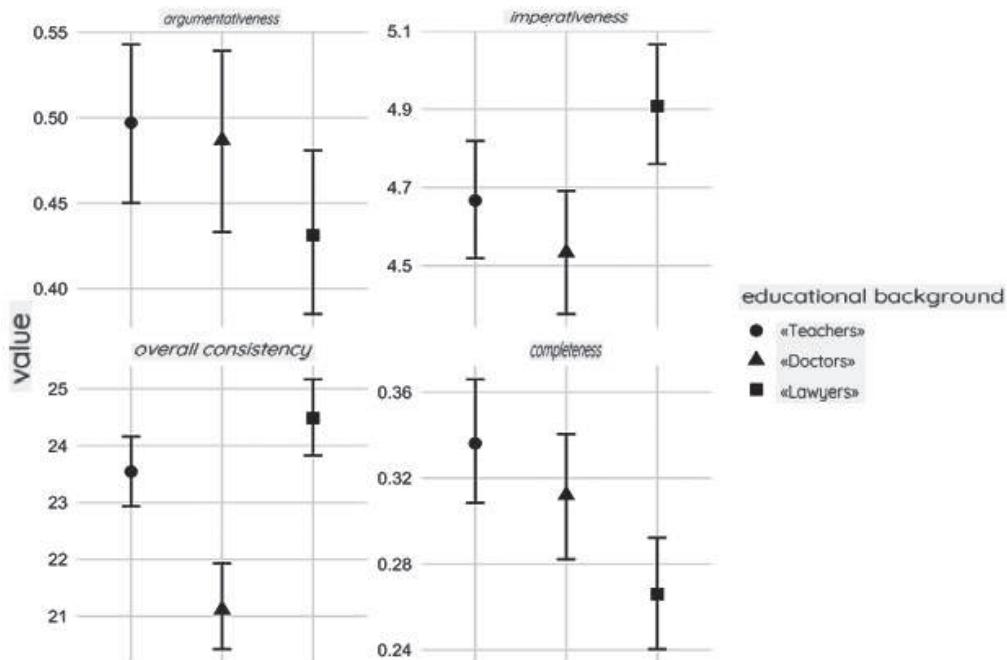
Можно заметить, что сравниваемые группы отличаются избирательным за-действованием критерииев морального запрета в ЭНС. Бэкграунд «медицин» проявляется в повышении уровня аргу-ментированности и снижении импера-

тивности, что сказывается на более низкой, по сравнению с другими группами, согласованности. Бэкграунд «юристов» проявляется в возрастании императивности и согласованности применения запрета. Бэкграунд контрольной группы («педагоги») не отражает специфические особенности применения морального за-прета ни в одном из показателей.

Представленные в табл. 2 результаты MANOVA показывают, что и бэкграунд образовательно-профессиональной группы, и контекст ЭНС значимым образом влияют на величины всех четырех пока-зателей морального запрета: $F(2) = 7,56$, $p < 0,001$ и $F(2) = 12,31$, $p < 0,0001$ соот-

Рис. 2. Средние значения и доверительные интервалы применения морального запрета в группах, отличающихся образовательно-профессиональным бэкграундом

Fig. 2. Average values and confidence intervals of moral prohibition in groups with different educational and professional backgrounds

ветственно. Исходя из того, что в дисперсионной модели были представлены несколько соотносящихся друг с другом зависимых переменных, для оценки величины факторных эффектов использовался многомерный критерий След Пиллаи (Pillai's Trace). Его значения для факторов бэкграунда группы и контекста были примерно равны (0,029 и 0,047). Анализ вклада бэкграунда в дисперсию величин всех показателей применения морального запрета показал, что, судя по величине размера эффекта, его влияние ($\eta^2 = 0,03$) почти не отличается от силы воздействия контекста ($\eta^2 = 0,05$).

Результаты дисперсионного анализа (ANOVA с взаимодействием) позволили

конкретизировать влияние этих двух факторов на каждый из критериев применения морального запрета по отдельности.

Как показано в табл. 2, характер обусловливания применения морального запрета не одинаков для факторов: императивность, как и полнота охвата компонентов морального выбора, находится под статистически значимым воздействием бэкграунда, но не контекста. Напротив, фактор контекста статистически значимым образом определяет вариативность величин аргументированности и согласованности. Вместе с тем необходимо отметить, что все выявленные факторные эффекты характеризуются малым или средним размером, что не позволяет их

Таблица 2 / Table 2

**Результаты анализа одностороннего и взаимного влияния бэкграунда
 образовательно-профессиональной группы и контекста этически нагруженной
 ситуации на императивность и полноту, обоснованность и согласованность**

применения морального запрета

**The results of the analysis of the unilateral and mutual influence of the background
 of the educational and professional group and the context of the ENS
 on the imperative and completeness of the validity and consistency
 of the application of the moral prohibition**

Показатель / indicator	<i>F</i> , эмпирическое значение / <i>F</i> , empirical significance	<i>p</i> , уровень статистической значимости / <i>p</i> , the level of statistical significance	Величина эффекта <i>h</i> ² / Effect size <i>h</i> ²
Все зависимые переменные / All dependent variables (MANOVA)			
Б / В	7,58	0,001	0,03
К / С	12,21	0,001	0,05
БК / ВС	1,18	0,27	-
Императивность / Imperativeness			
Б / В	6,65	0,001	0,08
К / С	0,62	0,54	-
БК / ВС	2,15	0,07	-
Полнота / Completeness			
Б / В	5,94	0,002	0,03
К / С	0,59	0,55	-
БК / ВС	1,63	0,64	-
Аргументированность / Argumentativeness			
Б / В	2,04	0,13	-
К / С	19,80	0,001	0,13
БК / ВС	2,14	0,07	-
Согласованность / Consistency			
Б / В	2,13	0,12	-
К / С	4,86	0,01	0,03
БК / ВС	1,58	0,17	-

Примечание: Б – бэкграунд, К – контекст этически нагруженной ситуации, БК – бэкграунд и контекст.

Note: B – background, C – the context of ethically charged situations, BC – background and context.

рассматривать в качестве основных предикторов для того или иного показателя применения морального запрета. Из

результатов, представленных в табл. 2, видно, что средне весомый вклад вносит предметный контекст в дисперсию аргу-

ментированности ($F(2) = 19,80; p < 0,0001$, $\eta^2 = 0,13$) и малый по размеру эффекта вклад — в согласованность ($F(2) = 4,86$, $p = 0,01$, $\eta^2 = 0,03$), но при этом не оказывает значимого и выраженного эффекта на дисперсию императивности и полноты. То есть в изменяющемся предметном контексте выбор аргументов и уровень их моральной зрелости с допустимой степенью вероятности (13%) будет варьироваться, что нельзя с уверенностью предположить в отношении других показателей морального запрета. Влияние фактора бэкграунда на дисперсию императивности запрета характеризуется средним размером эффекта ($\eta^2 = 0,08$) и слабо влияет на полноту охвата компонентов морального выбора ($\eta^2 = 0,03$).

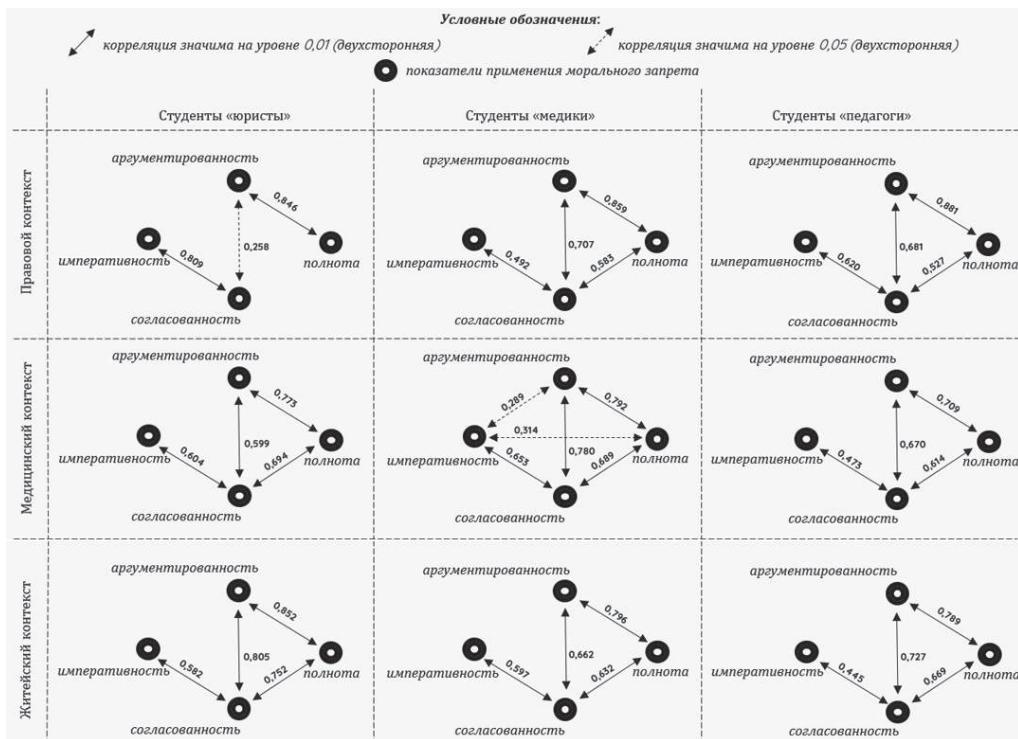
Эффекты межфакторного взаимодействия оказались незначимыми для всех показателей морального запрета, что свидетельствует о независимом воздействии факторов бэкграунда и предметного контекста на величины каждого из этих показателей по отдельности. Этот результат указывает на то, что отношение к запретам как основаниям рассуждения и решения в осуществлении морального выбора проявляется независимо от предметного контекста ситуаций, в которых он осуществляется даже при условии, если все эти ситуации релевантны опыту и «фоновым» убеждениям образовательно-профессиональной группы.

Для более содержательного понимания как сходств, так и различий в применении морального запрета был проведен корреляционный анализ по Пирсону, направленный на поиск особенностей взаимосвязи между исследуемыми показателями в ситуациях с профессионально-маркированным, профессионально-

нейтральным и житейским контекстом. На рис. 3 представлены корреляционные матрицы, полученные в сравниваемых группах (с указанием только статистически значимых корреляционных связей).

Можно заметить, что только у «юристов» выявлены случаи слабой связи между аргументированностью и согласованностью ($r = 0,26, p < 0,04, R^2 = 0,06$) и отсутствие значимой связи между согласованностью и полнотой в «близкой» им ситуации. В этой же группе были получены самые сильные корреляционные зависимости между императивностью и согласованностью применения морального запрета, что проявилось во всех типах ситуаций, но с большей демонстративностью в правовом контексте ($r = 0,81, p < 0,001, R^2 = 0,65$). Указанный коэффициент детерминации свидетельствует о том, что 65% дисперсии результатов согласованности можно объяснить вкладом императивности, предписывающей, с какой степенью моральной обязательности должно действовать в правовой ситуации. Подобный характер соотношения согласованности и императивности был выявлен и у « медиков», и у «педагогов», но вклад последней оказался выражен с меньшей очевидностью, чем это имело место у «юристов».

Обращает на себя внимание, что только у « медиков» показатели морального запрета, применяемые в профессионально «близких» для них ситуациях, образуют единый согласованный паттерн: все интеркорреляции указывают на высокозначимые положительные связи, за исключением взаимосвязей императивности с полнотой и аргументированностью со слабым размером эффекта ($r = 0,31, p = 0,02, R^2 = 0,10$ и $r = 0,29, p = 0,03$,

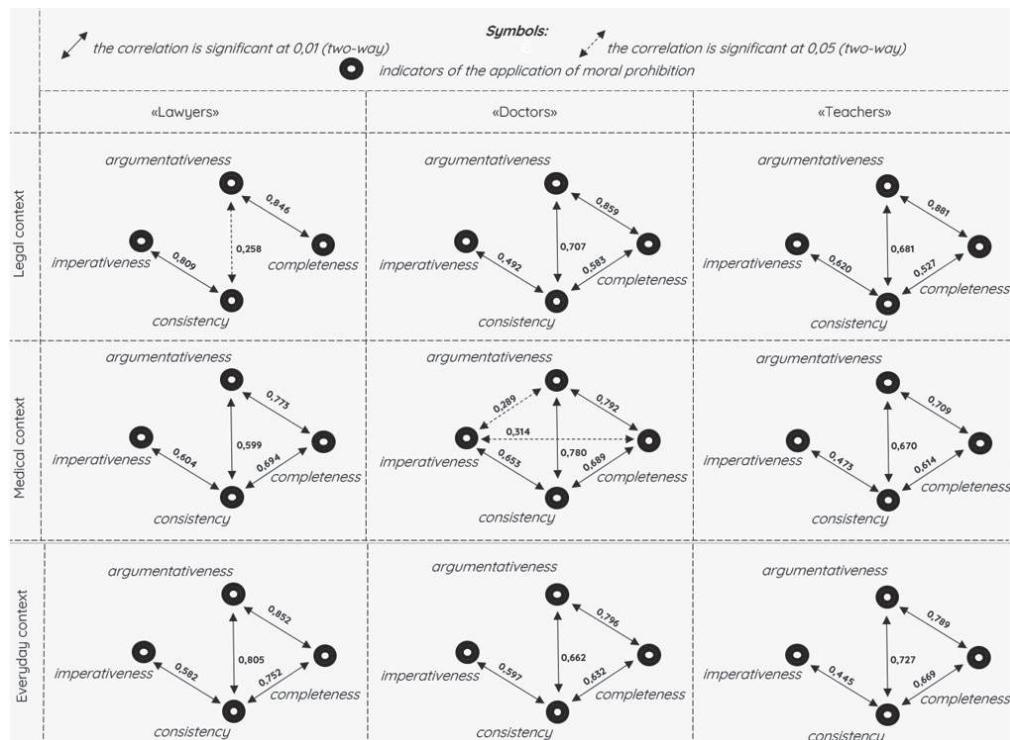

Рис. 3. Корреляционные плеяды показателей применения морального запрета в ЭНС с профессионально-маркированным (право, медицина) и житейским контекстом в группах с разным бэкграундом («юристы», «медики», «педагоги»)

$R^2 = 0,08$). В профессионально-нейтральных и житейских ситуациях корреляционные зависимости между критериями морального запрета как у «медиков», так и у «юристов» отличались сопряженностью показателей морального запрета (рис. 3). Важно подчеркнуть, что характер взаимосвязей между критериями морального запрета у «педагогов» и в более знакомом для них житейском контексте, и в менее знакомом — профессионально маркированном — не отличался.

Примечательно и то, что полученные в группах корреляционные матрицы вза-

имосвязей показателей морального запрета оказались полностью схожи только для житейских ЭНС. Во всех сопоставляемых группах и независимо от предметного контекста выявлены сильные связи между полнотой и аргументированностью: полученные коэффициенты двусторонней связи свидетельствовали о тесной связи (от 0,702 до 0,881 при уровне значимости $p < 0,001$), а значения коэффициентов детерминации (R^2) указывали на достаточно высокую меру взаимной сопряженности этих показателей (от 0,50 до 0,78).

Fig. 3. Correlational pleiades of indicators of the application of moral prohibition in the ENS with professionally labeled (law, medicine) and everyday context in groups with different backgrounds (“lawyers”, “doctors”, “teachers”)

Выявленные различия между образовательно-профессиональными группами подтверждают правомерность первой гипотезы о специфичном характере выраженности показателей применения морального запрета в изменяющихся контекстах ЭНС.

Вместе с тем проведенные сопоставления не дали ответа на вопрос: какой из факторов влияет на вариативность его показателей — предметный контекст ситуации, бэкграунд образовательно-профессиональной группы, а возможно, и их взаимодействие?

Обсуждение результатов

Выявленное методами многомерной статистики отсутствие статистически достоверного эффекта взаимодействия между исследуемыми факторами является свидетельством того, что образовательно-профессиональный бэкграунд группы и предметный контекст ЭНС не являются взаимодействующими, а значит связанными факторами, и поэтому должны рассматриваться отдельно. Вместе с тем, если рассматривать их соотношение, то с учетом выдвинутых выше гипотез и проведенных сопоставлений и

анализа вариативности показателей применения морального запрета стоит отказаться от признания того, что это независимые факторы, которые сами по себе определяют выраженность показателей применения морального запрета. Обоснованно полагать, что один из факторов является основным предиктором применения морального запрета (контекст), а другой фактор — образовательно-профессиональный бэкграунд группы — выступает медиатором его влияния.

Выявлен диссонанс между императивностью применения морального запрета и его аргументированностью в группах в профессионально близком («юристы») и профессионально-нейтральном («юристы», «медики») и житейском («юристы», «медики» и «педагоги») контекстах. Показатели императивности у представителей этих групп в целом оказались более выражены (находятся в диапазоне средних результатов), чем показатели готовности обосновать свой выбор с привлечением морально зрелых аргументов (здесь преобладали низкие и близкие к средним результаты). Если исследуемые поддерживали применение морального запрета, то при этом его необходимость чаще обосновывалась морально иррелевантными или незрелыми аргументами. Или же, напротив, пренебрегая запретом в принятии решения, исследуемые использовали аргументы высокоморального уровня. У медиков в «близких» им медицинских ситуациях императивность и аргументированность морального запрета действовали сопряженно, но судя по величине корреляционной связи и коэффициента детерминации, сила императивности запрета определялась не только весомо-

стью и моральной зрелостью используемых аргументов. Важно отметить, что «юристы» чаще, чем «медики», осуществляли обоснование принимаемого решения с позиций конвенциональной морали и не прибегали к «сильной этической аргументации». Следует подчеркнуть, что для того, чтобы обосновывать преимущественно правовую направленность решения в его соотнесенности с признанием моральной неприемлемости неправомерных способов поведения с позиции их опасности как для отдельного индивида, так и для общества в целом, требуется сопряженный уровень нормативопринятия и в правовой, и в нравственной сферах (Акимова, Галстян, 2021). Возможно, это явилось одной из причин, объясняющих рассогласование между императивностью применения запрета и его релевантным обоснованием у «юристов».

Исходя из результатов предыдущего исследования, в котором участвовали группы со схожим бэкграундом (Горбачева, Зыкова, Кабанов, 2024), ЭНС с житейским контекстом подлежали более развернутой интерпретации, что сопровождалось повышением уровня моральной зрелости используемых аргументов. В рамках же настоящего исследования уровень аргументированности в житейских ситуациях изменялся в зависимости от того, какой группе они предъявлялись: у «медиков» она снижалась, у «педагогов», напротив, возрастала, тогда как у «юристов» она не изменялась и оставалась на таком же уровне, как и в медицинских ситуациях.

Коэффициенты интеркорреляции показателей применения морального запрета указывают на то, что этот процесс не является внутренне однородным процессом,

в котором полнота описания ситуации морального выбора сопряжена с признаком запрета как императива надлежащего действия морального агента. Эта связь оказалась сильнее в профессионально «близких», чем в «далеких» контекстах. Различия в силе корреляционных связей между критериями морального запрета, полученные в разных ситуациях, послужили явным подтверждением потенциальной значимости характеристик контекста для понимания психологической реальности морального запрета, который актуализируется в пространстве между определением «моральности» ситуации до принятия направляемого им решения.

В настоящем исследовании имеются некоторые ограничения. Исследование проведено на выборке студентов вторых курсов, не проходивших учебную практику, которая могла бы обеспечить ознакомление с профессиональными кодексами и моральными правилами, принятыми в реальных организациях. Возможно, включение в выборку студентов старших курсов могло с большей очевидностью продемонстрировать эффекты влияния бэкграунда группы на вариативность применения критерии морального запрета.

Определенную роль в выявленных случаях расхождения между полнотой обоснования ЭНС и их моральной аргументацией могли иметь различия между участниками в уровнях их моральной зрелости, в сформированности этических понятий, выполняющих роль ориентиров в интерпретации морального противоречия, словом, всех потенциально связанных с моральным выбором индивидуально-психологических особенностей. В рамках данного исследования они были намеренно вынесены за рамки анализа.

Несмотря на все эти ограничения, настоящая работа характеризуется научной новизной. Это одно из первых исследований, в которых психологическая реальность морального запрета раскрывается посредством характеризующих его критерии — императивности, полноты, аргументированности и согласованности в их предметной специфичности и вариативности в изменяющихся контекстах ЭНС. Такая научная перспектива позволяет выйти за границы сложившейся в психологии морали традиции исследования запрета как общей предрасположенности следовать универсальным ценностям в своих суждениях и поведении.

Заключение

Включение предметного контекста как переменной, определяющей применение морального запрета в профессионально-маркированных и житейских ЭНС, позволяет преодолеть такое ограничение широко используемых в психологии морали гипотетических сценариев, как отсутствие связи принимаемых решений с «предпосылочными» знаниями и предыдущими моральными выборами. Сопоставления конкретных выборов с разделяемым участниками эксперимента общими моральными ценностями в подтверждение валидности используемых моделей только усложняет картину. Так, оперируя критериями универсальности или, напротив, относительности морального требования в не связанных друг с другом в гипотетических сценариях «жертвенных» дилемм, люди каждый раз оказываются в отдельных «моральных вселенных», далеких от реальных обстоятельств их

жизни. Но, что особенно существенно, принимаемые моральные решения не встроены в сеть других решений в составе образовательного, профессионального бэкграунда индивидов и их групп.

Основной результат проведенного исследования заключается в том, что и бэкграунд образовательно-профессиональной группы, и предметный контекст оказывают влияние (хотя и не сильное) на применение морального запрета в ЭНС. Но при этом надо отметить, что и бэкграунд, и контекст ситуаций вносят в этот процесс разные вклады: импера-

тивность в большей мере определяется «фоновыми» знаниями образовательно-профессиональной группы, аргументированность как мера моральной зрелости аргументов в отношении запрета находится под более выраженным влиянием предметного контекста. Согласованность, обеспечивающая преемственность моральных рассуждений и решений в ЭНС, а также полнота их структурного описания и необходимости действовать в них одинаково слабо зависят как от их предметного контекста, так и от бэкграунда группы.

Список источников / References

1. Акимова, М.К., Галстян, О.А. (2021). Взаимосвязь умственного развития студентов с морально-нравственными регуляторами социального взаимодействия. *Социальная психология и общество*, 12(1), 162–176. <https://doi.org/10.17759/SPS.202112011>
Akimova, M.K., Galstyan, O.A. (2021). Interrelation of students' mental development with moral and moral regulators of social interaction. *Social psychology and society*, 12(1), 162–176. <https://doi.org/10.17759/SPS.202112011>
2. Антоновский, А.Ю. (2015). *Коммуникативная философия знания: от теории коммуникативных медиа к социальной философии науки*. М.: ИФ РАН, 2015.
Antonovsky, A.Y. *The communicative philosophy of knowledge: from the theory of communicative media to the social philosophy of science*. Moscow: IF RAS.
3. Горбачева, Е.И., Зыкова, Е.А., Кабанов, К.В. (2024). Интерпретация этически нагруженных ситуаций молодыми людьми: зависимость от предметного контекста и индивидуально-типологических характеристик. *Российский психологический журнал*, 21(3). <https://doi.org/10.21702/QVDTC714>
Gorbacheva, E.I., Zykova, E.A., Kabanov, K.V. (2024). Interpretation of ethically loaded situations by young people: dependence on the subject context and individual typological characteristics. *Russian Psychological Journal*, 21(3). <https://doi.org/10.21702/QVDTC714>
4. Горбачева, Е.И., Кабанов, К.В. (2024). Контекстуальные и индивидуальные детерминанты применения морального запрета в этически нагруженной ситуации. *Вопросы психологии*, 70(2), 15–23.
Gorbacheva, E.I., Kabanov, K.V. (2024). Contextual and individual determinants of the application of moral prohibition in an ethically loaded situation. *Questions of psychology*, 70(2), 15–23.
5. Гусейнов, А.А. (2023). Нравственность в свете негативной этики. *Мораль: разнообразие понятий и смыслов: сборник научных трудов. К 75-летию академика А.А. Гусейнова* (с. 13–63). М.: Альфа М.

- Huseynov, A.A. (2023). Morality in the light of negative ethics. *Morality: a variety of concepts and meanings: a collection of scientific papers. On the 75th anniversary of Academician A.A. Huseynov* (pp. 13–63). Moscow: Alfa M.
6. Елисеева, Л.А. (2011). Наставничество и сторителлинг как эффективные способы трансляции неявного знания. *Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки», 1*, 46–49.
Eliseeva, L.A. (2011). Mentoring and storytelling as effective ways of translating implicit knowledge. *Bulletin of the University of Pomerania. The series “Humanities and Social Sciences”, 1*, 46–49.
7. Капустин, Б.Г. (2008). Критика кантовской критики «права лгать». *Логос*, 5, 122–143.
Kapustin, B.G. (2008). Criticism of Kant's criticism of the “right to lie”. *Logos*, 5, 122–143.
8. Носуленко, В.Н., Самойленко, Е.С. (2016). К вопросу построения системы описания и передачи когнитивного опыта профессионала. *Психологические и психоаналитические исследования. Ежегодник 2015-2016* (с. 80–96). М.: Московский институт психоанализа.
Nosulenka, V.N., Samoylenko, E.S. (2016). On the issue of building a system for describing and transmitting the cognitive experience of a professional. *Psychological and psychoanalytical research. Yearbook 2015-2016* (pp. 80–96). Moscow: Moscow Institute of Psychoanalysis.
9. Самойленко, Е.С., Богданова, И.В. (2017). Современные представления о типах знания и опыта в психологических исследованиях проблемы их капитализации. *Экспериментальная психология*, 10(4), 74–95. <https://doi.org/10.17759/EXPPSY.2017100406>
Samoylenko, E.S., Bogdanova, I.V. (2017). Modern ideas about the types of knowledge and experience in psychological research and the problems of their capitalization. *Experimental psychology*, 10(4), 74–95. <https://doi.org/10.17759/EXPSY.2017100406>
10. Улановский, А.М. (2009). Конструктивизм, радикальный конструктивизм, социальный конструкционизм: мир как интерпретация. *Вопросы психологии*, 55(2), 35–45.
Ulanovsky, A.M. (2009). Constructivism, radical constructivism, social constructionism: the world as an interpretation. *Questions of psychology*, 55(2), 35–45.
11. Akkerman, S.F., Bakker, A. (2011). Boundary crossing and boundary objects. *Review of Educational Research*, 81(2), 132–169. <https://doi.org/10.3102/0034654311404435>
12. De Jaegher, H., Di Paolo, E. (2007). Participatory sense-making. *Phenomenology and the Cognitive Sciences*, 6, 485–507. <https://doi.org/10.1007/S11097-007-9076-9>
13. Douglas, M. (2003). *Essays in the Sociology of Perception. 1st edition*. London: Routledge, 348 p. <https://doi.org/10.4324/9781315888866>
14. Francis, K.B., McNabb, C.B. (2022). Moral Decision-Making During COVID-19: Moral Judgements, Moralisation, and Everyday Behaviour. *Frontiers in Psychology*, 12. <https://doi.org/10.3389/FPSYG.2021.769177>
15. Killen, M., Dahl, A. (2021). Moral reasoning enables developmental and societal change. *Perspectives on Psychological Science. Nov.*, 16(6), 1209–1225. <https://doi.org/10.1177/1745691620964076>
16. Van Grunsven, J. (2018). Enactivism, second-person engagement and personal responsibility. *Phenomenology and the Cognitive Sciences*, 17, 131–156. <https://doi.org/10.1007/S11097-017-9500-8>
17. Varela F.J. (1999). *Ethical know-how: action, wisdom, and cognition*. Stanford: Stanford University Press.

Горбачева Е.И., Кабанов К.В., Косова А.А. (2025)
Влияние предметного контекста этически
нагруженной ситуации и бэкграунда...
Социальная психология и общество,
16(3), 122–143.

Gorbacheva E.I., Kabanov K.V., Kosova A.A. (2025)
The influence of the subject context of an ethically
charged situation and the background...
Social Psychology and Society,
16(3), 122–143.

Информация об авторах

Елена Игоревна Горбачева, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии развития и образования Института психологии, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2747-2342>, e-mail: GorbachevaEI@tksu.ru

Кирилл Валерьевич Кабанов, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития и образования Института психологии, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9626-3005>, e-mail: KabanovKV@tksu.ru

Anastasija Aleksandrovna Kosova, преподаватель кафедры психологии развития и образования Института психологии, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-1329-1758>, e-mail: KosovaAA@tksu.ru

Information about the authors

Elena I. Gorbacheva, Doctor of Sciences (Psychology), Professor, Professor of the Department of Developmental and Educational Psychology, Institute of Psychology, Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky, Kaluga, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2747-2342>, e-mail: GorbachevaEI@tksu.ru

Kirill V. Kabanov, Candidate of Science (Psychology), Associate Professor of the Department of Developmental and Educational Psychology, Institute of Psychology, Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky, Kaluga, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9626-3005>, e-mail: KabanovKV@tksu.ru

Anastasia A. Kosova, Lecturer at the Department of Developmental and Educational Psychology, Institute of Psychology, Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky, Kaluga, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-1329-1758>, e-mail: KosovaAA@tksu.ru

Вклад авторов

Горбачева Е.И. — замысел, планирование и контроль проведения исследования, сбор и анализ данных, написание рукописи, аннотирование.

Кабанов К.В. — планирование и контроль проведения исследования, сбор и анализ данных, визуализация результатов исследования, оформление рукописи.

Косова А.А. — расчет статистики для анализа данных.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Elena I. Gorbacheva — conception, planning and control of research, data collection and analysis, manuscript writing, annotation.

Kirill V. Kabanov — planning and control of research, data collection and analysis, visualization of research results, design of the manuscript.

Anastasia A. Kosova — calculation of statistics for data analysis.

All the authors participated in the discussion of the results and agreed on the final text of the manuscript.

Горбачева Е.И., Кабанов К.В., Косова А.А. (2025)
Влияние предметного контекста этически
нагруженной ситуации и бэкграунда...
Социальная психология и общество,
16(3), 122–143.

Gorbacheva E.I., Kabanov K.V., Kosova A.A. (2025)
The influence of the subject context of an ethically
charged situation and the background...
Social Psychology and Society,
16(3), 122–143.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Декларация об этике

Исследования проводились в соответствии с местным законодательством и институциональными требованиями. Участники предоставили свое информированное согласие на участие в этом исследовании.

Ethics statement

The research was conducted in accordance with local legislation and institutional requirements. The participants provided their informed consent to participate in this study.

Поступила в редакцию 09.12.2024

Received 2024.12.09

Поступила после рецензирования 29.05.2025

Revised 2025.05.29

Принята к публикации 19.09.2025

Accepted 2025.09.19

Опубликована 30.09.2025

Published 2025.09.30

ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРАКТИКА APPLIED RESEARCH AND PRACTICE

Научная статья | Original paper

Мотивы и эмоциональное переживание переезда у мигрантов шестой волны

М.С. Бриль , Ю.С. Бекренёва, М.Н. Зайниддинова, Л.Н. Евдокимова,

А.Э. Фролова, Д.С. Сочилина, Н.М. Шенгелия, А.В. Снарская

Санкт-Петербургский государственный университет,

Санкт-Петербург, Российская Федерация

 miklbril@gmail.com

Резюме

Контекст и актуальность. Начало 2022 года ознаменовалось изменением политической ситуации в мире, непосредственно затронувшим и Российскую Федерацию. Мы считаем, что поток эмигрантов, покинувших нашу страну в этот период, обладает особенностями адаптации и переживания переезда. Важно обратить внимание на эти особенности, чтобы лучше представлять, какая поддержка может потребоваться мигрантам как сейчас, так и при потенциальной реадаптации после возвращения на Родину.

Цель. Изучение мотивов переезда и эмоциональных переживаний миграции у лиц, переехавших из России в период с начала 2022 года.

Гипотеза. В данной работе мы остановимся на отдельных психологических последствиях миграции, а именно – декларируемых мотивах и эмоциональных переживаниях переезда. Были сформулированы следующие исследовательские вопросы: Какие мотивы представители шестой волны определяют как основные причины смены страны проживания? Какие эмоциональные переживания, связанные с переездом, озвучивают представители шестой волны? Что представители шестой волны определяют в качестве своего дома?

Методы и материалы. Исследование проводилось в два этапа. Первый заключался в заполнении онлайн-формы, в которую были включены социально-демографические вопросы и методика «Адаптация личности к новой социокультурной среде» Л.В. Янковского. Второй этап представлял собой полуструктурированное интервью из 32 открытых вопросов. В проведенном нами интервью приняли участие 44 респондента в возрасте от 19 до 62 лет, средний возраст которых составил 34 года. Из 44 респондентов 24 (54,5%) – женщины, 20 (45,5%) – мужчины. Все респонденты переехали из России не ранее 2022 года. Впоследствии записи интервью были транскрибированы, тексты обрабатывались с использованием контент-анализа.

Результаты. В ходе проведения исследования авторы выделили пять мотивов: восприятие политического курса Российской Федерации, ощущение угрозы собственной безопасности или безопасности ребенка, мнение близких, инициатива со стороны работо-

дателя, заблаговременные планы. Несогласие с политическим курсом страны в качестве причины переезда упомянули 78,9% респондентов, непосредственную угрозу собственной безопасности – 47,4%. Мотивы переезда «мнение близких» и «инициатива со стороны работодателя» были обединены в категорию «под влиянием» и были названы в 36,8% случаев.

Выводы. Наиболее популярным мотивом переезда среди опрошенных мигрантов шестой волны стало «восприятие политического курса РФ» и «ощущение угрозы безопасности». С позиции теории стадий адаптации мигранта можно предположить, что превалирующее количество негативных эмоций и чувств, названных респондентами, — горе, беспомощность, апатия, тоска — может объясняться описанием респондентами трудностей, преодолеваемых ими в ходе ориентационной и депрессивной стадий.

Ключевые слова: мотивационные факторы миграции, аккультурация, психологическая адаптация, глубинное интервью, субъективный эмоциональный опыт миграции, чувство дома

Для цитирования: Бриль, М.С., Бекренёва, Ю.С., Зайниддинова, М.Н., Евдокимова, Л.Н., Фролова, А.Э., Сочилина, Д.С., Шенгелия, Н.М., Снарская, А.В. (2025). Мотивы и эмоциональное переживание переезда у мигрантов шестой волны. *Социальная психология и общество*, 16(3), 144–163. <https://doi.org/10.17759/sps.2025160308>

Motives and emotional experiences of relocation among migrants of the sixth wave

M.S. Bril , Yu.S. Bekreneva, M.N. Zayniddinova, L.N. Evdokimova, A.E. Frolova, D.S. Sochilina, N.M. Shengelia, A.V. Snarskaya
Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation
 miklbril@gmail.com

Abstract

Context and Relevance. The beginning of 2022 was marked by a change in the global political situation, which directly affected the Russian Federation. We believe that the flow of emigrants who left our country during this period has specific adaptation and relocation challenges. It is important to consider these challenges to better understand the support that migrants may need both now and during potential readaptation upon their return to their home country.

Objective. To examine the motives for relocation and the emotional experiences associated with migration among individuals who left Russia starting in early 2022.

Hypothesis. This study focuses on specific psychological consequences of migration, namely the declared motives and emotional experiences related to relocation. The following research questions were formulated: What motives do representatives of the sixth wave identify as the main reasons for changing their country of residence? What emotional experiences associated with relocation are reported by representatives of the sixth wave? How do members of the sixth wave define the concept of “home”?

Methods and Materials. The study was conducted in two stages. The first involved an online questionnaire that included socio-demographic questions and the “Adaptation of the In-

dividual to a New Sociocultural Environment” method by L.V. Yankovsky. The second stage consisted of a semi-structured interview comprising 32 open-ended questions. A total of 44 respondents aged 19 to 62 (mean age = 34 years) participated in the interviews. Of these, 24 (54,5%) were women and 20 (45,5%) were men. All respondents had relocated from Russia no earlier than 2022. The interview recordings were transcribed and the resulting texts were analyzed using content analysis.

Results. The authors identified five key motives for migration: perception of the political course of the Russian Federation, perceived threat to personal safety or the safety of one's child, opinions of close others, employer's initiative, and pre-existing relocation plans. Disagreement with the political course of the country was cited as a motive by 78,9% of respondents, and a direct threat to personal safety by 47,4%. The motives “opinions of close others” and “employer's initiative” were grouped under the category “external influence” and were mentioned in 36,8% of cases.

Conclusions. The most commonly cited motives for migration among sixth-wave emigrants were the perception of the Russian Federation's political course and the feeling of a threat to personal safety. From the perspective of the migrant adaptation stage theory, the predominance of negative emotions and feelings reported by respondents — such as grief, helplessness, apathy, and longing — may be explained by their experiences during the orientation and depression stages.

Keywords: motivational factors of migration, acculturation, psychological adaptation, in-depth interview, subjective emotional experience of migration, sense of home

For citation: Bril, M.S., Bekreneva, Yu.S., Zayniddinova, M.N., Evdokimova, L.N., Frolova, A.E., Sochilina, D.S., Shengelia, N.M., Snarskaya, A.V. (2025). Motives and emotional experiences of relocation among migrants of the sixth wave. *Social Psychology and Society*, 16(3), 144–163. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2025160308>

Введение

Миграция — это изменение социального окружения, а также переход из одного общества в другое, из одной культуры в другую. Тем самым она является переломным событием в биографии человека и одной из неизбежных и принципиальных особенностей XXI в. (Хрусталёва, 2010). Решение о совершении такого поступка, как правило, предваряется долгими размышлениями и лишь в редких случаях принимается в течение нескольких недель или даже дней. Напротив, чаще можно встретить случаи своеобразной подготовки эмиграции, когда перед сменой страны проживания человек меняет место жительства в рамках своей родной

страны или пробует формат временной миграции.

При вхождении индивида в иную социокультурную и языковую среду запускается процесс социально-психологической адаптации, предполагающий активное приспособление к новым условиям жизнедеятельности. Адаптация включает в себя ознакомление с новыми социальными нормами и ценностями, овладение языком, установление коммуникативных связей, а также усвоение моделей поведения, характерных для принимающей культуры. На этом фоне формируется психологическая аккультурация — совокупность изменений в когнитивной, эмоциональной и поведен-

ческой сферах личности, возникающих в результате межкультурного взаимодействия. Н.С. Хрусталёва ссылается на концепцию аккультурации Джона Берри, он выделяет четыре основные стратегии аккультурации: ассимиляция (отказ от культуры исходного сообщества в пользу культуры принимающего общества), интеграция (сохранение элементов собственной культуры при одновременном включении в новую), сепарация (отказ от взаимодействия с принимающей культурой при сохранении культурной идентичности) и маргинализация (утрата связей с обеими культурами) (Хрусталёва, 1996).

Психологическая адаптация мигрантов, оказавшихся в иноязычной и чуждой социокультурной среде, подчиняется ряду общих закономерностей вне зависимости от их этнической или национальной принадлежности. Наиболее типичными реакциями являются чувство неполноценности, «комплекс иностранца», кризис идентичности, переживание утраты, ностальгия, депрессивные состояния, а также дистанцирование от собственных детей. Эти состояния носят закономерный характер и могут рассматриваться как универсальные реакции на радикальную трансформацию среды жизнедеятельности.

Процесс психологической адаптации мигрантов проходит через пять стадий:

Эйфорическая стадия сопровождается чувством облегчения и радости от завершения миграционных формальностей и идеализацией нового общества. Существенных изменений в поведении и активности личности, как правило, не наблюдается.

Туристическая стадия характеризуется знакомством с внешними атрибутами

культуры (инфраструктура, быт, социальная организация), сопровождающимся позитивным эмоциональным фоном.

Ориентационная стадия включает столкновение с реальными социально-политическими, экономическими и бюрократическими структурами принимающей среды. Возрастает уровень стресса, возникает диссонанс между ожиданиями и реальностью.

Депрессивная стадия проявляется как реакция на накопившееся напряжение и фruстрацию, связанные с потерей привычного образа жизни, статуса и перспектив. Возможны преднервотические состояния, нарушения социальной адаптации, снижение уровня самореализации.

Стабилизационная стадия предполагает восстановление внутреннего равновесия и построение новой жизненной стратегии. Переход из депрессивной стадии в стабилизационную требует от личности активности, когнитивной гибкости, адекватного уровня притязаний и стремлений к самореализации в новой социокультурной среде (Хрусталёва, 2010).

Согласно работам И.М. Льянова и М.В. Верещагиной, еще на стадии потенциальной миграции у человека формируются мотивационные установки, определяющие его дальнейшие действия и готовность непосредственно к миграционному поведению. Мотивы такого поведения можно разделить на две группы: мотивы собственно миграции и мотивы, удерживающие от миграции. Соответственно, первая группа содержит побуждающие факторы, а вторая, напротив, удерживающие. Так, к мотивам второй группы относятся, например, нежелание «встраиваться» в новую культуру, ассимилировать; надежды на будущие изме-

нения в лучшую сторону в собственной стране, страх разрушения выстроенных планов на самореализацию в стране исхода — иначе говоря, страх потери ориентиров и попадания в ситуацию «нового начала». Мотивы первой группы также можно разделить на подгруппы на основе «значимого аспекта в жизни человека»: экономического, социального, политического, этнического или психологического. Экономические мотивы включают в себя, например, неудовлетворенность собственным материальным положением в собственной стране и представление о возможности его улучшения в стране эмиграции, социальные — неудовлетворенность социальными ценностями, принятыми на Родине, желание повысить свой социальный статус, связанные с потребностью в самоактуализации. Политические мотивы подразумевают неудовлетворенность политической системой, ощущение ее нестабильности, недовольство уровнем развития государства и путями решения проблем, что формирует у человека ощущение беспомощности и утраты контроля, тревогу за собственное будущее, будущее своей семьи и побуждает искать безопасность. Этнические мотивы обусловлены особенностями «этнической самоидентификации личности», а психологические — желанием человека приобрести новый опыт жизни и взаимодействия, постичь смысл. Формирование мотивов зависит от личностных особенностей человека и внешних факторов (Льянов, Верещагина, 2021). В зарубежных исследованиях тоже выделяют так называемые притягивающие и выталкивающие (pull-push) факторы миграции. Так, Николас Van Хир с коллегами (Van Hear, Bakewell, Long, 2018)

в своих работах описывают теорию Pull-Push plus и выделяют драйверы. «Драйверы» — это факторы, которые запускают миграцию и поддерживают ее после того, как она началась. Авторы не относят факторы к конкретным категориям, а рассматривают их как ряд функций, которые они выполняют:

- предрасполагающие факторы, которые способствуют созданию условий, в которых миграция становится более вероятной. В качестве примеров можно привести структурные различия между местами происхождения мигрантов и их назначения, обусловленные макроэкономической ситуацией (последствия глобализации, урбанизации, демографических изменений, изменений в среде);

- непосредственные факторы — следствие проявления структурных особенностей, описанных выше. Примером могут послужить: спад в экономике, снижение безопасности человека по причине репрессий и борьбы за власть, также это могут быть новые возможности трудоустройства в новой стране;

- факторы, провоцирующие отъезд;

- посреднические факторы — способствуют, облегчают, ускоряют или, наоборот, замедляют, закрепляют переезд. В зависимости от сочетания указанных факторов происходит выбор и обоснование решения осуществления миграции или, наоборот, принятие решения об отсутствии миграции (Van Hear, Bakewell, Long, 2018).

В данной работе также представляется важным разграничение понятий «эмоции», «чувства» и «эмоциональные переживания». Под эмоциями мы будем понимать относительно кратковременные реакции, отражающие субъективное

оценочное отношение к реальным или потенциальным ситуациям и объектам внешнего мира. Чувства трактуются как более устойчивые и продолжительные формы субъективного оценочного отношения, отличающиеся большей стабильностью и личностной значимостью. Эмоциональные переживания, в свою очередь, рассматриваются как субъективное восприятие человеком совокупности возникающих эмоций и чувств в ответ на различные внешние и внутренние стимулы.

В традиции отечественных исследований миграционных процессов принято объединять потоки эмигрантов в волны по временным периодам, социально-демографическим, экономическим и социально-психологическим характеристикам (Недосекова, 2019).

Ранее выделялось пять волн эмиграции из России и Советского Союза, произошедших в период с 1917 по 2021 годы. Начало 2022 года ознаменовалось изменением политической ситуации в мире, непосредственно затронувшим и Российскую Федерацию. Мы предполагаем, что это привело к возникновению потока эмигрантов, по своим социально-психологическим характеристикам отличного от представителей пятой волны. Далее мы остановимся на некоторых особенностях нынешнего миграционного процесса, чтобы обосновать его отличия от предыдущей, пятой, волны и тем самым получить возможность использовать термин «шестая волна миграции».

Информация о количестве сменивших страну проживания россиян разнится. По некоторым иностранным источникам, количество эмигрантов с начала 2022 года превышает 1 млн человек. Рос-

стат сообщает, что за первое полугодие 2022 года из России выехало на 96 тысяч человек больше, чем въехало (Росстат. Доклад «Социально-экономическое положение России»). Вместе с тем есть данные, что от 20% до 45% мигрантов в течение нескольких лет вернулись обратно в Россию. Эти параметры разительно отличаются от показателей пятой волны. Так, в период с 2005 по 2018 годы из России выехало порядка 1,5 млн человек – новая, шестая волна миграции или уже превзошла этот показатель, или превзойдет его в течение 2025 года, то есть в течение трех лет с момента начала. Другой отличительной особенностью являются декларируемые причины переезда. Если в ходе пятой волны основными причинами миграции служили ухудшение экономической ситуации в России, падение престижа научной деятельности и статуса ученого, проблемы экономического и организационно-административного характера для владельцев малого и среднего бизнеса, а также специальные условия, организуемые в других странах для привлечения молодых и талантливых специалистов; то эмигранты, выехавшие из России после начала 2022 года, чаще говорят о несогласии с государственной политикой страны и ощущении угрозы для собственной личной безопасности (Евстратов, 2022). Кроме того, пятая волна характеризовалась процессом трансформации временной миграции в постоянную, когда приехавший на обучение или стажировку специалист впоследствии мог принять решение остаться в стране на длительный срок. При этом он сохранял возможность вернуться на Родину и часто не принимал этого решения из экономических соображений. Пред-

ставители шестой волны часто говорят о том, что возвращение может угрожать их физической безопасности. Это означает субъективное восприятие невозможности такого шага и усугубление психологических последствий миграции вследствие психологической утраты Родины.

Целью нашего исследования стало изучение мотивов переезда и эмоциональных переживаний миграции у лиц, переехавших из России в период с начала 2022 года. В рамках данной статьи позволим себе обобщить их как представителей шестой волны миграции, хотя окончательно этот термин еще не обоснован. Объектом выступили психологические последствия миграции, а предметом — переживания мигрантов шестой волны в ходе переезда. В данной статье мы остановимся на отдельных психологических последствиях миграции, а именно — декларируемых мотивах и эмоциональных переживаниях переезда. Были сформулированы следующие исследовательские вопросы:

1. Какие мотивы представители шестой волны определяют как основные причины смены страны проживания?
2. Какие эмоциональные переживания, связанные с переездом, озвучивают представители шестой волны?
3. Что представители шестой волны определяют в качестве своего дома?

Методы

Предварительно респондентам предлагалось дистанционно заполнить форму, состоящую из социально-демографической анкеты и методики «Адаптация личности к новой социокультурной среде» Л.В. Янковского (Янковский, 2004). Не вдаваясь в подробности, отметим, что результаты по шкалам лежат в диапазоне

средних значений, приближаясь к высоким по шкале «Адаптивность» и низким по шкалам «Депрессивность» и «Отчужденность». В целом, это свидетельствует об успешном процессе адаптации к новым условиям жизни. По окончанию заполнения участникам, согласным на прохождение интервью по видеосвязи, предлагалось оставить контактные данные.

Исследование, которому посвящена данная статья, представляет собой полуструктурированное интервью длительностью около часа. Основной список содержал 32 открытых вопроса, предлагающие развернутые ответы. В случае необходимости интервьюер задавал дополнительные вопросы или предлагал варианты ответа в случае возникновения затруднений у респондента.

В проведенном нами интервью приняли участие 44 респондента в возрасте от 19 до 62 лет, средний возраст которых составил 34 года. Из 44 респондентов 24 (54,5%) — женщины, 20 (45,5%) — мужчины. До отъезда из Российской Федерации 72,7% (32 чел.) выборки проживали в Санкт-Петербурге, 22,7% (10 чел.) — в Москве, 2,3% (1 чел.) — в Екатеринбурге, 2,3% (1 чел.) — в Краснодаре. Факт, что большинство респондентов до переезда проживали в городах федерального значения, можно отнести к ограничениям исследования. С одной стороны, два мегаполиса являются основными транспортными узлами, через которые осуществляется транспортное сообщение с другими странами; с другой — очевидно, в меньшей степени охвачена выборка людей, переехавших из других субъектов Российской Федерации. До места нынешнего пребывания 20 (45,5%) респондентов приехали сразу, 14 (31,8%) респондентов

меняли один раз страну проживания, 4 (9,1%) — дважды, 4 (9,1%) — трижды и по 1 респонденту (2,3%) — шесть и семь раз. На момент проведения интервью респонденты проживали в следующих странах: Грузия — 7 человек, Израиль — 6 человек, Сербия — 6 человек, Армения — 3 человека, Республика Кипр — 3 человека, Казахстан — 3 человека, Узбекистан — 2 человека, Кыргызстан — 2 человека, по одному человеку — в США, Канаде, Австрии, Таиланде, Португалии, Черногории, Финляндии, Турции, Германии, Эстонии.

Впоследствии записи интервью были транскрибированы, тексты обрабатывались с использованием контент-анализа. Категории для классификации проявлений выделялись коллегиальным решением группы экспертов, в которую входили как проводившие интервью, так и привлеченные специалисты. В рамках данной статьи мы остановимся на темах «мотивы переезда», «эмоциональное состояние в прошлом и в настоящий момент», «отношение к дому».

Ключевыми для изучения мотивов переезда послужили вопросы: «Поделитесь, пожалуйста, почему вы решили уехать из России? Когда?», «Рассматриваете ли вы возможность возвращения? При каких условиях?». При анализе эмоционального переживания переезда более информативными оказались вопросы: «Опишите, пожалуйста, сложности, с которыми вы столкнулись при переезде», «Какие чувства у вас вызывали эти сложности?», «Что для вас было самым сложным при переезде?», «Скучаете ли вы время от времени по тому, что осталось?». Важно отметить, что респонденты часто упоминали свои эмоции, чувства и состояния, связанные с

переездом, при ответах на иные вопросы. По этой причине в рамках исследования анализировался полный транскрипт интервью. Отношение к дому изучалось на основе ответов на вопросы: «Покупали ли вы предметы для дома в то место, где вы сейчас проживаете? Какие?», «Что вы называете своим домом?».

Каждый эксперт выделял цитаты, относящиеся к категориям «Мотивы переезда» и «Эмоциональное переживание переезда», группируя их по рубрикам. В дальнейшем все эксперты, работавшие с одним набором транскриптов, обсуждали получившиеся рубрики и формировали категории, наиболее полно описывающие вошедшие в них группы ответов. Так полученные категории мотивов соотносятся с классификацией Льянова, Верещагиной — по ведущему аспекту в жизни человека: экономическому, социальному, политическому, этническому или психологическому (Льянов, Верещагина, 2021). Ведущий мотив у респондента определялся по частоте и порядку его упоминаний.

Категоризация эмоциональных переживаний осуществлялась по их модальности и качественному описанию. При анализе отношения респондентов к понятию «Дом» ответы разделялись на содержащие конкретное обозначение территории: страна, конкретный город или квартира; не содержащие конкретики. Также изучалось наличие в представлениях респондентов конкретного дома с покупками, совершаемыми ими для места, где они проживают в настоящий момент.

Результаты

В ходе проведения исследования авторы выделили следующие мотивы переезда:

• **восприятие политического курса Российской Федерации** — к этой категории были отнесены ответы, связанные с изменением законодательства страны, действиями на внешнеполитической арене. Пример: «понимание хаоса в нашей внутривнешнеполитической, точнее бюрократической системе»;

• **ощущение угрозы собственной безопасности или безопасности ребенка** — к этой категории были отнесены ответы, в которых респонденты явно указывали на субъективно воспринимаемую опасность для себя или членов своей семьи. Пример: «я — младший сержант, соответственно, по факту я нахожусь изначально в некой группе риска»;

• **мнение близких** — в данную категорию вошли ответы, связанные с советами респонденту переехать от близких и членов семьи. Пример: «она (мама) сказала, что не приезжай, ничего страшного не произошло. Просто не приезжай»;

• **инициатива со стороны работодателя** — к этой категории были отнесены реплики, в которых респонденты указывали, что переехали после поступившего от работодателя предложения или вследствие невозможности продолжить работать в организации на территории России. Пример: «мой муж больше не мог продолжать работать в России, вот, и компания его репатрировала»;

• **заблаговременные планы** — к этой категории были отнесены ответы, в которых респонденты указывали, что долгое время обдумывали возможность переезда за границу. Пример: «я в принципе задумывался о том, чтобы уехать, какое-то время до своего отъезда».

Один респондент, отвечая на вопрос о мотивах переезда, указал собственную самоидентификацию как представителя

национальности, преимущественно проживающей в другой стране, но поскольку это был единичный случай, и данный респондент чаще упоминал другие причины из представленной выше классификации, было принято решение не выделять отдельную категорию «Самоидентификация» как самостоятельную группу мотивов, подталкивающих к эмиграции.

Наиболее популярные мотивы переезда можно увидеть на диаграмме (см. рисунок). Несогласие с политическим курсом страны в качестве причины переезда упомянули 78,9% респондентов, непосредственную угрозу собственной безопасности — 47,4%. Мотивы переезда «мнение близких» и «инициатива со стороны работодателя» были объединены в категорию «под влиянием» и были названы в 36,8% случаев.

В ходе интервью большинство респондентов указывало широкий диапазон чувств и эмоций, возникающих в ходе переезда. Регулярно встречались следующие эмоциональные переживания: напряжение и субъективно ощущаемый стресс, связанные со сжатыми сроками или стремительностью отъезда; неопределенность, тревога и беспомощность, возникающие, как правило, в связи с непредвиденными трудностями в месте нового проживания; гармония и спокойствие — когда необходимость постоянно принимать решения сменялась периодом стабильности и налаженного функционирования; ощущение свободы, личностного роста, преодоления собственных ограничений — в ситуациях, когда трудности успешно преодолевались и отступали; ностальгия, тоска, чувство утраты, характеризующие воспоминания об оставленных в России людях, местах, привычках и имуществе.

Рис. Ответы респондентов относительно собственных мотивов переезда в процентном соотношении

Fig. Respondents' answers regarding their own motives for moving in percentage

Безусловно, наряду с чаще упоминаемыми переживаниями встречались и более уникальные. Так, одна женщина описала чувство вины — от напряжения и непривычного графика жизни она срывалась, кричала на детей, которые до этого не сталкивались с подобной реакцией матери. Другой мужчина рассказал, что первое время после переезда испытывал стыд, поскольку жители Армении, куда он переехал, очень тепло к нему относились и помогали, что не соответствовало тому, как, по его ощущениям, к армянам относятся в Москве, откуда он переехал.

Понятие или чувство дома определялось участниками исследования крайне разнообразно. Это соответствует общей тенденции в определении собственного дома — не останавливаться на физических границах квартиры, но в зависимости от ощущения распространять это чувство на район, регион, страну или даже весь мир.

В качестве дома новую страну пребывания (или какое-либо место в ней) обозначили 39,1%. Респонденты из этой группы, отвечая на вопрос «Что вы считаете своим домом?», описывали город, страну или хотя бы квартиру в месте своего нынешнего пребывания. Также упоминались целенаправленные действия, чтобы познакомиться с культурой новой страны пребывания, начать в ней свое дело — ответы, говорящие о намерении длительное время проживать в данной стране.

Такая же часть респондентов (39,1%) отметила, что продолжает считать Россию или какую-то конкретную ее часть своим домом. К этой категории были отнесены такие ответы, как «Дом — это Петербург, люди, места, все “свое”», «Даже когда мы из отпуска говорим возвращаться домой, мне сначала нужно понять, что мы не едем в Москву, а едем сюда. Дом — для меня это Москва». Третью категорию состави-

ли 21,7% респондентов, отметивших, что не чувствуют у себя в настоящий момент какого-либо дома. В эту категорию были отнесены, например, следующие ответы: «Да, то есть людей и себя в том числе, потому что привязываться к отдельной точке сложно в условиях эмиграции», «В моей логике, наверное, в типе жизни, у меня как будто нет ощущения дома».

Обсуждение результатов

История каждого мигранта — это индивидуальный нарратив, в котором описываются обстоятельства, приведшие к переезду; период преодоления трудностей и адаптации к новым условиям жизни; планы на будущее. Можно сказать, что для представителей шестой волны эмиграции динамика переживаний, описанная в классификации стадий адаптации мигранта (Константинов и др., 2022), изменяется следующим образом:

1. **Стадия эйфории** — практически отсутствует. Это объясняется отсутствием длительных сомнений и подготовки к переезду. Согласно ответам респондентов, первое время в новой стране, наоборот, характеризовалось чаще тяжелыми переживаниями и необходимостью быстро ориентироваться в незнакомой обстановке при отсутствии заранее подготовленных финансовых резервов. У представителей шестой волны эта стадия характеризуется, как правило, облегчением или в принципе не упоминается.

2. **Туристическая стадия** — также упоминается в небольшом количестве интервью. Некоторые респонденты продлевали для себя туристическую стадию, возможно, чтобы отложить необходимость принять постоянную смену жительства. Так, они не задерживались подолгу в одной

стране и регулярно переезжали. В ряде случаев изучение местных традиций и культуры осуществлялось и было направлено на более эффективное протекание адаптации, но также есть респонденты, которые обратились к изучению окружающей культуры только после налаживания быта — прохождения ориентационной стадии.

3. **Ориентационная стадия** — как правило, респонденты уделяют ее описанию наибольшее количество внимания. Это может говорить как о том, что она еще продолжается, так и о ее высокой эмоциональной значимости. Участники интервью описывали трудности с поиском постоянного жилья, устройством ребенка в детский сад, получением медицинской и юридической помощи, замещением привычной в России инфраструктуры — доставки продуктов, онлайн-покупок и т.д. С другой стороны, к описанию этой стадии авторы также отнесли яркие положительные эмоции, связанные с помощью от сообщества эмигрантов из России и местного населения.

4. **Депрессивная стадия** — с нашей точки зрения, к данной стадии относятся упоминания респондентов о чувстве тоски и утраты, которые нередко проявляются уже после разрешения бытовых трудностей и налаживания устойчивого быта. В этот период ощущение острой потери, характеризующееся обобщающей фразой «а дома бы мне этого делать не пришлось», сменяется периодически накатывающим чувством щемящей тоски, ностальгии — «просыпаешься и думаешь, что нет возможности одеться и выйти позавтракать в любимом кафе».

5. **Деятельная стадия** — большинство респондентов в интервью описали, что так или иначе взяли под контроль неприятные эмоции. Во-многом, с нашей точки зрения,

этому способствовало улучшение экономических возможностей, обусловленное высоким уровнем образования и гибкостью адаптационных стратегий мигрантов шестой волны, а также наличием постоянной связи с родственниками и близкими, оставшимися в России.

Из анализа ответов респондентов следует, что в ходе эмиграции участники исследования в равной степени или сохраняли связь чувства дома с местом в России (квартирой или малой Родиной), или на момент исследования определяли в качестве дома какое-либо место в стране пребывания. С нашей точки зрения, это отражает наличие или отсутствие окончательно принятого решения о невозвращении на Родину — мигранты, по-прежнему связывающие понятие дома с Россией, продолжают рассматривать возможность или фантазировать о возвращении; с другой стороны, люди, обозначающие в качестве дома место в стране пребывания, этим демонстрируют нацеленность на адаптацию в новой среде и построение планов, исключающих реэмиграцию. Еще одна группа респондентов остается без определенного чувства дома, определяя себя, например, как «рак-отшельник». Это может говорить как о тяжело переживаемых сомнениях, так и о стратегии адаптации, сходной с используемой мигрантами пятой волны, когда временная миграция побуждала людей идентифицировать с домом скорее собственное место пребывания, чем конкретную локацию.

Наиболее популярными мотивами переезда из России оказались «восприятие политического курса РФ» (78,9%), «ощущение угрозы безопасности» (47,4%) и «под влиянием близких или работодателя» (36,8%). Еще один мотив «заблаговремен-

ные планы» встречался реже. Трудно сказать, означает ли наличие у человека этого мотива, что тенденции, приведшие к появлению шестой волны миграции, начались до 2022 года, или такие люди скорее относятся к мигрантам пятой волны. В ходе планирования исследования мы полагали, что мотив обеспечения собственной безопасности, который предполагает субъективную необходимость покинуть Россию, будет связан с трудностями в формировании у эмигранта чувства дома, привязанного к новому месту проживания. Оказалось, однако, что в большинстве случаев (60,8%) мигранты в принципе не определяют у себя связи нового места жизни с чувством дома. Эта тенденция напрямую не связана с определенным мотивом миграции. Напротив, в случаях, когда переезд из России происходил под влиянием несогласия с политикой страны, мигрантам проще давалось формирование чувства дома в новой социальной, политической и культурной среде. Так, при общей тенденции, что чувство дома не связано с новым местом проживания, 52,6% респондентов, определяющих причины своего отъезда как политические, называют страну, территорию или квартиру, где они теперь проживают, своим домом. Является ли несогласие с политикой страны исходом фактором, способствующим более успешной (или как минимум более интенсивной) психологической адаптации мигранта в новой стране? — подтверждение или опровержение данного предположения заслуживает отдельного исследования.

Заключение

Наиболее популярными мотивами переезда среди опрошенных мигрантов шестой волны стали «восприятие политического курса РФ» и «ощущение угрозы

зы безопасности». В трети случаев респонденты упоминали оба этих мотива.

Описанные респондентами эмоциональные переживания переезда мы сочли возможным интерпретировать через концепцию стадий адаптации к новой стране пребывания. С этим допущением можно заключить, что превалирующее количество негативных эмоций и чувств — горе, беспомощность, апатия, тоска — может объясняться описанием респондентами трудностей, преодолеваемых ими в ходе ориентационной и депрессивной стадий. Также упоминались позитивные переживания — радость, облегчение, чувство свободы, эйфория, что могло характеризовать как стадию эйфории, так и, что более вероятно с нашей точки зрения, деятельную стадию адаптации.

Среди мигрантов, принявших участие в исследовании, в равной степени встречались те, кто считает своим домом место в новой стране пребывания; и те, кто все еще соотносит с понятием «дом» локацию в России. Более пятой части респондентов отмечают у себя отсутствие ощущения какого-либо дома, что может служить сигналом о необходимости поддержки и внимания к этой категории.

Обращая внимание на представленные результаты исследования, можно заметить, что политический мотив переезда способствует более успешной миграции и адаптации на новом месте — у данной категории респондентов чаще формируется ощущение дома в новой стране пребывания, а среди эмоциональных переживаний переезда чаще фигурируют свобода, эйфория, легкость и связанные с ними положительные эмоции. В перспективе изучения шестой волны миграции было бы целесообразно изучить условия, которые

способствуют возвращению уехавших из России граждан на Родину, однако уже сейчас можно сказать, что респонденты, покинувшие страну вследствие несогласия с ее политикой, с меньшей вероятностью вернутся обратно без значительных изменений в политике России.

Нам еще только предстоит оценить далеко идущие последствия этого феномена — распространение новой волны русской культуры, формирование сообществ и диаспор на территории стран, принявших основной поток мигрантов, формирование сообщества эмигрантов шестой волны в Сети. Отдельной исследовательской проблемой является изучение детей и подростков, родившихся и растущих в семьях мигрантов шестой волны — какое отношение к России будет формироваться в их семейной и образовательной среде, какое их количество посетит или примет решение депатрироваться на историческую Родину? Какие факторы важно учесть и какие меры предпринять, чтобы сохранить творческий, интеллектуальный и экономический потенциал активной части населения в России и предотвратить ее переезд в другие страны? В психологии миграции остается значительное количество неизученных аспектов, разворачивающихся непосредственно в настоящий исторический момент.

Ограничения. Ограничением может служить то, что выборка была не рандомизированной, что может повлиять на достоверность и обобщаемость полученных результатов.

Limitations. A limitation may be that the sample was not randomized, which could affect the reliability and generalizability of the obtained results.

Список источников / References

1. Евстратов, А.Г. (2024). Проблемы релокации — «новой эмиграции» россиян в Армению после начала СВО на Украине. *Новое прошлое*, (2), 228–240. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-relokatsii-novoy-emigratsii-rossiyan-v-armeniyu-posle-nachala-svo-na-ukraine> (дата обращения: 31.07.2025).
2. Evstratov, A.V. (2022). Problems of relocation – the “new emigration” of Russians to Armenia after the beginning of the Special Military Operation in Ukraine. *The New Past*, (2), 228–240. (In Russ.). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-relokatsii-novoy-emigratsii-rossiyan-v-armeniyu-posle-nachala-svo-na-ukraine> (viewed: 31.07.2025).
3. Земцов, П.А., Бедрина, Е.Б. (2022). Пятая волна эмиграции из России как фактор адаптации. В: *Российские регионы в фокусе перемен: сборник докладов XVI Международной конференции*, (с. 194–197). Екатеринбург: УрФУ. URL: <http://elar.urfu.ru/handle/10995/108687> (дата обращения: 31.07.2025).
4. Zemtsov, P.A., Bedrina, E.B. (2022). The fifth wave of emigration from Russia as a factor of adaptation. In: *Russian Regions in Focus of Changes: Proc. of the 16th International Conference*, (pp. 194–197). Ekaterinburg: UrFU. (In Russ.). URL: <http://elar.urfu.ru/handle/10995/108687> (viewed: 31.07.2025).
5. Константинов, В.В. (Ред.), Осин, Р.В., Бабаева, М.В. (2022). В чужой стране: социально-психологическая адаптация трудовых мигрантов в России. Москва: Пере. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49957704> (дата обращения: 31.07.2025).
6. Konstantinov, V.V. (Ed.), Osin, R.V., Babaeva, M.V. (2022). *In a Foreign Land: Social and Psychological Adaptation of Labor Migrants in Russia*. Moscow: Pero. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49957704> (viewed: 31.07.2025).
7. Королькова, М.В. (2023). Релокация или эмиграция: особенности процесса в 2022 г. В: *Актуальные научные исследования: сборник статей XIII Международной науч.-практич. конференции*, 2(1) (с. 195–197). Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение». URL: <https://naukaip.ru/wp-content/uploads/2023/07/MK-1770-2.pdf> (дата обращения: 31.07.2025).
8. Korolkova, M.V. (2023) Relocation or Emigration: Features of the Process in 2022. In: *Current Scientific Research: Proc. of the 13th Int. Scientific and Practical Conf.*, 2(1) (pp. 195–197). Penza: Nauka i Prosveshchenie. (In Russ.). URL: <https://naukaip.ru/wp-content/uploads/2023/07/MK-1770-2.pdf> (viewed: 31.07.2025).
9. Льянов, И.М., Верещагина, М.В. (2021). Мотивы и мотивационные установки эмиграции граждан из России. *Образовательный вестник «Сознание»*, 23(1), 24–30. <http://dx.doi.org/10.26787/nydha-2686-6846-2021-23-1-24-30>
10. Lyanov, I.M., Vereshchagina, M.V. (2021). Motives and Motivational Attitudes of Emigration of Russian Citizens. *Educational Bulletin "Soznanie"*, 23(1), 24–30. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.26787/nydha-2686-6846-2021-23-1-24-30>
11. Недосекова, Е.С. (2019). Пятая волна эмиграции: установки населения Российской Федерации. *Социология в современном мире: наука, образование, творчество*, 1(11), 331–334. URL: <https://journal.asu.ru/smw/article/view/5846> (дата обращения: 31.07.2025).
12. Nedosekova, E.S. (2019). The Fifth Wave of Emigration: Attitudes of the Russian Population. *Sociology in the Modern World: Science, Education, Creativity*, 1(11), 331–334. (In Russ.). URL: <https://journal.asu.ru/smw/article/view/5846> (viewed: 31.07.2025).
13. Россстат. Доклад «Социально-экономическое положение России». URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801> (дата обращения: 29.07.2025).

- Rosstat. Report “Socio-Economic Situation in Russia”.* (In Russ.). Available at: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801> (accessed: 29.07.2025).
8. Солдатова, Е.Л., Барцева, К.В., Аленина, Е.А., Цигеман, Э.С., Лиханов, М.В., Вартанян, Г.А. (2024). Ностальгия как психологический феномен: теоретический обзор исследований. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология*, 14(3), 458–484. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2024.304>
- Soldatova, E.L., Bartseva, K.V., Alenina, E.A., Tsigeman, E.S., Likhanov, M.V., Vartanyan, G.A. (2024). Nostalgia as a Psychological Phenomenon: A Theoretical Review. *Vestnik of St. Petersburg University. Psychology*, 14(3), 458–484. (In Russ.). <https://doi.org/10.21638/spbu16.2024.304>
9. Фокина, Е.С. (2023). Социальная ностальгия: феномен или закономерность. В: *Материалы Афанасьевских чтений*, 1(43) (с. 14–17). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-nostalgija-fenomen-ili-zakonomernost> (дата обращения: 31.07.2025).
- Fokina, E.S. (2023). Social Nostalgia: Phenomenon or Pattern? In: *Proceedings of the Afanasyev Readings*, 1(43) (pp. 14–17). (In Russ.). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-nostalgija-fenomen-ili-zakonomernost> (viewed: 31.07.2025).
10. Челпанова, Д.Д. (2024). Социально-демографический портрет и особенности российских релокантов 2022–2024 годов (опыт pilotного социологического опроса). *Известия Коми научного центра УрО РАН*, 10(76), 71–78. URL: <https://scinetwork.ru/articles/24810> (дата обращения: 31.07.2025).
- Chelpanova, D.D. (2024). Socio-Demographic Portrait and Features of Russian Relocants in 2022–2024 (Pilot Sociological Survey). *Izvestiya of the Komi Science Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*, 10(76), 71–78. (In Russ.). URL: <https://scinetwork.ru/articles/24810> (viewed: 31.07.2025).
11. Хрусталева, Н.С. (2010). Переживание психической травмы и печали в условиях эмиграции. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*, (1), 253–260. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perezhivanie-psihicheskoy-travmy-i-pechali-v-usloviyah-emigratsii> (дата обращения: 31.07.2025).
- Khrustaleva, N.S. (2010). Experiencing psychological trauma and grief in the context of emigration. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, (1), 253–260. (In Russ.). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perezhivanie-psihicheskoy-travmy-i-pechali-v-usloviyah-emigratsii> (viewed: 31.07.2025).
12. Хрусталева, Н.С. (1996). *Психология эмиграции: социально-психологические и личностные проблемы: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук*. Санкт-Петербург. URL: <https://www.dissertat.com/content/psikhologiya-emigratsii-sots-psikhol-i-lichnost-problemy> (дата обращения: 31.07.2025).
- Khrustaleva, N.S. (1996). *Psychology of emigration: socio-psychological and personal problems. Doctoral dissertation in psychology*. Saint Petersburg. (In Russ.). URL: <https://www.dissertat.com/content/psikhologiya-emigratsii-sots-psikhol-i-lichnost-problemy> (viewed: 31.07.2025).
13. Шилова, В.А., Бекренева, Ю.С. (2024). Уровень невротизации и удовлетворенности жизнью российских эмигрантов как показатели их психологического здоровья. В: *Психология XXI века – 2024: калейдоскоп открытий: тезисы XXVII Международной научно-практической конференции* (с. 293–295). Санкт-Петербург. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=71313289> (дата обращения: 31.07.2025).
- Shilova, V.A., Bekreneva, Yu.S. (2024). The level of neuroticism and life satisfaction of Russian emigrants as indicators of their psychological health. In: *Psychology of the 21st Century – 2024: Kaleidoscope of Discoveries: Proceedings of the 27th International Scientific and Practical*

Бриль М.С., Бекренёва Ю.С., Зайниддинова М.Н.,
Евдокимова Л.Н., Фролова А.Э., Сочилина Д.С.,
Шенгелия Н.М., Снарская А.В. (2025)
Социальная психология и общество,
16(3), 144–163.

Bril M.S., Bekreneva Yu.S., Zayniddinova M.N.,
Evdokimova L.N., Frolova A.E., Sochilina D.S.,
Shengelia N.M., Snarskaya A.V. (2025)
Social Psychology and Society,
16(3), 144–163.

- Conference* (pp. 293–295). Saint Petersburg. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=71313289> (viewed: 31.07.2025).
14. Яроцкая, А.С., Завьялова, Е.К. (2024). Управление процессом адаптации персонала ИТ-компаний в условиях релокации. *Организационная психология*, 14(1), 77–95. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-protsessom-adaptatsii-personala-it-kompaniy-v-usloviyah-relokatsii> (дата обращения: 31.07.2025).
Yarotskaya, A.S., Zavyalova, E.K. (2024). Managing the Adaptation Process of IT Company Employees in the Context of Relocation. *Organizational Psychology*, 14(1), 77–95. (In Russ.). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-protsessom-adaptatsii-personala-it-kompaniy-v-usloviyah-relokatsii> (viewed: 31.07.2025).
15. Якимова, О.А. (2023). Новая волна российской эмиграции: социальные и экономические эффекты. *Социодиггер*, 4(3-4), 82–86. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novaya-volna-rossiyskoy-emigratsii-sotsialnye-i-ekonomicheskie-effekty> (дата обращения: 31.07.2025).
Yakimova, O.A. (2023). The New Wave of Russian Emigration: Social and Economic Effects. *Sociodigger*, 4(3-4), 82–86. (In Russ.). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novaya-volna-rossiyskoy-emigratsii-sotsialnye-i-ekonomicheskie-effekty> (viewed: 28.07.2025).
16. Янковский, Л.В. (2004). Адаптация личности к новой социокультурной среде (тест). В: В.А. Сонин (ред.), *Психодиагностическое познание профессиональной деятельности: для студентов, школьных психологов, учителей-предметников, классных руководителей* (с. 206–211). СПб.: Речь.
Yankovsky, L.V. (2004). Adaptation of personality to a new sociocultural environment (test). In V.A. Sonin (Ed.), *Psychodiagnostic understanding of professional activity: For students, school psychologists, subject teachers, and homeroom teachers* (pp. 206–211). St. Petersburg: Rech. (In Russ.).
17. Van Hear N., Bakewell O., Long K. (2018). Push-pull plus: reconsidering the drivers of migration. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 44(6), 927–944. URL: <https://ora.ox.ac.uk/objects/uuid:36957d87-22cf-414a-90c6-3a625d2d55b6/files/me854cd8385b760f6225d8bfc17cc7c4d> (viewed: 28.07.2025).

Приложение / Appendix

Приложение А

Методические детали: «Гайд по интервью исследования психологии эмиграции шестой волны»

Appendix A

Methodological details: “Guide to interview research on the psychology of emigration of the sixth wave”

Гайд по интервью исследования психологии эмиграции шестой волны
Дата _____ Номер интервьюируемого _____

Часть 1 – информирование интервьюируемого
Представление интервьюера: ФИО, должность.

Коротко – кто организует исследование и чему оно посвящено: это исследование проводится инициативной группой студентов и преподавателей психологиче-

ского факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Исследование посвящено изучению социально-психологических особенностей эмигрантов 6 волны.

Что собой представляет интервью: интервью содержит 32 вопроса, направленных на изучение Вашего опыта эмиграции, и ориентировочно займет 40 минут.

Конфиденциальность: информация, полученная в ходе научного исследования, строго конфиденциальна. Ваше имя и другие персональные данные не будут использоваться в публичном пространстве. Вам будет присвоен индивидуальный код, и именно этот код, а не Ваше имя, будет написан на бланках интервью. Все материалы исследования будут храниться в защищенном месте, доступ к которому будет иметь только персонал исследования. Информация о Вас, полученная в ходе исследования, будет использоваться только в исследовательских целях. Когда результаты исследования будут публиковаться или представляться на конференциях, имена или другая информация, указывающая лично на Вас, приводиться не будут. Данные будут публиковаться в общем массиве. После завершения обработки данных все анкеты, формы и записи будут уничтожены.

Для удобства фиксирования ответов мы хотели бы вести аудио\видеозапись, Вы не против? (*Если против, то вести записи вручную*)

Есть ли у Вас какие-либо вопросы перед тем, как мы начнем?

Часть 2 – вопросы

1. Поделитесь, пожалуйста, почему Вы решили уехать из России? Когда?
2. Какой путь Вы проделали из России до места нынешнего пребывания? Сразу приехали или какое-то время жили в других странах/городах?
3. Как бы Вы назвали свой переезд? (*Подсказки при необходимости: Эмиграцией, релокацией, временным переездом, репатриацией, изгнанием...?*)
4. Где Вы сейчас проживаете: снимаете, у друзей, своя квартира?
5. Как бы Вы оценили Ваши жилищные условия в настоящий момент?
6. Есть ли понимание, как долго Вы планируете здесь оставаться? Есть ли у Вас дальнейшие планы? Какие?
7. Покупали ли Вы предметы для дома в то место, где Вы сейчас проживаете? Какие?
8. Вы ехали к родственникам, друзьям, знакомым?
9. Перечислите 7 наиболее близких Вам людей, где они сейчас находятся?
10. Появились ли у Вас новые знакомые? Кто они?
11. Опишите, пожалуйста, эти отношения?
12. Опишите, пожалуйста, сложности, с которыми Вы столкнулись при переезде?
13. За счет чего\благодаря чему Вы смогли эти сложности преодолеть?
14. Какие чувства у Вас вызывали эти сложности?
15. Как Вы думаете, повлияли ли они на Вас? Если да, то как?
16. Что для Вас было самым сложным при переезде?
17. Опишите, пожалуйста, позитивные аспекты Вашего переезда?

18. Повлиял ли переезд на Ваши романтические отношения? Что Вы могли бы отнести к позитивным изменениям, а что скорее к негативным?

19. Повлиял ли переезд на Ваши семейные взаимоотношения?

20. Повлиял ли переезд на Ваши дружеские отношения?

21. Как относятся к переезду Ваши родственники, друзья?

22. Изменилось ли у Вас отношение к себе в связи с переездом?

23. Чувствуете ли Вы себя в безопасности? Почему?

24. Испытывали ли Вы тревогу или опасения, обдумывая, согласиться ли на интервью?

25. Скучаете ли Вы время от времени по тому, что осталось? (*Подсказки при необходимости: места, люди, животные, предметы, привычки...*)

26. В каких ситуациях возникает это чувство? Как часто?

27. Как бы Вы назвали это чувство? На что оно похоже?

28. Хотели бы Вы когда-либо вернуться?

29. Хотите ли Вы сейчас вернуться?

30. Рассматриваете ли Вы возможность возвращения? При каких условиях?

31. Что Вы называете своим домом?

32. Что мы могли еще не спросить, но Вы считаете важным рассказать из Вашего опыта?

Благодарим Вас за участие!

Информация об авторах

Михаил Сергеевич Бриль, кандидат психологических наук, и.о. заведующего кафедрой психологии кризисных и экстремальных ситуаций, Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4428-7432>, e-mail: miklbril@gmail.com, m.bril@spbu.ru

Юлия Сергеевна Бекренёва, магистр психологических наук, старший преподаватель кафедры кризисных и экстремальных ситуаций, Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-4271-4863>, e-mail: Ulcha.93@mail.ru

Малика Нусрат кизи Зайниддинова, студентка 6 курса по направлению «Клиническая психология», кафедра психологии кризисных и экстремальных ситуаций, Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-6277-7618>, e-mail: Malika.z.n@mail.ru

Лидия Николаевна Евдокимова, студентка 3 курса по направлению «Клиническая психология», кафедра психологии кризисных и экстремальных ситуаций, Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-2706-581X>, e-mail: Lidilia061003@yandex.ru

Анна Эдуардовна Фролова, студентка 3 курса по направлению «Клиническая психология», кафедра психологии кризисных и экстремальных ситуаций, Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-3171-1649>, e-mail: anarainbow51@gmail.com

Бриль М.С., Бекренёва Ю.С., Зайниддинова М.Н.,
Евдокимова Л.Н., Фролова А.Э., Социлина Д.С.,
Шенгелия Н.М., Снарская А.В. (2025)
Социальная психология и общество,
16(3), 144–163.

Bril M.S., Bekreneva Yu.S., Zayniddinova M.N.,
Evdokimova L.N., Frolova A.E., Sochilina D.S.,
Shengelia N.M., Snarskaya A.V. (2025)
Social Psychology and Society,
16(3), 144–163.

Дарья Сергеевна Социлина, студентка 2 курса по направлению «Клиническая психология», кафедра психологии кризисных и экстремальных ситуаций, Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-5547-9732>, e-mail: dss23@yandex.ru

Надежда Михайловна Шенгелия, студентка 6 курса по направлению «Клиническая психология», кафедра психологии кризисных и экстремальных ситуаций, Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-9365-0485>, e-mail: dinashen@mail.ru

Анастасия Викторовна Снарская, студентка 6 курса по направлению «Клиническая психология», кафедра психологии кризисных и экстремальных ситуаций, Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-6649-6689>, e-mail: pankiruliat@gmail.com

Information about the authors

Mikhail S. Bril, Candidate of Sciences (Psychology), Acting Head of the Department of Psychology of Crisis and Extreme Situations, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4428-7432>, e-mail: miklbril@gmail.com, m.bril@spbu.ru

Yulia S. Bekreneva, Master of Psychological Sciences, Senior Lecturer of the Department of Crisis and Extreme, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-4271-4863>, e-mail: Ulcha.93@mail.ru

Malika N.K. Zayniddinova, 6th year student of Clinical Psychology, Department of Crisis and Extreme Situations, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-6277-7618>, e-mail: Malika.z.n@mail.ru

Lidiia N. Evdokimova, 3th year student of Clinical Psychology, Department of Crisis and Extreme Situations, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-2706-581X>, e-mail: Lidiia061003@yandex.ru

Anna E. Frolova, 3th year student of Clinical Psychology, Department of Crisis and Extreme Situations, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-3171-1649>, e-mail: anarainbow51@gmail.com

Daria S. Sochilina, 2nd year student of Clinical Psychology, Department of Crisis and Extreme Situations, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-5547-9732>, e-mail: dss23@yandex.ru

Nadezhda M. Shengeliya, 6th year student of Clinical Psychology, Department of Crisis and Extreme Situations, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-9365-0485>, e-mail: dinashen@mail.ru

Anastasiya V. Snarskaya, 6th year student of Clinical Psychology, Department of Crisis and Extreme Situations, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-6649-6689>, e-mail: pankiruliat@gmail.com

Вклад авторов

Бриль М.С. — идеи исследования; планирование исследования; сбор и анализ данных; написание рукописи.

Бекренева Ю.С. — идеи исследования; планирование исследования; сбор и анализ данных; контроль за проведением исследования.

Бриль М.С., Бекренёва Ю.С., Зайниддинова М.Н.,
Евдокимова Л.Н., Фролова А.Э., Социлина Д.С.,
Шенгелия Н.М., Снарская А.В. (2025)
Социальная психология и общество,
16(3), 144–163.

Bril M.S., Bekreneva Yu.S., Zayniddinova M.N.,
Evdokimova L.N., Frolova A.E., Sochilina D.S.,
Shengelia N.M., Snarskaya A.V. (2025)
Social Psychology and Society,
16(3), 144–163.

Зайниддинова М.Н. — идеи исследования; планирование исследования; сбор и анализ данных; оформление рукописи; редактирование текста статьи.

Евдокимова Л.Н. — обработка материала, редактирование текста статьи.

Фролова А.Э. — обработка материала, оформление рукописи.

Сочилина Д.С. — сбор и анализ теоретического материала.

Шенгелия Н.М. — обработка материала; применение математических методов для анализа данных; визуализация данных.

Снарская А.В. — обработка материала; оформление рукописи; визуализация данных.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Authors contributions

Mikhail S. Bril — research ideas; planning the study; collecting and analysing data; writing the manuscript.

Yulia S. Bekreneva — research ideas; planning the study; collecting and analysing data; and supervising the study.

Malika N. Zayniddinova — research ideas; planning the study collection and analysis of data; manuscript design; editing the text of the article.

Lidiia N. Evdokimova — material processing, editing the text of the article.

Anna E. Frolova — material processing, manuscript design.

Daria S. Sochilina — collecting and analysing theoretical material.

Nadezhda M. Shengeliya — material processing, application of mathematical methods of data analysis; data visualization.

Anastasiya V. Snarskaya — material processing, article design, data visualization.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Декларация об этике

Письменное информированное согласие на участие в этом исследовании было предоставлено респондентами.

Ethics statement

Written informed consent for participation in this study was obtained from the participants.

Поступила в редакцию 27.02.2025

Received 2025.02.27

Поступила после рецензирования 08.07.2025

Revised 2025.07.08

Принята к публикации 19.09.2025

Accepted 2025.09.19

Опубликована 30.09.2025

Published 2025.09.30

МЕТОДИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ METHODOLOGICAL TOOLS

Научная статья | Original paper

Разработка методики «Оценка принятия цифрового рубля» (ОПЦР)

А.Н. Татарко , Г.Я. Родионов, К.И. Николаева

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,

Москва, Российской Федерации

 tatarko@yandex.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Цифровой рубль — цифровая форма российской национальной валюты, которую Банк России планирует выпускать в дополнение к существующим формам денег, новое явление в российской экономике, отношение к нему потенциальных пользователей остается малоизученным.

Цель. Перевод на русский язык и модификация Опросника оценки принятия цифровой государственной валюты (*Söilen, Benhayouin, 2021*).

Гипотеза. Адаптированная методика оценки принятия цифрового рубля (ОПЦР) обладает высокой структурной, конкурентной и конвергентной валидностью, а также надежностью и может использоваться для выявления факторов, влияющих на готовность россиян использовать цифровой рубль.

Методы и материалы. Для измерения оценки принятия цифровой государственной валюты была адаптирована и валидизирована методика оценки принятия цифровых валют Центрального банка (*acceptance of central bank digital currencies – CBDC*) (*Söilen, Benhayouin, 2021*). Выборка: 300 респондентов (150 мужчин, 150 женщин, средний возраст — 37,3 года). Использовались: прямой и обратный перевод опросника, конfirmаторный факторный анализ, оценивалась конкурентная и конвергентная валидность методики.

Результаты. Хорошие результаты конfirmаторного факторного анализа указывают на воспроизводимость факторной структуры методики на российской выборке. Финальный вариант методики включает 7 шкал: «Ожидания эффективности от использования», «Ожидания в отношении количества затраченных усилий», «Условия для использования», «Социальное влияние», «Доверие валютной системе», «Поведенческие интенции», «Предполагаемое использование». Все шкалы имеют высокую надежность-согласованность (а Кронбаха по всем шкалам методики находится в диапазоне от 0,77 до 0,92). Подтверждены конкурентная и конвергентная валидности данной методики.

Татарко А.Н., Родионов Г.Я., Николаева К.И. (2025) Разработка методики «Оценка принятия цифрового рубля» (ОПЦР). Социальная психология и общество, 16(3), 164–182.

Tatarko A.N., Rodionov G.Ya., Nikolaeva K.I. (2025) Development of a methodology for assessing the adoption of the digital ruble. Social Psychology and Society, 16(3), 164–182.

Выводы. Адаптированная авторами методика является надежной и валидной и может использоваться как в исследовательских, так и в прикладных целях.

Ключевые слова: цифровой рубль, криптовалюта, конкурентная валидность, конвергентная валидность, структурная валидность, надежность-согласованность шкал

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00119, <https://rscf.ru/project/24-18-00119/>.

Для цитирования: Татарко, А.Н., Родионов, Г.Я., Николаева, К.И. (2025). Разработка методики «Оценка принятия цифрового рубля» (ОПЦР). *Социальная психология и общество*, 16(3), 164–182. <https://doi.org/10.17759/sps.2025160309>

Development of a methodology for assessing the adoption of the digital ruble

A.N. Tatarko , G.Ya. Rodionov, K.I. Nikolaeva

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
 tatarko@yandex.ru

Abstract

Context and relevance. The digital ruble, a digital form of the Russian national currency that the Bank of Russia plans to issue in addition to existing forms of money, is a new phenomenon in the Russian economy; the attitudes of potential users towards it remain a little-understood phenomenon.

Objective. To translate into Russian and modifications of the acceptance of central bank digital currencies (CBDC) (Söilen, Benhayoun, 2021).

Hypothesis. The adapted methodology for assessing the acceptance of the digital ruble (DRA) demonstrates high structural, concurrent, and convergent validity, as well as reliability, and can be used to identify factors influencing Russians' willingness to adopt the digital ruble.

Methods and materials. The study was conducted by means of a socio-psychological survey. To measure the assessment of the adoption of the digital national currency, the Central Bank's Acceptance of Central Bank Digital Currencies (CBDC) methodology was adapted and validated (Söilen, Benhayoun, 2021). The study included a sample of 300 respondents (150 men, 150 women, average age – 37,3 years). A forward and backward translation of the questionnaire was carried out in order to achieve equivalence between the Russian and English versions, then using confirmatory factor analysis we evaluated the factor structure of the adapted methodology. The competitive and convergent validity of the methodology was also assessed.

Results. The good results of the confirmatory factor analysis indicate the reproducibility of the factor structure of the method in the Russian sample. The final version of the methodology includes 7 scales: "Expectations of effectiveness from use", "Expectations regarding the amount of effort expended", "Conditions for use", "Social influence", "Trust in the currency system", "Behavioral intents", and "Intended use". All scales have high reli-

ability and consistency (Cronbach's α on all scales of the questionnaire range from 0,77 to 0,92). The competitive and convergent validity of this methodology was also evaluated, as a result of which we obtained confirmation of these types of validity in the developed methodology.

Conclusions. *The technique developed by the authors is reliable and valid and can be used both for research and for applied purposes.*

Keywords: digital ruble, cryptocurrency, competitive validity, convergent validity, structural validity, reliability-consistency scales

Funding. The study was supported by the Russian Science Foundation, grant no. 24-18-00119, <https://rscf.ru/project/24-18-00119/>.

For citation: Tatarko, A.N., Rodionov, G.Ya., Nikolaeva, K.I. (2025). Development of a methodology for assessing the adoption of the digital ruble. *Social Psychology and Society*, 16(3), 164–182. <https://doi.org/10.17759/sps.2025160309>

Введение

Цифровой рубль – это цифровая форма российской национальной валюты, которую Банк России планирует выпускать в дополнение к существующим формам денег. Он будет представлять собой третью форму рубля наряду с наличными и безналичными деньгами. Так как цифровой рубль – новое явление в российской экономике, отношение к нему потенциальных пользователей остается малоизученным. Целью данного исследования является модификация существующей зарубежной методики исследования отношения к государственной цифровой валюте таким образом, чтобы она позволила изучать отношение к цифровому рублю. Фактически мы модифицировали и адаптировали опросник «Принятие цифровой валюты» (Söilen, Benhayoun, 2021) таким образом, чтобы он соответствовал российским реалиям и подходил для изучения принятия цифрового рубля.

В развитии цифровой валюты (Nejad, 2016) обычно выделяют два основных направления: криптовалюты (децентра-

лизованное управление) и центральные банковские цифровые валюты с централизованным управлением. К последним относится цифровой рубль, отношение к которому является фокусом нашего исследования.

Центральная банковская цифровая валюта (ЦВЦБ) отличается от криптовалют. Она представляет собой электронное обязательство, выпущенное центральным банком, которое может использоваться для расчетов и хранения средств (Söilen, Benhayoun, 2021). ЦВЦБ можно рассматривать как новую форму электронной денежной массы, которая в некотором смысле уже существует в виде резервов центральных банков (Meaning et al., 2018). Определение ЦВЦБ может варьироваться в зависимости от исследовательской перспективы. Mancini-Griffoli и др. (2018) узко определяют ЦВЦБ как цифровую форму уже существующих бумажных денег, выпущенных центральным банком и признанных законным средством платежа. Это означает, что ЦВЦБ может представлять собой

электронную версию уже существующей бумажной валюты, которая выпускается центральным банком.

На данный момент централизованные формы цифровых валют, включая цифровой рубль, находятся преимущественно в фазе тестирования для улучшения их технических и операционных функций, согласно информации, предоставленной Банком России. В августе 2023 года началось тестирование цифрового рубля с участием 13 банков и ограниченного круга их клиентов. Планируется, что тестирование будет продолжаться до конца 2024 года (Цифровой Рубль | Банк России, п.д.).

Кроме того, количество исследований, фокусирующихся на изучении восприятия цифровой валюты широким кругом людей, довольно ограничено. Исследования, посвященные цифровому рублю, в основном сосредоточены на экономических и юридических аспектах этого явления, уделяя меньше внимания восприятию цифрового рубля конечными пользователями — россиянами. Таким образом, на данный момент есть ограниченное количество исследований, которые изучают мнения и восприятие россиянами цифрового рубля. В связи с этим проведение дополнительных исследований в этой области может быть полезным для получения более полного понимания восприятия цифрового рубля среди населения России.

В нашей работе по разработке соответствующего инструментария мы взяли за основу существующий опросник оценки принятия государственной цифровой валюты (Söilen, Benhayoun, 2021) и далее модифицировали и адаптировали его.

Взятый нами за основу опросник был разработан с учетом трех теоретических

оснований — унифицированной теории принятия и использования технологий UTAUT (Unified Theory of Acceptance and Use of Technology — объединенная теория принятия и использования технологий) (Venkatesh et al., 2003), теории институционального доверия (Luhmann, 1979, 1986) и модели принятия электронной валюты в C2C электронной коммерции (Cryptocurrency Acceptance Model for C2C E-commerce), разработанной в исследовании Mendoza-Tello et al. (2019).

Задача модели UTAUT — объяснить намерения человека использовать информационную систему и его последующее поведение при ее использовании (Venkatesh et al., 2003). Авторы этой модели разработали UTAUT, убрав нерелевантные конструкты из восьми ранее существовавших моделей, охватывающих аспекты от человеческого поведения до компьютерных наук. UTAUT выделяет четыре основных фактора, влияющих на намерение использования и непосредственно использование информационных технологий.

Во-первых, это ожидания в части эффективности использования — уровень, на котором человек считает, что использование системы поможет ему повысить личную продуктивность. Ожидания в части эффективности использования — это важный фактор, который влияет на принятие системы. Пользователи стремятся использовать технологии, которые могут повысить их личную эффективность и помочь достигать поставленных целей. Ожидаемая производительность оценивается по способности системы ускорять и упрощать задачи, предоставлять полезную и актуальную информацию, а также улучшать результаты и достижения

пользователя. В контексте внедрения цифрового рубля этот конструкт оценивает то, насколько новая система ускорит и упростит финансовые трансакции, повысит продуктивность этих трансакций.

Во-вторых, модель UTAUT также учитывает ожидания в отношении количества затраченных усилий, то есть степень легкости использования системы. Конструкт «ожидания в отношении количества затраченных усилий» является ключевым фактором, который влияет на принятие новой технологии. Чем более легко и без усилий пользователь может освоить и использовать систему, тем выше вероятность его положительного отношения к ней. Ожидаемые усилия отражаются в различных аспектах, таких как интуитивность интерфейса, простота навигации, доступность функций и возможность быстрого освоения системы без сложностей и дополнительных усилий со стороны пользователя.

В-третьих, условия, способствующие использованию системы, — убеждения людей относительно существования процессов и инфраструктуры, поддерживающих использование системы. Способствующие условия включают в себя факторы, которые облегчают использование системы и создают поддерживающую инфраструктуру. Это может включать доступность технической поддержки, простоту установки и настройки, совместимость с устройствами пользователя и наличие инструкций или руководств по использованию системы, возможность задать вопрос специалисту при возникновении сложностей в использовании. Когда пользователь видит, что все условия и инфраструктура поддерживают использование системы без сложностей, это может повы-

сить его готовность принять и использовать систему.

В-четвертых, социальное влияние — это степень, в которой человек ощущает давление со стороны окружающих, считающих, что он или она должны использовать новую систему. Социальное влияние также играет значительную роль в принятии системы. Мнение и рекомендации окружающих людей, особенно тех, которым пользователь доверяет и которых уважает, могут оказать сильное влияние на его решение. Если значимые люди в окружении пользователя рекомендуют использовать новую систему и делятся положительным опытом, это может повысить вероятность принятия и использования системы.

Модель UTAUT не учитывает фактор доверия технологий, в то время как использование определенных систем связано с непредвиденными последствиями их использования. Такая ситуация особенно характерна для технологий, которые могут нарушать конфиденциальность информации пользователей, таких как интернет-магазины, облачная инфраструктура и мобильные платежные решения. В этом отношении многие исследователи, изучавшие восприятие различных технологий, включали доверие в качестве дополнительной переменной в модель исследования, чтобы учсть риски и неопределенность, связанную с использованием технологий. Когда пользователи не понимают возможных последствий использования технологий, они полагаются на доверие системе (Gefen, Straub, 2004). Например, Slade et al. (2015) в своей работе обнаружили значимую позитивную взаимосвязь между доверием провайдерам и намерением использовать мобильные

платежи. Так как цифровой рубль — технология, использование которой сопряжено с передачей персональных финансов в управление центральному банку, институциональное доверие становится важным фактором в принятии решения об использовании технологии. Кроме того, цифровой рубль на момент проведения исследования все еще находится на стадии тестирования и недоступен широкой аудитории. Это обстоятельство усиливает значимость доверия центральному банку при оценке участниками исследования намерения использования цифрового рубля. По этим причинам в модель исследования авторами адаптируемого нами опросника была включена теория институционального доверия (Institutional trust theory) (Luhmann, 1979).

В контексте использования технологий, сопряженных с проведением платежей, доверие пользователей ориентировано не только на надежность самих финансовых операций, но и в отношении сохранности их персональных данных при использовании платежной системы. Так как одна из заявленных целей создания цифрового рубля — рост прозрачности платежей и движения денежных средств, цифровой рубль изначально предполагает отсутствие анонимности его пользователей (Цифровой рубль. Доклад для общественных консультаций. Октябрь 2020). При принятии во внимание этого обстоятельства доверие становится важным фактором в решении об использовании цифрового рубля. Помимо доверия в решении об использовании цифровых валют играют роль и другие факторы (Mendoza-Tello et al., 2019).

На ранних этапах внедрения инновационной технологии, такой как цифровой

рубль, намерение использовать является важным фактором для изучения принятия этой технологии (Egea, González, 2011). По этой причине в опросник были включены вопросы, которые отражали интенцию использования цифрового рубля. Эти вопросы были разделены на две основные группы. Первая группа фокусировалась на объемах и частоте использования цифрового рубля, начиная от готовности попробовать его использовать до регулярного использования в повседневной жизни. Вопросы в этой группе позволяли исследователям понять, насколько респонденты заинтересованы в использовании цифрового рубля и насколько они готовы принять его в качестве средства платежа. Эта группа вопросов вошла в фактор «поведенческие интенции». Вторая группа вопросов была ориентирована на различные задачи, которые можно решить с помощью использования цифровой валюты — фактор «предполагаемое использование». В эту группу входили такие варианты использования, как получение заработной платы в цифровых рублях, осуществление электронных трансакций посредством цифрового рубля, совершение покупок онлайн и в физических магазинах, перевод депозитных сбережений в цифровые рубли, переводы денег друзьям и родственникам, а также получение оплаты за другие услуги помимо основной деятельности. Однако вопрос об использовании цифрового рубля для осуществления покупок за границей был исключен из опросника, поскольку на момент исследования такая возможность была недоступна.

В итоговый опросник вошли такие конструкты, как ожидания в части эффективного использования, ожидания в отно-

шении количества затраченных усилий, условия для использования, социальное влияние, доверие валютной системе, поведенческие интенции, предполагаемое использование. Включение этих вопросов позволило оценить интерес и готовность респондентов использовать цифровой рубль в различных сферах и задачах. Ответы на эти вопросы дают представление о потенциальных областях применения цифрового рубля и наиболее привлекательных возможностях его использования для пользователей.

Опросник был переведен и адаптирован в процессе нашего исследования. Ниже описана выборка и результаты адаптации данного опросника, а также приводится сам опросник.

Материалы и методы

Исследование было организовано онлайн, поскольку нам нужны респонденты, которые являются активными пользователями интернета, и, соответственно, именно они являются той аудиторией, которая потенциально может использовать цифровые валюты, в том числе и цифровой рубль. Исследование было организовано на платформе anketolog.ru.

Выборка. В исследовании приняли участие 300 респондентов. Возраст респондентов — от 18 до 67 лет, средний возраст по выборке — 37,3 года, стандартное отклонение — 11,31 года. Выборка была уравновешена по полу (150 мужчин и 150 женщин). Большая часть респондентов (83,6%) имела высшее образование (54,6%) или среднее специальное (29%). Неработающими были 18% респондентов, работающими — 82%.

Инструментарий. В исследовании мы использовали 3 методики.

1. Адаптируемый нами опросник «Методика оценки принятия цифрового рубля». Мы использовали модифицированную версию опросника оценки принятия цифровых валют Центрального банка (acceptance of central bank digital currencies — CBDC) (Söilen, Benhayoun, 2021). В оригинальной версии опросника речь идет о «цифровой валюте центрального банка». Мы заменили эту формулировку на формулировку «цифровой рубль».

Оригинальная версия методики включает следующие шкалы:

1) *Ожидания эффективности от использования* — данный параметр показывает, насколько использование цифрового рубля повысит эффективность финансовых транзакций и упростит управление ими.

2) *Ожидания в отношении количества затраченных усилий* — данный параметр показывает, насколько, в соответствии с представлениями респондента, ему будет легко или трудно овладеть рассматриваемой цифровой валютной системой.

3) *Условия для использования* — параметр показывает, насколько государство сформировало условия для использования цифровой валюты: инфраструктура, обучение, необходимая техническая поддержка.

4) *Социальное влияние* — данный параметр показывает, насколько человек ориентируется на мнение значимых для него людей в части использования государственной цифровой валюты.

5) *Доверие валютной системе* — параметр показывает, насколько респондент доверяет Центральному банку и всей цифровой валютной системе государства.

6) *Поведенческие интенции* — данный параметр показывает, насколько активно

респондент намерен использовать цифровой рубль, когда он станет доступным.

7) *Предполагаемое использование* – утверждения данной шкалы позволяют оценить спектр сфер, в которых респондент планирует использовать цифровой рубль.

Согласие с утверждениями, репрезентирующими каждую шкалу, нужно было оценить в соответствии с 5-балльной системой оценок: от 1 – абсолютно не согласен до 5 – абсолютно согласен.

2. Для оценки конкурентной валидности использовался опросник «Оценка принятия криптовалюты» (Mendoza-Tello, Mora, Puigol-López, Lytras, 2019). Конкурентная валидность (concurrent validity) – характеристика теста, отражающая его способность различать испытуемых на основании диагностического признака, являющегося объектом исследования в данной методике; измеряется корреляцией результатов данного теста с измерениями при помощи других тестов, предназначенных для измерения той же самой переменной (Пол Клайн, 1994). Данный опросник нацелен исключительно на отношение к криптовалюте и готовности ее использовать. Поскольку понятия государственных цифровых валют и криптовалют являются пересекающимися, то результаты по адаптируемой методике принятия цифрового рубля и методике оценки принятия криптовалюты должны коррелировать между собой.

Рассмотрим теоретические основания данного опросника более подробно. Опросник Mendoza-Tello et al. (2019) был основан на модели принятия технологии – Technology Acceptance Model (Davis, 1989). Модель принятия технологии основывается на предположении, что решение пользователя об использовании

определенных технологий зависит от воспринимаемой им простоты использования и удобства. Воспринимаемая простота использования отражает мнение пользователя о том, в какой степени использование технологии является простым и не требующим усилий. Как показано в работе Hardman et al. (2013), в процессе адаптации новой технологии именно простота использования является атрибутом, добавляющим ценность. Эта ценность в том числе проявляется в форме положительного эмоционального опыта, влияющего на поведение пользователей. Воспринимаемое удобство использования, в свою очередь, оценивает, насколько пользователь полагает, что использование технологии будет полезным и удобным для достижения своих целей. Эти два фактора являются ключевыми, влияющими на принятие технологии (Davis, 1989).

Однако с учетом того, что криптовалюта является относительно новой технологией, пользователи могут испытывать определенные опасения и риски, связанные с ее использованием (Mendoza-Tello et al., 2019). Новизна технологии может вызывать тревогу у пользователей, так как они могут не быть полностью знакомыми с ее функциональностью, возможностями и возможными негативными последствиями. Риски могут включать потерю средств, хакерские атаки, недостаточную защиту персональных данных и другие проблемы, связанные с безопасностью и конфиденциальностью. Включение переменной «воспринимаемый риск» в опросник позволяет оценить, как пользователи воспринимают и оценивают потенциальные риски, связанные с использованием криптовалюты. Концепт, тесно связанный с воспринимаемым риском – восприни-

маемое доверие пользователей, которое непосредственно определяет готовность воспользоваться технологией. Воспринимаемое доверие развивается на основе убеждений, ожиданий или ощущения относительно целостности, надежности (Lu et al., 2010), безопасности и конфиденциальности (Kim et al., 2011) криптовалют.

Таким образом, данная методика включает в себя следующие шкалы:

Воспринимаемое доверие ($\alpha = 0,82$);

Воспринимаемая простота использования ($\alpha = 0,87$);

Интенции к использованию ($\alpha = 0,91$);

Воспринимаемый риск ($\alpha = 0,81$);

Воспринимаемое удобство ($\alpha = 0,88$).

3. Методика оценки отношения личности к инновациям (Лебедева, Татарко, 2004) использовалась для оценки конвергентной валидности. Это социально-психологическая методика, позволяющая оценить позитивность установок личности на инновации и ориентацию личности на инновации в целом. Данная методика имеет хорошие психометрические характеристики (Лебедева, Татарко, 2004). Методика включает 3 субшкалы:

Креативность ($\alpha = 0,82$);

Риск ради успеха ($\alpha = 0,80$);

Ориентация на будущее ($\alpha = 0,74$).

Также после подсчета средних значений вычисляется общий индекс, характеризующий позитивность отношения личности к инновациям.

Этапы обработки данных

На первом этапе адаптации нами был осуществлен прямой и обратный перевод опросника с целью достижения эквивалентности между русской и английской версиями. На втором этапе при помощи конfirmаторного факторного анализа

нами оценивалась факторная структура адаптируемой методики, а также надежность-согласованность шкал методики. На третьем этапе мы оценивали конкурентную и конвергентную валидность методики.

Результаты

Первоначально при помощи специалистов, владеющих свободно английским языком, дважды был осуществлен прямой и обратный перевод утверждений методики. В процессе коррекции нам удалось добиться максимального сходства между переведенными обратно с русского языка на английский и оригинальными версиями пунктов опросника.

Далее был проведен конfirmаторный факторный анализ опросника. Исходный вариант методики включал 31 утверждение. Конfirmаторный факторный анализ показал, что факторные нагрузки всех утверждений в соответствующих факторах были высокими, однако остатки некоторых переменных (утверждений) коррелировали между собой. Поэтому, чтобы повысить показатели пригодности факторной модели, мы удалили ряд вопросов. Финальная версия модели со свободно коррелиирующими факторами представлена в табл. 1.

Показатели пригодности модели, представленной в табл. 1, следующие: $X^2 = 367,8$; $df = 149$; $X^2 / df = 2,5$; $CFI = 0,956$; $RMSEA = 0,07$; $TLI = 0,944$.

Соответственно, мы можем сказать, что построенная конечная модель обладает хорошими индексами пригодности. Далее мы подсчитали коэффициенты Альфа-Кронбаха для каждой из шкал. Ниже приводятся перечень шкал, средние значения и стандартные отклонения для каждой из шкал.

Таблица 1 / Table 1

**Итоговая факторная модель опросника
«Оценка принятия цифрового рубля» (ОПЦР)**
**Final factor model of the questionnaire “Assessment
of Digital Ruble Adoption” (ADRA)**

Название шкалы / Name of the scale	Утверждение / Statement	Станд. регресс. вес / St. regres- sion coefficient	R ²
Ожидания эффективности от использова- ния / Perceived usefulness	Использование цифрового рубля должно повы- сить мою личную продуктивность / Using the digital ruble should increase my personal produc- tivity	0,87	0,76
	Использование цифрового рубля должно позво- лить мне быстрее управлять моими финансо- выми трансакциями / Using the digital ruble should allow me to manage my financial transactions faster	0,92	0,84
	Использование цифрового рубля должно по- высить эффективность управления моими финансовыми трансакциями / Using the digital ruble should improve the efficiency of managing my financial transactions	0,88	0,78
Ожидания в отношении количество затраченных усилий / Effort expectancy	Мне необходимо иметь возможность быстро научиться пользоваться цифровым рублем / It is necessary for me to be able to quickly learn how to use the digital ruble	0,90	0,82
	Мне необходимо быстро стать умелым пользо- вателем цифрового рубля / It is necessary for me to easily become skillful at using the digital ruble	0,89	0,78
	Мне необходимо, чтобы я мог легко воспользо- ваться цифровым рублем в своих целях / It is necessary for me to easily use the digital ruble the way I want to use it	0,88	0,77
Условия для использова- ния / Facilitat- ing conditions	Использование цифрового рубля потребует получения мной новых знаний / Using the digital ruble will require that I acquire new knowledge	0,78	0,61
	Использование цифрового рубля потребует высо- кой совместимости с другими технологиями, кото- рые я использую / Using the digital ruble will require high compatibility with other technologies I use	0,74	0,55
	Использование цифрового рубля потребует возможности быстрого получения помощи от других / Using the digital ruble will require the ability to quickly get help from others	0,65	0,43

Название шкалы / Name of the scale	Утверждение / Statement	Станд. регресс. вес / St. regres- sion coefficient	R²
Социальное влияние / So- cial influence	Люди, которые важны для меня, должны посо- ветовать мне использовать цифровой рубль / People who are important to me should suggest that I use the digital ruble	0,92	0,85
	Люди, которые имеют на меня влияние, долж- ны посоветовать мне использовать цифровой рубль / People who influence my behaviour should suggest that I use the digital ruble	0,93	0,86
	Люди, чье мнение важно для меня, должны по- советовать мне использовать цифровой рубль / People whose opinions I value should suggest that I use the digital ruble	0,86	0,74
Доверие валют- ной системе / Trust in the cur- rency system	Я доверяю центральному банку больше, чем коммерческим банкам, при перечислении моей зарплаты в цифровых рублях / I trust the central bank more than a commercial bank to receive my salary in digital ruble	0,91	0,83
	Я доверяю центральному банку больше, чем ком- мерческому банку, в управлении моим цифровым кошельком / I trust the central bank more than a commercial bank to manage my digital wallet	0,93	0,86
	Я больше доверяю подконтрольной государству цифровой валютной системе по сравнению с неподконтрольной государству цифровой валютной системой / I trust a government- controlled digital currency system more than a non-government-controlled system	0,56	0,32
Поведенческие интенции / Behavioral intentions	Когда цифровой рубль станет доступным, я соби- раюсь постоянно его использовать / When digital ruble will be available, I intend to use it regularly	0,84	0,70
	Когда цифровой рубль станет доступным, я точно попробую им воспользоваться / When digital ruble will be available, I definitely plan to try it	0,84	0,71
Предпола- гаемое ис- пользование / Intended use	Я собираюсь использовать цифровой рубль для совершения покупок онлайн / I plan to use digi- tal ruble for online shopping	0,88	0,78
	Я собираюсь использовать цифровой рубль, что- бы осуществлять переводы друзьям/родствен- никам и т.д. / I plan to use digital ruble to perform peer-to-peer cash-like transactions	0,91	0,82

Название шкалы / Name of the scale	Утверждение / Statement	Станд. регресс. вес / St. regression coefficient	R ²
	Я собираюсь использовать цифровой рубль, чтобы получать оплату за услуги помимо моей основной работы / I plan to use digital ruble to be paid for tasks other than my day job	0,82	0,68

Таблица 2 / Table 2
**Надежность-согласованность и описательные статистики шкал опросника
 «Оценка принятия цифрового рубля» (ОПЦР)**
**Reliability-consistency and descriptive statistics of the scales of the questionnaire
 “Assessment of Digital Ruble Adoption” (ADRA)**

Название шкалы / Name of the scale	α	M	σ
Ожидания эффективности от использования / Perceived usefulness	0,918	4,12	0,97
Ожидания в отношении количества затраченных усилий / Effort expectancy	0,919	3,77	0,96
Условия для использования / Facilitating conditions	0,766	3,90	0,95
Социальное влияние / Social influence	0,930	3,72	0,81
Доверие валютной системе / Trust in the currency system	0,827	2,94	1,05
Поведенческие интенции / Behavioral intentions	0,830	3,33	0,92
Предполагаемое использование / Intended use	0,900	3,56	0,91

Как можно видеть в табл. 2, все шкалы методики имеют высокие значения надежности-согласованности.

Далее мы оценили корреляционные связи методик «Оценка принятия цифрового рубля» и «Оценка принятия криптовалюты». Оценка взаимосвязей между методиками выполнена с целью выявления конкурентной валидности. Цифровой рубль относится к разновидности криптовалют, поэтому если респонденты позитивно относятся к криптовалюте, то они будут позитивно относиться и к цифровому рублю и принимать его. Следовательно, близкие по сути шкалы этих двух методик должны быть связаны между собой.

Результаты корреляционного анализа методик «Оценка принятия цифрово-

го рубля» и «Оценка принятия криптовалюты» приводятся в табл. 3.

В табл. 3 видно, что большинство шкал двух рассматриваемых методик статистически значимо связаны между собой. В частности, можно видеть, что шкалы, оценивающие психологическую готовность к использованию цифрового рубля и криптовалюты — «Предполагаемое использование» и «Интенции к использованию», имеют высокую корреляционную связь между собой. В целом шкалы обеих методик во многом коррелируют между собой и все корреляции позитивные, отрицательных корреляций нет.

Для оценки конвергентной валидности методики оценки принятия

Таблица 3 / Table 3

**Интеркорреляция шкал методик «Оценка принятия цифрового рубля»
 и «Оценка принятия криптовалюты»**

Intercorrelation of the scales of the methodologies “Assessment of Digital Ruble Adoption” and “Assessment of Cryptocurrency Adoption”

Принятие цифрового рубля / Digital ruble adoption	Принятие криптовалюты / Cryptocurrency adoption	Воспринимаемое доверие / Perceived trust	Воспринимаемая простота использования / Perceived ease of use	Интенции к использованию / Intention to use	Воспринимаемый риск / Perceived risk	Воспринимаемое удобство / Perceived usefulness
Ожидания эффективности от использования / Perceived usefullness	Rs	0,441***	0,317***	0,390***	-0,005	0,401***
Ожидания в отношении количества затраченных усилий / Effort expectancy	Rs	0,252***	0,210***	0,222***	0,095	0,270***
Условия для использования / Facilitating conditions	Rs	0,337***	0,191***	0,253***	0,221***	0,252***
Социальное влияние / Social influence	Rs	0,294***	0,265***	0,319***	0,069	0,249***
Доверие валютной системе / Trust in the currency system	Rs	0,442***	0,273***	0,335***	0,079	0,340***
Поведенческие интенции / Behavioral intentions	Rs	0,354***	0,353***	0,459***	0,039	0,458***
Предполагаемое использование / Intended use	Rs	0,441***	0,341***	0,503***	-0,006	0,465***

Примечание: * – $p < 0,05$, ** – $p < 0,01$, *** – $p < 0,001$.

цифрового рубля мы оценили связи между шкалами данной методики и показателем методики «Отношение к инновациям».

Цифровой рубль является инновацией, соответственно, ориентация на его использование будет говорить о том, что индивид позитивно относится к инновациям. Следовательно, шкалы методики «Оценка принятия цифрового рубля» должны коррелировать с итоговым значением шкалы оценки

отношения к инновациям. Как можно видеть в табл. 4, все шкалы методики «Оценка принятия цифрового рубля» позитивно и статистически значимо коррелируют с показателем методики отношения к инновациям, который характеризует положительное отношение личности к инновациям. Соответственно, мы можем сказать, что адаптированная методика оценки принятия цифрового рубля обладает также конвергентной валидностью.

Таблица 4 / Table 4

**Связи между шкалами методики «Оценка принятия цифрового рубля» и
 показателем методики «Отношение к инновациям»**
**Relationships between the scales of the methodology “Assessment of Digital Ruble
 Adoption” and the indicators of the methodology “Attitude towards Innovations”**

Принятие цифрового рубля / Digital ruble adoption		Отношение к инновациям / Attitude towards innovations
Ожидания эффективности от использования / Perceived usefulness	Rs	0,194**
Ожидания в отношении количества затраченных усилий / Effort expectancy	Rs	0,198**
Условия для использования / Facilitating conditions	Rs	0,194**
Социальное влияние / Social influence	Rs	0,135*
Доверие валютной системе / Trust in the currency system	Rs	0,134*
Поведенческие интенции / Behavioral intentions	Rs	0,235**
Предполагаемое использование / Intended use	Rs	0,234**

Примечание: * – $p < 0,05$, ** – $p < 0,01$, *** – $p < 0,001$.

Обсуждение результатов исследования

Настоящая работа является методической, поэтому ее результатом и, собственно, научным приращением является адаптированная авторами методика ОПЦР (Оценка принятия цифрового рубля). Рассмотрим основные этапы проведенной работы и их итоги.

Был осуществлен прямой перевод на русский язык и обратный перевод на английский язык адаптируемой методики. После обратного перевода в формулировки вопросов были внесены изменения. Далее был проведен опрос, и мы при помощи моделирования структурными уравнениями оценили структурную валидность данной методики. Для достижения приемлемых показателей структурной модели часть вопросов из адаптируемой методики пришлось удалить. Далее мы оценили надежность-

согласованность шкал методики при помощи вычисления коэффициента Альфа-Кронбаха. Надежность-согласованность всех шкал получилась достаточно высокой. На следующем шаге мы оценили связи шкал методик ОПЦР и «Принятие криптовалюты». Корреляционный анализ позволил показать, что результаты по этим двум методикам связаны между собой, что говорит о хорошей конкурентной валидности адаптированной нами методики.

На последнем шаге анализа для оценки конвергентной валидности адаптированной нами методики ОПЦР мы оценили связь всех ее шкал с итоговым индексом по методике «Отношение к инновациям». Все шкалы методики ОПЦР оказались позитивно связанными с индексом, характеризующим позитивное отношение личности к инновациям, что говорит о конвергентной валидности

адаптированной нами методики оценки принятия цифрового рубля.

Таким образом, мы успешно модифицировали и адаптировали на русском языке методику «Оценка принятия цифрового рубля» и показали ее структурную, конкурентную и конвергентную валидность, а также надежность-согласованность. Итоговый вариант адаптированной методики с ключами находится в Приложении А.

Заключение

Новая цифровая реальность требует от социальных психологов активного включения в ее изучение, в том числе и разработки нового инструментария. Настоящая работа является одним из шагов

в этом направлении. Криптовалюты были чем-то малопонятным и вызывающим недоверие у людей еще буквально пять лет назад. Теперь же они становятся платежным средством, дорожают по сравнению с фиатными деньгами, в то время как фиатные деньги подвержены инфляции. Более того, центральные банки различных стран, в том числе и России, приступили к эмиссии цифровых денег. В этой связи исследования того, как люди будут воспринимать цифровые валюты, какие психологические факторы будут влиять на это восприятие, являются чрезвычайно важными. Адаптированная авторами методика является надежной и валидной и может использоваться как в исследовательских, так и в прикладных целях.

Список источников / References

1. Клайн, П. (1994). *Справочное руководство по конструированию тестов*. Киев. 1994.
Klajn, P. *A reference guide to test construction*. Kiev, 1994. (In Russ.).
2. Лебедева, Н.М., Татарко, А.Н. (2009). Методика исследования отношения личности к инновациям. *Альманах современной науки и образования*, 4(2), 89–96.
Lebedeva, N.M., Tatarko, A.N. (2009). Methodology of research of personality's attitude to innovations. *Almanac of Modern Science and Education*, 4(2), 89–96. (In Russ.).
3. Цифровой рубль | Банк России. <https://cbr.ru/fintech/dr/> (дата обращения: 02.11.2024).
Digital ruble | Bank of Russia. (n.d.). <https://cbr.ru/fintech/dr/> (viewed: 02.11.2024). (In Russ.).
4. Davis, F.D. (1989). Perceived usefulness, perceived ease of use, and user acceptance of information technology. *Management Information Systems Quarterly*, 13(3), 319–340. <https://doi.org/10.2307/249008>
5. Egea, J.M.O., González, M.V.R. (2011). Explaining physicians' acceptance of EHCR systems: An extension of TAM with trust and risk factors. *Computers in Human Behavior*, 27(1), 319–332. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2010.08.010>
6. Gefen, D., Straub, D.W. Consumer trust in B2C e-Commerce and the importance of social presence: experiments in e-Products and e-Services. *Omega*, 32(6), 407–424. <https://doi.org/10.1016/j.omega.2004.01.006>
7. Hardman, S., Steinberger-Wilckens, R., Van Der Horst, D. (2013). Disruptive innovations: The case for hydrogen fuel cells and battery electric vehicles. *International Journal of Hydrogen Energy*, 38(35), 15438–15451. <https://doi.org/10.1016/j.ijhydene.2013.09.088>
8. Kim, M., Chung, N., Lee, C. (2011). The effect of perceived trust on electronic commerce: Shopping online for tourism products and services in South Korea. *Tourism Management*, 32(2), 256–265. <https://doi.org/10.1016/j.tourman.2010.01.011>

9. Lu, Y., Zhao, L., Wang, B. (2010). From virtual community members to C2C e-commerce buyers: Trust in virtual communities and its effect on consumers' purchase intention. *Electronic Commerce Research and Applications*, 9(4), 346–360. <https://doi.org/10.1016/j.elerap.2009.07.00>
10. Luhmann, N. (1979). Trust and Power. Wiley & Sons, New York.
11. Mancini-Griffoli, T.M., Peria, M.M., Agur, I., Ari, A., Kiff, J., Popescu, A., Rochon, C. (2018). Casting light on central bank digital currencies. *IMF Staff Discussion Note*, 18(8), 38. <https://doi.org/10.5089/9781484384572.006>
12. Meaning, J., Dyson, B., Barker, J., Clayton, E. (2018). Broadening Narrow Money: Monetary Policy with a Central Bank Digital Currency. *Bank of England Working Paper*, 724. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3180720>
13. Mendoza-Tello, J.C., Mora, H., Pujol-López, F.A., Lytras, M.D. (2019). Disruptive innovation of cryptocurrencies in consumer acceptance and trust. *Information Systems and E-business Management*, 17, 195–222. <https://doi.org/10.1007/s10257-019-00415-w>
14. Nejad, M.G. (2016). Research on Financial Services Innovations: A Quantitative review and Future Research Directions. *International Journal of Bank Marketing*, 34(7), 1042–1068.
15. Slade, E.L., Dwivedi, Y.K., Piercy, N.C., Williams, M.D. (2015). Modeling Consumers' Adoption Intentions of Remote Mobile Payments in the United Kingdom: Extending UTAUT with Innovativeness, Risk, and Trust. *Psychology & Marketing*, 32(8), 860–873. <https://doi.org/10.1002/mar.20823>
16. Söilen, K.S., Benhayoun, L. (2021). Household acceptance of central bank digital currency: the role of institutional trust. *International Journal of Bank Marketing*, 40(1), 172–196. <https://doi.org/10.1108/ijbm-04-2021-0156>

Приложение / Appendix

Приложение А

Методика оценки принятия цифрового рубля

Appendix A

Methodology for Assessing Digital Ruble Adoption

Сейчас Вам будет представлено несколько утверждений, касающихся использования цифрового рубля. Пожалуйста, прочитайте их и отметьте, насколько Вы с ними согласны. При ответах используйте следующую 5-балльную шкалу: 1 – абсолютно не согласен, 2 – не согласен, 3 – не знаю/не уверен, 4 – согласен, 5 – абсолютно согласен.

1. Использование цифрового рубля должно повысить мою личную продуктивность (например, благодаря сэкономленному времени)	1	2	3	4	5
2. Использование цифрового рубля должно позволить мне быстрее управлять моими финансовыми трансакциями	1	2	3	4	5
3. Использование цифрового рубля должно повысить эффективность управления моими финансовыми трансакциями	1	2	3	4	5
4. Мне необходимо иметь возможность быстро научиться пользоваться цифровым рублем	1	2	3	4	5
5. Мне необходимо быстро стать умелым пользователем цифрового рубля	1	2	3	4	5

6. Мне необходимо, чтобы я мог легко воспользоваться цифровым рублем в своих целях	1	2	3	4	5
7. Использование цифрового рубля потребует получения мной новых знаний	1	2	3	4	5
8. Использование цифрового рубля потребует высокой совместимости с другими технологиями, которые я использую	1	2	3	4	5
9. Использование цифрового рубля потребует возможности быстрого получения помощи от других (службы поддержки, компетентных знакомых) в случае, если возникнут трудности с его использованием	1	2	3	4	5
10. Люди, которые важны для меня, должны посоветовать мне использовать цифровой рубль	1	2	3	4	5
11. Люди, которые имеют на меня влияние, должны посоветовать мне использовать цифровой рубль	1	2	3	4	5
12. Люди, чье мнение важно для меня, должны посоветовать мне использовать цифровой рубль	1	2	3	4	5
13. Я доверяю центральному банку больше, чем коммерческим банкам, при перечислении моей зарплаты в цифровых рублях	1	2	3	4	5
14. Я доверяю центральному банку больше, чем коммерческому банку, в управлении моим цифровым кошельком	1	2	3	4	5
15. Я больше доверяю подконтрольной государству цифровой валютной системе по сравнению с неподконтрольной государству цифровой валютной системой (пример неподконтрольной системы – Биткоин)	1	2	3	4	5
16. Когда цифровой рубль станет доступным, я собираюсь постоянно его использовать	1	2	3	4	5
17. Когда цифровой рубль станет доступным, я точно попробую им воспользоваться	1	2	3	4	5
18. Я собираюсь использовать цифровой рубль для совершения покупок онлайн	1	2	3	4	5
19. Я собираюсь использовать цифровой рубль, чтобы осуществлять переводы друзьям/родственникам и т.д.	1	2	3	4	5
20. Я собираюсь использовать цифровой рубль, чтобы получать оплату за услуги помимо моей основной работы	1	2	3	4	5

При обработке данных подсчитываются средние значения по каждой из семи шкал в соответствии с ключами. Все вопросы прямые.

Ключи:

1. Ожидания в части эффективного использования (1, 2, 3).
2. Ожидания в отношении трудозатратности/количества затраченных усилий (4, 5, 6).
3. Условия для использования (7, 8, 9).
4. Социальное влияние (10, 11, 12).
5. Доверие валютной системе (13, 14, 15).
6. Поведенческие интенции (16, 17).
7. Предполагаемое использование (18, 19, 20).

Информация об авторах

Александр Николаевич Татарко, доктор психологических наук, директор Центра социокультурных исследований, профессор факультета социальных наук департамента психологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7557-9107>, e-mail: tatarko@yandex.ru

Гермоген Ярославович Родионов, кандидат психологических наук, младший научный сотрудник Центра социокультурных исследований, старший преподаватель факультета социальных наук департамента психологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1113-1810>, e-mail: germogen93@mail.ru

Ксения Игоревна Николаева, выпускник факультета социальных наук департамента психологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-7649-6745>, e-mail: kseniia.nikolaeva@outlook.com

Information about the authors

Alexander N. Tatarko, Doctor of Sciences (Psychology), Director of the Center for Sociocultural Research, Professor, Faculty of Social Sciences, Department of Psychology, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7557-9107>, e-mail: tatarko@yandex.ru

Germogen Ya. Rodionov, Candidate of Science (Psychology), Junior Research Fellow, Center for Sociocultural Research, Senior Lecturer, Faculty of Social Sciences, Department of Psychology, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1113-1810>, e-mail: germogen93@mail.ru

Ksenia I. Nikolaeva, Graduate Student, Faculty of Social Sciences, Department of Psychology, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-7649-6745>, e-mail: kseniia.nikolaeva@outlook.com

Вклад авторов

Татарко А.Н. — разработка концепции исследования; планирование его дизайна; общее руководство реализацией проекта; научное редактирование текста.

Родионов Г.Я. — организация и проведение эксперимента; сбор, обработка и анализ эмпирических данных; применение статистических и математических методов; визуализация результатов.

Николаева К.И. — перевод опросников с английского на русский и с русского на английский; написание введения; оформление и структурирование текста.

Contribution of the authors

Alexander N. Tatarko — development of the research concept; study design planning; overall supervision of the project implementation; academic editing of the manuscript.

Germogen Ya. Rodionov — organization and conduct of the experiment; data collection, processing, and analysis; application of statistical and mathematical methods; visualization of research findings.

Татарко А.Н., Родионов Г.Я., Николаева К.И. (2025) Разработка методики «Оценка принятия цифрового рубля» (ОПЦР). Социальная психология и общество, 16(3), 164–182.

Tatarko A.N., Rodionov G.Ya., Nikolaeva K.I. (2025) Development of a methodology for assessing the adoption of the digital ruble. Social Psychology and Society, 16(3), 164–182.

Ksenia I. Nikolaeva – translation of questionnaires from English to Russian and vice versa; writing of the introduction; formatting and structuring of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Декларация об этике

Письменное информированное согласие на участие в этом исследовании было предоставлено респондентами (или законными опекунами / ближайшими родственниками участника).

Ethics statement

Written informed consent for participation in this study was obtained from the participants (or legal guardians / next of kin of the participants)

Поступила в редакцию 09.08.2024

Received 2024.08.09

Поступила после рецензирования 21.12.2024

Revised 2024.12.21

Принята к публикации 20.09.2025

Accepted 2025.09.20

Опубликована 30.09.2025

Published 2025.09.30

Научная статья | Original paper

Разработка, валидизация и стандартизация опросника «Уровень и виды дезадаптивной подчиняемости личности в виртуальной среде»

Т.В. Белых¹ , Е.Б. Князев^{1,2}, А.А. Шаров¹, В.В. Белых¹

¹ Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Саратов, Российская Федерация

² Саратовский государственный медицинский университет имени В.И. Разумовского, Саратов, Российская Федерация

 tvbelih@mail.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Подчиняемость личности в виртуальной среде может быть дезадаптивной и проявляться как один из видов цифровой девиации. В настоящее время отсутствует диагностический инструментарий, с помощью которого можно изучать уровень сформированности дезадаптивной подчиняемости в условиях интернет-взаимодействия и ее виды.

Цель. Разработка, проверка на надежность, валидизация и стандартизация опросника, который позволяет выявить уровень выраженности и виды дезадаптивной подчиняемости личности в условиях виртуального межличностного взаимодействия.

Дизайн исследования. Проведены анонимное анкетирование респондентов с применением Google Forms для выявления конвергентной валидности, изучения внутренней согласованности всех шкал опросника, а также опрос группы экспертов в очной форме для проверки содержательной валидности. Исследование было проведено с декабря 2024 по февраль 2025 года.

Участники. Общая выборка исследования составила 550 человек, студентов и ordinatоров вузов из Саратова, Москвы, Краснодара, Ставрополя, Грозного, среди них девушек – 405 (74%) и юношей – 145 (26%). Средний возраст респондентов составил 24 ± 5 года.

Методы (инструменты). «Шкала генерализованного доверия» Т. Ямагиши (T. Yamagishi) в адаптации Е.А. Власенко, тест межличностных отношений (ДМО) в модификации Л.Н. Собчик, «Модифицированная шкала социального доверия (ШСД)» в адаптации И.Ю. Леоновой, И.Н. Леонова. Для обработки и анализа данных были использованы эксплораторный и конфирматорный факторные анализы, коэффициент альфа Кронбаха, корреляционный анализ (Спирмена). Анализ данных выполнен при помощи языка программирования R (v.4.3.3) в среде RStudio.

Результаты. Подтверждена трехфакторная структура опросника $GFI = 0,93$, $AGFI = 0,90$, $TLI = 0,96$, $CFI = 0,97$, $SRMR = 0,04$, $RMSEA = 0,04$. Доказана содержательная и конвергентная валидность опросника. Выявлена хорошая (а Кронбаха 0,77–0,89) согласованность по трем шкалам и приемлемая согласованность для интегративной шкалы опросника (а Кронбаха = 0,68).

© Белых Т.В., Князев Е.Б., Шаров А.А., Белых В.В., 2025

CC BY-NC

Выводы. В результате эксплораторного факторного анализа выявлена трехфакторная структура опросника, которая была подтверждена конфирматорным факторным анализом. Доказана инвариантная структура опросника по половому признаку. Осуществлена стандартизация шкал опросника. Разработанный опросник позволяет впервые осуществлять диагностику наличия дезадаптивной подчиняемости личности в виртуальной среде, определять уровень ее выраженности и виды.

Ключевые слова: дезадаптивная подчиняемость, виртуальная среда, конформность, импульсивность, тревожность, отзывчивость, доверие

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00368 «Дезадаптивная подчиняемость молодежи в виртуальной среде: предикторы, уровни, типы, психологические условия профилактики», <https://grant.rscf.ru/site/user/forms?rid=00000000000010437779-1>.

Дополнительные данные. Наборы данных доступны по адресу: <https://doi.org/10.48612/MSUPE/gb8gx3z8-x23b>.

Для цитаты: Белых, Т.В., Князев, Е.Б., Шаров, А.А., Белых, В.В. (2025). Разработка, валидизация и стандартизация опросника «Уровень и виды дезадаптивной подчиняемости личности в виртуальной среде». *Социальная психология и общество*, 16(3), 183–204. <https://doi.org/10.17759/sps.2025160310>

Development, validation and standardization of the questionnaire “The degree and type of one’s maladaptive subordination in a virtual environment”

T.V. Belykh¹✉, E.B. Knyazev^{1,2}, A.A. Sharov¹, V.V. Belykh¹

¹ Saratov State University, Saratov, Russian Federation

² Saratov State Medical University, Saratov, Russian Federation

✉ tvbelih@mail.ru

Abstract

Context and relevance. In the context of the virtual environment, subordination can be maladaptive and manifest itself as a form of digital deviation. Currently, there is a paucity of diagnostic tools with which to study the level of maladaptive subordination that develops in the context of Internet interaction, and moreover, the types of such subordination.

Objective. Development, reliability testing, validation and standardization of the questionnaire, which allows to reveal the degree of and type of one’s maladaptive subordination in conditions of virtual interpersonal interaction.

Research design. An anonymous questionnaire was administered to respondents using Google Forms with the objective of identifying convergent validity, examining the internal consistency of all scales in the questionnaire, and conducting personal interviews with a panel of experts to test content validity. The study was conducted from December 2024 to February 2025.

Participants. A total of 550 subjects were included in the study, comprising students and residents of universities in Saratov, Moscow, Krasnodar, Stavropol, and Grozny. The sample included 405 (74%) female and 145 (26%) male subjects. The average age of the respondents was 24 ± 5 years.

Methods (tools). General Trust Scale of T. Yamagishi in the adaptation of E.A. Vlasenko, the Interpersonal Diagnosis of Personality in modification of L.N. Sobchik, the modified Scale of Social Trust in adaptation of I.Y. Leonova, I.N. Leonov. Exploratory and confirmatory factor analysis, Cronbach's alpha coefficient, correlation analysis (Spearman) were used to process and analyze the data. Data analysis was performed using the R programming language (v.4.3.3) in the RStudio environment.

Results. The three-factor structure of the questionnaire GFI = 0,93, AGFI = 0,90, TLI = 0,96, CFI = 0,96, SRMR = 0,04ы, RMSEA = 0,04 was confirmed. The content and convergent validity of the questionnaire was proved. Good (α Kronbach 0,77–0,89) consistency across the three scales and acceptable consistency for the integrative scale of the questionnaire (Kronbach = 0,68) were found.

Conclusions. Exploratory factor analysis identified a 3-factor structure of the questionnaire, validated through confirmatory factor analysis. This analysis also demonstrated the questionnaire's gender invariance. Standardisation of the questionnaire's rating scales was undertaken. The questionnaire is a pioneering tool for diagnosing one's maladaptive subordination in virtual environments, its degree and type.

Keywords: maladaptive subordination, virtual environment, conformity, impulsivity, anxiety, responsiveness, trust

Funding. The reported study was funded by Russian Science Foundation, grant № 25-28-00368 “Maladaptive subordination of youth in virtual environment: predictors, levels, types, psychological conditions of prevention”, <https://grant.rscf.ru/site/user/forms?rid=00000000000010437779-1>.

Supplemental data. Datasets available from <https://doi.org/10.48612/MSUPE/gb8r-x3z8-x23b>.

For citation: Belykh, T.V., Knyazev, E.B., Sharov, A.A., Belykh, V.V. (2025). Development, validation and standardization of the questionnaire “The degree and type of one’s maladaptive subordination in a virtual environment”. *Social Psychology and Society*, 16(3), 183–204. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2025160310>

Введение

Включенность личности в виртуальное взаимодействие имеет как позитивные, так и негативные эффекты. Молодое поколение находится в условиях перманентного освоения и использования новейших средств инфокоммуникации, дистанционного обучения и осуществления профессиональной деятельности в виртуальной среде. При этом подверженность личности негативному информационно-психологическому воздействию связана с возрастающим темпом цифровизации общественных отношений и неспособностью личности своевременно адаптироваться к нему, степенью включенности личности в

виртуальное взаимодействие, которое может приводить к различного рода цифровым аддикциям, социальной, возрастной и психологической предрасположенности личности к проблемному использованию интернета. Подчиняемость личности рассматривается как результат социального влияния (Milgram, 1974, Крысько, 2003, Colman, 2015, Зимбардо, Ляйппе, 2011), а также как необходимое условие социального взаимодействия (Milgram, 1974). Вслед за известными авторами подчиняемость мы понимаем как готовность (способность) личности выполнять указания воспринимаемого авторитета, даже если они противоречат ее убеждениям или

моральными нормами (Milgram, 1974; Зимбардо, Ляйппе, 2011). Адаптивной подчиняемость может быть, когда личность проявляет низкий или умеренный уровень подчиняемости, сохраняет способность к рефлексии собственных действий при оказании влияния авторитета и способность к самоконтролю эмоций. При этом высокий или экстремальный уровень подчиняемости, а также низкая способность к саморегуляции эмоций при оказании влияния авторитета и безусловное доверие к нему — индикаторы проявления дезадаптивной подчиняемости в условиях контактного взаимодействия (Князев, 2018). Полагаем, что дезадаптивная подчиняемость в виртуальной среде — это готовность личности изменить свое поведение в условиях интернет-коммуникаций в соответствии с указаниями воспринимаемого авторитета (в том числе группы людей, воспринимаемых личностью как обладающих властью), даже если это не обусловлено рациональной необходимостью и противоречит ее собственным мотивам и моральным принципам, приводя к негативным последствиям для себя или других людей. При этом личность может руководствоваться установками (принципами), усиливающими подверженность манипуляциям. К таким установкам относят: принцип взаимности (Reciprocity), когда люди чувствуют себя обязанными отвечать на внимание, проявленное к ним; принцип дефицита (Scarcity), когда ограниченность ресурса или времени усиливает желание подчиниться предложению; принцип авторитета (Authority), склонность к подчинению явному или мнимому авторитету; принцип последовательности (Commitment & Consistency), проявляющийся в стремлении быть последователь-

ным в своих словах и действиях; принцип симпатии (Liking), когда подчиняются тем, кто нравится, и принцип социального доказательства (Social Proof), когда люди ориентируются на поведение других в неопределенных ситуациях (Чалдини, 2012). Таким образом, дезадаптивная подчиняемость может возникать при сочетании внешнего давления и сформированных установок (например, диффузии ответственности или веры в «легитимность» авторитета и т.д.), что приводит к деструктивным действиям, которые личность в иных условиях не совершила бы, однако совершает, попав под действие сформированных установок, описанных выше.

При разработке опросника использовались описания ситуаций (кейсов), которые отражают наличие высокого уровня подчинения (согласия) с доводами виртуального партнера по общению и привели к реализации финансовых мошеннических или асоциальных действий, вопреки собственным мотивам поведения и моральным нормам человека, совершившего их. Анализ кейсов показал актуализацию таких установок к дезадаптивному подчинению, как: вера в чудо, вера во всемогущество интернета и возможность быстрого обогащения, чрезмерная отзывчивость и доверие «легитимному» авторитету, мнительность, страх за свое здоровье и склонность к импульсивным действиям, что согласуется с механизмами (принципами) подчинения, которые заставляют людей соглашаться или поддаваться манипуляциям, и говорит о возможной вариативности сочетания установок в реальных условиях общения, в том числе виртуального взаимодействия, что служит основанием предположить неоднородность феноме-

на дезадаптивного подчинения и наличия его видов.

Социальное влияние, приводящее к подчинению, может осуществляться в виде информационно-психологического воздействия на личность или группу людей, в том числе в форме манипулирования с корыстными, асоциальными, экстремистскими целями, что приводит к различным деструктивным психологическим и социально-психологическим эффектам (Доценко, 1997; Грачев, 2002; Манойло, 2003; Кабаченко, 2000; Шейнов, 2010; Фарина, 2010). Одним из таких эффектов являются цифровые девиации, к которым дезадаптивная подчиняемость личности в виртуальной среде может быть отнесена, так как соответствует особенностям цифрового девиантного поведения (Костоломова, 2020). Манипулирование личностью в интернете как форма социального влияния является предметом исследования не так давно. Эта проблема изучалась в контексте обеспечения психологической безопасности субъектов образовательной деятельности, в том числе дистанционно-организованной (Ошурков, Макашова, Цуприк, 2014; Баранов, 2017), формирования политического сознания молодежи (Турчановский, 2014; Киняшева, 2018), противодействия киберэкстремизму (Курзаева, Чусавитина, 2014), противодействия мошенническим действиям (Моисеева, 2022; Филиппов, 2021; Завьялов, 2022; Кулagina, Чижко, 2024), изучения различных аспектов деструктивного информационного (Урсу, 2012; Саркисян, Булгаков, 2023) и информационно-психологического влияния Сети (Лазарева, 2021). Проблема изучения подчиняемости личности в

виртуальной среде изучается в контексте самоидентификации личности в условиях интернет-коммуникации (Солдатова, Погорелова, 2018), проблемного использования интернета (Холмогорова, Герасимова, 2019), исследования самопрезентации в Сети (Трифонова, 2020).

В современных исследованиях выявлено, что при оценке как Я-реального, так и Я-виртуального у молодежи обнаруживается противоречивая тенденция, проявляющаяся в одновременном сосуществовании эгоистических черт, склонности к соперничеству и склонности к подчинению сильному лидеру (Ельшаева, Савченко, 2024), что говорит о возможном внутриличностном конфликте в структуре образа «Я» (по Т. Лири) у участников виртуального взаимодействия. Поэтому конвергентная и дискриминантная валидность опросника может быть проверена при наличии одновременных положительных связей шкал опросника с противоположными октантами методики ДМО теста Т. Лири, а дискриминативная валидность — при наличии отрицательной связи с социальным доверием и институциональным доверием. При этом выделение видов дезадаптивной подчиняемости должно быть проведено на основе факторизации гипотетических причин (актуализированных установок) совершившихся актов дезадаптивного подчинения личности в виртуальной среде. Некоторые установки при организации финансовых мошеннических схем описаны в современной литературе (Зверев, Мишина, Новиков, 2021). Подчинение в нарративах преодоления сложных ситуаций у молодежи может быть продуктивным и непродуктивным, а также осуществляться в осознанной и неотрефлексированной

формах (Радина, Поршнев, 2021). Это может служить еще одним аргументом в пользу выделения, наряду с адаптивной, дезадаптивной подчиняемости личности в виртуальной среде, особенно при возникновении сложных жизненных ситуаций, требующих принятия значимых для личности решений (например, распоряжение большими денежными средствами), которая может характеризоваться своей непродуктивностью и низкой степенью рефлексии происходящего. В настоящее время существуют методы, позволяющие изучать цифровые девиации: «Методика оценки девиантной активности в реальной и виртуальной среде» (Шаров, 2019), методика проблемного использования интернета (Герасимова, Холмогорова, 2018). Но диагностического инструментария, позволяющего выявить уровень и виды дезадаптивной подчиняемости личности в виртуальной среде, на сегодняшний день не существует.

Целью проведенного исследования является разработка, валидизация, проверка на надежность и стандартизация опросника, позволяющего выявить уровень выраженности и виды дезадаптивной подчиняемости личности в виртуальной среде.

Материалы и методы

В исследовании приняли участие 550 респондентов (студенты и ординаторы разных вузов из Саратова, Москвы, Краснодара, Ставрополя, Грозного). Среди них девушек – 405 (74%) и юношей – 145 (26%). Средний возраст респондентов составил 24 ± 5 года.

Вся выборка разделена случайным образом на две части по 275 респондентов в каждой для проведения эксплора-

торного факторного анализа (ЭФА) и конfirmаторного факторного анализа (КФА). Соотношение респондентов по полу и возрасту сохранено. Внутренняя согласованность шкал проверялась на всей выборке, как и конвергентная и дивергентная валидность.

Данные обрабатывались на языке R (v. 4.3.3) в среде RStudio. Внутренняя структура методики выявлялась при помощи ЭФА с вращением факторов promax, методом максимального правдоподобия (пакет «psych»). КФА проводился робастным методом максимального правдоподобия (MLR) функциями пакета «lavaan». Рисунок модели создавался при помощи функций пакета «semPlot». Сравнение моделей КФА проводилось тестом различий χ^2 по методу Саторра-Бентлер (Satorra, Bentler, 2001) (пакет «semTools»).

При оценке качества модели КФА учитывались индикаторы: среднеквадратичная погрешность аппроксимации или RMSEA (менее 0,08), сравнительный индекс соответствия или CFI (выше 0,92), индекс Такера-Льюиса или TLI, стандартизованный корень среднеквадратичного остатка или SRMR (менее 0,08), а также отношение хи-квадрата к количеству степеней свободы модели (менее 3) (Gatignon, 2010; Kline, 2016; Byrne, 2011; Hu, Bentler, 1999). Оценка качественных характеристик модели при помощи бутстрэпа проводилась непараметрическим методом, средствами пакета «lavaan». Для проверки внутренней согласованности методики применялись альфа Кронбаха и омега МакДональда (пакет «psych»). Корреляционный анализ (пакет «correlation») проводился методом Спирмена с коррекцией p -value по ме-

тоду Хоммеля (Hommel, 1988). Для проверки конвергентной валидности применялись следующие методики: «Шкала генерализованного доверия» Т. Ямагиши (T. Yamagishi) в адаптации Е.А. Власенко, тест межличностных отношений (ДМО) в модификации Л.Н. Собчик, «Модифицированная шкала социального доверия (ШСД)» в адаптации И.Ю. Леоновой, И.Н. Леонова.

Результаты

На основании анализа кейсов дезадаптивного подчинения в киберпространстве авторами были составлены 39 утверждений, касающиеся причин подобного поведения. В ходе обсуждений и дискуссий авторов количество утверждений для опросника сократилось до 28, так как из списка были удалены утверждения с неоднозначными формулировками или дублирующие друг друга. Предложенные 28 утверждений отражают существование следующих установок к дезадаптивному подчинению: вера в чудо, вера во всемогущество интернета, страх упущененной выгоды, страх потери здоровья, потребность в принятии группой, вера в безопасность интернет-взаимодействия, желание повысить свою значимость, любопытство, импульсивность (необдуманность действий) (Приложение В, табл. В1).

Анализ внутренней согласованности всей шкалы из 28 пунктов показывает ее высокий уровень ($\alpha = 0,92$, $\omega = 0,92$), а описательные статистики демонстрируют сбалансированный характер распределения баллов ($M = 14,50$, $SD = 8,23$, $Med = 14,50$, $Min = 1$, $Max = 28$). В Приложении В представлены описательные характеристики каждого утверждения и

их коэффициенты корреляции с суммой баллов по каждому утверждению.

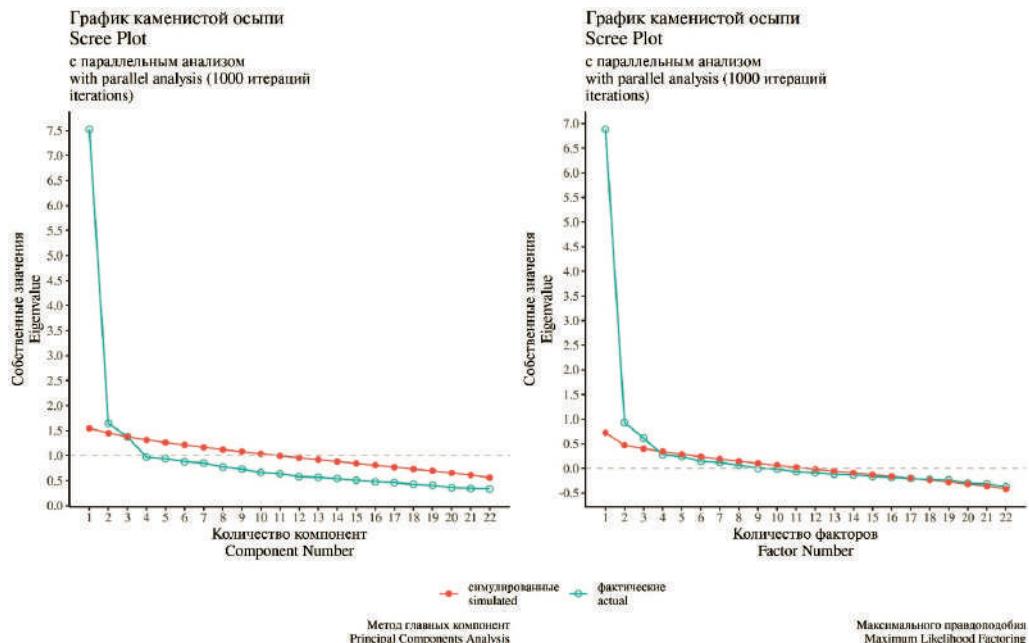
Из Приложения В (табл. В2) видно, что многие утверждения имеют средний уровень асимметрии, который лежит в пределах 0,5–1. При этом два пункта (№ 5 и № 12) имеют высокую асимметрию (>1) и 16 пункт близок к этому, поэтому мы исключили эти три пункта. Корреляции пунктов 7 и 9 демонстрируют значения ниже критических (ниже 0,2) (Crocker, Algina, 2008), пункт 11 близок к этой границе, поэтому их мы также удалили из дальнейшего анализа. Таким образом, окончательный набор утверждений, который был подвергнут статистической обработке, составил 19 утверждений.

Выборка для ЭФА должна составлять не менее 250 респондентов (MacCallum et al., 1999; Comrey, Lee, 1992). Поэтому общая выборка в 550 респондентов была разделена случайным образом на две равные части (n_1 и $n_2 = 275$). Одна была использована для проведения ЭФА, а другая – для КФА.

Оценка данных ($n_1 = 275$) для факторизации на основе показателей КМО (0,93) и теста Бартлетта ($\chi^2 = 2079$, $df = 231$, $p < 0,001$) позволяет провести ЭФА. Количество факторов определялось посредством параллельного анализа. На рис. 1 можно видеть его результат.

Из рис. 1 видно, что решение о структуре с 2 или 3 факторами будет приемлемым. В Приложении В (табл. В3) можно увидеть сравнение двух- и трехфакторной моделей ЭФА.

Обратимся к табл. 1, где приведены статистики сравнения моделей КФА по тесту Саторра-Бентлер и качественные характеристики двух моделей.

Рис. 1. Результаты применения параллельного анализа с бутстрэпом
Fig. 1. Results of parallel analysis with bootstrap

Сравнение двух- и трехфакторной моделей Comparison of two- and three-factor models

Таблица 1 / Table 1

Модель / Model	<i>df</i>	<i>AIC</i>	<i>BIC</i>	χ^2	p-value				
Двухфакторная / Two-factor	118	16731	16858	226,53	—				
Трехфакторная / Three-factor	149	18573	18721	263	0,5256				
Качественные характеристики моделей / Qualitative characteristics of the models									
Модель / Model	χ^2	<i>df</i>	p-value	<i>gfi</i>	<i>agfi</i>	<i>cfi</i>	<i>tli</i>	<i>srmr</i>	<i>rmsea</i>
Двухфакторная / Two-factor	226,53	118	<,001	0,908	0,880	0,932	0,921	0,049	0,058
Трехфакторная / Three-factor	263	149	<,001	0,906	0,880	0,936	0,926	0,048	0,053

Из табл. 1 можно видеть, что у трехфакторной модели *rmsea*, *cfi*, *tli* лучше,

чем у двухфакторной. Это означает, что трехфакторная модель соответствует эм-

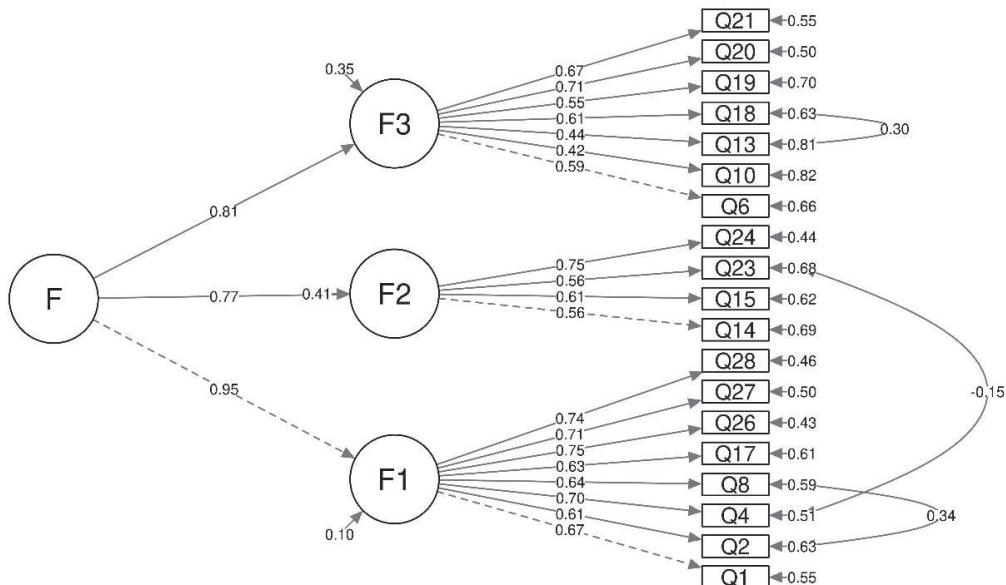
пирическим данным, поэтому опросник должен иметь три шкалы, отражающие виды дезадаптивной подчиняемости, а четвертая шкала отражает общий уровень ее выраженности.

При дальнейшем исследовании трехфакторной модели было обнаружено, что существуют три значимые корреляции, улучшающие ее качество. Скорректированная модель представлена на рис. 2.

Как можно видеть, все индикаторы качества модели имеют хорошие показатели, а три шкалы, отражающие виды дезадаптивной подчиняемости в виртуальной среде, F1 – «Импульсивно-отзывчивый», F2 – «Тревожно-чувствительный», F3 – «Конформно-наивный» вместе могут образовать одну шкалу F –

общего уровня дезадаптивной подчиняемости в виртуальной среде. Отдельно были выявлены интеркорреляции между факторами (между 1 и 2 – 0,73, между факторами 2 и 3 – 0,62 и между факторами 1 и 3 – 0,77).

Инвариантность трехфакторной структуры методики по фактору пола респондентов проводилась на трех уровнях – структурном, метрическом и скалярном ($N = 550$). Критериями инвариантности выбраны CFI и RMSEA, разница между ними при сравнении моделей не должна превышать 0,01 и 0,015 (Fischer, Karl, 2019), что нашло подтверждение в исследовании. Результаты мультигруппового конфирматорного факторного анализа (МКФА) представлены в табл. 2.

chisq=208, df=146, p-value=0.001, GFI=0.927, AGFI=0.904, CFI=0.965, TLI=0.959, SRMR=0.044
 RMSEA=0.039 (90% CI: 0.026, 0.051)

Рис. 2. Скорректированная трехфакторная модель ($n^2 = 275$)
Fig. 2. The adjusted three-factor model ($n^2 = 275$)

Таблица 2 / Table 2
Сравнение моделей при проведении МКФА
Comparison of models in MCFA

Модели / Models	CFI	RMSEA	ΔCFI	ΔRMSEA
Конфигурационная / Configurational	0,955	0,043	0,000	0,001
Метрическая / Metric	0,955	0,042	0,006	0,002
Скалярная / Scalar	0,949	0,044	0,007	0,003

Трехфакторная структура имеет полную инвариантность по фактору пола респондентов, методику можно применять как для мужчин, так и для женщин.

Рассмотрим внутреннюю согласованность шкал опросника. Из Приложения В (табл. В4) можно видеть, что у общей шкалы дезадаптивной подчиняемости ($\alpha = 0,89$), а также у двух шкал ($F1$ – «импульсивно-отзывчивый» вид ($\alpha = 0,88$) и $F3$ – «конформно-наивный» вид ($\alpha = 0,77$)) обнаружена хорошая внутренняя согласованность. У шкалы $F2$ – «тревожно-чувствительный» вид – внутренняя согласованность приближена к пороговому значению (0,68).

Из табл. 3 видно, что все шкалы опросника имеют положительные корреляции со стилями отношений «зависимый-послушный» и «сотрудничающий-конвенциональный», что подтверждает наличие оснований для проявления личностью возможной дезадаптивной подчиняемости в условиях межличностной виртуальной интеракции, так как она склонна проявлять чрезмерную послушность, зависимость от мнения партнера по общению и стремится к поддержанию сотрудничества в рамках сложившегося стереотипного способа общения. При этом выраженность импульсивно-отзывчивого и конформно-наивного типов дезадаптивной подчиняемости коррели-

рует с проявлением «властно-лидерующего» стиля межличностного общения, а общий уровень дезадаптивной подчиняемости, конформно-наивный и импульсивно-отзывчивый ее виды – с «независимо-доминирующим» стилем. Это говорит о наличии у личности с ярко выраженной склонностью к дезадаптивной подчиняемости в виртуальной среде внутренней конфликтности (по Т. Лири) в структуре образа «Я» и может служить еще одним основанием ее проявления, которое требует дальнейшего изучения и может выступать в качестве гипотезы для продолжения исследования.

Все изучаемые показатели имеют отрицательные корреляционные связи с институциональным и социальным доверием, что говорит о сформированном недоверии личности с высокой дезадаптивной подчиняемостью в виртуальной среде к основным социальным институтам, что может усиливать наличие внутренней конфликтности и приводить к импульсивным, не отрефлексированным действиям в условиях виртуального общения. Обнаруженные связи новых шкал со стандартизованными диагностическими инструментами свидетельствуют о наличии дискриминативной валидности опросника.

Текст и ключи опросника представлены в Приложении А. Границы выра-

Таблица 3 / Table 3
Корреляции выделенных факторов опросника и показателей, измеряемых общеизвестными методиками
Correlations of the selected factors of the questionnaire and indicators measured by well-known methods

Показатели стандартных методик / Standardized methodology indicators	F1	F2	F3	Общая шкала / Total scale
Тест межличностных отношений (ДМО) в модификации Л.Н. Собчик / The Interpersonal Diagnosis of Personality in modification of L.N. Sobchik				
I. Властный-лидерующий / Authoritative-leading	0,160**	0,055	0,207***	0,172**
II. Независимый-доминирующий / Independent-dominant	0,248***	0,008	0,222***	0,204***
III. Прямолинейный-агрессивный / Straightforward-aggressive	0,152*	0,074	0,159**	0,156**
IV. Недоверчивый-скептический / Distrustful-sceptical	0,103	0,167**	0,189***	0,177**
V. Покорный-застенчивый / Submissive-reserved	0,038	0,199***	0,146*	0,132
VI. Зависимый-послушный / Dependent-obedient	0,203***	0,290***	0,339***	0,320***
VII. Сотрудничающий-конвенциальный / Cooperative-conventional	0,136*	0,241***	0,227***	0,219***
VIII. Ответственный-великодушный / Responsible-generous	0,077	0,224***	0,106	0,139*
«Шкала генерализованного доверия» Т. Ямагиши (T. Yamagishi) в адаптации Е.А. Власенко / General Trust Scale of T. Yamagishi in the adaptation of E.A. Vlasenko				
Генерализованное доверие / General trust	0,040	0,118	0,093	0,075
Шкала социального доверия (ШСД) в адаптации И.Ю. Леоновой, И.Н. Леонова / The modified Scale of Social Trust in adaptation of I.Y. Leonova, I.N. Leonov				
Социальное доверие / Social trust	-0,360***	-0,117	-0,233***	-0,313***
Институциональное доверие / Institutional trust	-0,445***	-0,209***	-0,282***	-0,401***

Примечание: *** – $adj.p \leq 0,001$; ** – $adj.p \leq 0,01$; * – $adj.p \leq 0,05$.

Note: *** – $adj.p \leq 0,001$; ** – $adj.p \leq 0,01$; * – $adj.p \leq 0,05$.

женности признака определены по 25 и 75 процентилям.

База данных, отражающая первичные данные, представлена в репозитории научных данных RusPsyData (Белых и др., 2025).

Обсуждение результатов

Подчиняемость личности в виртуальной среде, как и в реальной, может быть адаптивной, но особенности виртуального взаимодействия создают ус-

ловия, в которых социальное поведение приобретает отличительные особенности, а именно — может повышаться его социальная желательность, усиливаться установки на поиск социальной поддержки, проявления конформности, молодежь оказывается более подверженной сетевому подражанию и эмоциональному заражению (Самсонова, 2018). Указанные эффекты виртуального общения создают основание для актуализации иррациональных установок, желания легкого обогащения и получения выгоды, быстрого получения информации и знаний, возможности повысить свой статус и мнение о себе в собственных глазах и глазах других значимых людей, стать причастными к разным референтным группам. Эти установки могут стать причиной проявления личностью дезадаптивной подчиняемости в виртуальной среде, на что указывают обнаруженные в ходе исследования ее виды — импульсивно-отзывчивый, тревожно-чувствительный, конформно-наивный. При этом в современных исследованиях выявлено наличие внутреннего конфликта в структуре как «Я-реального», так и «Я-виртуального» у молодежи, что проявляется в одновременном сосуществовании склонности к соперничеству и подчинению авторитету (Ельшаева, Савченко, 2024), что согласуется с полученными нами данными относительно наличия одновременного сосуществования в арсенале стилей межличностного взаимодействия — зависимости-послушности и желания к доминированию у молодежи с ярко выраженной дезадаптивной подчиняемостью в виртуальной среде. Образы «идеального Я», «реального Я» и «вир-

туального Я» существенно различаются в сторону преобладания в Я-реальном проявлении большей зависимости и склонности личности к подчинению, чем этого бы хотелось представителям молодого поколения, и актуализируются ими в виртуальной среде (Трифонова, 2020). Эти факты позволяют говорить о том, что дезадаптивная подчиняемость детерминируется сложными, нелинейными основаниями, связанными в том числе с наличием внутриличностного конфликта, что создает почву для сомнений в основаниях собственных оценок, снижает возможности для критического осмыслиения поступающей из Сети информации и действий партнера по интернет-коммуникации, что может приводить к усилению подверженности личности целенаправленному манипулятивному влиянию с корыстными или противоправными действиями.

Заключение

Разработанная и валидизированная методика может применяться для выявления уровня выраженности дезадаптивной подчиняемости личности в виртуальной среде и диагностики таких ее видов, как: импульсивно-отзывчивый, тревожно-чувствительный, конформно-наивный. Использование на практике и в научно-исследовательских целях данного инструментария позволит изучать дезадаптивную подчиняемость личности в виртуальной среде как один из видов цифровой девиации, своевременно выявлять склонность к ней как юношей, так и девушек. Применение данного опросника создает основу для разработки психопрофилактических и развивающих программ, оказания пси-

хологической помощи молодежи, проявляющей склонность к чрезмерной чувствительности, тревожности, импульсивности, конформности при принятии решений в условиях виртуального взаимодействия.

Разработанный стандартизованный и проверенный на надежность опросник позволяет выявить уровень выраженности дезадаптивной подчиняемости личности в виртуальной среде и ее виды. В ходе исследования доказана его содержательная, конструктная валидность, выявлены хорошая и приемлемая согласованность выделенных в ходе фак-

торного анализа шкал. Разработанный опросник – это новый диагностический инструмент, который может быть использован в практике оказания психологической помощи молодежи, имеющей склонность к проявлению в условиях виртуального общения дезадаптивной подчиняемости.

В дальнейших исследованиях планируется изучить роль внутриличностного конфликта в проявлении дезадаптивной подчиняемости личности в виртуальной среде и расширить перечень установок как оснований выделения дополнительных ее видов.

Список источников / References

1. Баранов, Е.Г. (2017). Информационно-психологическое воздействие: сущность и психологическое содержание. *Национальный психологический журнал*, 1(1), 25–31. <https://doi.org/10.11621/prj.2017.0103>
Baranov, E.G. (2017). The nature and psychological content of information psychological impact. *National Psychological Journal*, 1(1), 25–31. (In Russ.). <https://doi.org/10.11621/prj.2017.0103>
2. Белых, Т.В., Князев, Е.Б., Шаров, А.А., Белых, В.В. (2025). *Опросник дезадаптивной подчиняемости личности в виртуальной среде: уровень и виды: Набор данных*. RusPsyData: Репозиторий психологических исследований и инструментов. М. <https://doi.org/10.48612/MSUPE/gb8r-x3z8-x23b>
Belykh, T.V., Knyazev, E.B., Sharov, A.A., Belykh, V.V. (2025). *A questionnaire of maladaptive personality subordination in virtual environments: degree and type: Dataset*. RusPsyData: Psychological Research Data and Tools Repository. Moscow. (In Russ.). <https://doi.org/10.48612/MSUPE/gb8r-x3z8-x23b>
3. Герасимова, А.А., Холмогорова, А.Б. (2018). Общая шкала проблемного использования интернета: апробация и валидизация в российской выборке третьей версии опросника. *Консультативная психология и психотерапия*, 26(3), 56–79. <https://www.doi.org/10.17759/cpp.2018260304>
Gerasimova, A.A., Kholmogorova, A.B. (2018). The Generalized Problematic Internet Use Scale 3 Modified Version: Approbation and Validation on the Russian Sample. *Counseling Psychology and Psychotherapy*, 26(3), 56–79. (In Russ.). <https://www.doi.org/10.17759/cpp.2018260304>
4. Грачев, Г.В., Мельник, И.К. (2002). *Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия*. М.: Алгоритм.
Grachev, G.V., Melnik, I.K. (2002). *Manipulation of Personality: Organisation, Methods and Technologies of Information and Psychological Influence*. Moscow: Algorithm. (In Russ.).
5. Доценко, Е.Л. (1997). *Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита*. М.: ЧеPo, МГУ.

- Dotsenko, E.L. (1997). *The psychology of manipulation: phenomena, mechanisms and defences*. Moscow: CheRo, MSU. (In Russ.).
6. Ельшаева, В.Г., Савченко, Д.В. (2024). Проблемы самоидентичности личности в интернет-пространстве. *Национальное здоровье*, (3), 48–52. <https://www.doi.org/10.24412/2412-9062-2024-3-5>
- Elshaeva, V.G., Savchenko, D.V. (2024). Problems of personal identity in the internet space. *National Health*, (3), 48–52. (In Russ.). <https://www.doi.org/10.24412/2412-9062-2024-3-5>
7. Завьялов, А.Н. (2022). Интернет-мошенничество (фишинг): проблемы противодействия и предупреждения. *Baikal Research Journal*, 13(2). [https://www.doi.org/10.17150/2411-6262.2022.13\(2\).36](https://www.doi.org/10.17150/2411-6262.2022.13(2).36)
- Zavyalov, A.N. (2022). Internet scam (phishing): issues of counteraction and prevention. *Baikal Research Journal*, 13(2). (In Russ.). [https://www.doi.org/10.17150/2411-6262.2022.13\(2\).36](https://www.doi.org/10.17150/2411-6262.2022.13(2).36)
8. Зверев, А.В., Мишина, М.Ю., Новиков, А.В. (2021). Психологические аспекты организации мошеннических схем в сфере финансового рынка. *Экономика и управление: проблемы, решения*, 1(12), 69–77. <https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2021.12.01.009>
- Zverev, A.V., Mishina, M.Yu., Novikov, A.V. (2021). Psychological aspects of organization of fraud schemes in the field of the financial market. *Economics and management: problems, solutions*, 1(12), 69–77. <https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2021.12.01.009>
9. Зимбардо, Ф., Лайппе, М. (2011). *Социальное влияние*. Пер. с англ. СПб.: Питер.
- Zimbardo, P., Leippe, M. (2011). *The Psychology of Attitude Change and Social Influence*. Trans. from Eng. St. Petersburg: Piter. (In Russ.).
10. Кабаченко, Т.С. (2000). *Методы психологического воздействия: учебное пособие*. М.: Педагогическое общество России.
- Kabachenko, T.S. (2000). *Methods of psychological influence: a textbook*. Moscow: Pedagogical Society of Russia. (In Russ.).
11. Киняшева, Ю.Б. (2018). Социальные сети как инструмент политической мобилизации граждан в современной России. *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*, (3), 3–10. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36293883> (дата обращения: 18.02.2025).
- Kinyasheva, Yu.B. (2018). Social networks as a tool for political mobilization of citizens in modern Russia. *Tula State University Bulletin. Humanities*, (3), 3–10. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36293883> (viewed: 18.02.2025).
12. Князев, Е.Б. (2018). *Взаимосвязь социально-психологических характеристик личности и подчиняется авторитету у субъектов межличностного взаимодействия: Автoref. дис. ... канд. психол. наук*. Сар. гос. ун-т. Саратов.
- Knyazev, E.B. (2018). *Relationship between socio-psychological characteristics of personality and submission to authority in subjects of interpersonal interaction: Extended abstr. Diss. Cand. of Psychol. Sci.* Saratov State University. Saratov. (In Russ.).
13. Костоломова, М.В. (2020). Цифровая девиация как феномен новой социальной реальности: методологические основания и концептуализация понятия. *Социологическая наука и социальная практика*, 8(2), 41–53. <https://www.doi.org/10.19181/snsp.2020.8.2.7302>
- Kostolomova, M.V. (2020). Digital deviance as a phenomenon of new social reality: methodological foundations and conceptualization. *Sociological Science and Social Practice*, 8(2), 41–53. (In Russ.). <https://www.doi.org/10.19181/snsp.2020.8.2.7302>
14. Крысько, В.Г. (2003). *Словарь-справочник по социальной психологии*. СПб.: Питер.
- Krysko, V.G. (2003). *Dictionary of social psychology*. St. Petersburg: Piter. (In Russ.).

15. Кулигина, В.А., Чишко, П.В., Кабанова, Н.А. (2024). Психологические аспекты мошенничества и методы манипуляции и практические рекомендации по противодействию граждан. *Вестник евразийской науки*, 16(s2). URL: <https://esj.today/PDF/35FAVN224.pdf> (дата обращения: 18.02.2025).
- Kuligina, V.A., Chishko, P.V., Kabanova, N.A. (2024). Psychological aspects of fraud and methods of manipulation and practical recommendations for countering citizens. *The Eurasian Scientific Journal*, 16(s2). (In Russ.). URL: <https://esj.today/PDF/35FAVN224.pdf> (viewed: 18.02.2025).
16. Курзаева, Л.В., Чусавитина, Г.Н. (2014). Подготовка будущих педагогических кадров к превенции киберэкстремизма среди молодежи: моделирование процесса установления требований к процессу профессиональной подготовки. *Фундаментальные исследования*, (12-5), 1078–1082. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22781325> (дата обращения: 18.02.2025).
- Kurzaeva, L.V., Chusavitina, G.N. (2014). Preparing future teaching staff to prevention extremism among young people: modeling established requirements for the training process. *Fundamental Research*, (12-5), 1078–1082. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22781325> (viewed: 18.02.2025).
17. Лазарева, И.Ю. (2021). Профилактика деструктивного информационно-психологического воздействия на молодежь в сети интернет. *Психопедагогика в правоохранительных органах*, 4(87), 416–422. <https://www.doi.org/10.24412/1999-6241-2021-487-416-422>
- Lazareva, I.Yu. (2021). Prevention of Destructive Informational and Psychological Impact on Youth on the Internet. *Psychopedagogy in Law Enforcement*, 4(87), 416–422. (In Russ.). <https://www.doi.org/10.24412/1999-6241-2021-487-416-422>
18. Манойло, А.В. (2003). *Государственная информационная политика в особых условиях: монография*. М.: МИФИ.
- Manoillo, A.V. (2003). *State information policy in special circumstances*. Moscow: MEPHI. (In Russ.).
19. Моисеева, И.Г. (2022). Психологические аспекты противодействия телефонному мошенничеству. *Калужский экономический вестник*, (1), 70–74. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48307634> (дата обращения: 18.02.2025).
- Moiseeva, I.G. (2022). Psychological Aspects Of Countering Telephone Fraud. *Kaluga Economic Bulletin*, (1), 70–74. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48307634> (viewed: 18.02.2025).
20. Ошурков, В.А., Макашова, В.Н., Цуприк, Л.С. (2014). Механизмы защиты обучающихся от киберэкстремизма в условиях развития облачных образовательных сервисов. *Фундаментальные исследования*, (12), 1089–1092. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22781327> (дата обращения: 18.02.2025).
- Oshurkov, V.A., Makashova, V.N., Tsuprik, L.S. (2014). Mechanisms for the protection of students from cyber extremism in a cloud computing of educational services. *Fundamental Research*, (12), 1089–1092. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22781327> (viewed: 18.02.2025).
21. Радина, Н.К., Поршнев, А.В. (2021). Стратегии (не)сопротивления в нарративах о трудностях: становление «подчиненного субъекта». *Социальная психология и общество*, 12(3), 151–169. <https://doi.org/10.17759/sps.2021120310>
- Radina, N.K., Porshnev, A.V. (2021). Strategies for (non) Resistance in Narratives about Facing Problems: Formation of a “Subordinate Subject”. *Social Psychology and Society*, 12(3), 151–169. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2021120310>

22. Самсонова, Н.Н. (2018). *Взаимосвязь интернет-коммуникаций и социального поведения молодежи: Автoref. дис. ... канд. психол. наук*. Моск. гос. обл. ун-т. М.
Samsonova, N.N. (2018). *The relationship between Internet communication and social behaviour of young people: Extended abstr. Diss. Cand. of Psychol. Sci.* Moscow Region State University. Moscow. (In Russ.).
23. Саркисян, Г.Г., Булгаков, С.С. (2023). Деструктивное информационное воздействие в сети Интернет: постановка проблемы. *Труды Академии управления МВД России*, 2(66), 138–144. <https://doi.org/10.24412/2072-9391-2023-266-138-144>
Sarkisyan, G.G., Bulgakov, S.S. (2023). Destructive information impact on the internet: problem statement. *Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia*, 2(66), 138–144. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2072-9391-2023-266-138-144>
24. Солдатова, Е.Л., Погорелов, Д.Н. (2018). Феномен виртуальной идентичности: современное состояние проблемы. *Образование и наука*, 20(5), 105–124. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2018-5-105-124>
Soldatova, E.L., Pogorelov, D.N. (2018). The phenomenon of virtual identity: the contemporary condition of the problem. *The Education and Science Journal*, 20(5), 105–124. (In Russ.). <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2018-5-105-124>
25. Трифонова, С.А. (2020). Социально-психологический анализ связи реальной идентичности пользователей и их самопрезентации в виртуальной среде. *Мировые цивилизации*, 5(1-2), 123–131. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44747104> (дата обращения: 18.02.2025).
Trifonova, S.A. (2020). Socio-psychological analysis of the relationship between the real identity of users and their self-presentation in the virtual environment. *World civilizations*, 5(1-2), 123–131. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44747104> (viewed: 18.02.2025).
26. Турчановский, Е.В. (2014). Манипулятивные технологии как угроза формированию политического сознания молодежи. *Человеческий капитал*, 5(65), 124–127. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22004039> (дата обращения: 18.02.2025).
Turchanovskiy, E.V. (2014). Manipulative technologies as a threat to the formation of political consciousness of youth. *Human Capital*, 5(65), 124–127. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22004039> (viewed: 18.02.2025).
27. Урсу, Н.С. (2012). Технологии манипулирования в сети интернет. *Социально-гуманитарные знания*, (1), 303–310. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17320454> (дата обращения: 18.02.2025).
Ursu, N.S. (2012). Internet manipulation technologies. *Social and humanities knowledge*, (1), 303–310. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17320454> (viewed: 18.02.2025).
28. Фарина, А.Я. (2010). Анализ современных форм, методов и приемов информационного воздействия по каналам СМИ. *Вестник МГЛУ. Исторические науки*, 2(581), 247–266.
Farina, A.Ya. (2010). Analysis of modern forms, methods and techniques of information influence through media channels. *MGLU Bulletin, Historical Sciences*, 2(581), 247–266. (In Russ.).
29. Филиппов, А.Р. (2021). Феномен мошенничества в России XXI века: уголовно-правовая, криминологическая и социально-психологическая характеристика. *Юридическая наука: история и современность*, (6), 134–146. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46632646> (дата обращения: 18.02.2025).
Filippov, A.R. (2021). The phenomenon of fraud in Russia of the XXI century: criminal-legal, criminological and socio-psychological characteristics. *Legal science: history and present day*,

- (6), 134–146. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46632646> (viewed: 18.02.2025).
30. Холмогорова, А.Б., Герасимова, А.А. (2019). Психологические факторы проблемного использования Интернета у девушек подросткового и юношеского возраста. *Консультативная психология и психотерапия*, 27(3), 138–155. <https://doi.org/10.17759/cpp.2019270309>
- Kholmogorova, A.B., Gerasimova, A.A. (2019). Psychological Factors of Problematic Internet Use in Adolescent and Young Girls. *Counseling Psychology and Psychotherapy*, 27(3), 138–155. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/cpp.2019270309>
31. Чалдини, Р. (2012). Психология влияния. СПб.: Питер.
Cialdini, R. (2012). *Psychology of influence*. St. Petersburg: Peter. (In Russ.).
32. Шаров, А.А. (2019). Методика изучения девиантной активности в реальной и виртуальной среде. *Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития*, 8(1), 30–37. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2019-8-1-30-37>
- Sharov, A.A. (2019a). Method of Studying Deviant Activity in the Real and Virtual Environment. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 8(1), 30–37. (In Russ.). <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2019-8-1-30-37>
33. Шейнов, В.П. (2010). *Манипулирование сознанием*. Минск: Харвест.
Sheinov, V.P. (2010). *Manipulation of consciousness*. Minsk: Harvest. (In Russ.).
34. Byrne, B. (2011). *Structural equation modeling with Mplus: Basic concepts, applications, and programming*. New York, NY: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203807644>
35. Colman, A. (2015). *A dictionary of psychology*. Oxford: Oxford university press. <https://doi.org/10.1093/acref/9780199657681.001.0001>
36. Comrey, A.L., Lee, H.B. (1992). *A first course in factor analysis*. New York, NY: Psychology press.
37. Crocker, L.M., Algina, J. (2008). *Introduction to classical and modern test theory*. Mason, OH: Cengage Learning.
38. Fischer, R., Karl, J.A. (2019). A Primer to (Cross-Cultural) Multi-Group Invariance Testing Possibilities in R. *Frontiers in psychology*, 10, 1507. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.01507>
39. Gatignon, H. (2010). Confirmatory Factor Analysis. In: *Statistical Analysis of Management Data* (pp. 59–122). New York, NY: Springer. https://doi.org/10.1007/978-1-4419-1270-1_4
40. Hommel, G. (1988). A stagewise rejective multiple test procedure based on a modified Bonferroni test. *Biometrika*, 75, 383–386. <https://doi.org/10.2307/2336190>
41. Hu, L., Bentler, P.M. (1999). Cutoff criteria for fit indexes in covariance structure analysis: Conventional criteria versus new alternatives. *Structural Equation Modeling*, 6(1), 1–55. <https://doi.org/10.1080/10705519909540118>
42. Kline, R. (2016). *Principles and Practice of Structural Equation Modeling* (3rd ed.). New York, NY: Guilford Press.
43. MacCallum, R.C., Widaman, K.F., Zhang, S., Hong, S. (1999). Sample size in factor analysis. *Psychological methods*, 4(1), 84–99. <https://doi.org/10.1037/1082-989X.4.1.84>
44. Milgram, S. (1974). *Obedience to authority: an experimental view*. London: Tavistock publications.
45. Satorra, A., Bentler, P.M. (2001). A scaled difference chi-square test statistic for moment structure analysis. *Psychometrika*, 66(4), 507–514. <https://doi.org/10.1007/BF02296192>

Приложение / Appendix

Приложение А / Appendix A

Текст опросника, ключи и формула расчета стэнов Questionnaire text, keys and formula for calculating stans

Инструкция:

Вам будут представлены утверждения, касающиеся поведения, мыслей и чувств, связанных с различными событиями вашей жизни в интернет-пространстве. Оцените степень своего согласия с ними по семибалльной шкале, где:

- 1 – Совершенно не согласен
- 2 – Не согласен
- 3 – Скорее не согласен, чем согласен
- 4 – Ни то, ни другое
- 5 – Скорее согласен, чем не согласен
- 6 – Согласен
- 7 – Полнотью согласен

№	Утверждение / Statement	Ответ / Answer
1	Я готов перевести на любой счет деньги, если кто-то из моих близких, друзей попадет в беду и попросит об этом посредством телефона или мессенджера / I am ready to transfer money to any account if any of my family, friends are in trouble and ask for it through phone or messenger	1 2 3 4 5 6 7
2	Я уверен, что должностные лица в социальных сетях и мессенджерах могут первыми написать людям и их сообщениям можно верить / I'm sure officials on social media and messengers can text people first and their posts can be trusted	1 2 3 4 5 6 7
3	Когда я вижу распродажу на маркетплейсах и не могу купить там то, что хочется, мое настроение заметно ухудшается / When I see a sale on marketplaces and I can't buy what I want there, my mood deteriorates noticeably	1 2 3 4 5 6 7
4	Я считаю, что при общении в социальных сетях или мессенджерах первая пришедшая мысль всегда правильная, ее нужно публиковать / I believe that when communicating on social media or messengers, the first thought that comes up is always the right one and should be posted	1 2 3 4 5 6 7
5	Я готов дать деньги незнакомому человеку, если он окажется в трудной ситуации и попросит меня об этом по телефону или через социальные сети, мессенджеры / I am ready to give money to a stranger if they are in a difficult situation and ask me for it on the phone or via social networks, messengers	1 2 3 4 5 6 7
6	Я считаю, что большинству людей нужно постоянно использовать VPN, уметь заходить в даркнет и на запрещенные сайты / I think most people need to use a VPN all the time, be able to access the darknet and banned sites	1 2 3 4 5 6 7

№	Утверждение / Statement	Ответ / Answer
7	Я так сильно переживаю из-за несчастья друзей по социальным сетям или мессенджерам, что могу расплакаться и долго не могу сбраться с мыслями / I get so emotional over the misfortunes of friends on social media or messengers that I can cry and can't get my thoughts together for a long time	1 2 3 4 5 6 7
8	Я уверен, что при общении в социальных сетях и мессенджерах мне не угрожает никакая опасность, в отличие от реального мира / I am confident that I am not in any danger when communicating on social media and messengers, unlike in the real world	1 2 3 4 5 6 7
9	Я считаю, что никто в интернете не станет обманывать другого человека, так как мошенника быстро обнаружат и разоблачат / I believe that no one on the internet would scam another person as the scammer would be quickly detected and exposed	1 2 3 4 5 6 7
10	Мне очень трудно отказать своим друзьям и знакомым в социальной сети или мессенджерах, если они предлагают мне что-либо / I find it very difficult to say no to my friends and acquaintances on social media or messengers if they offer me something	1 2 3 4 5 6 7
11	Когда я читаю посты в социальных сетях или мессенджерах о бедах людей, то потом долго не могу прийти в себя / When I read posts on social networks or messengers about people's misfortunes, I can't recover for a long time afterwards	1 2 3 4 5 6 7
12	Я считаю, что если мне пришлют видео или аудио, где мой друг или родственник просит меня о срочной финансовой помощи, то нужно быстро следовать его инструкции / I believe that if I am sent a video or audio of a friend or relative asking me for urgent financial help, I should quickly follow their instructions	1 2 3 4 5 6 7
13	Когда мне что-то советуют друзья по социальной сети или мессенджеру, то я сразу соглашаюсь с ними / When my social media or messenger friends recommend something to me, I immediately agree with them	1 2 3 4 5 6 7
14	Я считаю, что выиграть в онлайн-казино легко, просто надо знать схемы / I believe that winning at online casinos is easy, you just have to know the pattern	1 2 3 4 5 6 7
15	Я замечаю, что при общении в социальных сетях или мессенджерах мнение других участников группы для меня важнее своего / I notice that when communicating on social media or messengers, the opinions of other group members are more important to me than my own	1 2 3 4 5 6 7
16	Мне кажется, что я бы все отдал за то, чтобы всегда быть здоровым, поэтому я посещаю медицинские сайты и уделяю им много своего личного времени / I feel like I would give anything to always be healthy, which is why I visit medical websites and devote a lot of my personal time to them	1 2 3 4 5 6 7

№	Утверждение / Statement	Ответ / Answer						
		1	2	3	4	5	6	7
17	Я убежден, что чем больше у меня друзей в социальных сетях, тем лучшие и тем более влиятельным и популярным я становлюсь / I'm convinced that the more friends I have on social media, the better and the more influential and popular I become							
18	Мне кажется, что не нужно долго раздумывать над выбором онлайн-курса или образовательного ресурса, в интернете они все хорошего качества / I don't think you need to think long about choosing an online course or educational resource, they are all of good quality on the internet	1	2	3	4	5	6	7
19	Любые непредвиденные изменения при пользовании социальными сетями или мессенджерами вызывают у меня тревогу и беспокойство / Any unforeseen changes in my use of social media or messengers cause me anxiety and worry	1	2	3	4	5	6	7

Виды деструктивной подчиняемости:

F1 – Шкала «Импульсивно-отзывчивый», пункты – 1, 2, 4, 5, 9, 12, 14, 18.

F2 – Шкала «Тревожно-чувствительный», пункты – 7, 11, 16, 19.

F3 – Шкала «Конформно-наивный», пункты – 3, 6, 8, 10, 13, 15, 17.

Общая шкала дезадаптивной подчиняемости – с 1 по 19 пункты.

Выраженность признака:

Шкала «Импульсивно-отзывчивый»: 12 баллов и меньше – низкий уровень, 13–28 – средний уровень, 29 и выше – высокий уровень;

Шкала «Тревожно-чувствительный»: 9 баллов и меньше – низкий уровень, 10–16 – средний уровень, 17 и выше – высокий уровень;

Шкала «Конформно-наивный»: 15 баллов и меньше – низкий уровень, 16–26 – средний уровень, 27 и выше – высокий уровень;

Общая шкала: 40 баллов и меньше – низкий уровень, 41–66 – средний уровень, 67 и выше – высокий уровень.

Для того, чтобы сравнивать выраженность того или иного признака, требуется провести стандартизацию шкал (стэны) по формуле:

$$2 * (x - M) / SD + 5,5,$$

где: x – «сырой» балл по любой из трех шкал, M – среднее значение, SD – стандартное отклонение.

Среднее шкалы «Импульсивно-отзывчивый» = 20,6;

Стандартное отклонение шкалы «Импульсивно-отзывчивый» = 9,7.

Среднее шкалы «Тревожно-чувствительный» = 13,5;

Стандартное отклонение шкалы «Тревожно-чувствительный» = 4,7.

Среднее шкалы «Конформно-наивный» = 20,9;

Стандартное отклонение шкалы «Конформно-наивный» = 7,5.

Среднее Общей шкалы дезадаптивной подчиняемости = 55;

Стандартное отклонение Общей шкалы дезадаптивной подчиняемости = 18,4.

Выраженность признака во всех шкалах после перевода значений в стэны: 3 и меньше – низкий уровень, 4–7 – средний, 6 и выше – высокий уровень.

Важно: следует учесть, что при переводе в шкалу стэнов значения < 1 относятся к стэну 1, а все значения > 10 причисляются к стэну 10.

Приложение В. Исходные пункты методики и их описательные статистики, сравнение факторных структур методики и данные о внутренней согласованности методики <https://doi.org/10.17759/sps.2025160310>

Appendix B. Initial points of the methodology and their descriptive statistics, comparison of the factor structures of the methodology and data on the internal consistency of the methodology <https://doi.org/10.17759/sps.2025160310>

Информация об авторах

Татьяна Викторовна Белых, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры социальной психологии образования и развития, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Саратов, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2478-3460>, e-mail: tvbelih@mail.ru

Евгений Борисович Князев, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник кафедры социальной психологии образования и развития, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Саратов, Российская Федерация; доцент кафедры педагогики, образовательных технологий и профессиональной коммуникации, Саратовский государственный медицинский университет имени В.И. Разумовского, Саратов, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6646-6247>, e-mail: eknyaze@gmail.com

Алексей Александрович Шаров, кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогической психологии и психодиагностики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Саратов, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0635-1413>, e-mail: sha555da@mail.ru

Виктор Владимирович Белых, ассистент кафедры социальной психологии образования и развития, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Саратов, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-1878-6630>, e-mail: stavstav950@gmail.com

Information about the authors

Tatiana V. Belykh, Doctor of Science (Psychology), Professor, Professor of the Department of Social Psychology of Education and Development, Saratov State University, Saratov, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2478-3460>, e-mail: tvbelih@mail.ru

Evgeny B. Knyazev, Candidate of Science (Psychology), Senior Researcher of the Department of Social Psychology of Education and Development, Saratov State University, Saratov, Russian Federation; Associate Professor at the Department of Pedagogy, Educational Technologies and Professional Communication, Saratov State Medical University, Saratov, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6646-6247>, e-mail: eknyaze@gmail.com

Aleksey A. Sharov, Candidate of Science (Psychology), Associate Professor of the Department of Educational Psychology and Psychodiagnostics, Saratov State University, Saratov, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0635-1413>, e-mail: sha555da@mail.ru

Viktor V. Belykh, Assistant of the Department of Social Psychology of Education and Development, Saratov State University, Saratov, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-1878-6630>, e-mail: stavstav950@gmail.com

Вклад авторов

Белых Т.В. — проведение теоретического и эмпирического исследования, анализ полученных данных, участие в разработке опросника, подготовка текста статьи.

Князев Е.Б. — осуществление статистической обработки данных, их анализ, описание результатов эмпирического исследования.

Шаров А.А. — участие в разработке опросника, описание результатов эмпирического исследования.

Белых В.В. — участие в разработке опросника, стандартизация опросника.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the Authors

Tatiana V. Belykh — conducting theoretical and empirical research, analysis of the data obtained, participating in the development of the questionnaire, preparing the text of the article.

Evgeny B. Knyazev — implementation of statistical data processing, their analysis, description of the results of empirical research.

Aleksey A. Sharov — participation in the development of the questionnaire, description of the results of empirical research.

Viktor V. Belykh — participation in the development of the questionnaire, standardization of the questionnaire.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of Interest

The authors declare no conflict of interest.

Декларация об этике

Исследование было рассмотрено и одобрено Экспертной комиссией ФГБОУ ВО «Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» (№ 147 от 13.02.2025 г.).

Ethics Statement

The study was reviewed and approved by the Expert Commission of Saratov State University (report no. 147, 2025/02/13).

Поступила в редакцию 19.02.2025

Received 2025.02.19.

Поступила после рецензирования 10.06.2025

Revised 2025.06.10.

Принята к публикации 20.09.2025

Accepted 2025.09.20

Опубликована 30.09.2025

Published 2025.09.30

Научная статья | Original paper

Loneliness in vietnamese and russian students: scale validation and cross-cultural comparisons

T.C. Tran

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russian Federation

 thuychitran@mail.ru

Abstract

Context and relevance. How loneliness is perceived, experienced, and expressed can vary significantly across cultures due to differences in social norms, values, and interpersonal expectations. Therefore, it is crucial to adapt measurement tools to reflect these cultural variations and ensure their relevance. In this regard, the De Jong Gierveld Loneliness Scale is a widely recognized tool for assessing loneliness. However, it requires cultural adaptation and validation to ensure it accurately measures loneliness in diverse cultural contexts.

Objective. The study aims to evaluate the psychometric properties of the De Jong Gierveld Loneliness Scale, specifically examining its factor structure, reliability, and measurement invariance among university students in Vietnam and Russia.

Methods and materials. A total of 242 Vietnamese and 216 Russian students completed the scale. Exploratory factor analysis and confirmatory factor analysis were conducted separately for each group to confirm the factor structure. Cronbach's alpha assessed reliability, and measurement invariance testing determined whether the scale functioned equivalently across cultures. Latent profile analysis identified loneliness subgroups within each sample.

Results. A two-factor structure (1) emotional loneliness and (2) social loneliness was confirmed in both groups. The scale showed configural ($CFI = 0,953$), metric ($\Delta CFI = 0,004$), and scalar invariance ($\Delta CFI = 0,005$) across groups, indicating measurement equivalence, though strict invariance was not supported ($\Delta CFI = 0,012$). Latent profile analysis revealed distinct loneliness profiles which is a demonstration of the scale's ability to differentiate groups with different characteristics. Reliability was acceptable ($\alpha_{Vietnam} = 0,78$; $\alpha_{Russia} = 0,84$).

Conclusions. The adapted scale demonstrated good psychometric properties in Vietnamese and Russian.

Keywords: De Jong Gierveld Loneliness Scale, cross-cultural validation, psychometric properties, vietnamese and russian students, emotional and social loneliness

Acknowledgements. Thank you to the participants for participating in the study.

For citation. Tran, T.C. (2025). Loneliness in vietnamese and russian students: scale validation and cross-cultural comparisons. *Social Psychology and Society*, 16(3), 205–218. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2025160311>

Одиночество у вьетнамских и российских студентов: валидация шкалы и кросс-культурные сравнения

Т.Т. Чан

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Российская Федерация
 thuychitran@mail.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Способы восприятия, переживания и выражения одиночества могут существенно различаться в разных культурах из-за различий в социальных нормах, ценностях и межличностных ожиданиях. Поэтому крайне важно адаптировать инструменты измерения состояния одиночества с учетом этих культурных различий. Шкала одиночества Де Йонга Гирвельда является широко признанным инструментом для оценки этого состояния. Однако она требует культурной адаптации и валидизации, чтобы обеспечить точное измерение состояния одиночества в различных культурных контекстах.

Цель. Оценка психометрических свойств шкалы одиночества Де Йонга Гирвельда, в частности, изучение ее факторной структуры, надежности и неизменности измерений среди студентов университетов Вьетнама и России.

Методы и материалы. В исследовании приняли участие 242 вьетнамских и 216 российских студентов, которые заполнили шкалу. Для подтверждения факторной структуры проводился отдельный исследовательский и подтверждающий факторный анализ для каждой группы. Надежность оценивалась с помощью альфа Кронбаха, а тестирование измерительной инвариантности позволило определить, функционирует ли шкала одинаково в разных культурах. Латентный профильный анализ выявил подгруппы одиночества в каждой выборке.

Результаты. В обеих группах была подтверждена двухфакторная структура: (1) эмоциональное одиночество и (2) социальное одиночество. Шкала продемонстрировала конфигурационную ($CFI = 0,953$), метрическую ($\Delta CFI = 0,004$) и скалярную инвариантность ($\Delta CFI = 0,005$) между группами, что указывает на эквивалентность измерений, однако строгая инвариантность не была поддержана ($\Delta CFI = 0,012$). Латентный профильный анализ выявил различные профили одиночества, демонстрируя способность шкалы различать группы с разными характеристиками. Надежность шкалы была удовлетворительной ($\alpha_{Вьетнам} = 0,78$; $\alpha_{Россия} = 0,84$).

Выводы. Адаптированная шкала показала хорошие психометрические свойства среди студентов Вьетнама и России.

Ключевые слова: Шкала одиночества Де Йонга Гирвельда, кросс-культурная валидация, психометрические свойства, студенты Вьетнама и России, эмоциональное и социальное одиночество

Благодарности. Благодарим участников за участие в исследовании.

Для цитирования: Чан, Т.Т. (2025). Одиночество у вьетнамских и российских студентов: валидация шкалы и кросс-культурные сравнения. *Социальная психология и общество*, 16(3), 205–218. <https://doi.org/10.17759/sps.2025160311>

Introduction

Loneliness is a common human experience in which one's focus shifts from engaging with the external world to an intense awareness of one's inner feelings of social disconnection. Although feelings of loneliness are a natural aspect of the human condition and can sometimes serve as a signal for the need to reconnect with others, they are not inherently detrimental to most people's lives (Barjaková et al., 2023; Hawkley, 2022; Slobodchikov, 2005). In many cases, the transient experience of loneliness can be adaptive, prompting individuals to seek out social interactions and strengthen interpersonal bonds (Archer Lee et al., 2022; Gabriel et al., 2021; Pham & Pecherkina). This adaptive role helps promote personal growth, emotional self-awareness, and the motivation to build meaningful relationships. However, when loneliness becomes chronic and unrelenting, it may interfere with daily functioning and overall well-being (Farrell et al., 2023; Hawkley, 2022). The pathological form of loneliness, characterized by persistent feelings of isolation and distress, was recognized as a significant public health concern in early research on social disconnection (Sheftel et al., 2024). People who experience chronic loneliness often struggle to maintain relationships, leading to feelings of exclusion and a lack of necessary emotional support (Christiansen et al., 2021). Scholars have noted that when loneliness becomes entrenched, it can lead to profound emotional suffering, diminished quality of life, and even impairments in cognitive and social functioning (Hawkley, 2022; Mansfield et al., 2021).

The literature on loneliness indicates that its underlying causes and manifestations are multifaceted. Various theoretical frame-

works — including cognitive discrepancy theory, evolutionary perspectives, and active theory — have been proposed to explain why some individuals experience prolonged loneliness despite an apparent desire for social connection (Le & Quang Dao, 2024; Leontiev, 1987; McCarthy et al., 2025). These theories underscore the interplay between personal dispositions and environmental factors in the emergence of chronic loneliness (McCarthy et al., 2025). Seminal work in the field revealed that the core of loneliness lies in the discrepancy between desired and actual levels of social interaction. Weiss (1973) first articulated the dual dimensions of loneliness — emotional and social — highlighting how deficits in intimate connections and broader social networks can jointly contribute to the overall experience of isolation. Building on this foundation, subsequent research has proposed that adverse interpersonal experiences, such as social rejection or the loss of significant relationships, can trigger and exacerbate feelings of loneliness (Fardghassemi & Joffe, 2022; Pham & Pecherkina, 2024; Wang et al., 2022). These negative experiences may lead individuals to withdraw further, creating a self-reinforcing cycle in which isolation deepens over time (Kirwan et al., 2025; Wu et al., 2024).

Studies have reported that individuals who suffer from prolonged loneliness frequently exhibit signs of emotional dysregulation, reduced cognitive functioning, and a heightened vulnerability to stress, all of which can further impair social interactions (Grover, 2022; Mansfield et al., 2021; Yoo-Jeong et al., 2021). Moreover, loneliness can establish a vicious cycle in which the discomfort associated with isolation leads to avoidance of social contact, thereby reinforcing the very state that the individual seeks to escape (Lawrence et al., 2022; Wu et al., 2024).

In response to the growing recognition of loneliness as a critical psychological construct, researchers have developed a variety of instruments aimed at its measurement. Among these, the De Jong Gierveld Loneliness Scale (6-item) has gained prominence due to its brevity and strong psychometric properties, making it an efficient tool for assessing both emotional and social dimensions of loneliness (De Jong Gierveld & Van Tilburg, 2010).

In Russia, the cultural context and rapid socio-economic changes have been shown to influence the experience of loneliness in unique ways. Research indicates that factors such as war, economic instability, social fragmentation, and changing family structures contribute significantly to feelings of isolation among Russian populations (Naumova & Glozman, 2021). This complex interplay between external pressures and individual perceptions underscores the need for culturally sensitive measurement tools that can accurately capture the multidimensional nature of loneliness within the Russian context. In contrast, in Vietnam, traditional family values and a strong sense of community may play a pivotal role in shaping experiences of loneliness (Thi, 2024). Despite a collectivist culture that generally may promote social integration, rapid urbanization and generational shifts have led to emerging patterns of perceived isolation, particularly among younger populations. These cultural characteristics suggest that the same loneliness measurement instrument might function differently across these contexts, highlighting the importance of a thorough adaptation process to ensure its validity and reliability.

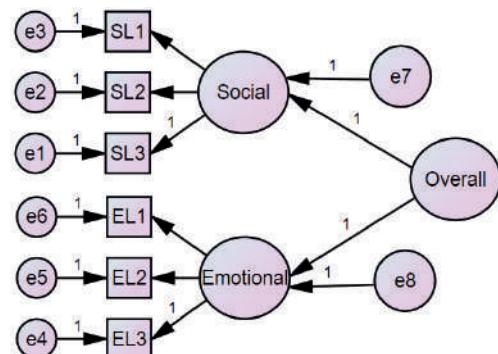
Given these cultural distinctions, the present study aims to adapt and rigorously

test the psychometric properties of the De Jong Gierveld Loneliness Scale (6-item) in student samples from both Russia and Vietnam. By employing robust statistical techniques such as exploratory and confirmatory factor analyses, we intend to verify that the scale maintains its structural integrity and accurately reflects the dual dimensions of loneliness across these diverse cultural settings. This research is expected to yield a culturally sensitive instrument that can serve as a reliable foundation for future investigations and interventions targeting loneliness in varied sociocultural environments.

Materials and methods

Participants

Participants were selected using convenience sampling from universities in both Vietnam and Russia. Inclusion criteria required participants to be enrolled in higher education and between the ages of 18 and 25. The study sample consisted of 458 university students, including 216 from Russia and 242 from Vietnam. The Russian sample comprised 66,7% females and 33,3% males, with a mean age of 20,55 years ($SD = 2,37$).

Fig. 1. Original Model of the Loneliness Scale

The Vietnamese sample included 48,8% females and 51,2% males, with a mean age of 20,57 years ($SD = 0,73$). Regarding year of study, most participants were in their second or third year in both countries, though the proportion of first-year students was notably lower in the Vietnamese sample (1,2%) compared to the Russian sample (14,4%) (Table 1).

Procedure

The adaptation process for the De Jong Gierveld Loneliness Scale (6-item) (De Jong Gierveld & Van Tilburg, 2010) followed a standardized procedure to ensure both semantic and conceptual equivalence across the Russian and Vietnamese versions, modeled after established guidelines (Beaton et al., 2000). Initially, the original English version of the scale was independently translated into Russian and Vietnamese by two bilingual translators for each language, whose native languages were Russian and Vietnamese, respectively. These forward translations were then merged into a single preliminary version for each language by the translators in collaboration with a project manager. Subsequently, the merged versions were independently backtranslated into English by two native English speakers fluent in Russian and Vietnamese. All translated versions were carefully reviewed by an expert committee consisting of a psychologist from each country.

Instrument

Loneliness was measured using the six-item version of the De Jong Gierveld Loneliness Scale, which assesses both emotional loneliness (three items) and social loneliness (three items). Each item is rated on a 4-point Likert scale, ranging from 1 (never) to 4 (al-

ways), with higher scores indicating greater loneliness. This shortened version has demonstrated good internal consistency and strong validity in various cultural contexts (De Jong Gierveld & Van Tilburg, 2010).

Data Analysis

Descriptive statistics were computed for all variables (in SPSS 22.0). Internal consistency was assessed using Cronbach's α , where values $> 0,70$ indicate satisfactory reliability (Izah et al., 2024). Corrected item-total correlations were calculated. Confirmatory factor analysis was conducted using diagonally weighted least squares estimation to assess the factor structure of the loneliness scale (in AMOS 16.0). The model fit was evaluated using comparative fit index ($CFI > 0,900$), Tucker–Lewis index ($TLI > 0,900$), root mean square error of approximation ($RMSEA < 0,08$), and standardized root mean square residual ($SRMR < 0,08$ (Ximénez et al., 2022)). A two-tailed independent samples t-test with a 95% confidence level ($\alpha = 0,05$) was conducted to compare levels of loneliness between the Russian and Vietnamese participant groups. To assess the measurement invariance of the loneliness scale between Vietnamese and Russian student groups, a multi-group confirmatory factor analysis was conducted following a sequential approach. First, configural invariance was tested to examine whether the factorial structure was equivalent across groups. Next, metric invariance was assessed by constraining factor loadings to be equal between groups. Then, scalar invariance was evaluated by additionally constraining item intercepts to be equal. Finally, if appropriate, strict invariance was tested by constraining residual variances to equality. Model fit indices such as CFI,

TLI, RMSEA, and SRMR were examined at each step, and change in CFI ($\Delta CFI \leq 0,01$) was used to determine whether imposing constraints significantly worsened model fit (Tan & Pektaş, 2020). Meeting these criteria supports that the scale functions equivalently across groups, ensuring meaningful cross-group comparisons. Latent profile analysis was used to classify participants into distinct subgroups based on loneliness scores (in Jamovi). The optimal number of classes was determined using Akaike information criterion (AIC), Bayesian information criterion (BIC), and entropy. Lower AIC and BIC values indicated better model fit, while entropy values closer to 1 suggested high classification accuracy.

Results

A comparison between Vietnamese and Russian students revealed significant differences in emotional and social loneliness levels. Vietnamese students scored significantly higher in emotional loneliness ($M = 7,43, SD = 2,02$) than Russian students ($M = 6,43, SD = 2,23, p < 0,001$). Similarly, Vietnamese students also reported higher social loneliness scores ($M = 7,43, SD = 2,16$) compared to their Russian counterparts ($M = 6,84, SD = 2,40, p = 0,006$). The total loneliness score was also higher among Vietnamese students ($M = 14,86, SD = 3,47$) than Russian students ($M = 13,28, SD = 4,10, p < 0,001$) (Table 2).

Table 1
Sample Characteristics by Country

Variable	Russia (<i>n</i> = 216)	Vietnam (<i>n</i> = 242)
Sex		
— Female	144 (66,7%)	118 (48,8%)
— Male	72 (33,3%)	124 (51,2%)
Age	$M = 20,55, SD = 2,37$	$M = 20,57, SD = 0,73$
Year of Study		
— 1st year	31 (14,4%)	3 (1,2%)
— 2nd year	93 (43,1%)	129 (53,3%)
— 3rd year	65 (30,1%)	79 (32,6%)
— 4th year	27 (12,5%)	31 (12,8%)

Note: $N = 458$; $M_{\text{Age}} = 20,56$; $SD_{\text{Age}} = 1,71$.

Table 2
Descriptive Statistics and T-test Results for Study Variables and Indicators

Variable / Indicator	Vietnam*	Russia*	<i>p</i>
Emotional Loneliness	$7,43 \pm 2,02$	$6,43 \pm 2,23$	<,001
I experience a general sense of emptiness [EL]	$2,48 \pm 0,89$	$2,32 \pm 0,86$	0,052
I miss having people around me [EL]	$2,72 \pm 0,79$	$2,09 \pm 0,97$	<,001
I often feel rejected [EL]	$2,23 \pm 0,80$	$2,03 \pm 0,92$	0,013

Variable / Indicator	Vietnam*	Russia*	p
Social Loneliness	$7,43 \pm 2,16$	$6,84 \pm 2,40$	0,006
There are plenty of people I can rely on when I have problems [SL]	$2,51 \pm 0,84$	$2,31 \pm 0,96$	0,019
There are many people I can trust completely [SL]	$2,57 \pm 0,88$	$2,34 \pm 0,90$	0,007
There are enough people I feel close to [SL]	$2,36 \pm 0,83$	$2,19 \pm 0,88$	0,038
Overall Loneliness	$14,86 \pm 3,47$	$13,28 \pm 4,10$	<,001

Note: N = 458. EL = Emotional Loneliness. SL = Social Loneliness. T-test with 95% confidence intervals was applied. * = $M \pm SD$.

Table 3
Exploratory and Confirmatory Factor Analysis

Items	Viet Nam		Russia		% of Variance	
	Factor		Factor			
	Social Loneliness	Emotional Loneliness	Social Loneliness	Emotional Loneliness		
SL1	0,82		48	0,69	37	
SL2	0,85			0,93		
SL3	0,87			0,76		
EL1		0,81	22		35	
EL2		0,89				
EL3		0,74				
Cronbach's Alpha	0,81	0,75		0,85	0,75	
Overall Cronbach's Alpha	0,78			0,84		
Factors' correlation	0,49***			0,48***		
χ^2	36			28		
df	8			8		
p-value	< 0,001			< 0,001		
CFI	0,942			0,964		
TLI	0,891			0,932		
GFI	0,956			0,960		
SRMR	0,048			0,044		
RMSEA	0,121			0,105		

Note. Extraction Method: Principal Component Analysis. ***. $p < 0,001$.

Exploratory and confirmatory factor analyses were performed separately for the Vietnamese and Russian student samples.

Both analyses supported a two-factor structure corresponding to social loneliness and emotional loneliness. In the Vietnamese

group, factor loadings for social loneliness items ranged from 0,82 to 0,87, explaining 48% of the variance, while emotional loneliness items had loadings between 0,74 and 0,89, accounting for an additional 22% of the variance. In the Russian group, social loneliness item loadings ranged from 0,69 to 0,93 (37% of the variance), and emotional loneliness item loadings ranged from 0,43 to 0,97 (35% of the variance) (Table 3).

Internal consistency was acceptable for both subscales, with Cronbach's alpha coefficients ranging from 0,75 to 0,85 across groups. The overall reliability of the scale was 0,78 in the Vietnamese sample and 0,84 in the Russian sample. The correlation between the two factors was moderate and significant in both groups (Vietnam: $r = 0,49$, $p < 0,001$; Russia: $r = 0,48$, $p < 0,001$), indicating related but distinct constructs.

Confirmatory factor analysis indicated a good model fit in both samples. In the Vietnamese sample, the fit indices were: $\chi^2(8) = 36$, $CFI = 0,942$, $TLI = 0,891$, $GFI = 0,956$, $SRMR = 0,048$, $RMSEA = 0,121$. In the Russian sample, $\chi^2(8) = 28$, $CFI = 0,964$, $TLI = 0,932$, $GFI = 0,960$, $SRMR = 0,044$, $RMSEA = 0,105$ (Table 3, Figure 2, and Figure 3).

The results of the measurement invariance testing are presented in Table 4. The

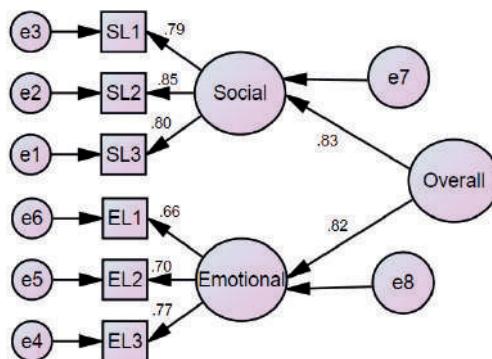
configural model demonstrated an acceptable fit ($\chi^2 = 63,06$, $df = 16$, $CFI = 0,953$, $RMSEA = 0,080$), indicating that the factor structure was similar across groups. The metric invariance model, in which factor loadings were constrained to be equal, also showed acceptable fit ($\Delta CFI = 0,004$), suggesting that the relationships between observed variables and their latent constructs were equivalent across groups. The scalar invariance model imposed additional constraints on item intercepts. Although there was a slight decline in model fit ($\Delta CFI = 0,005$), it remained within the acceptable threshold ($\Delta CFI \leq 0,01$) (Tan & Pektaş, 2020), indicating that participants from different groups interpreted the items similarly in terms of level. However, when testing the strict invariance model the model fit deteriorated more notably ($\Delta CFI = 0,012$), exceeding the recommended cutoff ($\Delta CFI \leq 0,01$) (Tan & Pektaş, 2020). This suggests that strict invariance may not hold across groups. Taken together, these results support configural, metric, and scalar invariance, allowing meaningful group comparisons at the latent mean level, while strict invariance was not established.

Table 5 and Table 6 presents the fit statistics for the two – to seven-class solutions in both the Vietnamese and Russian

Table 4
Measurement Invariance Testing Across Groups

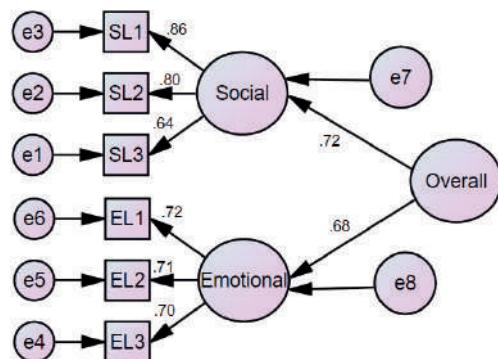
Model	χ^2	df	CFI	$RMSEA$	$\Delta\chi^2$	Δdf	ΔCFI
Configural invariance	63,06	16	0,953	0,080	—	—	—
Metric invariance	71,20	20	0,949	0,075	8,14	4	0,004
Scalar invariance	77,62	21	0,944	0,077	6,42	1	0,005
Strict invariance	97,59	29	0,932	0,072	19,86	6	0,012

Note: $\Delta\chi^2$ and ΔCFI indicate the change in chi-square and CFI compared to the less constrained model. $\Delta CFI \leq 0,01$ indicates acceptable invariance between models (Tan & Pektaş, 2020).

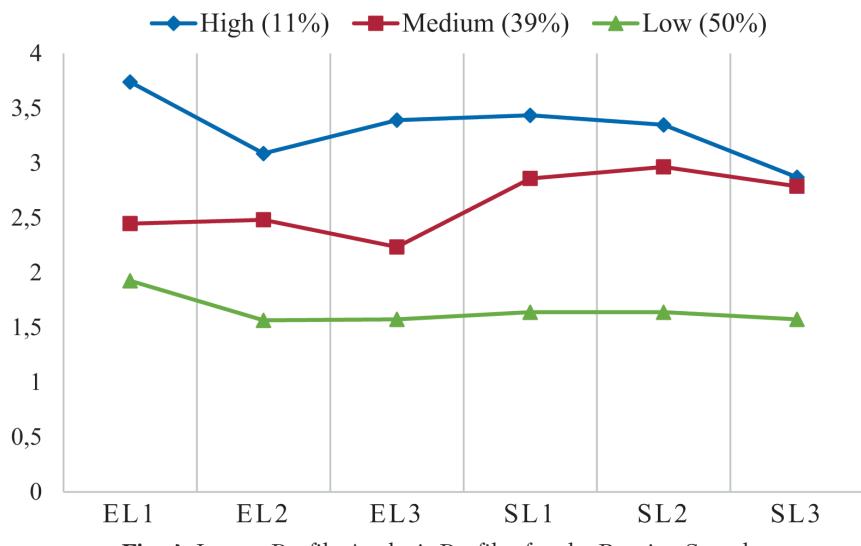
Fig. 2. Confirmatory Factor Analysis Model of the Loneliness Scale (Russian Sample)

samples. Model fit indices showed consistent improvement up to the three-class solution, while the four-class solution resulted in decreased classification quality. These results indicated that the three-class solution provided the best fit to the data. In the Vietnamese sample, 34% of participants ($n = 83$) were classified into the high-lon-

Fig. 3. Confirmatory Factor Analysis Model of the Loneliness Scale (Vietnamese Sample)

eliness profile, 47% ($n = 113$) into the moderate-loneliness profile, and 19% ($n = 46$) into the low-loneliness profile. Similarly, in the Russian sample, 11% ($n = 23$) were in the high-loneliness profile, 39% ($n = 85$) in the moderate-loneliness profile, and 50% ($n = 108$) in the low-loneliness profile (Figure 4 and Figure 5).

Fig. 4. Latent Profile Analysis Profiles for the Russian Sample

Table 5
Absolute model fit for Russian model

Class	Log-likelihood	<i>AIC</i>	<i>CAIC</i>	<i>BIC</i>	Entropy	<i>df</i>	<i>G²</i>	<i>p</i>
2	-1416	2906	3067	3030	0,90	178	958	< 0,001
3	-1337	2787	3032	2976	0,95	159	801	< 0,001
4	-1302	2755	3083	3008	0,92	140	731	< 0,001
5	-1249	2685	3097	3003	0,94	121	624	< 0,001
6	-1226	2677	3172	3059	0,95	102	578	< 0,001
7	-1216	2695	3273	3141	0,95	83	558	< 0,001

Note: N = 216.

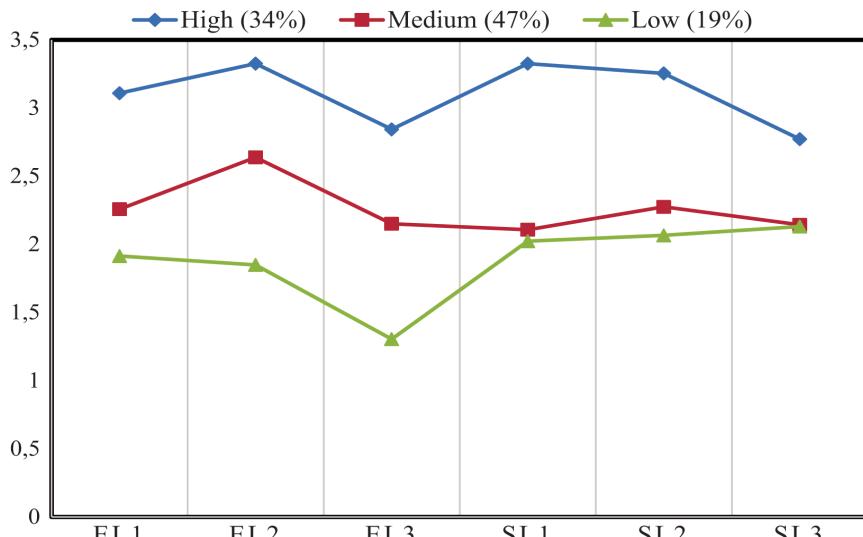

Fig. 5. Latent Profile Analysis Profiles for the Vietnamese Sample

Table 6
Absolute model fit for Vietnamese model

Class	Log-likelihood	<i>AIC</i>	<i>CAIC</i>	<i>BIC</i>	Entropy	<i>df</i>	<i>G²</i>	<i>p</i>
2	-1327	2716	2855	2824	0,889	210	720	< 0,001
3	-1267	2628	2839	2792	0,846	194	601	< 0,001
4	-1228	2582	2864	2801	0,889	178	522	< 0,001
5	-1195	2549	2903	2824	0,903	162	457	< 0,001
6	-1165	2520	2946	2851	0,936	146	396	< 0,001
7	-1138	2498	2996	2885	0,935	130	342	< 0,001

Note: N = 242.

Discussion

The findings of this study provide a comprehensive evaluation of the psychometric properties of the adapted scale for assessing emotional loneliness and social loneliness, particularly within the context of Vietnamese and Russian student populations. Regarding the factorial structure of both versions, the findings suggest that the models for both the Vietnamese and Russian versions were consistent and adequately fit the data, similar to previous studies examining loneliness scales (De Jong Gierveld & Van Tilburg, 2010). Both scales exhibited acceptable factor loadings across groups. To assess potential differences in factor structure, we conducted a multi-group confirmatory factor analysis. The configural invariance model showed good fit which indicates that the overall factor structure was similar across groups. However, minor variations were observed in individual factor loadings (e.g., SL1 = 0,82 in Group A vs. 0,69 in Group B), suggesting slight differences in the strength of item-factor relationships. Despite these variations, the metric invariance model held ($CFI = 0,004$), demonstrating that these differences were not statistically significant. Therefore, the scales maintained an equivalent factor structure across groups. This aligns with the notion that loneliness, though experienced differently across cultures, maintains similar underlying dimensions (De Jong Gierveld & Van Tilburg, 2010; Hawley, 2022; Weiss, 1973). The absence of significant structural deviations across the versions suggests that the scale is robust and versatile enough for cross-cultural application.

Latent profile analysis results for both versions yielded three subgroups, but with slight variations in the distribution and characteristics of each group. In the Vietnamese version, a higher proportion of participants were

classified as moderate-risk for loneliness. This pattern indicates that a substantial number of Vietnamese students perceive themselves as lacking sufficient social connection or emotional support. One possible explanation for this could be the rapid socio-cultural changes and urbanization occurring in Vietnam, which may disrupt traditional community structures and familial ties that have historically provided robust social support. Additionally, in collectivist societies, where the importance of interpersonal relationships and community belonging is emphasized, any perceived deficiency in these relationships might lead to more feelings of loneliness.

In contrast, the Russian version showed a relatively more even distribution between the moderate and low-risk groups. This may be due to cultural factors that promote individualistic coping strategies and provide access to supportive social networks and institutional structures that help alleviate loneliness. In addition, societal expectations regarding personal relationships and emotional expression in Russia might lead students to perceive or report lower levels of loneliness, even under similar conditions to those in other cultures. These findings highlight the need to consider cultural context when interpreting loneliness measures and suggest that interventions should be tailored accordingly. For example, strategies for Vietnamese students might focus on strengthening traditional social bonds and community networks that are being eroded by modernization, whereas interventions for Russian students could emphasize fostering individual resilience and alternative social support mechanisms.

Conclusions

This study demonstrated that both the Vietnamese and Russian versions of the loneliness scale exhibited robust psychomet-

ric properties, with clear structural validity and consistent fit across both samples. The scales were effective in capturing the underlying dimensions of loneliness, with all items fitting well within their respective domains. Latent profile analysis revealed three distinct subgroups, demonstrating the scale's discriminative capacity to identify individuals with different patterns of loneliness. The findings also highlighted the cultural differences between the Vietnamese and Russian samples, further emphasizing the importance of considering cultural context in loneliness research. Overall, the results suggest that both versions of the loneliness scale are reliable, valid, and useful tools for assessing loneliness across different cultural settings.

Limitations. There are several limitations in this study. First, the research was conducted exclusively with adolescents, which limits the generalizability of the findings to other age groups, such as adults or the elderly, who may experience loneliness differently. Second,

the data were collected through self-report questionnaires, which are subject to biases such as social desirability and memory recall biases, potentially affecting the accuracy of the responses. Third, the study focused on a sample from specific regions in Vietnam and Russia, and the findings may not necessarily reflect the experiences of adolescents in other areas of these countries or in other cultural contexts. Fourth, the data were gathered from educational settings, meaning that the sample may not be fully representative of adolescents who are not currently in school or those from different socio-economic backgrounds. The adapted scale demonstrated good psychometric properties in two culturally distinct university student samples. However, future research should consider expanding the scope to include broader age ranges, other underrepresented ethnic groups, and more diverse cultural settings to enhance the generalizability of the findings and explore the cross-cultural applicability of this scale.

References

1. Archer Lee, Y., Lay, J.C., Pauly, T., Graf, P., Hoppmann, C.A. (2022). The differential roles of chronic and transient loneliness in daily prosocial behavior. *Psychol Aging*, 37(5), 614–625. <https://doi.org/10.1037/pag0000681>
2. Barjaková, M., Garner, A., d'Hombres, B. (2023). Risk factors for loneliness: A literature review. *Social Science & Medicine*, 334, 116163. <https://doi.org/https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2023.116163>
3. Beaton, D.E., Bombardier, C., Guillemin, F., Ferraz, M.B. (2000). Guidelines for the process of cross-cultural adaptation of self-report measures. *Spine (Phila Pa 1976)*, 25(24), 3186–3191. <https://doi.org/10.1097/00007632-200012150-00014>
4. Christiansen, J., Lund, R., Qualter, P., Andersen, C.M., Pedersen, S.S., Lasgaard, M. (2021). Loneliness, Social Isolation, and Chronic Disease Outcomes. *Ann Behav Med*, 55(3), 203–215. <https://doi.org/10.1093/abm/kaaa044>
5. De Jong Gierveld, J., Van Tilburg, T. (2010). The De Jong Gierveld short scales for emotional and social loneliness: tested on data from 7 countries in the UN generations and gender surveys. *Eur J Ageing*, 7(2), 121–130. <https://doi.org/10.1007/s10433-010-0144-6>
6. Fardghassemi, S., Joffe, H. (2022). The causes of loneliness: The perspective of young adults in London's most deprived areas. *PLoS One*, 17(4), e0264638. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0264638>
7. Farrell, A.H., Vitoroulis, I., Eriksson, M., Vaillancourt, T. (2023). Loneliness and Well-Being in Children and Adolescents during the COVID-19 Pandemic: A Systematic Review. *Children*, 10(2).

8. Gabriel, A.S., Lanaj, K., Jennings, R.E. (2021). Is one the loneliest number? A within-person examination of the adaptive and maladaptive consequences of leader loneliness at work. *Journal of Applied Psychology*, 106(10), 1517–1538. <https://doi.org/10.1037/apl0000838>.
9. Grover, S. (2022). Loneliness Among the Elderly: a Mini Review. *Consortium Psychiatricum*, 3(1), 30–36. <https://doi.org/10.17816/CP143>
10. Hawkley, L.C. (2022). Loneliness and health. *Nature Reviews Disease Primers*, 8(1), 22. <https://doi.org/10.1038/s41572-022-00355-9>
11. Izah, S.C., Sylva, L., Hait, M. (2024). Cronbach's Alpha: A Cornerstone in Ensuring Reliability and Validity in Environmental Health Assessment. *ES Energy & Environment*, 23, 1057. <https://doi.org/10.30919/esee1057>
12. Kirwan, E.M., Luchetti, M., Burns, A., O'Súilleabháin, P.S., Creaven, A.-M. (2025). Loneliness trajectories and psychological distress in youth: Longitudinal evidence from a population-based sample. *British Journal of Developmental Psychology*, 43(1), 190–204. <https://doi.org/https://doi.org/10.1111/bjdp.12533>
13. Lawrence, D., Hunter, S.C., Cunneen, R., Houghton, S.J., Zadow, C., Rosenberg, M., ... Shilton, T. (2022). Reciprocal Relationships between Trajectories of Loneliness and Screen Media Use during Adolescence. *Journal of Child and Family Studies*, 31(5), 1306–1317. <https://doi.org/10.1007/s10826-021-02066-3>
14. Le, D.H., Quang Dao, P. (2024). Exploring the Emotional Pathway from Motivation to Facebook* Addiction in a Vietnamese Undergraduate Sample. *Psychol Russ*, 17(1), 100–115. <https://doi.org/10.11621/pir.2024.0106>
15. Leontiev, A.N. (1987). *Activity, consciousness, and personality*. Prentice-Hall Englewood Cliffs.
16. Mansfield, L., Victor, C., Meads, C., Daykin, N., Tomlinson, A., Lane, J., ... Golding, A. (2021). A Conceptual Review of Loneliness in Adults: Qualitative Evidence Synthesis. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 18(21).
17. McCarthy, J.M., Erdogan, B., Bauer, T.N., Kudret, S., Campion, E. (2025). All the Lonely People: An Integrated Review and Research Agenda on Work and Loneliness. *Journal of Management*, 01492063241313320. <https://doi.org/10.1177/01492063241313320>
18. Naumova, V.A., Glozman, Z.M. (2021). The Phenomenon of Loneliness in Old Age. *Psychol Russ*, 14(3), 147–165. <https://doi.org/10.11621/pir.2021.0310>
19. Pham, Q.D., Pecherkina, A.A. (2024). How ghosting and stress impact vulnerable narcissism and maladaptive daydreaming: The role of mindfulness and rumination. Advance online publication. <https://doi.org/10.1037/cns0000403>
20. Pham, Q.D., Pecherkina, A. Loneliness as a Motivating Factor for Maladaptive Daydreaming among Vietnamese Adolescents: The Role of Online Novel Reading. *Psychology, Health & Medicine*. <https://doi.org/10.1080/13548506.2025.2486506>
21. Sheftel, M.G., Margolis, R., Verdery, A.M. (2024). Loneliness Trajectories and Chronic Loneliness Around the World. *J Gerontol B Psychol Sci Soc Sci*, 79(8). <https://doi.org/10.1093/geronb/gbae098>
22. Tan, S., Pektaş, S. (2020). Examining the invariance of a measurement model by using the covariance structure approach. *International Journal of Contemporary Educational Research*, 7(2), 27–39. <https://doi.org/10.33200/ijcer.756865>
23. Thi, T.T.M. (2024). Involvement of Vietnamese elders in economic activities in the lens of family ties, low institutional coverage, and gender identity. *International Journal of Asian Studies*, 21(2), 284–303. <https://doi.org/10.1017/S147959142300058X>
24. Slobodchikov, I.M. (2005). The Experience of Loneliness Within the Limits of Self-conception Formation at Adolescent Age. *Psychological Science and Education*, 10(1), 28–32. (In Russ.). URL: https://psyjournals.ru/en/journals/pse/archive/2005_n1/Slobodchikov

Чан Т.Т. (2025)
Одиночество у вьетнамских и российских
студентов: валидация шкалы...
Социальная психология и общество,
16(3), 205–218.

Tran T.C. (2025)
Loneliness in vietnamese and russian students: scale
validation and cross-cultural comparisons
Social Psychology and Society,
16(3), 205–218.

25. Wang, Y., Warmenhoven, H., Feng, Y., Wilson, A., Guo, D., Chen, R. (2022). The relationship between childhood trauma and suicidal ideation, the mediating role of identification of all humanity, indifference and loneliness. *Journal of Affective Disorders*, 299, 658–665. <https://doi.org/https://doi.org/10.1016/j.jad.2021.12.052>
26. Weiss, R.S. (1973). *Loneliness: The experience of emotional and social isolation* The MIT Press.
27. Wu, P., Feng, R., Zhang, J. (2024). The relationship between loneliness and problematic social media usage in Chinese university students: a longitudinal study. *BMC Psychology*, 12(1), 13. <https://doi.org/10.1186/s40359-023-01498-4>
28. Ximénez, C., Alberto, M.-O., Dexin, S., Revuelta, J. (2022). Assessing Cutoff Values of SEM Fit Indices: Advantages of the Unbiased SRMR Index and Its Cutoff Criterion Based on Communalities. *Structural Equation Modeling: A Multidisciplinary Journal*, 29(3), 368–380. <https://doi.org/10.1080/10705511.2021.1992596>
29. Yoo-Jeong, M., Haardörfer, R., Holstad, M., Hepburn, K., Waldrop-Valverde, D. (2021). Is Social Isolation Related to Emotion Dysregulation and Retention in Care Among Older Persons Living with HIV? *AIDS and Behavior*, 25(1), 171–181. <https://doi.org/10.1007/s10461-020-02957-4>

Information about the authors

Thuy Chi Tran, Bachelor of Economics, Institute of Economics and Management, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-1400-1995>, e-mail: thuychitran@mail.ru

Информация об авторах

Тхуи Чан, бакалавр экономики, Институт экономики и управления, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-1400-1995>, e-mail: thuychitran@mail.ru

Conflict of interest

The author declare no conflict of interest.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Ethics statement

All procedures performed in the study involving human participants were in accordance with the ethical standards of the institutional and/or national research committee and with the APA ethical standards.

Декларация об этике

Все процедуры, выполненные в исследовании с участием людей, соответствовали этическим стандартам институционального и/или национального комитета по этике исследований, а также этическим стандартам АПА.

Поступила в редакцию 27.03.2025

Received 2025.03.27

Поступила после рецензирования 18.06.2025

Revised 2025.06.18

Принята к публикации 20.09.2025

Accepted 2025.09.20

Опубликована 30.09.2025

Published 2025.09.30

Научная статья | Original paper

Шкала оценки идеального партнера (IPRS): перевод, адаптация и валидация для русской культуры

А.А. Проворова¹ , Д.В. Семенова¹, М.А. Манокин²

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Пермь, Российская Федерация

² Пермский государственный научно-исследовательский университет,
Пермь, Российская Федерация

 AAProvorova@hse.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Современные демографические изменения и растущая осведомленность людей о сложностях совместной жизни делают выбор партнера более осознанным и требовательным процессом. В условиях культурных различий и необходимости межкультурных сравнений важно адаптировать инструменты, такие как шкала IPRS, для изучения предпочтений в романтических отношениях в российском контексте.

Цель. Адаптация русскоязычной версии шкалы оценки идеального партнера и отношений (IPRS), разработанной Дж. Флетчером и коллегами, с последующей верификацией ее психометрических свойств (надежности и валидности) в российском культурном контексте.

Гипотеза. Предполагается, что русскоязычная адаптация шкалы IPRS продемонстрирует структурное соответствие оригинальной англоязычной версии опросника.

Материалы и методы. В исследовании приняли участие 709 людей в возрасте от 16 до 63 лет, преимущественно студенты и выпускники вузов, из которых 60% составили женщины. Анализ структуры опросника проводился посредством реализации исследовательского и конфирматорного факторных анализов. Надежность опросника проверялась с помощью показателей α Кронбаха и ω МакДональда. Обработка и анализ данных производились в статистической среде RStudio (R v1.1.456) и JASP 0.19.3.

Результаты. Результаты исследования продемонстрировали, что русскоязычная адаптация модифицированной версии шкалы оценки идеального партнера соответствует эмпирическим данным латвийской и колумбийской выборок. Однако, несмотря на высокие психометрические показатели исходной модели, были внесены корректировки: исключена шкала «Хорошее чувство юмора» из-за низкой факторной нагрузки и учтены содер- жательно обоснованные ковариации ошибок между пунктами.

Выводы. Исследование показало, что, хотя базовые параметры идеального партнера демонстрируют межкультурное сходство, требуется модификация диагностического инструментария с учетом культурных особенностей. В дальнейших исследованиях целесообразно сосредоточиться на детальном анализе воздействия социально-демографических переменных на формирование идеала партнера, а также на создании методических рекомендаций для применения данного подхода в консультационной работе.

Ключевые слова: выбор партнера, оценка партнера, брак, сожительство, семья, идеальные характеристики, молодежь, адаптация методов

Финансирование. Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Благодарности. Авторы выражают благодарность экспертам, оказавшим помощь на этапе адаптации исследовательского инструмента: Александру Березкину, Нине Семушкиной и Роману Соснину, а также Владимиру Пустовику за консультативную помощь.

Дополнительные данные. Наборы данных доступны по адресу: <https://ruspsydata.mgppu.ru/items/8ac1a991-07c4-4fa5-82c1-0857c12702f4>.

Для цитирования: Проворова, А.А., Семенова, Д.В., Манокин, М.А. (2025). Шкала оценки идеального партнера (IPRS): перевод, адаптация и валидация для русской культуры. *Социальная психология и общество*, 16(3), 219–238. <https://doi.org/10.17759/sps.2025160312>

Ideal partner rating scale (IPRS): translation, adaptation and validation for Russian culture

A.A. Provorova¹ , D.V. Semenova¹, M.A. Manokin²

¹ National Research University Higher School of Economics, Perm, Russian Federation

² Perm State University, Perm, Russian Federation

 AAProvorova@hse.ru

Abstract

Context and relevance. Current demographic changes and people's growing awareness of the complexities of living together make choosing a partner a more conscious and demanding process. In the context of cultural differences and the need for cross-cultural comparisons, it is important to adapt instruments such as the IPRS to study preferences in romantic relationships in the Russian context.

Objective. The objective of this study is to adapt the Russian-language version of the Ideal Partner and Relationship Rating Scale (IPRS) developed by J. Fletcher and colleagues, with subsequent verification of its psychometric properties (reliability and validity) in the Russian cultural context.

Hypothesis. It is assumed that the Russian-language adaptation of the IPRS scale will demonstrate structural compliance with the original English-language version of the questionnaire.

Materials and methods. The study involved 709 people aged 16 to 63 years, mainly students and university graduates, 60% of whom were women. The analysis of the questionnaire structure was carried out through exploratory and confirmatory factor analyses. The reliability of the questionnaire was tested using Cronbach's and McDonald's α indicators. Data processing and analysis were performed in the statistical environment RStudio (R v1.1.456) and JASP 0.19.3.

Results. The results of the study demonstrated that the Russian-language adaptation of the modified version of the ideal partner assessment scale corresponds to the empirical data of the Latvian and Colombian samples. However, despite the high psychometric indicators of the original model, adjustments were made: the scale "Good sense of humor" was excluded due to low factor loading and substantive error covariances between the items were taken into account.

Conclusions. *The study showed that, although the basic parameters of the ideal partner demonstrate cross-cultural similarity, modification of the diagnostic tools is required taking into account cultural characteristics. In further studies, it is advisable to focus on a detailed analysis of the impact of socio-demographic variables on the formation of the ideal partner, as well as on the creation of methodological recommendations for the application of this approach in counseling work.*

Keywords: *partner choice, partner evaluation, marriage, cohabitation, family, ideal characteristics, youth, adaptation of methods*

Funding. The study was carried out within the framework of the HSE University Basic Research Program.

Acknowledgments. The authors express their gratitude to the experts who provided assistance at the stage of adaptation of the research instrument: Alexander Berezkin, Nina Semushina and Roman Sosnin, and also to Vladimir Pustovik for advisory assistance.

Supplemental data. Datasets available from <https://ruspsydata.mgppu.ru/items/8ac1a991-07c4-4fa5-82c1-0857c12702f4>.

For citation: Provorova, A.A., Semenova, D.V., Manokin, M.A. (2025). Ideal partner rating scale (IPRS): translation, adaptation and validation for Russian culture. *Social Psychology and Society*, 16(3), 219–238. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2025160312>

Введение

Идеальный партнер — это образ, который формируется обществом и играет важную роль в выборе спутника жизни. Эта тема изучается с древних времен: философы, религиозные мыслители и современные ученые сходятся в том, что идеальный партнер отражает качества, которые общество считает лучшими, и служит эталоном для принятия решений в отношениях (Campbell и др., 2016; Fletcher и др., 1999; Fletcher и др., 2014). Он выполняет функцию социального контроля, задавая стандарты, которые влияют на выбор партнера и оценку существующих отношений.

Сегодня, в условиях демографического кризиса, исследование предпочтений при выборе партнера становится особенно актуальным. Современные мужчины и женщины более осведомлены о проблемах совместимости, сложностях совместной жизни и рисках в отноше-

ниях. Это делает их более осторожными и требовательными при выборе партнера по сравнению с прошлыми поколениями (Плешакова, 2021). Люди стали больше внимания уделять не только внешним характеристикам, но и внутренним качествам, которые способствуют гармоничным и долгосрочным отношениям.

Представления об идеальном партнере формируются через культурные и социальные механизмы: средства массовой информации (Nosrati и др., 2023), личное общение, наблюдение за поведением других людей и влияние референтных групп. Эти образы передаются из поколения в поколение и варьируются в зависимости от культурного и социального контекста. Например, даже в традиционно монолитных обществах, таких как страны Азии, существуют различия в представлениях об идеальном партнере между социальными классами и регионами (Ong и др., 2020).

Разные социальные и культурные контексты наполняют образ идеального партнера уникальными характеристиками. Для одних людей приоритетом является физическая привлекательность, для других — интеллект, чувство юмора или эмоциональный интеллект (Bruch, Newman, 2019). Эти предпочтения могут различаться не только между странами, но и внутри них, в зависимости от социальной группы, уровня образования и других факторов (Carol, 2016). Например, в одних культурах больше ценится способность партнера обеспечивать семью, а в других — его эмоциональная отзывчивость и умение поддерживать гармонию в отношениях.

Исследования выделяют несколько универсальных черт, которые часто ассоциируются с идеальным партнером. Среди них — эмоциональный интеллект, способность управлять своими эмоциями и проявлять привязанность (Ти и др., 2022). Коммуникабельность, то есть умение выстраивать отношения с окружающими, также играет важную роль в формировании этого образа (Eastwick и др., 2011). Эти качества помогают создавать устойчивые и гармоничные отношения, что делает их значимыми для большинства людей.

Социально-экономические и культурные факторы также влияют на представления об идеальном партнере. Экономическая стабильность, например, часто рассматривается как важный критерий, особенно в условиях современного общества, где финансовые вопросы играют значительную роль в отношениях (Campbell и др., 2016). Семейное воспитание и социальный статус партнера также имеют значение, так как они отражают его

ценности и способность вносить вклад в отношения. Уверенность в себе, которая часто связана с социальным статусом, также считается важной характеристикой идеального партнера (Li и др., 2020).

Конечно, внешняя привлекательность традиционно играет значительную роль в восприятии идеального партнера. Исследования показывают, что физические характеристики и внешность влияют на первое впечатление и дальнейшее развитие отношений (Cahill и др., 2020; Eastwick и др., 2011).

Исследования образа идеального партнера часто опираются на качественные методы, такие как интервью и опросы, которые создаются под конкретные задачи и не всегда подходят для других целей или выборок. Одни из первых универсальных моделей были разработаны Кристенсеном и Хиллом (Christensen, 1947; Hill, 1945) в 1930–1940-х годах. Их инструмент включал 18 характеристик идеального партнера и использовался для изучения изменений в предпочтениях на протяжении почти века (Boxer и др., 2015; Hudson, Henze, 1969; McGinnis, 1958). Однако за это время приоритеты в отношениях изменились: такие качества, как религиозность и целомудренность, утратили актуальность, а на первый план вышли уровень образования и социальные навыки. Это потребовало создания более современных инструментов.

Методика оценки идеального партнера. Первым вариантом шкалы оценки идеального партнера стала шкала Ideal Partner and Relationship Scale (IPRS), разработанная Флетчером и коллегами (Fletcher и др., 1999). Она состоит из 35 характеристик идеального партнера, включающих в себя: физическую при-

влекательность, интеллектуальные способности, уровень дохода, коммуникативные способности и некоторые другие. Несколько позже, в 2015 году, Катсена и Димдинс (Katsena, Dimdins, 2015) представили обновленную версию опросника IPRS, в которой вопросы были частично переработаны с учетом современных предпочтений молодежи, а также в опрос были добавлены актуальные для современных реалий критерии — уровень образования и социальные навыки.

Шкала IPRS была успешно протестирована на англоговорящих респондентах (Campbell и др., 2016; Eastwick и др., 2014), после чего она была адаптирована и валидирована на латышской (Katsena, Dimdins, 2015) и колумбийской (Moreno Naranjo, Gutiérrez, 2023) выборках. На данный момент в русскоязычной научной среде отсутствуют аналогичные инструменты, которые могли бы комплексно оценить представления об идеальном партнере с учетом современных социальных и культурных реалий. Адаптация шкалы IPRS на русский язык позволит заполнить этот пробел и предоставит исследователям надежный инструмент для изучения предпочтений в выборе партнера в русскоязычной среде. Поэтому целью данной статьи является адаптация шкалы IPRS для русскоязычных респондентов.

Материалы и методы

Выборка. Благодаря свободному распространению опросника в сети Интернет удалось охватить респондентов из многих регионов Российской Федерации. В выборку вошли жители Перми и Пермского края, Новосибирска, Москвы, Санкт-Петербурга и других регионов России. Всего в опросе приняли

участие 709 человек в возрасте от 16 до 63 лет. Однако после проверки данных на выбросы и последующего удаления наблюдений с аномальными значениями (например, наблюдений, в которых ответы респондента на все вопросы оказались равны максимальному значению шкалы) 27 ответов были исключены, и итоговый размер выборки составил 682 наблюдения. В итоговую выборку попали 420 женщин и 262 мужчины (61,6% и 38,4% соответственно) в возрасте от 16 до 63 лет ($M = 22,95; SD = 6,43$). Большая часть респондентов (83,9%) отметила местом рождения крупные города (центры субъектов Российской Федерации), остальные участники — родом из сельской местности.

Более подробное описание выборки в формате визуализации результатов анализа данных представлено в Приложении B, раздел 1 / see Appendix B, section 1. База данных с результатами опроса опубликована в репозитории психологических исследований и инструментов RusPsyData (Проворова и др., б. д.).

Участие в опросе было анонимным, добровольным и безвозмездным.

Методики. Шкала оценки идеального партнера. Для адаптации методики IPRS на русский язык использовалась обновленная версия опросника IPRS (Fletcher и др., 1999), разработанная Катсена и Димдинс (Katsena, Dimdins, 2015) и включающая 35 характеристик идеального партнера, объединенных в пять факторов (надежность: $\alpha = 0,84\text{--}0,91$). Каждую из характеристик респондентам предлагалось оценить по шкале от 1 («неважно») до 7 («очень важно»). При переводе шкалы на русский язык возникали некоторые сложности: англо-

Проворова А.А., Семенова Д.В., Манокин М.А. (2025) Шкала оценки идеального партнера (IPRS): перевод, адаптация и валидация... Социальная психология и общество, 16(3), 219–238.

Provorova A.A., Semenova D.V., Manokin M.A. (2025) Ideal partner rating scale (IPRS): translation, adaptation and validation for Russian culture Social Psychology and Society, 16(3), 219–238.

язычная версия шкалы содержит тонкие личностные концепты (например, «Sociability» и «Communicative»), которые в русском переводе могли сливатся по смыслу. Кроме того, в английской версии характеристики представлены существительными и прилагательными, что при дословном переводе на русский язык создавало несогласованность. Для решения данной проблемы было принято решение привести все пункты опроса в форму прилагательных (например, «общительный», «коммуникабельный»).

Перевод был выполнен в два этапа: с английского на русский и обратно. Данний подход основывается на рекомендациях Test Adaptation Reporting Standars (Hiescu и др., 2024). Сравнение результатов выявило расхождения в 7 пунктах, которые были скорректированы. Затем три эксперта-билингва (лингвисты и социологи по специальности) проверили соответствие русской версии оригиналу, предложив свои правки для повышения точности перевода. Их рекомендации учтены в итоговой адаптации шкалы.

Список вопросов итоговой версии русской адаптации шкалы представлен в Приложении А / see Appendix A.

Помимо ответов на вопросы об идеальном партнере, участникам было предложено заполнить информацию о себе и о своих представлениях о себе. Список дополнительных вопросов представлен в Приложении В, раздел 2 / see Appendix B, section 2.

Методы статистической обработки

Оценка нормальности распределения шкал производилась на основании показателей асимметрии и эксцесса. Так, зна-

чения индексов асимметрии и эксцесса в пределах ± 1 зачастую определяют как «отличные», а значения в пределах ± 2 – «приемлемые» для психометрических целей (George, Mallery, 2016).

Анализ структуры опросника проводился двумя методами: 1) исследовательским факторным анализом (exploratory factor analysis, EFA) и 2) конфирматорным факторным анализом (confirmatory factor analysis, CFA). Исследовательский факторный анализ проводился с целью выявления латентной структуры опросника и определения количества факторов, наилучшим образом объясняющих взаимосвязи между шкалами. Для этого использовался метод главных компонент (PCA) с последующим вращением факторов *orthomax* для улучшения интерпретируемости. Для определения оптимального количества факторов мы использовали метод «очень простой структуры» (very simple structure, vss), который сравнивает результаты различных факторных анализов с упрощенной матрицей нагрузок путем удаления всех нагрузок, за исключением с самых больших для каждого элемента, где с является мерой факторной сложности (Revelle, Rocklin, 1979), а также параллельный анализ (Parallel analysis), который, по мнению ряда исследователей (например, Matsunaga, 2010), является наиболее точным методом. Параллельный анализ генерирует случайные данные на основе количества выбранных переменных и участников, затем вычисляет корреляционную матрицу и вычисляет собственные значения. Кроме того, мы учитывали содержательную интерпретируемость факторных нагрузок, где значения $\geq 0,5$ считались значимыми.

Конfirmatornyj faktornyj analiz проводился для проверки адекватности теоретически ожидаемой структуры опросника. В качестве метода оценивания мы использовали Weighted Least Squares Mean- and Variance-adjusted (WLSMV), разработанный специально для анализа категориальных и порядковых данных, включая ответы по шкале Лайкерта. Он использует взвешенный метод наименьших квадратов с корректировкой среднего и дисперсии, что делает его более устойчивым к нарушению предположений о нормальности распределения (Flora, Curran, 2004). Оценка модели включала анализ факторных нагрузок, а также показателей согласия: CFI и TLI ($> 0,90$), RMSEA ($< 0,08$) и SRMR ($< 0,10$) (Brown, 2015). В случае недостаточного соответствия качества модели данным вносились теоретически обоснованные модификации (например, учет ковариаций между ошибками шкал).

Для лучшей модели был проведен анализ инвариантности по полу, который состоял из четырех последовательных этапов. Сначала проверялась структурная инвариантность, чтобы убедиться, что одни и те же наблюдаемые переменные формируют идентичные латентные факторы в обеих группах. Затем тестировалась метрическая инвариантность, где на факторные нагрузки накладывались ограничения, требующие их равенства в сравниваемых группах. После этого оценивалась скалярная инвариантность, предполагающая равенство интерцептов (свободных членов) регрессионных уравнений. Наконец, проверялась строгая инвариантность, которая, помимо условий скалярной инвариантности, включала дополнительное требо-

вание равенства остаточных дисперсий в группах. В данном исследовании, наряду с традиционным критерием χ^2 , обладающим известной чувствительностью к объему выборки и нарушениям предположения о нормальности распределения данных (Chen, 2007), были использованы более устойчивые показатели оценки инвариантности. В соответствии с общепринятыми методологическими рекомендациями для выборок численностью свыше 300 респондентов были установлены следующие диагностические пороги: для проверки метрической инвариантности значимыми считаются различия, превышающие $\Delta CFI > 0,010$ в сочетании либо с $\Delta RMSEA > 0,015$, либо с $\Delta SRMR > 0,030$. Аналогичным образом, при тестировании скалярной инвариантности нарушение устанавливается при $\Delta CFI > 0,010$ совместно с $\Delta RMSEA > 0,015$ или $\Delta SRMR > 0,010$. Применение этих более консервативных критериев позволяет существенно снизить вероятность получения ложноположительных результатов, обусловленных, например, большим объемом анализируемой выборки, что обеспечивает более надежную верификацию факта наличия или отсутствия измеряемых инвариантных свойств модели.

Надежность опросника проверялась посредством расчета показателей α Кронбаха и ω МакДональда. Показатель α Кронбаха был выбран как традиционно используемый в аналогичных исследованиях, в то время как показатель ω МакДональда — как более точная альтернатива, учитывающая неравномерность факторных нагрузок и лучше подходящая для данных, отклоняющихся от тау-эквивалентности.

Конвергентная валидность оценивалась путем проверки степени согласованности факторов, сформированных в результате реализации конфирматорного факторного анализа, с дополнительными вопросами о самооценке респондентами собственного образа в глазах потенциальных партнеров (список вопросов представлен в Приложении В, раздел 2 / see Appendix B, section 2), а также через анализ среднего извлеченного дисперсии (Average Variance Extracted, AVE). Для этого рассчитывались корреляции между усредненными значениями факторов и вопросами о самооценке, а также проверялось, превышает ли AVE пороговое значение 0,50, что свидетельствует о достаточной объясненной дисперсии латентного конструкта (Fornell, Larcker, 1981). Дополнительно оценивались факторные нагрузки в рамках CFA: значимые и высокие нагрузки ($\geq 0,50$) подтверждают конвергентную валидность (Brown, 2015).

Анализ данных производился в статистической среде RStudio (R v1.1.456) и в программе JASP 0.19.3.0.

Результаты

В Приложении В, раздел 3, табл. B1 / see Appendix B, section 3, table B1 представлены описательные статистики по пунктам шкалы оценки идеального партнера. Как видно из представленных данных, пункты шкалы «Надежный(ая)», «Верный(ая)», «Любящий(ая)» демонстрируют асимметрию и эксцесс выше пороговых значений, что говорит о ненормальности распределения данных и сильной левосторонней асимметрии. Проще говоря, практически для всех респондентов эти

качества являются важнейшими в партнере, и они оценивали их на 7 баллов из 7 возможных. В целом, большинство пунктов демонстрируют левостороннюю асимметрию, что свидетельствует о склонности респондентов высоко оценивать значимость различных качеств идеального партнера. В связи с тем, что данные демонстрируют распределение, отличное от нормального, в дальнейшем к данным применяются непараметрические методы оценки.

Исследовательский факторный анализ

Перед проведением исследовательского факторного анализа для оценки пригодности данных к проведению факторного анализа было рассчитано значение критерия Кайзера-Майера-Олкина, которое составило 0,912 при рекомендуемом значении выше 0,7 (Dziuban, Shirkey, 1974); также был проведен тест сферичности Бартлетта, результаты которого продемонстрировали возможность проведения факторного анализа на анализируемых данных ($\chi^2 (595) = 13793,074; p < 0,001$).

В результате реализации процедуры «очень простой структуры» было обнаружено, что оптимальным по двум критериям (Velicer MAP и BIC) является количество факторов, равное 5. Для подтверждения результата также был использован параллельный анализ. Данный инструмент подтвердил вывод о том, что оптимальным количеством факторов является 5. Совокупная объясненная доля дисперсии при таком количестве факторов составила 54,5%.

В Приложении В, раздел 3, таб. B2 / see Appendix B, section 3, table B2 пред-

ставлена матрица факторных нагрузок¹ для пяти получившихся факторов. Как можно видеть в таблице, фактор 1 (*собственное значение* = 9,508; *var* = 0,259) состоит из элементов, связанных с уровнем дохода и профессиональным успехом партнера, поэтому данный фактор можно условно обозначить как «Успешность». В фактор 2 (*собственное значение* = 3,932, *var* = 0,102) вошли характеристики, связанные с интеллектуальными способностями партнера, поэтому данный фактор мы назвали «Ум». В фактор 3 (*собственное значение* = 3,553, *var* = 0,09) оказались включены характеристики заботы, уважения и гармонии в отношениях, поэтому данный фактор мы обозначили как «Забота». В четвертый фактор (*собственное значение* = 2,409, *var* = 0,054) вошли характеристики красоты и физической привлекательности партнера, поэтому данный фактор был назван «Красота». Наконец, фактор 5 (*собственное значение* = 1,773, *var* = 0,039) включил в себя характеристики общения и социальных навыков, поэтому данный фактор был условно обозначен как «Коммуникальность». Получившееся наполнение факторов оказалось полностью соответствующим англоязычной и испаноязычной версиям теста, произведенной Katsena, Dimdins, 2015 и Moreno Naranjo, Gutiérrez, 2023.

Однако два пункта шкалы получили факторные нагрузки ниже порогового значения ($< |0,5|$) — «Тактичный» (0,49) и «Хорошее чувство юмора» (0,304). Для сохранения качества модели было принято решение не включать в структу-

ру опросника пункт «Хорошее чувство юмора», но оставить «Тактичный», так как значение факторной нагрузки незначительно отклоняется от порогового.

Конfirmаторный факторный анализ

Полученная структура факторов была подтверждена посредством реализации CFA. Сначала была проверена исходная пятифакторная модель из 35 характеристик (см. табл. 1, «Полная модель (35 суждений — 5 факторов»)). Хотя значения показателей качества модели (*CFI* = 0,978, *TLI* = 0,976, *RMSEA* = 0,037, *SRMR* = 0,061) оказались выше рекомендуемых пороговых значений (*CFI*, *TLI* > 0,9, *RMSEA* < 0,08, *SRMR* < 0,1), было принято решение проверить, улучшится ли модель после исключения характеристик с низкой факторной нагрузкой — в частности, суждения «Хорошее чувство юмора». После исключения данного пункта была протестирована уточненная модель (см. табл. 1, «Уточненная модель (34 суждения — 5 факторов»)). Как показали результаты, ее показатели соответствия продемонстрировали незначительное, но устойчивое улучшение по сравнению с исходной версией. Учитывая теоретическую обоснованность исключения слабо нагруженных пунктов, а также статистическое преимущество скорректированной модели, для дальнейшего анализа была выбрана именно она.

Следующим шагом стал анализ индексов модификации, который продемонстрировал наличие ковариаций ошибок между различными суждениями внутри

¹ Отметим, что в таблице представлены факторные нагрузки величиной большей или равной 0,3.

шкал (см. табл. 2). Выявленные ковариации ошибок имеют логичные основания. Так, пары суждений «Общительный» и «Коммуникабельный», «Имеет высокий доход» и «Финансово благополучен», а также «Надежный» и «Верный» семантически и содержательно схожи, что может определять их сильную ковариацию. Что касается пар суждений «Имеет высокий доход» и «Имеет хорошую работу» и «Имеет хорошую работу» и «Финансово благополучен», их взаимосвязи могут быть обусловлены их принадлежностью к общей латентной конструкции, отражающей экономический статус респондента. Кроме того, значимые ковариации ошибок были обнаружены между пара-

ми суждений «Верный» и «Любящий», а также «Надежный» и «Любящий». Подобные взаимосвязи могут быть обусловлены тем, что данные характеристики входят в единый смысловой кластер, связанный с эмоциональной близостью и межличностным доверием.

Так как выявленные ковариации имеют логичное обоснование, они были внесены в модель (см. табл. 1, «Уточненная модель (34 суждения – 5 факторов, 7 ковариаций)»), что привело к дополнительному улучшению ее соответствия эмпирическим данным ($\Delta CFI = +0,007$, $\Delta TLI = +0,007$, $\Delta RMSEA = -0,005$, $\Delta SRMR = -0,008$), что, в свою очередь, подтверждает целесообразность их учета.

Показатели соответствия конфирматорных моделей
Conformity indices of confirmatory models

Модель / Model	χ^2	<i>df</i>	RMSEA [90% CI]	SRMR	CFI	TLI
Полная модель (35 суждений – 5 факторов)	998,088	517	0,037 [0,034; 0,04]	0,061	0,978	0,976
Уточненная модель (34 суждения – 5 факторов)	926,31	485	0,037 [0,033; 0,04]	0,06	0,979	0,977
Уточненная модель (34 суждения – 5 факторов, 7 ковариаций)	750,478	447	0,032 [0,028; 0,035]	0,053	0,985	0,983

Примечание: χ^2 – статистика критерия хи-квадрат; *df* – степени свободы; RMSEA – среднеквадратическая ошибка аппроксимации; CI – доверительный интервал; SRMR – стандартизованный среднеквадратический остаток; CFI и TLI – индексы сравнительного соответствия.
Note: χ^2 – chi-square statistic; *df* – degrees of freedom; RMSEA – Root Mean Square Error of Approximation; CI – confidence interval; SRMR – Standardized Root Mean Square Residual; CFI and TLI – comparative fit indices.

Ковариации ошибок суждений
Covariances of judgment errors

Формулировка суждения / Formulations of judgments		Формулировка суждения / Formulations of judgments	MI
Общительный(ая) / Sociability	↔	Коммуникабельный(ая) / Communicative	28,993
Имеет высокий доход / High income	↔	Имеет хорошую работу / Good job	24,435

Формулировка суждения / Formulations of judgments		Формулировка суждения / Formulations of judgments	MI
Имеет высокий доход / High income	↔	Финансово благополучен / Financial security	22,053
Надежный(ая) / Trustworthiness	↔	Верный(ая) / Fidelity	10,404
Имеет хорошую работу / Good job	↔	Финансово благополучен / Financial security	10,255
Верный(ая) / Fidelity	↔	Любящий(ая) / Loving	9,694
Надежный(ая) / Trustworthiness	↔	Любящий(ая) / Loving	5,077

Примечание: MI — модификационный индекс.

Note: MI is a modification index.

Анализ инвариантности

Мультигрупповой факторный анализ. Для наилучшей модели (см. табл. 1, «Уточненная модель (34 суждения – 5 факторов, 7 ковариаций)») была рассмотрена инвариантность по полу (табл. 3) по примеру авторов (Агадуллина, 2018; Калугин и др., 2021). Проверка инвариантности модели по полу включала последовательную оценку конфигурационной, метрической, скалярной и строгой инвариантности. На каждом этапе изменения сравнительных индексов (ΔCFI , $\Delta RMSEA$, $\Delta SRMR$) оставались ниже установленных пороговых значений ($\Delta CFI < 0,010$; $\Delta RMSEA < 0,015$; $\Delta SRMR < 0,030$ для метрической и $\Delta SRMR < 0,010$ для скалярной инвариантности). Полученные результаты свидетельствуют о соблюдении условий инвариантности на всех уровнях проверки, подтверждая, что факторная структура модели, факторные нагрузки, интерсепты и остаточные дисперсии не демонстрируют статистически значимых различий между гендерными группами. Это обосновывает кросс-групповую эквивалентность модели и позволяет проводить содержательное сравнение латентных конструктов между мужчинами и женщинами.

Проверка надежности. Полученные значения коэффициентов надежности свидетельствуют о высокой внутренней согласованности всех пяти факторов (табл. 4). В частности, фактор «Заботы» продемонстрировал несколько более низкие, но все же удовлетворительные показатели надежности ($\alpha = 0,85$; $\omega = 0,802$), что соответствует общепринятым психометрическим стандартам (Nunnally, Bernstein, 1994). Аналогично, фактор «Коммуникабельности» показал незначительно сниженные значения ($\alpha = 0,852$; $\omega = 0,809$), оставаясь при этом в пределах допустимого диапазона для исследовательских целей. Следует отметить, что разница между коэффициентами Кронбаха и Макдональда для указанных факторов оказалась минимальной ($\Delta = 0,048$ и $\Delta = 0,043$ соответственно), что может указывать на отсутствие существенных нарушений тау-эквивалентности модели (Dunn и др., 2014). Высокие усредненные значения обоих показателей ($\alpha = 0,911$; $\omega = 0,927$) подтверждают общую психометрическую состоятельность методики и позволяют рекомендовать ее для использования в исследовательской практике.

Таблица 3 / Table 3

Результаты мультигруппового факторного анализа ($n_m = 262$; $n_w = 420$)
Results of multigroup factor analysis ($n_m = 262$; $n_w = 420$)

Модель / Model	χ^2	df	RMSEA [90% CI]	SRMR	CFI	TLI	ΔCFI	ΔRMSEA	ΔSRMR
1. Конфигурационная инвариантность / Configuration invariance	1095,91	970	0,02 [0,012; 0,025]	0,064	0,994	0,994			
2. Метрическая инвариантность / Metric invariance	1206,3	998	0,025 [0,019; 0,03]	0,068	0,99	0,99	-0,004	0,005	0,004
3. Скалярная инвариантность / Scalar invariance	1367,4	1026	0,031 [0,027; 0,036]	0,069	0,984	0,983	-0,006	0,006	0,001
4. Строгая инвариантность / Strict invariance	1423,96	1059	0,032 [0,027; 0,036]	0,072	0,983	0,983	-0,001	0,001	0,003

Таблица 4 / Table 4

Характеристика измерений, свидетельствующих о надежности факторов
Characteristics of measurements indicating the reliability of factors

Фактор / Factor	α Кронбаха / Cronbach α	ω Макдональда / McDonald ω	Усредненная извлеченная дисперсия / Averaged variance extracted (AVE)
Забота / Warmth/trustworthiness	0,858	0,822	0,43
Успешность / Status/resources	0,913	0,816	0,571
Коммуникабельность / Social skills	0,852	0,809	0,514
Ум / Intelligence	0,882	0,883	0,522
Красота / Physical attractiveness	0,902	0,899	0,651

Конвергентная валидность. Результаты оценки конвергентной валидности показали следующее: во-первых, анализ средней извлеченной дисперсии (AVE) продемонстрировал, что для всех исследуемых латентных конструктов, кроме

фактора «Забота», данный показатель превышал установленный порог 0,50 (см. табл. 4), что подтверждает внутреннюю согласованность измеряемых конструктов. Во-вторых, в рамках конфирматорного факторного анализа были получены

статистически значимые факторные нагрузки ($\beta \geq 0,50, p < 0,001$) для всех индикаторов, что дополнительно подтверждает конвергентную валидность модели.

Для комплексной проверки также анализировалась взаимосвязь между усредненными значениями латентных факторов и дополнительными вопросами о самооценке респондентов (см. Приложение С). Корреляционный анализ выявил статистически значимые связи между фактором «Общительность» и значением шкалы самооценки «Я очень общителен — как с друзьями и близкими, так и с посторонними людьми» ($r = 0,417, p < 0,01$), между фактором «Забота» и «Мне важно ощущать безопасность при общении с моим партнером» ($r = 0,31, p < 0,01$). Несмотря на то, что присутствуют другие значимые корреляции, они достаточно слабо выражены (см. Приложение В, раздел 3, табл. В3 / see Appendix B, section 3, table B3).

Таким образом, совокупность полученных результатов, в частности, высокие значения AVE и значимые факторные нагрузки, позволяет сделать вывод об удовлетворительной конвергентной валидности разработанной измерительной модели. Однако требуется дополнительная проверка внешней валидности шкалы в сравнении с другими шкалами.

Дополнительно в Приложении В, раздел 3, табл. В4 / Appendix B, section 3, table B4 приведены описательные статистики для анкеты самооценки респондентов. Важно отметить, что ответы по пунктам 4 и 5 сильно смещены в сторону максимальной оценки, то есть наиболее высоко респонденты оценивали важность безопасности в отношениях и стремление сделать партнера счастливым. Асимметрия и экс-

цесс по остальным шкалам находятся в допустимых границах и их можно назвать «отличными».

Обсуждение результатов

В статье приводится русскоязычная адаптация модифицированной версии шкалы оценки идеального партнера, разработанной Каценой и Димдисом (Katsena, Dimdins, 2015). Оригинальная методика показала высокую степень соответствия эмпирическим данным, что ранее подтверждалось в ходе ее адаптации и валидации на латвийской (Katsena, Dimdins, 2015) и колумбийской (Moreno Naranjo, Gutierrez, 2023) выборках. Тем не менее, несмотря на высокие психометрические показатели исходной модели, в ходе исследования были внесены следующие корректизы: во-первых, исключена шкала «Хорошее чувство юмора» ввиду ее недостаточной факторной нагрузки, выявленной в ходе исследовательского факторного анализа; во-вторых, учтены ковариации ошибок между отдельными пунктами, имеющие содержательное обоснование.

Финальная уточненная модель, включающая 34 пункта, объединенных в пять факторов, и учитывающая 7 пар ковариаций ошибок, показала высокие показатели надежности и конвергентной валидности. Кроме того, результаты подтвердили гендерную инвариантность факторной структуры шкалы.

Настоящее исследование имеет ряд методологических ограничений, которые следует учитывать при интерпретации результатов:

1. Выборка исследования преимущественно (более 80%) состояла из жителей крупных городов, что может обу-

славливать смещение данных в сторону урбанизированного населения России и ограничивать экстраполяцию выводов на сельских жителей.

2. Гендерная структура выборки не полностью соответствует демографическому распределению населения России, что может влиять на обобщаемость полученных результатов.

3. Поскольку сбор данных осуществлялся через онлайн-опрос, репрезентативность исследования в отношении лиц, не использующих интернет, не может быть гарантирована.

4. Оценка конвергентной валидности проводилась с применением авторских опросников, не прошедших предварительную валидацию, что могло повлиять на точность измерений.

5. Участие респондентов в опросе предусматривало добровольное желание отвечать – соответственно, в опросную выборку не попали люди, по разным психологическим, культурным, социальным, экономическим и т.п. причинам отказавшиеся от участия.

Указанные ограничения следует принимать во внимание при дальнейшем использовании полученных данных.

На основании проведенного исследования и выявленных методологических ограничений можно обозначить следующие перспективные направления для дальнейших научных изысканий: расширение репрезентативности выборки, в частности, проведение исследования с включением респондентов из сельских районов России для проверки кросскультурной валидности методики, а также формирование выборки с пропорциональным представлением гендерных групп в соответствии с демографически-

ми показателями страны. Кроме того, перспективным направлением исследования представляется анализ дискриминантной валидности шкалы в сравнении с другими инструментами оценки межличностных отношений.

Заключение

Проведенное исследование представляет собой важный этап в изучении представлений об идеальном партнере в русскоязычной среде. Адаптация модифицированной версии шкалы IPRS Кацены и Димдиса (Katsena, Dimdins, 2015) позволила создать надежный инструмент, соответствующий современным требованиям психометрики. Полученные результаты подтвердили высокую надежность и конвергентную валидность методики, а также продемонстрировали гендерную инвариантность ее факторной структуры.

Исследование показало, что, несмотря на универсальность базовых характеристик идеального партнера, отмечаемых в различных культурах (Campbell и др., 2016; Fletcher и др., 1999), существует необходимость в культурно-специфической адаптации измерительных инструментов. Исключение шкалы «Хорошее чувство юмора» и учет ковариаций ошибок между отдельными пунктами подчеркивают важность учета культурных особенностей при использовании психометрических методик.

Проведенная работа вносит существенный вклад в развитие инструментальной базы исследований межличностных отношений и создает основу для дальнейшего изучения трансформации представлений о партнерстве в условиях меняющегося общества.

Список источников / References

1. Агадуллина, Е.Р. (2018). Сексизм по отношению к женщинам: Адаптация шкалы амбивалентного сексизма (П. Глика и С. Фиск) на русский язык. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 15(3), 447–463. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2018-3-447-463>
Agadullina, E.R. (2018). Sexism towards women: Adaptation of the ambivalent sexism indicator (P. Glick and S. Fisk) in Russian. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 15(3), 447–463. (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2018-3-447-463>
2. Калугин, А.Ю., Щебетенко, С.А., Мишкевич, А.М., Сото, К.Дж., Джон, О.П. (2021). Психометрика русскоязычной версии Big Five Inventory—2. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 18(1), Article 1. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2021-1-7-33>
Kalugin, A.Yu., Shchebetenko, S.A., Mishkevich, A.M., Soto, K.J., John, O.P. (2021). Psychometrics of the Russian-language version of the Big Five Inventory—2. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 18(1), Article 1. (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2021-1-7-33>
3. Плешакова, Е.В. (2021). Проблема особенности смыслового выбора супруга женщины на этапе создания семьи. *Инновационная наука: Психология, Педагогика, Дефектология*, 4(5), Article 5. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2021-4-5-79-86>
Pleshakova, E.V. (2021). The problem of the peculiarity of the semantic choice of a spouse by a woman at the stage of creating a family. *Innovative science: Psychology, Pedagogy, Defectology*, 4(5), Article 5. (In Russ.). <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2021-4-5-79-86>
4. Boxer, C.F., Noonan, M.C., Whelan, C.B. (2015). Measuring mate preferences: A replication and extension. *Journal of Family Issues*, 36(2), 163–187. <https://doi.org/10.1177/0192513X13490404>
5. Brown, T.A. (2015). *Confirmatory factor analysis for applied research*, 2nd ed (cc. xvii, 462). The Guilford Press.
6. Bruch, E.E., Newman, M.E.J. (2019). Structure of Online Dating Markets in U.S. Cities. *Sociological science*, 6, 219–234. <https://doi.org/10.15195/v6.a9>
7. Cahill, V.A., Malouff, J.M., Little, C.W., Schutte, N.S. (2020). Trait perspective taking and romantic relationship satisfaction: A meta-analysis. *Journal of Family Psychology: JFP: Journal of the Division of Family Psychology of the American Psychological Association (Division 43)*, 34(8), 1025–1035. <https://doi.org/10.1037/fam0000661>
8. Campbell, L., Chin, K., Stanton, S.C.E. (2016). Initial Evidence that Individuals Form New Relationships with Partners that More Closely Match their Ideal Preferences. *Collabra*, 2(1), 2. <https://doi.org/10.1525/collabra.24>
9. Carol, S. (2016). Like Will to Like? Partner Choice among Muslim Migrants and Natives in Western Europe. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 42(2), 261–276. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2014.963037>
10. Chen, F.F. (2007). Sensitivity of goodness of fit indexes to lack of measurement invariance. *Structural Equation Modeling*, 14(3), 464–504. <https://doi.org/10.1080/10705510701301834>
11. Christensen, H.T. (1947). Student views on mate selection. *Marriage & Family Living*, 9, 85–88. <https://doi.org/10.2307/347505>
12. Dunn, T.J., Baguley, T., Brunsden, V. (2014). From alpha to omega: A practical solution to the pervasive problem of internal consistency estimation. *British Journal of Psychology (London, England: 1953)*, 105(3), 399–412. <https://doi.org/10.1111/bjop.12046>
13. Dziuban, C.D., Shirkey, E.C. (1974). When is a correlation matrix appropriate for factor analysis? Some decision rules. *Psychological Bulletin*, 81(6), 358–361. <https://doi.org/10.1037/h0036316>

14. Eastwick, P.W., Finkel, E.J., Eagly, A.H. (2011). When and why do ideal partner preferences affect the process of initiating and maintaining romantic relationships? *Journal of Personality and Social Psychology*, 101(5), 1012–1032. <https://doi.org/10.1037/a0024062>
15. Eastwick, P.W., Luchies, L.B., Finkel, E.J., Hunt, L.L. (2014). The predictive validity of ideal partner preferences: A review and meta-analysis. *Psychological Bulletin*, 140(3), 623–665. <https://doi.org/10.1037/a0032432>
16. Fletcher, G.J.O., Kerr, P.S.G., Li, N.P., Valentine, K.A. (2014). Predicting romantic interest and decisions in the very early stages of mate selection: Standards, accuracy, and sex differences. *Personality & Social Psychology Bulletin*, 40(4), 540–550. <https://doi.org/10.1177/0146167213519481>
17. Fletcher, G.J., Simpson, J.A., Thomas, G., Giles, L. (1999). Ideals in intimate relationships. *Journal of Personality and Social Psychology*, 76(1), 72–89. <https://doi.org/10.1037//0022-3514.76.1.72>
18. Flora, D.B., Curran, P.J. (2004). An empirical evaluation of alternative methods of estimation for confirmatory factor analysis with ordinal data. *Psychological Methods*, 9(4), 466–491. <https://doi.org/10.1037/1082-989X.9.4.466>
19. Fornell, C., Larcker, D.F. (1981). Evaluating structural equation models with unobservable variables and measurement error. *Journal of Marketing Research*, 18(1), 39–50. <https://doi.org/10.2307/3151312>
20. George, D., Mallory, P. (2016). *IBM SPSS Statistics 23 Step by Step: A Simple Guide and Reference* (14-е изд.). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315545899>
21. Hill, R. (1945). Campus values in mate selection. *Journal of Home Economics*, 37(554), 269.
22. Hudson, J.W., Henze, L.F. (1969). Campus Values in Mate Selection: A Replication. *Journal of Marriage and Family*, 31(4), 772–775. <https://doi.org/10.2307/349321>
23. Iliescu, D., Bartram, D., Zeinoun, P., Ziegler, M., Elosua, P., Sireci, S., Geisinger, K.F., Odendaal, A., Oliveri, M.E., Twing, J., Camara, W. (2024). The Test Adaptation Reporting Standards (TARES): Reporting test adaptations. *International Journal of Testing*, 24(1), 80–102. <https://doi.org/10.1080/15305058.2023.2294266>
24. Katsena, L., Dimdins, G. (2015). An improved method for evaluating ideal standards in self-perception and mate preferences. *Scandinavian Journal of Psychology*, 56(2), 228–235. <https://doi.org/10.1111/sjop.12186>
25. Li, N.P., Yong, J.C., Tsai, M., Lai, M.H.C., Lim, A.J.Y., Ackerman, J.M. (2020). Confidence is sexy and it can be trained: Examining male social confidence in initial, opposite sex interactions. *Journal of Personality*, 88(6), 1235–1251. <https://doi.org/10.1111/jopy.12568>
26. Matsunaga, M. (2010). How to factor-analyze your data right: Do's, don'ts, and how-to's. *International Journal of Psychological Research*, 3(1), Article 1. <https://doi.org/10.21500/20112084.854>
27. McGinnis, R. (1958). Campus Values in Mate Selection: A Repeat Study. *Social Forces*, 36(4), 368–373. <https://doi.org/10.2307/2573978>
28. Moreno Naranjo, L., Guti rrez, G. (2023). Adaptaci n al espa ol del Ideal Partner and Relationship Scale (IPRS): Evidencias sobre propiedades psicom tricas. [Spanish adaptation of the Ideal Partner and Relationship Scale (IPRS): Evidence of psychometric properties]. *Revista Latinoamericana de Psicolog a*, 55, 183–193. <https://doi.org/10.14349/rlp.2023.v55.20>
29. Nosrati, S., Sabzali, M., Arsalani, A., Darvishi, M., Aris, S. (2023). Partner choices in the age of social media: Are there significant relationships between following influencers on Instagram and partner choice criteria? *Revista de Gest o e Secretariado*, 14(10), 19191–19210. <https://doi.org/10.7769/gesec.v14i10.3022>

30. Nunnally, J.C., Bernstein, I.H. (1994). *Psychometric theory*. McGraw-Hill.
31. Ong, D., Yang, Y. (Alan), Zhang, J. (2020). Hard to get: The scarcity of women and the competition for high-income men in urban China. *Journal of Development Economics*, 144, 102434. <https://doi.org/10.1016/j.jdeveco.2019.102434>
32. Revelle, W., Rocklin, T. (1979). Very Simple Structure: An Alternative Procedure For Estimating The Optimal Number Of Interpretable Factors. *Multivariate Behavioral Research*, 14(4), 403–414. https://doi.org/10.1207/s15327906mbr1404_2
33. Tu, E., Maxwell, J.A., Kim, J.J., Peragine, D., Impett, E.A., Muise, A. (2022). Is my attachment style showing? Perceptions of a date's attachment anxiety and avoidance and dating interest during a speed-dating event. *Journal of Research in Personality*, 100, 1–9. <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2022.104269>

Приложение / Appendix

Приложение А. Русская версия шкалы оценки идеального партнера **Appendix A. Russian version of the Ideal Partner and Relationships Scale**

В этом тесте перечислены несколько десятков качеств, которыми может обладать Ваш гипотетический партнер для отношений. Вам нужно оценить, насколько Вам важно, чтобы Ваш партнер обладал именно этими качествами. Например, насколько для Вас важно, чтобы это был человек с высоким доходом? Пожалуйста, в каждой строке теста отметьте подходящий вариант в соответствии с этим ключом:

1	2	3	4	5	6	7
Совсем не важно / It doesn't matter at all	Не важно / Doesn't matter	Практически не важно / It doesn't really matter	Нейтрально / Neutral	Немного важно / A little bit important	Важно / Important	Очень важно / Very important

№	Формулировки суждений / Formulations of judgments	1	2	3	4	5	6	7
1	Поддерживающий(ая) / Supportiveness							
2	Имеет привлекательное лицо / Attractive face							
3	Имеет хорошую работу / Good job							
4	Заботливый(ая) / Caring							
5	Жизнерадостный(ая) / Cheerfulness							
6	Имеет высокий доход / High income							
7	Эрудированный(ая) / Erudition							
8	Верный(ая) / Fidelity							
9	Имеет привлекательную внешность / Attractive appearance							
10	Добрый(ая) / Kindness							
11	Тактичный(ая) / Considerate							
12	Имеет красивый дом или квартиру / Beautiful house or apartment							
13	Сообразительный(ая) / Quick-wittedness							

№	Формулировки суждений / Formulations of judgments	1	2	3	4	5	6	7
14	Социально активный(ая) / Socially active							
15	Честный(ая) / Honesty							
16	Любознательный(ая) / Inquisitive							
17	Образованный(ая) / Educated							
18	Общительный(ая) / Sociability							
19	Коммуникабельный(ая) / Communicative							
20	Внимательный(ая) / Attentiveness							
21	Любящий(ая) / Loving							
22	Сексуальный(ая) / Sexiness							
23	Умный(ая) / Intelligence							
24	Понимающий(ая) / Understanding							
25	Хорошее чувство юмора / Good sence of humor							
26	Обладающий широким кругозором / Knowledgeable							
27	Улыбчивый(ая) / Smiling							
28	Занимает высокую должность в компании / High occupational status							
29	Надежный(ая) / Trustworthiness							
30	Имеет высокий социальный статус / High social status							
31	Успешный(ая) / Success							
32	Мудрый(ая) / Wisdom							
33	Имеет спортивную фигуру / Sporty or slender figure							
34	Имеет красивое тело / Beautiful body							
35	Финансово благополучен(а) / High income							

Ключ

Успех / Status/resources: 3, 6, 12, 28, 30, 31, 35.

Ум / Intelligence: 7, 13, 16, 17, 23, 26, 32.

Забота / Warmth/trustworthiness: 1, 4, 8, 10, 11, 15, 20, 21, 24, 29.

Красота / Physical attractiveness: 2, 9, 22, 33, 34.

Коммуникативные способности / Social skills: 5, 14, 18, 19, 25, 27.

Приложение В. Дополнительные материалы к статье «Шкала оценки идеального партнера (IPRS): перевод, адаптация и валидация для русской культуры» <https://doi.org/10.17759/sps.2025160312>

Appendix B. Supplementary materials for the article “Ideal partner rating scale (IPRS): translation, adaptation and validation for Russian culture” <https://doi.org/10.17759/sps.2025160312>

Информация об авторах

Анна Александровна Проворова, младший научный сотрудник Центра когнитивных нейронаук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Пермь, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-1847-9498>, e-mail: AAProvorova@hse.ru

Дарья Владимировна Семенова, младший научный сотрудник Центра когнитивных нейронаук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Пермь, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7589-6321>, e-mail: DVTeterina@hse.ru

Михаил Андреевич Манокин, кандидат культурологии, старший преподаватель, кафедра журналистики и массовых коммуникаций, Пермский государственный научно-исследовательский университет (ПГНИУ), Пермь, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3648-3185>, e-mail: manokin.misha@gmail.com

Information about the authors

Anna A. Provorova, Junior Research Fellow, Center for Cognitive Neuroscience, National Research University Higher School of Economics, Perm, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-1847-9498>, e-mail: AAProvorova@hse.ru

Daria V. Semenova, Junior Research Fellow, Center for Cognitive Neuroscience, National Research University Higher School of Economics, Perm, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7589-6321>, e-mail: DVTeterina@hse.ru

Mikhail A. Manokin, Candidate of Science (Cultural Studies), Senior Lecturer, Department of Journalism and Mass Communication, Perm State University, Perm, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3648-3185>, e-mail: manokin.misha@gmail.com

Вклад авторов

Проворова А.А. — идея исследования; аннотирование, написание и оформление рукописи; планирование исследования; контроль за проведением исследования; сбор и анализ данных; применение статистических, математических или других методов для анализа данных; визуализация результатов исследования.

Семенова Д.В. — аннотирование, написание и оформление рукописи; сбор и анализ данных; применение статистических, математических или других методов для анализа данных; визуализация результатов исследования; интерпретация данных.

Манокин М.А. — планирование исследования, адаптация шкалы и проведение подготовительной работы, сбор и анализ данных, подготовка обзора литературы, интерпретация данных.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the Authors

Anna A. Provorova — ideas; annotation, writing and design of the manuscript; planning of the research; control over the research; application of statistical, mathematical or other methods for data analysis; data collection and analysis; visualization of research results.

Daria V. Semenova — annotation, writing and design of the manuscript; data collection and analysis; application of statistical, mathematical or other methods for data analysis; visualization of research results; data interpretation.

Mikhail A. Manokin — research design; scale adaptation and preliminary work; data collection and analysis; literature review; data interpretation.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of Interest

The authors declare no conflict of interest.

Декларация об этике

Исследование соответствует ФЗ-152 (о защите персональных данных). Исследование носило добровольный характер, участники могли отказаться от участия в любой момент.

Ethics statement

The study complies with Federal Law No. 152 (on personal data protection). Participation in the study was voluntary, and participants could withdraw at any time.

Поступила в редакцию 17.01.2025

Received 2025.01.17

Поступила после рецензирования 21.05.2025

Revised 2025.05.21

Принята к публикации 20.09.2025

Accepted 2025.09.20

Опубликована 30.09.2025

Published 2025.09.30

АДРЕС РЕДАКЦИИ
Бюро в России
127051 Москва, ул. Сретенка, 29, к. 207
Тел.: +7 (495) 608-16-27
+7 (495) 632-95-44
e-mail: *spas2010@mgppu.ru*

Подписка на журнал
По объединенному каталогу «Пресса России» Индекс – 22209
Сервис по оформлению подписки на журнал
<https://www.pressa-rf.ru>
Интернет-магазин периодических изданий «Пресса по подписке»
www.akc.ru

Редакционно-издательский отдел МГППУ
123390 Москва, Шелепихинская наб., 2А, к. 409
Тел. +7 (499) 244-07-06 (доб. 233)
e-mail: *k-409rio@list.ru*
Корректор А.А. Буторина
Компьютерная верстка: *M.A. Баскакова*

EDITORIAL OFFICE ADDRESS:
Russian office:
Sretenka st., 29, office 207
Moscow, Russia, 127051
Phone: +7(495) 608-16-27
+7(495) 632-95-44
e-mail: *spas2010@mgppu.ru*

Subscription to the journal
According to the united catalogue “Press of Russia” Index – 22209
Service on subscription to the journal
<https://www.pressa-rf.ru>
Internet-shop of periodical editions “Subscription press”
www.akc.ru

MSUPE Editorial and publishing department
123390, Moscow, Shelepkhinskaya nab., 2A, office 409
Tel.: +7(499) 244-07-06 (ext. 233)
e-mail: *k-409rio@list.ru*
Technical editor A.A. Butorina
Maker-up M.A. Baskakova